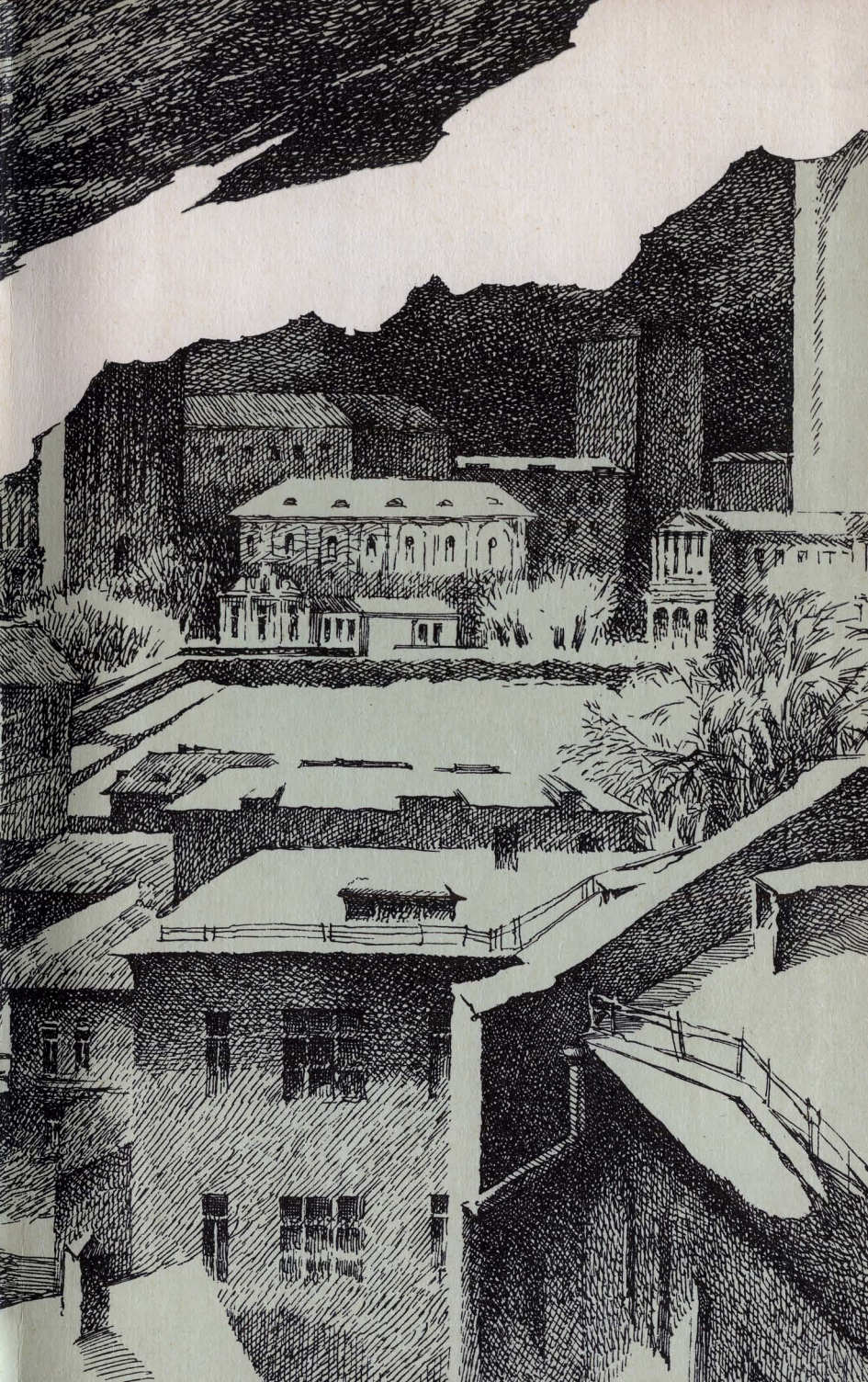

Владислав
Крапивин

Острова
и
капитаны

Владислав
Крапивин

Острова и капитаны

Роман в трех книгах

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1990

84Р7
К78

Художник Е. И. Стерлигова
Редактор С. В. Марченко

Крапивин В. П.
К78 **Острова и капитаны: Роман.**— Свердловск:
Сред.-Урал. кн. изд-во, 1990.— 384 с.

ISBN 5—7529—0235—5

В пер.: 1 р. 20 к. 100 000 экз.

Третья книга романа известного уральского писателя.
Фабула построена на приключениях мальчишек разных эпох —
главных героев романа, олицетворяющих идею связи поколений.

К $\frac{4803010201-007}{М 158(03)-90}$ 56-90

ББК 84Р7

ISBN 5—7529—0235—5

© Средне-Уральское книжное
издательство, 1990.

КНИГА
ТРЕТЬЯ

НАСЛЕДНИКИ
(Путь в архипелаге)

Первая часть

КАССЕТА

УТРО ВОСЬМИКЛАССНИКА ПЕТРОВА

Егор Петров, дома именуемый Гориком, в классе — Гошкой или Петенькой, а в компании Больничного сада наделенный кличкой Кошак, поднялся на второй этаж и сел на подоконник. В коридоре было тихо. Шли уроки.

Напротив окна белела дверь с табличкой: «2 кл Б». За дверью слышались бубнящие голоса, они иногда прерывались гневными возгласами и резкими щелчками — очевидно, указкой по столу. Очередной возглас прозвучал громче остальных, а через три секунды дверь с маху открылась и вылетел тощий рыжеватый второклассник, направленный наружу, видимо, умелой и решительной рукой.

Глаза встрепанного мальчишки влажно и сердито блестели. Сделав по инерции несколько шагов, он остановился и скачком вернулся к двери. В сердцах стукнул по ней пяткой. И лишь тогда глянул на Егора — с вызовом, не стесняясь злых слезинок. Видимо, это был характер. Егор даже ощутил к нему что-то вроде легкого интереса и сочувствия. Снисходительно сказал:

— Закурить есть?

Второклассник прошелся по Егору ошетиненными глазами.

— Ты что, офонарел? Большой, а дурак.

Кажется, это был не просто характер, а дважды характер. Но именно поэтому Егор потерял к нему интерес и сочувствие.

— Брысь.

— Сам брысь,— огрызнулся пацаненок и пошел в конец коридора, к туалету — ненадежному, но привычному приюту всех «классных изгнанников».

Стукнутая мальчишкиной пяткой, дверь захлопнулась, но от удара тут же отошла. Из-за нее неслось:

— Хватит подсказывать и шушукаться!.. Хватит! Или кто-то хочет следом за Стрельцовым? Продолжаем! Кто ответит, почему поэт... Ямщиков, перестань клевать носом! Стукнешься им о парту, опять кровь пойдет и кто-то окажется виноват!.. Кто скажет, почему поэт называет в своих стихах осень золотой?..

Егор косо зевнул и стал смотреть сквозь стекло. Поэты называют осень золотой от безделья или от своей поэтической придури. А на самом деле осенние листья просто корчатся и сыплются на слякотный асфальт серыми комками. Вот как сейчас с тополей. И на душе соответственно...

Жить бывает хорошо, если впереди светит что-то приятное. А что в ближайшие сутки могло светить Егору Петрову? Горикку? Гошке-Петеньке? Кошаку?

Компания в «таверне» соберется не раньше понедельника. Курбаши исчез на несколько дней, сказал «по служебной надобности». Подвал запер, под замком укрепил написанную Валетом табличку: «Аварийное помещение. Вход воспрещен. Штраф 15 руб. Администрация ЖКО». Ключ забрал с собой. Недовольным объяснил: «Во избежание непредвиденных осложнений с общественностью. Всё. Захлопнули ротика, джигиты».

Оно конечно, культурный человек скучать и в одиночестве не должен. Одних только книг цивилизованное человечество накопило столько, что на тысячу жизней хватит. Родители Егора накопили их тоже немало. И, были времена, Горика не могли от книжек за уши оттянуть. Но тот наивный период культурного развития кончился, когда созрела ясная мысль: все герои книг — и придуманные, и те, кто были на самом

деле, — к нему, к Егору Петрову, никакого отношения не имеют. Найдут д'Артаньян королевские подвески или они останутся у миледи — не один ли фиг? Отыщет капитан Григорьев экспедицию капитана Татаринова или та навечно сгинет в неизвестности — что изменится в жизни Гошки-Петеньки, Кошака?.. Нельзя сказать, что мысль была приятная. Сначала она даже как-то обескуражила, потому что любить книжки Горик привык. Но какой смысл тратить время и нервы на чтение рассказов о чужих делах, если твои собственные от этого никак не меняются? Презирать книги Егор не стал, он сохранил к ним что-то вроде снисходительной почтительности, но вкус к чтению потерял.

Некоторое время, правда, держался еще интерес к детективам. Но, во-первых, все истории про преступников и следователей были похожи, а во-вторых, скоро Егору стало ясно, что он сочувствует не тем, кто ищет, а тем, кого ищут. А это было грустно — те, вторые, в книжках всегда попадались.

От книг мысли Егора перескочили на кино. С кино — проще. Тебе показывают — ты смотри. Надоело смотреть — закрой глаза и думай о своем... Но сейчас в кинотеатрах будто спятили: в «Луче» — индийская тягомотина «Любовь и закон», в других — «День любви», «Люби, люби, но головы не теряй», «О странностях любви», «И жизнь, и слезы, и любовь», «Еще раз про любовь», «Жених и невеста»...

В программе ТВ тоже сплошная мура...

И остается после школы одно: валяться кверху пузом на тахте («Горик, зачем ты лежишь в школьной форме, надень спортивный костюмчик») и щелкать кнопками «Плэйера».

Мысли о «Плэйере», конечно, греют душу. Ничего не скажешь, папочка не поскупился, отвалил валюту за карманный стереомаг знаменитой фирмы «Сони». Вся машинка — величиной с портсигар. Два выносных динамика — каждый размером со спичечный коробок. А еще — гибкая дужка с крошечными наушниками. Кнопки, микролампочки сигналов, сетчатые головки микрофонов по углам серебристого футляра (они похожи на выпуклые глаза большой мухи). Не магнитофон, а прибор с корабля космических пришельцев. В «таверне» как увидели — губы развесили. Даже Курбаши не скрыл почтения к за-

границной вещице. Уважительно покачал «Плэйер» на ладони, а остальным сказал:

— Никому не лапать, пальчики отдавлю.

Потом обратился к Егору:

— Ай, Кошачок, наградил тебя родитель, хороший человек. С чего это он?

— Говорит, к čtyрнадцатилетию...

— Мы же твои именины вроде бы летом отмечали.

— Его тогда не было. А сейчас вернулся из Австрии, там японской техники навалом. Вот и привез...

— Давние грехи замаливает, что ли? — хмыкнул Валет.

Егор промолчал. Охота вспоминать? Курбаши — он понимающий мужик — посмотрел на Валета: язычок, мол... Валет усох. Но тут же, чтобы показать независимость, заметил небрежно:

— А почему эта фиговина именуется «Плэйером»? «Плэйер» — это ведь игрушка только для прокручивания. А здесь и микрофоны для записи...

— Кто их, японцев, знает... — хмыкнул Егор. — Им виднее. Видишь, написано...

Под значком фирмы «Сони» чернела аккуратная надпись: «PLAYER».

— Все у них не как у людей, — зевнул Копчик, но глаза у него были завидушие. Егор тонко улыбнулся.

— Да, умеют сволочи делать вещи на загнивающем Западе, — вздохнул Курбаши. — А точнее, на Востоке... — Надел мини-телефоны, послушал. — Ай какое звучание. Рахат-лукум...

Звучание и правда было прекрасное. Особенно с наушниками. Закроешь глаза — и будто оркестр живой вот тут, в твоей комнате... Но беда в том, что это интересно лишь поначалу. И если ты не один. А когда слушаешь просто так, сам с собой, интереса хватает на двадцать минут. Потому что, если говорить совсем-совсем честно, Егор в этой музыке ни бум-бум. Все эти «Стайеры», «Чингизханы», «Бони-М», «Черные лимузины», «Кенгуру», от которых компания балдеет, жмурится, причмокивает и подергивается, кажутся Кошаку одинаковым дребезжаньем, монотонным буханьем и воплями на иностранных языках (холера их знает, о чем поют!). Но ведь никому не скажешь такое! И Кошак жмурится, подергивается и двигает локтями так же, как остальные. Это ничего, даже весело. Одно слово — ритм. И может

быть, Егор со временем разберется, вникнет поглубже в музыкальное искусство. А пока главное — не выглядеть дураком среди знатоков.

Знатоки эти душу готовы продать за новые записи. Копчик раздобыл у кого-то на стороне японскую кассету с «Викингими» и принес свою расхлябанную «Весну». Перепиши, говорит, с «Плэйера» на мой ящик.

— Со стерео на моно? — хмыкнул Егор.

— Ну, хоть что-то, да получится. Постарайся.

Копчик смотрел просительно, даже подхалимски.

Егор поставил условие:

— Мотор дашь погонять? У тебя, говорят, новый...

— На воскресенье бери хоть на целый день. А до выходного — забито.

Мысли о мопеле немного развеяли скуку. Мотор на весь день — совсем неплохо. Но это лишь через три дня. А до того что? Эх, были бы свои колеса с движком...

— Даже пятиклассники по улицам гоняют — и то ничего! А мне нельзя почему-то! — не раз скандалил дома Егор.

— Пусть гоняют, если у них матери такие! А я не могу своими руками сына отправить в могилу! Ты у нас с отцом один!

— Я виноват, что ли, что один? — вскипел однажды Егор. — Думать надо было!

Мать, к его удивлению, не стала кричать, ронять слезы и упрекать в хамстве и неблагодарности. Наоборот, как-то странно успокоилась и объяснила, что, когда рожала его, Егора, врачи с ней и с ним намаялись и несколько лет подряд утверждали, что второго ребенка нельзя, несмотря на то, что отцу хотелось. А теперь, на старости лет, что об этом говорить.

Егор буркнул, что никакой «старости лет» нет, просто хлопот не хочется.

— А тебе хлопот хочется? С малышом нянчиться стал бы?

— А у меня таланту нет, — огрызнулся Егор, потому что вспомнил недавний разговор с режиссером Александревским.

Было это прошлой осенью. Режиссер с помощниками пришел в школу. Здесь ничего удивительного — школа-то вся из себя передовая, показательная и самая-самая.

То и дело всякие «встречи с интересными людьми». Но режиссер пришел не выступать, а искать исполнителя для своего кино. Мальчишку-семиклассника. И его помощницы тут же «кинули глаз» на Гошку Петрова: «Ах, какой мальчик! Мальчик, хочешь сниматься?»

А чего? Если глянуть со стороны, для кино он в самый раз. Красавец не красавец, но недаром «Петенька». Локоны и улыбка — со знаком качества, это видно всем.

Неделю Егор торчал на студии, даже с уроков отпускали. И все шло хорошо. Перед камерой он не терялся, двигался бойко, фразы говорил выразительно. И лишь когда стали репетировать сцену с велосипедом, Александревский начал морщиться. В этой сцене главный герой притаскивает братишку-третьеклассника, который загремел с велосипеда, погнул руль, повыбивал спицы из колеса. И вот покореженный велосипед (причем чужой, не братьев) — в одном конце комнаты, ревуший сопливый пацан с ободранным локтем и шишкой на лбу — в другом, а Егор должен метаться между ними — и ругаться, и брата жалеть...

Что-то режиссеру не нравилось: все «стоп» да «стоп»! Все у Егора не так! А при чем здесь он, если этот хлипкий и вареный «братец» сам ничего не может, даже слов не помнит как следует. Егор Александревскому так и сказал. А тот вдруг спросил:

— Слушай, неужели тебе его ничуть не жаль?

Егор удивился. Александревский пожал плечами и объявил перерыв до завтра. А на завтра — все то же, «братец» вздрагивал, лопотал что-то невнятное. И в перерыве Егор с досады дал ему леща. Легонько так, тот лишь заморгал. Но Александревский, оказавшийся рядом, вдруг сказал незнакомым голосом:

— Вот что, молодой человек, гуляй-ка домой.

— Почему? — изумился (и обиделся, и разозлился) Егор.

— Потому. Ты никогда не сможешь быть братом.

— Но это же...

— Все. Гуляй, — со вздохом повторил режиссер. — Единственное дитя...

Мама хотела пойти на студию, жаловаться на Александревского. Егор заорал, чтобы не смела. Отец сказал:

— А ты что думала? Что он в народные артисты выбьется? Пускай о нормальной профессии думает.

«Таверна» добродушно побалагурила по поводу провалившейся кинокарьеры Кошака, и дело вскоре забылось.

А сейчас вот здесь, на подоконнике, почему-то вспомнилось. Видимо, от нечего делать. Когда сидишь так, не зная куда себя девать, в голову лезет чепуха. Все больше невеселая.

Егор глянул на часы. С начала урока прошло тридцать минут. Значит, еще пятнадцать, а потом перемена, а потом еще целый урок. Потому что физра в расписании сдвоенная. И он пожалел: зачем старался, чтобы поперли с физкультуры?

Добился он этого просто. Сперва физрукша Валентина Николаевна с мужским прозвищем Коленвал велела всем, «кто явился на урок опять без формы, сидеть у стенки и не возникать». («А потом я напишу докладную директору»). Егор сел с послушным видом. А во время разминки, когда народ бегал по кругу, сунул ступню под ноги грузной Вальке Титаренко. Титаниха на пузе поехала по половицам, как мешок с колбасой, и, конечно, завyla. Светка Бутакова запылала своим активистским гневом:

— Ох и скотина ты, Петенька!

Егор потребовал объяснений: в чем он виноват и почему она, комсомольско-пионерская и прочая командирша, позволяет себе так обзывать представителя несоюзной молодежи? Вот если бы не она, а он такое слово на уроке сказал, что бы тут началось, а?

Девчонки поднимали Титаниху и жалели. Парни сдержанно гоготали. Подошла Коленвал и велела Петрову убираться вон.

— А потом я напишу докладную директору!

— Про что? Про то, что эта балерина под ноги не смотрит?

— Иди, иди! Являются не готовые к уроку, да еще другим гадости делают.

Егор оглянулся в дверях:

— А чего «не готовые»-то? Если костюмов нигде не продают!

— Уж тебе-то папаша мог бы достать!

Егор, у которого было четыре тренировочных костюма, в том числе финский и японский, сказал:

— Папаша мог бы, конечно, но не будет. Надо, чтобы они были в наших советских магазинах.

— Нет, вы посмотрите! Ему уже советские порядки не нравятся! — завопила вслед физрукша.

Егор мысленно прикинул разговор с директоршей, если Коленвалиха не поленится накатать донос. «Клавдия Геннадьевна, я понимаю, что учителя тоже люди, что устают и так далее. Но нельзя же так сразу нападать и без доказательств. Да еще намеки на отца. Он что, воровать должен?» — «Ну-ну, Петров, успокойся. Ты ведь тоже не сахар. Умный мальчик, а способы для самоутверждения порой выбираешь совсем не те. Давай договоримся, что ...» Ох и скучища, граждане!

...Да, лучше бы уж сидеть на физкультуре. Можно потреться с «бесформенными» соседями, бросить пару реплик насчет грации Вальки Титаренко или тьюфяка Маклевского, который висит на турнике, как обмороженный пингвин... Можно просто смотреть, как вертятся и гнутся на кольцах и брусьях девчонки в своих цветных купальниках. Особенно гибкая и смуглая Бутакова. Нельзя сказать, что это зрелище как-то щекочет нервы Егору, но все же оно приятнее, чем серые тополя и слякотный двор.

Дверь во второй «Б» прикрыли, разговоры про золотую осень стали неслышны, а та осень, что за окном, все сыпала и сыпала грязные комки листьев. Через двор к школе шел милиционер, вел за плечо съезженного пацана — тот семенил и прижимал к животу ладони: то ли ему хотелось в туалет, то ли съезжали штаны.

Егор Петров перестал смотреть на двор и глянул вдоль коридора. Из-за поворота возникло понурое существо, жалось к стене. В существе Егор узнал четвероклассника Пулю Пуля, несмотря на боевое прозвище, был боязливой неприкаянной личностью, которую недавно пригрел в «таверне» Валет.

Судя по всему, Пулю выставили с урока, и теперь он, отчаянно боясь встретить завуча, пробирался в спасительный туалет, чтобы сидеть там, в кабинке с задвижкой, до звонка

Егор, тут же ощутивший себя Кошаком, хмыкнул, мягко потянулся, щелкнул языком Пуля дернулся и обмер

на месте. Егор, в точности как Валет, затуманил взгляд, шевельнул пальцем и потратил два слова:

— Пуля — иди...

Пуля, бедственно улыбаясь, засеменил к Егору. Разумеется, он считал безумием со стороны Кошака так нагло сидеть на подоконнике, когда полагается быть на уроке или, по крайней мере, подальше от всех глаз. И больше всего Пуле хотелось сгинуть в милый сердцу санузел. Но не подчиниться кому-то старшему из «таверных» было для него тоже немислимо.

Понимая Пулины терзания и чувствуя от этого удовольствие, Кошак опять потянулся и спросил:

— Пуля — пулей из класса?

— А чё... Я тетрадку забыл, а она...

— Закурить есть? — перебил Егор.

— Ну чё... откуда?

Показывая, как не хочется ему делать лишних движений и как он раздосадован, что делать их приходится, Егор сполз с подоконника. Нагнулся, задрал у Пули штанину, выдернул из-под резинки носка мягкую пачку «Примы» с единственной сигаретой.

— Ну чё последняя, — виновато хныкнул Пуля и поежился от подзатыльника. Хлопок, впрочем, был не сильный. Скорее, ритуальный. Пуля заслуживал наказания за вранье, но понять его тоже было можно: кому охота отдавать последнюю.

Егор вынул сигарету, затолкал пустую пачку за батарею и пошел к туалету. Пуля, обрадованный, что расплата за обман оказалась пустяковой и что движутся они к убежищу, почтительно торопился сбоку. Осмелел и спросил:

— Оставишь маленько подымить?

Егор не ответил. Оставит ли он пару затяжек для несчастного Пули, будет зависеть от настроения.

В туалете пахло застарелым дымом и хлоркой. Было пусто «Где же тот вредный второклассник? Наверно, слинял на третий этаж», — мельком подумал Егор. На приступке за батареей нащупал коробок, оставленный здесь для общего пользования, чиркнул, задымил. Забрался на подоконник под открытой форточкой.

Радости от сигареты не получилось. Дым показался горьким. Егор подавил кашель, сплюнул. Закружилась голова. Егор упрямо затынулся еще раз. Потом

глянул на Пулю. Тот смотрел жалобно и вопросительно: ты меня не забыл? Егор скомкал сигарету, бросил в форточку. С удовольствием понаблюдав за Пулиным разочарованием и назидательно сказал:

— И так дохлый. Смотри, совсем скорчишься от никотина. И куда Валет смотрит...

Сам Егор курил от случая к случаю: ради компании или так, со скуки. Именно поэтому, а совсем не по бедности при себе сигарет не носил. Оно и спокойнее. А то мать найдет, опять стоны будут...

Загремел звонок, просторный туалет начал стремительно заполняться галдящей толпой. Пулю задвинули в угол. Егора вежливо попросили «прибрать ходули», а то хитрый какой: персональное купе сделал из окна. Егор встал на подоконнике, прислонился к боковой стенке оконной ниши. Дым уже висел слоистыми пластами. Пласты колыхались от коловращения плеч и голов. Обрывки разговоров, легкая ругачка и смех смешивались и тоже как бы повисали волнующимися и рвущимися слоями.

Было тесно и суетливо. Но тем не менее присутствие и некоторый порядок. Зря никого не толкали, малышню снисходительно пропускали без очереди к кабинкам и другим необходимым местам. Те, у кого был сигаретный запас, не проявляли скарденности. Возможно, откололся бычок и неприкаянному Пуле — от какого-нибудь великодушного шестиклассника. Большие-то младший возраст куревом не балуют. Из педагогических соображений.

В углу у раковины стояли парни из десятого. Один — высокий, тонкий, с темными усиками, в форме, изящной, будто фрачная пара, — поигрывал красной зажигалкой с золотой надписью «Marlboro». Аристократический запах «Золотого руна» расходился от этой компании, дразня тех, кто сосал «Примы» и «Родопи».

Заметил Егор и несколько одноклассников, они прибежали сюда в тренировочных костюмах. Трикотажная материя впитает сигаретный дух, и, когда ребята придут на второй час физры, Коленвал, как всегда, подымет крик: «Насквозь прокурились! Дышать нечем! Напишу докладную!» Причем виноватыми будут и те, кто сроду куревом не баловался. Вот, например, как Ямщиков...

Венька Ямщиков, по прозвищу Редактор, пришел не

оди: Он вел пацаненка лет восьми — коренастенького, с растрепанной круглой головой. Пацаненок запрокидывал лицо и прижимал к носу пальцы. Из-под пальцев ползли на подбородок алые струйки.

— Ну-ка, ребята...— озабоченно сказал Ямщиков, и народ раздвинулся, пропустил его к раковине. Несколько голосов спросили, что случилось и «кто его так».

— Да ну...— с досадой отвечал Венька.— У других нос как нос, а его чуть щелкнешь — и побежало... Носился и сам не знает, где стукнулся. Я иду, смотрю, а у него капает...

Венька растопыренной ладонью вымыл мальчишке лицо, зацарапал мокрыми пальцами по бедру в поисках кармана с платком, но на тренировочных штанах карманов не было. Десятиклассник с зажигалкой протянул свой платок — большой и очень белый. Венька кивнул, вытер пацаненку физиономию, что-то сказал. Тот, послушный и бледный, встал у стены, закинул голову, а платок прижал к носу. Видно, кровь еще не унялась.

Егор, глядя, как Редактор смывает кровь с мальчишких щек и подбородка, шевельнул плечами. Из-за брезгливости. Но вместе с брезгливостью ощутил Егор и непонятную досаду: опять почему-то вспомнился Александревский. «Ты никогда не сможешь быть братом...»

Мальчишка с разбитым носом был Венькин брат — второклассник Иван Ямщиков. Ванька...

— Парни, атас...— негромко сказали у двери. Окурки полетели в писсуары. Гул утих. Кажется, даже дым перестал колыхаться. И возник молодой учитель физики Мстислав Георгиевич. Высокий, с широкими плечами борца, но с тонким лицом, с черной волнистой шевелюрой и гибкими узкими руками музыканта. Работал он в школе первый год, был любимцем старшекласниц и носил прозвище Поп-физик (из-за того, что читал популярные лекции по современной физике в школьном лектории).

— Мужественные люди,— сказал Поп-физик от порога.— Как вы здесь живете без респираторов? Прошу выходить по одному. Советую сдавать табачное зелье добровольно, не вынуждая меня прибегать к обследованию карманов.

Обитатели дымного приюта потянулись к выходу. Большинство было уже «без улик», задержки у дверей не происходило.

Скоро в туалете осталась мелкота, свободная от подозрений, Венька с братом, трое десятиклассников и Егор. Он опять удобно сел на подоконнике. Поп-физик шагнул к окну.

— Ну, что касается Петрова, то он, разумеется, успел освободиться от компрометирующих предметов. Не так ли?

— Естественно,— отозвался Егор.— Я здесь давно.

Поп-физик обернулся к десятиклассникам. Высокий парень, улыбаясь, убрал красную зажигалку «Мальборо» в нагрудный карман, а пачку с сигаретами «Золотое руно» держал в ладони.

— Костецкий,— сказал Мстислав Георгиевич.— Вы не станете отрицать, что вам известны «Правила для учащихся»? Равно как и решение директора об усилении борьбы с курением в стенах вверенной ей школы?

— Разумеется,— отозвался Костецкий.— Клавдия Геннадьевна любезно проинформировала нас об этой новой акции.

— В таком случае вы меня крайне обяжете, если передадите мне свои сигареты.

— Охотно! — Костецкий с полупоклоном вручил пачку Поп-физику. Тот посмотрел на двух других десятиклассников.

— У них нет, Мстислав Георгиевич... — Костецкий улыбался той же светской улыбкой, что и Поп-физик. — Я их сегодня угощал... Но вы не огорчайтесь, пачка почти полная. При некоторой экономии вам хватит до зарплаты. А если нет — можно провести еще несколько туалетных обысков.

Улыбка Поп-физика закаменела. Он сжал пачку в кулаке, шагнул к ближней кабинке и рванул на себя дверцу. Из-за нее, пискнув от ужаса, выкатился под ноги Мстиславу Георгиевичу несчастный Пуля. Подхватил штаны и — к двери. Растерянно глянув вслед беглецу, Поп-физик швырнул пачку и рванул рычаг.

Костецкий, переждав громкое бурление, заметил:

— А вот это нерационально: смывать в канализацию материальную ценность...

Поп-физик снова обрел невозмутимость, но уже не улыбался.

— Меня, Костецкий, более волнуют моральные ценности. Даже столь сомнительные, как ваш нравственный

облик. А впрочем, я предвижу, что здесь педагогика бессильна...

— В а ш а педагогика? — сказал Костецкий.

— Мировая. Поздно уже. Начинать следует вот с таких... — Он неожиданно повернулся к братьям Ямщиковым и сменил тон. — Надо же как надымился! Аж белый весь!

Ваня Ямщиков больше не прикладывал платок к носу, но все же еще стоял с запрокинутым лицом, упирался затылком в стену. Кровь уже не шла, следы ее Венька стер влажным платком, но лицо братишки по-прежнему было бледным.

Мстислав Георгиевич шагнул к Ване. Венька в ту минуту стоял от брата в двух шагах. Всех восьмиклассников Поп-физик уже более или менее знал и понимал, конечно, что у Веньки Редактора ничего общего с курильщиками быть не может. И не взглянув на него, Мстислав Георгиевич резко нагнулся над Ваней. Взял его за подбородок.

— Еле стоишь! Эк ведь насосался дряни! Еще есть? — Он длинные свои пальцы ловко сунул в карман Ваниных брюк.

Ваня дернулся, затылком крепко царапнул по стене, и в тот же миг Венька врезался между Поп-физиком и братишкой.

— Вы что! У него кровь, а вы!.. — Голос Веньки был не голос, а сплошной яростный звон. Лицо побелело — сильнее, чем у брата. Мстислава Георгиевича отшатнуло.

— Да ты что... Ямщиков!.. Я...

— У него кровь, а вы... — опять сказал Венька, часто дыша. Он заслонил Ваню. Егор успел заметить, что у того в ноздре опять набухла красная капля. Заметил, видно, это и Поп-физик. Сказал, пряча смущение:

— Что, по-твоему, это я ему нос разбил?

— А нечего в чужие карманы лазить, — тонко отчеканил Редактор. — У себя шарьте, а у него права не имеете.

— Ну, ты... — Мстислав Георгиевич шевельнул желваками — Соображаешь, с кем говоришь? И ч т о говоришь...

— Между прочим, он за брата заступается, — неожиданно сказал с подоконника Егор. Мстислав Георгиевич оглянулся:

— Ну и что? Значит, можно позволять хамство?

— А обшаривать малышей — это, конечно, не хам-

ство,— заметил в пространство Костецкий. Поп-физик повернулся к нему.

— А вас с какой стороны это задевает?

— Просто фиксирую обстоятельство.— Костецкий опять тонко улыбнулся.— Мировая педагогика дала сбой. Перед лицом двух братьев.

Кто-то из малышей осторожно хихикнул. Поп-физик медленно спросил:

— Знаете, Костецкий, о чем я мечтаю?

— Разумеется, знаю. О светлом июньском дне, когда мы встретимся на выпускном экзамене. Вот тогда-то...

— Нет, о более позднем дне,— перебил Поп-физик.— Когда вы с аттестатом, и возможно даже с медалью, покинете родную школу и мы сможем встретиться где-нибудь... так сказать, на равных. Тогда я смогу без особого риска для своей должности дать вам оплеуху. В крайнем случае поплачусь пятнадцатью сутками. Удовольствие стоит того...

Стало очень тихо. Костецкий опустил голову, сбил с рукава чешуйку пепла и сказал совсем негромко:

— Вы ждете от меня примитивного ответа. В том смысле, что неизвестно еще, кто кого, не правда ли?.. Нет, оставим это для другого раза. Как и дискуссию о нравственном облике. Дело-то не во мне. Дело в таких, как он...— Костецкий кивнул на Ваню.— Им, беднягам, сколько еще страдать из-за вашей «педагогики»...

Он обошел Поп-физика и с приятелями двинулся к двери.

— Платок...— сказал Венька. Костецкий махнул рукой.

Грянул звонок. Поп-физик вздрогнул, деловито посмотрел на часы и, не глядя по сторонам, тоже быстро вышел.

Умчалась мелкота. Венька еще раз вытер Ване нос, взял его за плечо и повел к двери. Не оглянувшись на Егора.

То, что Редактор даже не посмотрел на него, Егора неожиданно раздосадовало. Как-никак он, Гошка Петров, за Веньку только что заступился. Пусть случайно, мельком, но все-таки. А тот ни ухом, ни глазом не повел... Мимолетное сочувствие к братьям Ямщиковым разом угасло, и Егор в опустевшем туалете начал думать о Редакторе с привычной ленивой неприязнью.

Венька Ямщиков был из тех беспомощных шизиков, которые всегда скребут на свой хребет. Классная Роза обозвала его однажды на собрании донкихотом, но это

по глупости. Дон Кихот был все-таки в доспехах, с мечом и копьем. Где-то наполучает шишек, а где-то и другим их наставит. К тому же в те давние времена прости-тельно было верить во всякие принципы и справед-ливость. А сейчас, когда всем ясно, что надо писать в сочинениях и как надо жить на самом деле, Вень-кины поступки даже смеха не вызывали. Только недо-умение.

Прошлой весной, например, когда Копчик со своими корешами (не из «таверны») вышел на небольшой промы-сел у цирковых касс и начал трясти мощну двум послуш-ным первоклассникам, Венька Ямщиков встрял между ними. Ну, если бы еще драться начал (сдуру-то можно и так) или грозить чем-нибудь, а то глянул вот такими глазищами и тонким голоском спрашивает:

— Ребята! Да вы что, разве вы не люди?

Это Копчик потом в «таверне» рассказывал: «Ну, мы его пнули два раза, потом ушли. Я малость перетрух-нул: думаю, вдруг чокнутый, опасный какой-нибудь... Кошак, вы его там в школе врачу не показывали?»

Насчет врача один раз и Розушка высказалась, не стерпела:

— Тебе, Ямщиков, честное слово, лечиться надо! Ну нельзя же быть таким... вне времени и пространства!

Это прошлой зимой было, когда Венька на классном часе поднял крик, что в школе нарушаются законы: мол, совсем недавно заведующий облоно говорил по телевизору, что нельзя собирать с ребят деньги на ремонт школ, а здесь опять — сдавайте по три рубля!

Роза Анатольевна в сердцах выдала фразу, что говорить-то легко, а пусть этот заведующий лучше денег даст.

— А он сказал, что полтора миллиона отпущено!

— Да? — взвилась Классная Роза. — А рабочие тоже отпущены? Пусть он за эти полтора миллиона маляров наймет! По безналичному-то расчету! Спроси вот его отца, во что он, этот ремонт, обходится! — Она кивнула на Егора.

Отец Егора Виктор Романович Петров был началь-ником экспериментального цеха на «Электроне» и теперь этот цех расширял и перестраивал. И заодно помогал школе в ремонтных делах

Егор сказал назло Розушке:

— Ну, он не вашими трешками с малярами расплавляется...

— А все-таки интересно, куда эти полтора миллиона деваются...— начал Венька, но Классная Роза хлопнула журналом о стол.

— Хватит! Надоели твои трехрублевые принципы! Не хочешь — не сдавай!

— И не буду,— сказал Венька. И не сдал. Один из всех. Розушка только зубами скрежетнула.

А было время, когда она Ямщикова привечала. Считала «среди тех, на кого я могу положиться». В четвертом классе, в пятом, даже в шестом. До случая с газетой, когда Редактор получил свое прозвище.

В начале февраля, на классном часе, Светка Бутакова подняла вопрос: что это за коллектив, если нет своей боевой пионерской стенгазеты? Ну и проголосовали, чтобы выпускать. И Ямщикова выбрали редактором. Он тогда еще такой был: хоть куда выбирай — не сумеет отказаться. Надо сказать, Венька и не пробовал отказываться. Лишь попросил:

— Только заметки пишите.

Все радостно заорали, что, конечно, будут писать.

Неделю Венька ходил, выпрашивал материалы для газеты. На него, понятно, смотрели как на психа. Только Бутакова написала про то, что третья четверть — самая решающая, да Юрка Громов — про свою черепаху по имени Луноход.

Газета вышла. На обычную стенгазету она была не похожа. Напоминала страницу из настоящего, в типографии отпечатанного яркого еженедельника. Заголовок «Наши новости» (с большой двойной буквой Н) Венька сделал черной тушью, заметки отстучал на машинке (и где только взял?). В первом материале, напечатанном одними заглавными буквами, редактор Ямщиков обращался к читателям и сообщал, что это **их** газета и пусть пишут в нее про все интересное и важное, а не такую тягомотину, как Бутакова. Так и было отпечатано: **Т Я Г О М О Т И Н У**.

Заметка о черепахе Луноходе была помещена под рубрикой «Кошкин дом», и читателям предлагалось рассказывать о всех своих любимых домашних животных. Была высказана интересная мысль, что по всем этим кошкам, болонкам, догам, канарейкам, хомякам и черепахам можно судить о характере их хозяев.

Маленький верткий Юрка Громов подлетел к Веньке:

— Значит, я — как черепаха?!

— Ты — как космонавт, — утешил Венька. — Ведь она — Луноход...

Статью Бутаковой Ямщиков тоже поместил, но мало того что обругал в начале, он к ней и послесловие написал: надо бы старосте класса не твердить общие слова, от которых ко сну тянет, а делами помогать успеваемости. Почему, например, Бутакова не вступилась за Громова? И дальше шла заметка под броским черным заголовком: «За что двойка?»

Громов опоздал на геометрию после физкультуры, потому что у него кто-то спрятал в раздевалке ботинок. Пока нашел на шкафу, пока шнурки распутал... Влетел в класс, а математичка Лизавета Яковлевна — в крик: «Я сколько раз говорила, что пора прекратить ваше разгильдяйство? Садись, «два» за этот урок!»

Вот Венька и спрашивал: за что «два»? За ботинки, за шнурки? И если бы даже Громов опоздал по своей вине, это же не значит, что он теорему не выучил!

Были еще заметки под рубрикой «Чудеса со всего света» — Венька насобирав их из разных газет, но пересказал своими словами. В отдельном столбце — поздравления всем, кто родился на этой неделе (редактор выражал надежду, что именинники станут активными корреспондентами газеты «НН»). Еще какая-то мелочь была и даже фотография с субботника по расчистке снега. Но говорили все главным образом про заметку о двойке. И ждали: чем кончится?

Кончилось, конечно, криком на классном часе. Бутакова ревела и требовала, чтобы ее переизбрали из классных старост. Роза Анатольевна настаивала, чтобы Ямщиков все обдумал и сам — сам! — снял газету. Да, она оформлена неплохо, есть интересные задумки, но Ямщиков должен понять, что бывает критика, а бывает критиканство — пустое и безответственное. Да! Елизавета Яковлевна учит школьников математике тридцать лет, и вдруг какой-то шестиклассник указывает ей, когда и как оценивать знания!..

— Не знания, — сказал Венька.

Когда Классная Роза волновалась или утверждала какие-то истины, то крепко нажимала на букву «и». Получалось «йи».

— Ка-кое ты йимеешь пра-во су-дить? Елизавета Яковлевна — одна из лучших педагогов. Ее уважают все учителя йи ученики.

Ямщиков сказал, что пускай тогда извинится перед Громовым и зачеркнет двойку Если хочет, чтобы и дальше ее уважали в с е.

— Ты соображаешь, чего требуешь!

— Справедливости,— сказал Венька. В классе захи-хикали.

— А кто ты такой, чтобы ее требовать? Чтобы критиковать? У тебя откуда такое право? Ты его заслужил? Ты сначала посмотри на себя! Лучше бы от троек йизбавился да прическу привел в порядок!

Троек у Веньки было всего ничего, и на прическу его Розушка раньше внимания не обращала Венька с первого класса был такой: светлые волосы торчали сосульками во все стороны, сколько ни приглаживай. Может, из-за этих сосуллек тонкошей и круглоголовый Венька выглядел особенно нескладным и беззащитным. Егору он казался похожим на Кролика из фильма про Винни-Пуха. Только Кролик — маленький, а Венька — довольно длинный и без очков (хотя большие круглые очки были бы очень подходящими для его редакторской физиономии).

Венька спросил:

— А если тройки, если прическа не гладкая — критиковать никого нельзя?

— По крайней мере, надо знать рамки! На взрослых замахиваться вам рано.

— Вы же сами говорили про самостоятельность и принципиальность,— негромко сказал Венька.

— Ну... и в чем ты видишь противоречие?

— Несправедливая же двойка...

— Йин-те-ресно... Сам Громов помалкивает, значит, несправедливости не усматривает. А ты, видите ли..

— Громов просто не знает, что делать. А я редактор

— Дорогой мой! Даже взрослым редакторам указывают их место, если они позволяют себе лишнее и переходят границы дозволенного. А ты.. Запомни: чтобы кого-то критиковать, надо самому быть образцом Понял?

Ямщиков сказал неожиданно кротко

— Я понял вашу мысль

— Вот и хорошо... Значит, снимешь газету?

— Я-то что? Меня класс выбирал, пускай и решают все...

Девчонки, жалевшие Бутакову, завопили, чтобы снять. Парни заорали: оставить. Не столько ради Ямщикова, сколько назло Розушке и девчонкам.

Роза Анатольевна нашла мудрый выход:

— Ладно. Пусть сегодня висит, а потом уберем. А то, не дай бог, увидит Елизавета Яковлевна... А ты, Ямщиков, когда говоришь: «Я — редактор», не забывай, что газета — лицо класса. Значит, должна освещать все, что положено. Скоро День Советской Армии, а у тебя об этом ни строчки.

— Он же еще через неделю, — возразил Венька.

— А ты что? Через неделю еще хочешь газету выпустить?

— А как же, — сказал Венька.

...Второй номер «Наших новостей» вышел через три дня. Опять была в нем всякая мелочь, репортаж про сбор металлолома, рассказ о пуделе Нинки Ордынской, а нижнюю часть листа занимала «Сказка о границе и пограничнике». В ней повествовалось, как молодой пограничник стоял на посту и увидел нарушителя, который лез через контрольную полосу. Схватился было пограничник за автомат, но вдруг подумал: «А имею ли я право? Ведь нарушитель — пожилой человек, солидный». Он вспомнил, как его всегда учили, что нельзя критиковать старших и вмешиваться в их дела. Еще когда он был совсем маленький и ехал с бабушкой в трамвае, заметил он, как жулик залез в сумку к тетеньке. Он (будущий пограничник) закричал: «Держите вора!» И получил шлепков от бабушки, которая сказала: «Он взрослый дяденька, а ты сопляк. Какое ты имеешь право так нехорошо его называть?» Потом этот мальчик учился в школе и заступился за другого мальчика, которому учительница ни за что вляпала «пару». И мальчика поставили в угол: «Прежде чем критиковать, посмотри на себя...» И теперь пограничник размышлял: «Конечно, нарушитель неправ, что лезет через границу. Но сам-то я хорош ли? Вчера старшина дал мне два наряда за плохо почищенные сапоги. Кроме того, я неважно подтягиваюсь на турнике и один раз даже чуть не ушел в самоволку на свидание. Не перейду ли я границу дозволенного, если сейчас

скомандую: «Стой, руки вверх»? И пока он так думал, нарушитель углубился в чашу...

Максим Шитиков — самый хладнокровный человек в классе, — прочитавши «Сказку», пророчески сказал: — Ну все, Редактор. Хана тебе...

Классная Роза на сей раз была печально-сдержанна.

— Ну что же. До чего договорился Ямшиков, ясно всем. Советского учителя он уже сравнивает с жуликом в трамвае йи даже со шпионом.

— Я?! — изумился Венька. — Да при чем тут...

— Нет уж, теперь помолчи... А ты подумал, как твоя «Сказка» выглядит в газете перед Днем Советской Армии? Какие там можно усмотреть намеки?!

— Да это же не праздничный номер! К празднику я еще...

Роза Анатольевна долго смотрела на Ямшикова. Как на безнадежного больного. Потом сообщила:

— «Еще» можешь выпускать дома, если у тебя такой журналистский зуд. А я не хочу йиз-за тебя получать выговоры.

И полетел Венечка из редакторов. Но Редактором остался до нынешней поры.

В седьмом классе он стал посдержанней. Осторожнее как-то. Правда, случалось и тогда, что высказывался на собраниях и лез в споры (как, например, с «трехрублевой историей»), но не так часто. Или понял, что всерьез все равно никто его не слушает (погогочут, и дело с концом), или просто малость поумнел. Однако вот сегодня ума не проявил, сцепился с Поп-физиком, хотя знает, что заступиться некому. Мстислав тут же накапает Розе, а у той один разговор: «Йи после этого ты собираешься в девятый класс?» А Венька-то как раз собирается...

...Егор вдруг понял, что почему-то слишком долго думает о Ямшикове. С чего вдруг? Что ему Редактор? Живут они каждый по-своему, как бы в разных пространствах, и друг для друга — что есть, что нет...

Была от этих мыслей одна только польза: время прошло незаметно, второй урок подходил к концу. Егор прыгнул с подоконника. Что-то круглое, твердое попало ему под башмак. Егор пнул. Отлетел, завертелся у плинтуса аптечный пузырек с натянутой соской. Это была примитивная брызгалка — кто-то из малышей потерял. Егор

хмыкнул, поднял. Игрушка, конечно, не для восьмиклассников, но со скуки чего не сделаешь (а скука-то опять ох какая).

Егор стержнем шариковой ручки проковырял в соске дырку пошире — чтобы не брызги летели, а была струйка. Наполнил пузырек под краном. Поставил брызгалку во внутренний карман пиджака. Зевнул и пошел на первый этаж в спортивную раздевалку. Дверь в спортзал была открыта, оттуда доносилось: «...а потом я напишу докладную директору...» Ох, господи, тоска, да и только.

Егор забрал свою сумку и опять отправился на второй этаж, к литкабинету: третьим уроком была литература. Характеристика образа Чацкого и чтение наизусть его монолога. «Карету мне, карету!..» Катился бы куда подальше на своей карете, не пудрил людям мозги. Но Классная Роза будет закатывать глаза: «Постарайтесь проникнуться глубиной трагедии этого умного, но ненужного дворянскому обществу человека, понять йскренний гражданский пафос Грибоедова, с которым он... Громов! У тебя есть совесть? Что вы там выясняете с Суходольской?»

Интересно, как это можно «проникнуться глубиной»? Литератор... «Йскренний пафос». А сама в это время, небось, думает: успеет ли после урока в ЦУМ, в очередь за фээргевскими сапожками... Ох, скука-а...

Рассыпчато грянул звонок. Разверзлись двери. Егор отошел к стенке, чтобы не завертело потоком. Он оказался у того же окна, где сидел час назад. Напротив второго «Б». Первый поток схлынул, второклассники выходили довольно спокойно. Им-то спешить некуда, все уроки сидят в одном классе, завтракают тоже там — еду им как в ресторан приносят дежурные...

Среди второклассников Егор увидел недавнего знакомого. Изгнанника. Даже фамилия вспомнилась: «...кто-то хочет вслед за Стрельцовым?» И разговор: «Брысь!» — «Сам брысь!» Ах ты, инфузория ..

Видимо, огорчения Стрельцова кончились, был он сейчас беззаботен и спокоен. Весело потянулся, глянул по сторонам. Увидел Егора. Егор зевнул:

— Иди-ка сюда, мой хороший ..

Второклассник Стрельцов безбоязненно подошел.

— Ты что же... — Егор придал голосу отеческую

строгость.— Помнишь, как ты со мной разговаривал? Разве можно грубить старшим, а?

Стрельцов, кажется, перетрухнул. Замигал. И, как всегда, при виде чужой робости и покорности на душу Егору (Кошаку!) упала теплая капля удовольствия.

— Нехорошо,— вздохнул Егор.— Такой маленький, а уже... И с урока выгнали... Придется наказать. Ну-ка нагни головку.

Двумя пальцами он уперся в лохматое темя Стрельцова, голова у того послушно опустилась. Егор увидел беззащитную пацанью шейку с желобком, покрытым пушистыми волосками, усмехнулся, достал брызгалку, направил в этот желобок тонкую крученую струйку... и обмер от тугого удара в поддых! Полетел на пол, трахнулся плечом о батарею. Этот малявка Стрельцов коротко и сильно врезал ему головой!

Брызгалка отлетела. Несколько секунд Егор бестолково сидел на полу и слышал тонкие крики, топот, чей-то свист. Потом слегка отпустило, он вскочил. Мальчишек-второклассников было уже много, они стояли полукольцом, и лица их были злые и бесстрашные. Происходило небывалое. Соплякам было наплевать, что перед ними восьмиклассник Петров, Кошак, с которым считают за разумное не связываться и большие парни. Точнее, второклассники этого просто не знали. Они, видимо, знали другое — простой закон «не трогай наших».

Егор мгновенно осознал свой позор и бессилие. Сто мышат загрызут любого кота, особенно если мышата пылают праведным гневом. Эти пылали. И что-то орали («Тебя трогали, да?! Чего лезешь, жердина! Щас еще получишь!»), надвигались. Егор понял, что сейчас случится: один или двое бросятся ему под ноги, он потеряет равновесие, остальные навалятся сверху. Возмездие свершится на виду у всех. И потом что? Ловить каждого мышонка в отдельности? Караулить и лупить? А они снова вместе... Звать на помощь «таверну»: помогите, второклассники бьют? А сейчас как быть? Они же вот-вот... А он и дыхнуть толком не может...

Избавление появилось из дверей второго «Б» — их высокая красивая учительница с утомленным, но решительным лицом.

— Что опять за гвалт? Что происходит?

И Егор, давясь яростью и болью (и чувствуя унижение и ненавидя себя за это), закричал:

— Вы! Распустили тут своих!.. Бандитов! Пройти нельзя!

Второклассники заорали в ответ. Их наставница не возмутилась криком Егора, цыкнула на своих:

— Ти-хо! Что за свалку затеяли? Это опять Стрельцов?!

— Чего опять я?!— взъелся Стрельцов. А Ванька Ямщиков, уже не бледный, а красный от злости, ткнул пальцем в Егора:

— Он сам! Кто его трогал?!

— Ти-хо! Кто сам? Матери Стрельцова я буду звонить на работу!

— Но, Анастасия Леонидовна! Ребята же не виноваты, вы просто не знаете!..— это ввинтился в общий шум новый голос. Отвратительно знакомый голос старшего Ямщикова. Значит, Редактор прибежал навестить ненаглядного Ванечку. Неужели он все видел? Видел, гад. .

— Петров, ну ты чего? Ведь ты же правда сам полез! Вот...— Он подобрал у плитуса брызгалку, поднял на ладони. Его глаза жаждали справедливости, и была в них дурацкая надежда, что Гошка-Петенька сам восстановит истину.

— С-скотина,— выдохнул Егор.

Венькины глаза сузились. Все-таки это был уже не тот Ямщиков, что в прежние годы.

— Вляпался, а теперь бочку катишь на маленьких?

На лице учительницы сменилось выражение. Брови сломались, поползли вверх.

— Ах, это Петро-ов! Тот самый... Наверно, думаешь, что если папа занимает посты, тебе можно все...

Егор на нее не смотрел. Смотрел на Веньку. Тот не опускал глаз. Улыбался.

— Ну ладно, редакторская крыса,— отчетливо сказал Егор, и боль под ребрами убавилась.— Быть тебе живым-здоровым сегодня только до последнего звонка. Попомни, детка...

Повернулся Егор и пошел. Вернее, не Егор уже, не Гошка-Петенька, а только взвинченный, напружиненный Кошак Тот, что не прощает обид. Жизнь обрела смысл.

Были теперь планы и цель. Наплевать на уроки, Роза покричит и умолкнет. Главное сейчас — застать дома Копчика (хорошо, что он со второй смены).

К счастью, гардеробная была не заперта. Кошак прорвался мимо вопящей технички Шуры, которая знала одну задачу: никого не пускать к вешалкам до конца уроков. Рванул с крюка куртку. Выскочил на улицу, забыв сменить кроссовки на сапоги...

ЭВАКУАТОР

По дороге от вокзала Михаил держал Мартышонка за руку. А Димка шел сам по себе, рядом. Когда миновали вокзальную площадь и вышли на улицу Кирова, Мартышонок бежал. Сделал он это с умом, четко, ничего не скажешь. До последнего момента притворялся он раскисшим, послушным и будто даже заболевшим, потом потерся щекой о рукав шинели, поднял на Михаила печальную обезьянью мордашку и тихо попросил:

— Дядя Миша, купите мороженку, а?

Михаил (раззява, шляпа, глупее последнего салаги) размяк от неожиданной этой доверчивости и ласки, шагнул к киоску, ослабил пальцы... Мартышонок выдернул руку, сиганул через газон к отходившему от остановки автобусу. И все. Привет...

И как назло — ни одной машины, чтобы остановить, выдохнуть водителю: «Друг, выручай», догнать автобус на маршруте... Да и на каком маршруте? Даже номер не успел заметить. И растворился в городе с миллионом жителей Антон Мартышов, тысяча девятьсот семьдесят второго года рождения, учетно-статистическая карточка четыре тысячи триста один, ученик четвертого класса «В» школы номер тридцать три, четыре побега из дома, участие в краже, курит, знаком со спиртными напитками, направляется после очередного побега по месту жительства...

В первый миг Михаил машинально вцепился в Димкино плечо — чтобы и этот не сбежал! Потом беспомощно плюнул. Представил в полном объеме все хлопоты и последствия. Сразу же заболела спина. И он сделал

самое нелепое, что можно было сделать в таком положении. Оттолкнул Димку.

— Беги и ты... Свиньи вы все-таки...

Димка покачулся, отступил на шаг. Круглое неумытое лицо его было по-настоящему испуганным.

— Михаил Юрьевич, а что теперь вам будет?

— А черт его знает,— искренне сказал Михаил.— Скорее всего, попрут со службы, причин уже хватает...

Он вдруг почувствовал такую усталость, что вполне серьезно захотелось лечь в бурю, увядшую траву газона, подложить под щеку фуражку и натянуть на голову шинель... Погонят — ну и плевать. Сам уже не раз думал о рапорте: «Докладываю, что, убедившись в полной бесперспективности такого рода деятельности и не считая себя...» Ну и тэ дэ... Но в любом случае сперва надо найти Мартышонка. А где? Как?

— Что будет мне,— сказал Михаил заморгавшему Димке,— это, в конце концов, не ваше цыплячье дело. А вот что будет с ним? Опять пойдет по подвалам и подворотням? Сгинет ведь в конце концов!

Он говорил, даже кричал, так, будто от Димки что-то зависело. А тот вдруг сказал, бледнея и запинаясь:

— Михаил Юрьевич... Я знаю, где он будет прятаться.

— Что?!

Димка быстро кивнул и опять поднял глаза. Симпатичный такой пацаненок, замурзанный, но на лице еще нет печати бродяжничества и детприемниковской жизни.

— Только вы меня в интернат не сдавайте, ладно?

— Ты что, меня купить хочешь, что ли?— сумрачно сказал Михаил.

— Но вы же обещали!

— Вот именно. Еще в Среднекамске договорились: не в интернат, а к матери. Что ты снова трепыхаешься?

Димкины глаза вдруг налились слезами — будто жидкие стеклышки в них вставили.

— А вы... ей тоже скажите... Чтобы в интернат больше не отдавала, хорошо?.. А то я все равно опять убегу! Хоть куда!

Михаил сдержанно проговорил:

— Ты мне что-то про Мартышонка сказать хотел... Или наврал?

Димка мазнул по глазам пыльным рукавом куртки.

— Поедемте...

Сеял серый дождик, шинель постепенно набухла. Они ждали автобус довольно долго. Потом долго ехали. После этого Димка вел Михаила по улицам с облупленными старинными особняками и кривыми домишками. По пустырям с ломким, сухим бурьяном.

Пролезли в щель забора (Михаил еле протиснулся, цепляясь пуговицами и сумкой). Забор огораживал фундамент снесенного дома. Густо стоял увядший репейник — жесткий и прочный.

— Он, наверно, там, в бункере,— прошептал Димка уже без прежней уверенности.

— Где?

— Ну, так называется...

Продрались сквозь заросли. Димка показал гнилую деревянную крышку люка. Видимо, вход в погреб. Заметно было, что крышку недавно поднимали. Михаил поднял ее опять, отбросил. Пахло земляным воздухом, холодной гнилью. Фонарик у Михаила всегда был при себе. Михаил посветил в квадратную черноту.

— Антошка... Мартюшов...

Никто не ответил, конечно, а Димка за спиной робко сказал:

— Спускаться надо... Там закоулки всякие.

Михаил и сам понимал, что надо спускаться. А лестницы не было.. Нет, была! Фонарик высветил ее вниз. Хлипкая, косо сбитая из брусьев лесенка валялась на полу. Может, кто-то убрал ее нарочно? Чтобы отрезать путь погоне?

Михаил взял в зубы кольцо фонарика, спустил в люк ноги, потом повис на руках. Прыгнул. Охнул от боли в спине. Протянул вверх ладони, сказал Димке «давай», принял его на руки.

Посветил вокруг. В длинном «бункере» были заметны следы обитания: стол из бочки и досок, драная тахта, полуразобранный мопед... На столе как-то насмешливо выделялась среди убогости изящная стеклянная пепельница с раздавленным окурком.

Дальний угол отгорожен был развалившимся шкафом и грудой фанерных ящиков. Кто-то еле слышно трепыхнулся в этом укрытии.

— Мартышонок,— негромко позвал Михаил — Вылазь давай, хватит уж... Ну?

Существо за ящиками будто умерло. Тихо чертыхаясь

и постанывая (спина болела все сильнее), Михаил отшвырнул пару ящиков, перелез через остальные.

Мартышонок скорчился в земляном углу, закрылся локтем от света фонарика.

— Тошка... Ну ты чего, глупый?— сказал Михаил, давя в себе жалость и раздражение.— Ладно, вставай. Пошли...

Мартышонок, не открывая лица, вдруг заколотил твердыми каблуками по гнилым половицам.

— Не пойду! Гнида! Мент паршивый! Уходи, гадина!

— А ну встань!— рявкнул Михаил.— Иди сюда!

— Сам иди в...— и маленький Мартышонок увесисто выдал Михаилу, куда тот должен идти.— Не подходи, убью! Кусать буду!!

— Ну-ка, поддержи...— Михаил отдал фонарик испуганно дышавшему Димке. Шагнул к Тошке, поднял его за шиворот. Мартышонок пискнул, обвис, как тряпичная кукла. Михаил расстегнул на нем куртку, задрал на животе длинный свитер, рывком выдернул из петель Тошкин ремешок. Отодвинул Мартышонка к стене.

— Расстегни штаны.

Рожица Мартышонка собралась в горсть и будто совсем исчезла, остались только два блестящих испуганных глаза и черный округлившийся рот. И, не закрывая рта, одним горловым дыханием, Тошка сипло сказал:

— Не надо... Я больше не буду.— Он съежился, держась за живот.— Дядя Миша, не надо... Не буду...

— Михаил Юрьевич, не надо,— плачуще сказал Димка.

Ненавидя себя, и всю свою жизнь, и этого скорченного Мартышонка, и давясь от жалости к нему, и презирая себя за все, что происходит, Михаил выговорил:

— Дур-рак. Что ты не будешь? Бегать не будешь? Это уж точно... Расстегивай и срезай пуговицы... Он отыскал в кармане и бросил Мартышонку складной ножик.— Ну! Живо!

Потом он взял у Димки фонарик и светил Мартышонку, пока тот суетливо отпиливал тупым лезвием пуговики на брючной застёжке. И, когда дело было сделано, угрюмо произнес:

— Теперь бегай. В расстегнутых портках далеко не удерешь. Да пуговицы-то положи в карман, пришьешь потом, чуело...

Мартышонок то ли посапывал, то ли всхлипывал тихонько. Михаилу было тошно. «Пуговичный» способ он использовал первый раз. Раньше ругался и спорил, когда слышал о таких случаях от других эвакуаторов. А ему говорили, что поживешь, мол, поработаешь, и романтические твои перышки пообмакиваются в грязь и полиняют. Романтических перышек никогда у Михаила не было, знал, на что идет, с самого начала. И умел с пацанами как-то ладить, даже с самыми отпетыми. А сегодня — вот...

То, что он сделал с Мартышонком, делать было нельзя. И не делать нельзя, потому что, оказавшись наверху, Мартышонок рванет снова. И даже не погонишься за ним: боль в позвоночнике такая, что ступать-то приходится со скрежетом зубным.

— Дима, поставь лестницу.

Димка поставил. Потом поднял с пола вязаную шапку Мартышонка, протянул ему.

— Сука, — тихо сказал Мартышонок. — Предатель... Морщась, Михаил велел:

— Без разговоров. Марш наверх оба...

Теперь Мартышонок шел впереди. Прижимал руки к животу и время от времени крутил поясницей, чтобы задержать сползавшие штаны. Михаил молчал, переглаживая боль, старался держать спину прямо и осторожно. Слегка опирался на Димкино плечо. Димка, глядя в затылок Мартышонку, тихо проговорил:

— А он сказал, что я предатель... Ну и пусть.

Михаил не ответил.

— А если бы я не показал, с ним еще хуже было бы, — жалобно объяснил Димка. — Он бы тогда со шпаной... Там, в бункере, знаете... какое бывает...

— Знаю... — вздохнул Михаил.

— А если бы я не показал... тогда я для вас был бы предатель...

— Ты все правильно сделал, Дим... Ты откуда знаешь про этот бункер?

— От ребят. Мы с мамой раньше здесь недалеко жили... А мы к маме сейчас пойдем?

История Димки Еремина была проста и по сравнению с другими не очень драматична. По крайней мере, пока. Мать с отцом развелись, отец уехал якобы в Среднекамск, мать через год вышла замуж, а Димку, чтобы

не мозолил глаза новому супругу, определила в интернат. Уговорами и обещаниями всяких благ и наград. Димка был домашний мальчик, не ездивший до той поры даже в пионерский лагерь. Интернатские нравы его ужаснули. Несколько раз он сбежал домой, умолял мать забрать его. Та, видимо, ласками, просьбами потерпеть, а то и криком водворяла его обратно. Димка не выдержал и в середине октября махнул к отцу. В Среднекамске, по известному Димке адресу, отца не оказалось. И наивное дитя отправилось в ближайшее отделение милиции, чтобы узнать: по какому адресу живет его папа, гражданин такой-то... Там Димку и взяли.

Детприемник, видимо, показался Димке похожим на интернат, но еще тоскливее и страшнее. Димка провел здесь пять дней. И был все время съезженный, затюканный другими, молчаливый и с мокрыми глазами. Даже на вопросы добрейшей Агафьи Антоновны почти не отвечал. Только к Михаилу, когда тот появлялся, сразу льнул: видно, чуял в нем настоящего защитника. И все твердил: не в интернат, а к маме...

И сейчас, на углу Ленинградской и бульвара Красногвардейцев, он испуганно дернулся:

— А мы куда? К маме — в ту сторону! — На его лице блестела дождевая морось.

— Сначала с Мартышонком решим, — терпеливо сказал Михаил.

Матери Мартышонка дома не оказалось. Пожилая растрепанная соседка запричитала над Тошкой и выразила полную готовность принять его на свое попечение, пока мать не вернется. Вернуться та должна была к вечеру и не откуда-нибудь, а из Среднекамска, в который отправилась за сыном, ибо знала по опыту, что искать его следует там. Михаил проклял бестолковость своего начальства, которое не учло возможность такого варианта, поблагодарил соседку, но оставить Мартышонка отказался. По инструкции полагалось беглого несовершеннолетнего сдать с рук на руки «родителям или заменяющим их лицам».

В тех случаях, когда родителей или «заменяющих лиц» на месте не оказывалось, инструкция теряла свою четкость. Вроде бы полагалось «при отсутствии других возможностей и в порядке исключения» передать беглеца школе. Но начальством такой вариант не одобрялся,

это во-первых. А во-вторых, школы обычно ссылались на свои инструкции (или наоборот, на отсутствие таковых), и все зависело от того, кто окажется упрямее: сотрудник милиции или директор школы.

Сейчас, однако, «отсутствие других возможностей» было явным, и Михаил сказал Мартышонку:

— Делать нечего, пошли к любимым наставникам...

В школе все пошло по знакомому сценарию. Оказалось, конечно, что директрисы «сегодня не будет, она на семинаре». Отыскивали завуча первой смены. Та воззрилась на Мартышонка, будто на разносчика сибирской язвы, и сказала давно знакомую Михаилу фразу — первую, необдуманную и потому самую искреннюю:

— А зачем он нам нужен?

И Михаил, привыкший к таким беседам, особенно в интернатах, ответил тоже привычно (за что не раз на него писали жалобы):

— Он вам, разумеется, не нужен. Как и вы ему. Но он же не виноват, что судьба дала ему вас в наставники.

— А мы чем виноваты?— сразу взъелась та. Была она еще молодая, но уже замотанная и злая.

— Тем, что пошли в педвуз,— вздохнул Михаил.

— Рассуждать все хороши! Вас бы на наше место!

— А вас на мое. Вот я бы посмотрел,— невозмутимо сказал Михаил. И, чувствуя, как от него пахнет мокрым казенным сукном и раскисшими сапогами, сел к столу. Достал из сумки заранее заполненную бумагу — «Акт о передаче несовершеннолетнего...»

— Простите, ваша фамилия?

— Это еще зачем?— вскинулась завуч.

— Положено. Кому я передаю мальчика...

— Да никого я не приму! С какой стати? Чтобы он опять терроризировал всю школу?

Мартышонок, который терроризировал всю школу, тихо повозился на стуле в углу директорского кабинета.

— Тогда что вы предлагаете?— невыразительным голосом спросил Михаил.

— Да ничего! Почему вы его нам-то привели?

— А куда? К себе домой?

— К нему у домой! У него, в конце концов, мать есть!

— Есть. Но она сейчас в отъезде и вернется вечером. Это во-первых. Да и в бега он ударился на этот раз не от матери, а из школы, с продленки. От воспитательницы Маргариты Витальевны Бабкиной. Логично было бы ей и получить мальчика обратно.

— Бабкина будет на работе после часу!

— Вот видите. Куда же я его дену, кроме вас?

— Да куда хотите. В спецшколу!

Михаил скучно и подробно разъяснил:

— Чтобы отправить ребенка в спецшколу, нужно постановление комиссии, нужна путевка. Вы это знаете не хуже меня. Я таких вопросов не решаю. Я — эвакуатор. Точнее — дежурный по режиму детского приемника-распределителя, так сейчас эта должность называется. Но старое название — «эвакуатор» — ближе к сути... Моя задача — доставить несовершеннолетнего и оформить соответствующие документы. Первое я сделал. Второе должен сделать вместе с вами... А вы даже назвать себя не хотите.

— Я все равно ничего не буду подписывать! Я просто не имею права, на это директор есть!

— Директора как раз нет. В этом случае завуч его замещает.

— Кто вам сказал?!

Михаил медленно посмотрел на нее, пожал плечами, подвинул к себе акт и нацелился ручкой в графу «Примечания».

— Что вы собираетесь писать? — нервно спросила завуч.

— Отношение. Об отказе должностного лица принять ребенка в подведомственное ему учреждение. Вы подпишите, что отказались, и будем считать...

— Я же сказала: ничего не подпишу!

— Вот тут вы ошибаетесь, — веско произнес Михаил. — Одно из двух подписать придется: или прием, или отказ. Вы говорите с сотрудником органов внутренних дел. Я действую по инструкции, так что попрошу и вас...

Он увидел, что завуч не только злится, но и напугана.

— Но я же правда не могу! Товарищ... э... милиционер. У вас инструкция, а мне... Клавдия Геннадьевна мне голову оторвет, если я без нее...

— Видите ли... э... так и не знаю вашего имени-отчества...

— Тамара Павловна! — тоном проклятия сообщила она.

— Благодарю вас... — Спина у Михаила почти перестала болеть, и он чувствовал себя гораздо лучше. — Видите ли, Тамара Павловна, судьба вашей головы, при всей ее важности, за пределами интересов МВД. Это сфера Минпроса. Меня же (уж простите великодушно) больше беспокоит моя голова. Именно на нее посыплются громы и молнии, если я...

— Давайте так, — перебила его Тамара Павловна. — Подписывать акты я действительно не уполномочена. Я завучем первый год и в этом не разбираюсь... Я заберу у вас этого...

— Э... Мартюшова, — сказал Михаил.

— Да. Отправлю его пока на уроки, потом сдам на продленку, Бабкина сообщит матери... А Клавдия Геннадьевна обещала сегодня все же заскочить в школу. К двум часам...

— Это что, я полдня должен ждать ее?

— Но у вас же есть второй... подопечный. Пока отведите его... — Она увидела, что Михаил заколебался, и добавила решительно: — Это все, что я могу предложить.

Ни правила, ни здравый смысл принимать предложение завуча не позволяли. А что, если эта Клавдия Геннадьевна окажется дамой юридически подкованной, учует зыбкость инструкции и усмотрит в действиях эвакуатора больше нахальства, чем законности? Или еще хуже — Мартышонок рванет до ее прихода?.. Но, с другой стороны, куда он рванет, если почти спит на стуле? Тряска в вагоне и недавние приключения измотали его. Да и куртку запрут в раздевалке.

— Тошка, иди сюда, — сказал Михаил.

Мартышонок встряхнулся, помигал, послушно подошел. Штаны уже не съезжали: пуговиц, конечно, не было, но ремешок Михаил, когда вошли в школу, отдал. Мартышонок потупился, переступил.

— Тошка, будь человеком, а? — тихо попросил Михаил. Это можно было понимать по-всякому: и «будь человеком вообще», и «будь человеком, не драпай, по крайней мере пока не подписан акт». Мартышонок посопел и вдруг полупшепотом отозвался:

— Дядя Миша, вы на меня не злитесь, ладно?

— Тошка, за что? — не сказал, а охнул Михаил.

— Ну... как я ругался в бункере.

— Да ладно... Ты тоже не сердись. За пуговицы...

Михаил виновато взлохматил ему голову. Виновато — потому что еще несколько секунд назад думал о дурацких бумагах, а не о самом Мартышонке. Он посмотрел на Тамару Павловну.

— Вы его сначала не на уроки, а в буфет отведите, он с вечера не ел...

Мартышонок расслабленно вздыхал. Нет, сегодня он не сбежит, подумал Михаил. И еще несколько дней. И может, месяц. Но в конце концов убежит опять. Потому что ничего его не держит дома, в заплеванной комнате, где всегда полно чужих мужиков, и в этой показательной школе, где он прыщ, болячка и несчастье педагогов. Что ему делать в школе, если, дотянув до четвертого класса, он читает по складам и просто-напросто не в силах сладить с учебниками? А воздухом бродячей жизни, прокуренного «бункера», гулких ночных электричек, компаний с жоками-уголовниками и детприемников он пропитан уже насквозь. Только там он чувствует себя своим... И где найти для Мартышонка школу, дом? Михаил не знал. И не знал тех, кто знает. Тысячи толстых книг, написанные педагогами за многие века, в случае с Мартышонком годились только для... Впрочем, ладно...

Михаил встал.

— К двум часам я вернусь... Со вторым подопечным, надеюсь, не будет хлопот: я веду его не в школу, а к маме. — Он сказал это не столько для Тамары Павловны, сколько для Димки, который томился на стуле в ожидании своей судьбы.

Димкина мать была бухгалтершей в каком-то управлении «Облстройремпром и т. д.». Ее вызвали в пыльный, пахнувший старым картоном вестибюль. Лет тридцати пяти, в меру крашенная, в меру интеллигентная и достаточно встревоженная историей с сыном, Димкина мама коротко попричитала над ним («Что же ты надудал это, а? Глупый ты мой! Сколько людей на ноги поднял...»). Потом, сдержанно всхлипывая, поблагодарила Михаила, расписалась, где надо. Вопросительно глянула мокрыми глазами:

— А... что еще?

— Еще — вот что... Дима, посиди там в уголке, я скажу маме, что обещал... Софья Аркадьевна, послушайте внимательно и постарайтесь поверить мне. Дима не сможет жить в интернате. Есть ребята, которые просто не могут без матери, без дома, он такой... Знаете, я с пацанами имею дело каждый день, разбираться кое в чем научился... Пожалейте парня. Иначе он будет убежать снова и снова, пока не кончится это бедой...

— Господи, да я же понимаю!.. Я думала...

— Простите,— перебил Михаил.— Я вмешиваюсь в личную жизнь, но работа такая. Постарайтесь доказать вашему мужу, что...

— Ой, да что вы! И доказывать не надо! Он сам говорил: зачем в интернат, втроем проживем! Это я сама думала, как лучше. А Димочка... Дима, ты же сам согласился!.. Говорили, интернат самый лучший, с художественным уклоном.

— Какой бы интернат ни был, уклон один — сиротский,— сумрачно сказал Михаил.— Не все привыкают...

— Ой, да пусть! Пусть в старую школу идет. Я ведь не знала...— Она жалобно улыбнулась.— Думала, чтобы всем хорошо было. Квартира-то однокомнатная. Маленький появится — тогда как?.. Да ладно, шкафом отгородимся! Лишь бы всем хорошо...

...Димка догнал Михаила на улице. Выдохнул со счастливой слезинкой:

— Михаил Юрьевич... Можно, я вам письмо напишу?

— Напиши, Дим, если захочешь...— Михаил подержал его за плечо.— Ну, будь здоров. Живи...

Димка не напишет письмо. Пишут несчастливые: из спецшкол, спецучилищ, колоний. Пишут в тоскливом желании хоть капельки тепла, в надежде на ответное человеческое слово. А зачем станет человек писать, если у него все благополучно? Пускай это благополучие в закутке за шкафом, в тесной комнате, где неутомимо орет новорожденный брат или сестра, где нелюбимый отчим, где сердится замотанная работой, стирками, бессонницей, возней с младенцем мать. Все равно — дом. Все равно — мама...

В два часа директорша в школе не появилась. Не оказалось и Тамары Павловны. Чертыхаясь, Михаил по-

шел искать ее по этажам. На него, конечно, оглядывались. А Михаил вдруг с испугом понял, что не помнит завуца в лицо. Вернее, все встречные учительницы были одинаковыми. С одинаковым выражением раздраженной бдительности, утомления и печального сознания, что до конца дней осуждены нести свой школьный крест. «Да что они, маски надели, что ли!» — яростно думал Михаил, хотя понимал, что виноват сам: внимательней надо быть. И нельзя было так глупо доверяться этой Тамаре Павловне.

Раза три Михаилу казалось, что он встретил ее. Но, натолкнувшись на удивленно-неузнающий взгляд, Михаил не решался заговорить. Наконец молоденькая вожатая сообщила, что Тамару Павловну срочно (конечно же — срочно!) вызвали в районо.

К счастью, он отыскал воспитательницу с продленки. Маргарита Витальевна Бабкина оказалась не такой, как Михаил ожидал. Это была негромкая, непохожая на учительниц в коридорах женщина. Она, вздыхая, сказала, что Антошка после обеда совсем раскис и теперь спит на диване в игровой комнате («Набегался глупыш. Горе с ними и вам, и нам, верно?»). К матери она ответит его сама. Пуговицы пришила... Михаил покраснел, но от сердца отлегло.

У школьной бетонной изгороди его догнал тощенький длинношей парнишка с виновато-упрямыми глазами. Класа из восьмого.

— Товарищ старший сержант, простите... Вы в какую сторону идете?

Михаил не удивился, на улице бывает всякое.

— На главпочтамт. А что?

— Можно, я пойду рядом с вами до троллейбусной остановки?

— Ну... как говорится, сочту за честь. А в чем дело?

— Да... пасутся тут эти... Счеты им свести охота... — Он мотнул вязаной шапчонкой в сторону. У мокрых тополей топтались четверо. С отсутствующим видом. И кто они такие, и зачем топчутся, Михаил опытным глазом определил в один миг.

— Может, вы думаете, что я трус? — вдруг сказал мальчишка тонко и с вызовом. — Если бы они, как люди, если бы один на один... А то... будто волки, стаей.

— А давай-ка разберемся с этими «волками», — предложил Михаил. Парнишка усмехнулся:

— Как вы разберетесь? Они скажут: стоим, никого не трогаем, ничего не знаем. Как вы докажете?

Он был прав, и Михаил вздохнул:

— Ладно, пойдем.

Целый квартал «волчья» четверка шла за Михаилом и его спутником. Потом один — симпатичный такой, золотисто-кудлатый — что-то сказал, другие тихонько загоготали, и все свернули в переулок. Михаил спросил:

— Из-за чего они к тебе пристают?

Парнишка нехотя сказал:

— Один там отыграться хочет. Сегодня с чего-то полез к малышам в школе, а я там рядом оказался. Ну, заспорили...

— Сегодня ты от них уйдешь, а завтра как? — сказал Михаил. — Ты тогда... как-то в классе подымай вопрос, что ли... — Он понимал, что, скорее всего, говорит беспомощную глупость.

— Ага... — отозвался мальчишка. — Все, конечно, возмутятся и дружно подымутся. Против Кошака... Ой, вон троллейбус идет! Спасибо, я побежал...

На почтамте Михаил наменял пятнадцатиков и пошел в будку междугородного телефона. Хотя здесь повезло: очереди нет и автомат исправный. Михаил набрал среднекамский номер.

— Это НИИХим? Будьте добры Варвару Сергеевну...

Он представил, как мать — маленькая, быстрая, седая, в кушем своем халатике — спешит к телефону в закутке лаборатории. «Миша, это ты? Ты откуда? Как ты себя чувствуешь?»

«Это я... Я паршиво себя чувствую, мама... Да нет, при чем тут спина. Пусть бы она горела адским пламенем, каждый позвонок! Только бы знать, что делать. Как им всем помочь — и Мартышонку, и Вовке Сапогову, которого я на той неделе рыдающего сдал в спецшколу, и Волчку, которого отвез туда же (и он не плакал, весело гримасничал, а глаза были, как у собаки с камнем на шее). Как уберечь от волчьей жестокости парнишку с беспомощно-дерзким взглядом, который заступился за малышей? Как вытравить эту жестокость из тех четверых

и еще из тысяч таких же?.. Мамочка, что могу сделать я, эвакуатор детского приемника-распределителя, замотанный командировками, оглушенный сотнями историй о раздавленных ребячьих судьбах?.. Я понимаю, что ты вне себя от тревоги за меня. Помню, как ты однажды сказала: «Хорошо, что тебе не дают пистолета...» Нет, мама, не бойся, я не лейтенант Головачев... Но скажи, откуда это ползучее гадство, это сиротство при живых матерях, эти серые чиновничьи рожи, это «зачем он нам нужен»?

— Что? Сейчас подойдет? Спасибо, подожду, конечно...

«Мама, ты считаешь, что я сам виноват? Не надо было соваться в эту работу?.. Я знаю, ты до сих пор думаешь, что это во мне детство взыграло, этакая горько-романтическая идея: мстить всякой нечисти за брата... Все было гораздо сложнее. Я спасал Остров. Потерять его — значит потерять себя, тут и пистолета не надо...»

— Мама? Да, я... Все в порядке, мама. Просто застрял здесь до завтра. Из-за бумаг. Ты же знаешь этих волокитчиков... Ну что спина, спина, как у юного мустанга... У отца была? На той неделе выпишут? Ну вот, а ты боялась!.. Нет, не в гостинице. Наверно, я к Александру Яковлевичу попрошусь, где-нибудь приткнет на раскладушке... Господи, ну к Ревскому же. Разве ты его не помнишь?.. Целый год уже здесь, зам. главного режиссера на студии. Передам, конечно... Ма-а, письма нет? Ну, это само собой, это от пацанов... От Юрки? Отлично. А... Да ничего я специально не жду, мам... Да ничего я не вбил в голову... Что? Я же говорю, здоров, как лошадь. Ну, правда же, мама...

ПЛАНЕТА НАХОДКА

Прошлой осенью на школьном дворе, желтом от солнца и листьев, старшеклассники гоняли по блестящим лужам большой глобус. Как футбольный мяч. Во время субботника они нашли этот ободранный шар без подставки в сарае со списанным имуществом и теперь вот развлекались. С глобуса летели мокрые лоскутки бумаги с напечатанными городами, реками и островами. Под бумагой голубела голая пластмасса... Кто-то поддал твердый

шар так, что он улетел за площадку. И попал в руки первокласснику — тот стоял у тополя и без улыбки смотрел на игру.

— Ну ты, существо, пинай скорее, — сказали ему. Но первоклассник смотрел из-за глобуса испуганными глазами и не двигался. К нему подошли, один хлопнул по глобусу.

— Ну-ка, давай, чего вцепился...

Первоклассник прижал большущий шар к забрызганной курточке. Сказал тихо и очень старательно:

— Ребята... Товарищи. Можно, я вам свой мяч принесу? Он совсем новенький. Насовсем принесу... А это же...

Ему хотелось объяснить, что пинать такую замечательную вещь... нет, даже не вещь, а... ну, это же все равно, что беспомощного щенка ногами лупить. Потому что глобус — он тоже как бы живой. Смотрите, сколько на нем всего — вся Земля...

Но ничего такого первоклассник Ваня Ямщиков не сказал. Слов таких у него не нашлось. Просто он очень жалел глобус. И не хотел расставаться с прилетевшим в руки сокровищем. Он только еще раз пообещал новый мячик и смотрел умоляюще.

Разгоряченным футболистам было не до переживания малявки. Один уже решительно взялся за шар. Но высокий гибкий старшеклассник (тот, что потом дал в туалете платок) вдруг усмехнулся:

— Стоп, джентльмены. Нам с этим шариком — на полчаса эмоций, а человек... Смотрите, у него в глазах идея светится.

Неизвестно, что светилось в глазах у Вани, но ребята, посмеиваясь, отошли. И Ваня притащил глобус в дом.

Венька задумчиво сказал:

— Вещь, конечно, хорошая, только что с ней делать? Вон, половина всех Европ и Америк облезла.

— Можно самим нарисовать.

— Вообще-то можно... Загрунтовать пентафталем, а потом расписать маслом! — зажегся Венька. — Не обязательно в точности, а как старинный глобус! На них ведь тоже много было неточно, зато интересно: корабли, чудовища...

Ваня радостно затанцевал:

— Мне тоже дашь порисовать, вместе будем!

Бумагу, что висела ключьями, отодрали. В мастерской

у отца отыскивали банку с голубой пентафталевой эмалью, но ее хватило только на половину шара. Второе полушарие Венька покрыл черным нитролаком. Границу сделал точно по экватору.

Ваня смотрел на это дело без одобрения.

— Как по черному-то рисовать? Ни земли, ни океанов черных не бывает.

— Зато космос бывает. Одну половину сделаем земную, а другую — небесную. Как на звездном глобусе. Хорошо я придумал?

— Н-не знаю, — усомнился Ваня. — Как это... Останется всего пол-Земли, что ли? А какую половину тогда рисовать? Нашу или американскую?

— А ни ту ни другую! Мы всякие материки и острова придумаем сами! Давай, Ванька! Будто незнакомая планета! А?

— Н-не знаю... — Фантазии до младшего брата доходили медленнее, чем разгорались в Веньке. Ваня любил ко всем делам подходить вдумчиво. — Пускай незнакомая планета, ладно... Только все равно ведь половина.

— Но это на глобусе половина! А считаться будет, что целая! Зато со своим небом! Свой собственный космос... Мы там разных созвездий напридумываем!

— И путешествовать можно будет по ним? На звездолете!

— Я об этом и говорю!

К вечеру грунтовка высохла, отец дал кисточки и тюбики с масляными красками (он их покупал весной, чтобы расписать декорации в детском саду, который тогда заканчивал Ваня).

— А вместо разбавителя можно керосин взять.

Мама сказала, что теперь хоть из дома беги. Но не убежала, только форточки открыла.

Расписывали планету дней десять. Среди голубого океана появились Большой Материк со Скалистым берегом, Малый материк с Оранжевыми песками, Поясом Пальмовых лесов и Тигриной пустошью, два архипелага — Полярный и Ласковый. И всякие острова, заливы, моря и горные хребты.

А на черной половине загорелись ярко-желтые звезды разных размеров. Их соединяли между собой голубоватые линии рисунков — контуры созвездий. При-

думывали созвездия втроем: Венька, Ваня и отец. И появились на звездном полушарии «Штурвал», «Сивка-Бурка», «Фрегат», «Мушкетеры», «Рыба-пила», «Улыбка акулы», «Чудовище Хох» (его Венька и Ваня сочинили, когда поздно вечером болтали, лежа в постелях). А еще Венька придумал систему созвездий «Ро» — «Робин Гуд», «Робинзон», «Роберт Грант» (это который сын капитана Гранта).

Придумывать названия — это было такое увлекательное занятие, что и мама иногда давала советы. По ее просьбе в космосе появилась «Черная дыра, куда провалилась новая шапка» (Ваня потерял ее на экскурсии в лесу), «Туманность невыученных уроков» и созвездие «Авоська», чтобы братья не забывали ходить за хлебом и картошкой.

Один раз никак не могли придумать имя внутреннему морю, что на Малом материке по соседству с Оранжевыми песками. Наконец папа сказал:

— А давайте украдем какое-нибудь название у Луны. Например, море Кризисов.

— Финансовых... — вставила мама. Потому что отец накануне уговорил ее наконец, что надо купить в «Электротоварах» деревообделочный станок. За сто шестьдесят рублей. И теперь мама то и дело намекала на денежные затруднения.

Зато станочек был что надо! И токарный, и сверлильный, и строгальный! И дисковая пила на нем! Отец просто светился весь, Венька с Ваней тоже радовались. Маме отец сказал:

— Наконец стеллажи новые поставлю и братьям-разбойникам двухэтажную кровать сооружу — как в кубрике. Сколько жилплощади выгадаем, а!.. И для этой матушки-планеты подставку сделаю, будет, как в музее.

И сделал! Даже с кольцами — экватором и меридианом.

Поставили глобус у окна, рядом с книжными полками: верти, разглядывай, разрисовывай дальше и придумывай разные истории про удивительную планету Находка.

Это название пришло в голову Веньке. Ваня сперва заспорил: не бывает таких планет.

— Но она же к тебе правда как находка попала!

— Ну и что? Это все-таки не кошелек, а планета!

— А при чем тут кошелек! Находкой на Дальнем Востоке целый порт называется! Сейчас атлас принесу...

Ваня посмотрел в атлас и — куда деваться-то — согласился. А потом название стало нравиться. Другого и не надо...

Ваня пришел домой после четвертого урока. Про неприятность с носом он уже забыл, настроение было прекрасное.

Мама на обед еще не приходила. Отец в отпуске, но дома его тоже не оказалось — наверно, в мастерской. Венька в школе — у них пять уроков да еще лекция. Ваня разделся-разулся, крутнул между делом Находку, брякнулся на коленки и вытянул из-под двухэтажной кровати фанерный лист со своей «шиштемой».

По-правильному это сооружение называлось «система», но два года назад Ваня малость шепелявил. Отмахиваясь от любопытных, говорил: «Шиштемую шстрою». Так и повелось.

Строить «шиштемую» Ваня начал, когда ему в руки попал моторчик от электроконструктора. Шестилетний Ванюшка с восторгом убедился, что, если моторчик соединить с батареей, получается восхитительное жужжание и верчение. А если к моторчику приделать шестеренку от будильника, а к ней что-нибудь еще...

И Ваня вдохновенно конструировал. Через неделю на фанерном листе, прикрепленные пластилином, вертелись уже несколько моторчиков. От них тянулись провода, резиновые шкивы, цепочки. Крутились катушки от ниток и зубчатые колесики, звенели рычажки и болты. Мигали лампочки.

Отец посмотрел на это дело, осторожно поскреб подбородок.

— Оно, конечно, здорово... Только какая задача у всей этой штуки, для чего она?

— Ну, такая шиштема. Когда все двигается...

— Да, но... Как-то если без конкретного применения, то...

— Па-а... — Венька осторожно отвел отца за рукав — Ну, ему просто интересно, когда все это будто оживает. Друг за друга цепляется, связывается одно с другим... Он вроде как стихи сочиняет, только не из слов, а из всяких железок...

Венька разгадал брата. Ваня в своей «шиштемe» был не столько техником, сколько поэтом. И творил железно-электрическую поэму уже третий год. Иногда, правда, забывал о ней на недели и даже на месяцы, но потом разворачивал с новой страстью. Порой «шиштемa» разрасталась далеко за границы фанерной площадки. Тогда на подоконнике вертелись жестяные пропеллеры, на полке дрыгал ручками-ножками сделанный из конструктора человечек, на столе подпрыгивали среди пружинок раскрашенные теннисные шарики. Мигало, звенело и жужжало по всем углам.

Батарейного питания давно не хватало, отец помог приспособить старый трансформатор от детской железной дороги...

Когда появилась планета Находка, решили, что «шиштемa» там будет энергетической станцией (вот и цель для нее нашлась!). И заводом будет, и космодромом заодно. Ничего, что она не на шаре, а на полу. Считается, что все равно на планете.

Энергии Находке требовалось много, населения там хватало. На материках и больших островах разрастались города, в горах строились посадочные площадки для космических кораблей...

По дороге из школы Ваня подобрал интересную железячку: колесико с рычажком и зубчиками. Крутнешь — рычажок подскакивает. Можно приспособить, чтобы он стучал по кнопке у красной лампочки номер семь, тогда она будет сигналить, как маяк на космодроме... Но надо на рычаг добавить тяжести — гайку или грузило пристроить... Ваня пошел советоваться с отцом.

Мастерская отца находилась в сарайчике, во дворе. Такие сарайчики-кладовки были у всех двенадцати семей, что жили в старом деревянном доме на улице Гоголя. Но кладовка Ямщиковых была особенная: отец утеплил ее, провел свет и радио, поставил верстак, наковальню, развесил по стенам инструменты. Притащил старый диван. Хочешь — работай, хочешь — отдыхай.

Но отдыхал отец редко. Все время что-нибудь мастерил. На заводе он был наладчиком прессового оборудования, готовил штампы для всяких сложных деталей, а дома он — и столяр, и резчик, и электрик, и токарь,

и художник: стены в ребячьей комнате разрисовал всякими лесными чудесами, кораблями в синем море и старинными самолетами среди белых облаков. Хорошо, что места много,— стены высокие, не как в новых домах...

Сейчас в мастерской гудел станок: отец вытачивал из круглых чурок большущие шахматы. Сделать их попросила молоденькая заведующая соседним детским клубом. Готовые короли, ферзи и пешки стояли вдоль стены, на узкой полке,— пока все одинаковые, деревянно-белые.

Несмотря на шум станка, отец сразу учуял Ванино присутствие. Выключил мотор.

— Здравсте, Иван Аркадьич. Отучились?

— Ага. А Венька еще в школе, у них писатель выступает.

— Везет людям. Я, сколько живу на свете, ни одного писателя наяву не видел.

У отца в темных волосах и на небритом подбородке светилась древесная пыль,

— Вот опять тебе от мамы попадет, что не побрился утром и сразу к станку,— заметил Ваня.

— А я до обеда еще побреюсь, мама сегодня позже придет... Что это у тебя за штука?

— Стукалка с колесом...

За несколько минут они подобрали и насадили на «стукалку» латунную муфточку. Ваня сказал, что теперь рычажок брякает как надо,— хоть на машинке им печатай.

— Папа, а ты починил машинку? Нам надо газету делать!

— Починить-то починил, только вы не колотите по ней, как по наковальне. Она уже вся рассыпается, лет-то ей, наверно, не меньше ста... Иди поешь, там на плите суп и котлеты.

— Я Веника подожду...

Веньке не удалось перехитрить Кошака и компанию. Непонятно каким образом, но они его опередили. Встретили на пустыре позади цирка.

Цирк был новый, необычный. Над куполом поднимались решетчатые полукруглые фермы, получался как бы еще один купол — очень высокий и кружевной. Говорили, что цирков с такой конструкцией всего два на свете:

второй где-то в Бразилии. Не всем эта иноземная архитектура была по душе, «вечерка» обругала архитекторов: мол, не вяжется такое сооружение со старым городским центром... Но Веньке цирк нравился. Будто опустился на площадь среди привычных тополей, старинных особняков и деревянных кварталов корабль звездных пришельцев.

Сейчас изогнутые конструкции сквозного купола казались черными, над ними летели серые тучки, а в разрывах светилось веселое желтое небо. Но полюбоваться Венька не успел. Из репейных зарослей вышли Кошак, Копчик и еще двое — незнакомые и одинаково невзрачные, с гадеными глазами. И как разнюхали, что у Веньки здесь любимая тропинка? Или выследили?

Тоскливо стало Веньке. И не так страшно, как неприятно: оттого, что глупо попался и что ничего теперь не сделать.

Кошак вытаращил дурацки-невинные глаза и заулыбался.

— Товарищ Редактор! Здравствуйте! А где же дядя милиционер?

Венька молчал.

Не склонный к юмору Копчик выдал:

— Подцепил прохожего мента и думал, что мы такие глупые.

— Чего надо?— безнадежно сказал Венька.

— Себя спросил бы, чего надо, когда выступал в школе,— уже без улыбки отозвался Кошак и сплюнул.— Я тебе обещал.

— До чего храбрые четверо на одного,— сказал Венька и подумал: «Хоть бы уж скорее начинали, сволочи».

— Завтра пойдешь, скажешь той дуре у второклассников, что выступал не по делу и все наврал,— лениво распорядился Кошак.— Тогда сильно бить не будем, а так, для назидания.

— Че-го?— искренне изумился Венька.

— Непонятливый,— проговорил Копчик и съежил смуглую мордочку.— Я еще тогда, у кассы, это заметил.

— Шкура ты,— сказал Венька, чтобы не тянуть волюнку. Копчик рванулся и ткнул его костлявым кулаком в зубы. Венька в ответ неумело замахал руками, потому что опыта в драках не было. Двое схватили его

за локти, Копчик еще раз ударил в лицо Венька успел мотнуть головой, попало скользом по щеке. Он попытался трахнуть Копчика ногой, тот отскочил, Венька отчаянно дернулся, освободил руки, но ему сделали подножку. И когда он оказался ничком в жухлой траве, несколько раз всадили ботинком под ребра. Венька всхлипнул и вскочил.

И опять оказался один против четырех. И они ухмылялись. А лилово-серые облака и желтое небо над ажурным куполом были такие красивые, что Веньку поразило это дикое несоответствие: эта вот красота, а под ней Кошак со своими подонками. И страха не осталось уже совсем. Он прикинул расстояние до Кошака. А Кошак улыбался. И вдруг перестал улыбаться, сказал:

— Ладно, стоп Копчик, стоп, я говорю... Беги, Редактор, пока мы добрые.

Венька сплюнул кровь с разбитой губы.

— Сам беги, скотина.

К нему прыгнули, развернули, дали такого пинка, что он врезался головой в упругие сухие репейники. А когда вскочил, враги уже уходили. Венька беспомощно швырнул им вслед комок глины, недобросил... и вдруг ослабел. От вновь навалившегося страха и от радости, что все уже кончилось. Ему было противно чувствовать эту радость, но что поделаешь...

Венька подобрал сумку, умылся у колонки на краю пустыря и пришел домой с раздутой губой и темным пятном на скуле.

И разумеется, именно в этот момент пришла на обед мама. И разумеется, ахнула:

— Кто тебя так?

Отец подошел, Ваня тоже. Ему бы, олуху, помалкивать, а он сразу:

— Это Кошак! Он сегодня на нашего Стрелка полез, а тот ему головой в поддых, а мы добавили... А он из-за этого на Веника! Я Стрелку скажу, мы завтра Кошаку еще дадим...

— А Кошак опять подкараулит Веню,— сердито сказала мама.— Так и будут побоища каждый день? Кто это такой — Кошак?

— Да Гошка Петров из их класса!

— Сын Петрова, что ли? — удивился отец.— Ай да наследничек. Он что... способен на такое?

— Кошак на все способен,— устало объяснил Венька. Теперь уже было все равно.— А не он, так его дружки.

— Подожди-ка...— начал отец, но мама перебила:

— Вот такие-то сыночки и творят, что хотят. Сегодня как раз родительское собрание, вот я там все и выложу, пусть школа принимает меры...

Венька поморщился. Отец сказал:

— Ну, а в какое положение ты нашего-то парня поставишь? Будут говорить: нажаловался, мамаша пришла заступаться...

— Тогда иди ты, заступись,— неласково сказала мама.— Ты часто на родительские собрания ходишь?

— Да подожди ты, я ведь не об этом... У ребят в коллективе свои законы, а ты...

— Не знаю я таких законов! Чтобы всякая шпана людям проходу не давала... Все равно я скажу.

— Да не надо, мам...— опять поморщился Венька.

— Что значит не надо? Родители не должны за сына заступаться? Вырастешь — ты будешь заступаться за нас, если придется. А пока — мы за тебя. И нечего тут стесняться, глупо это...

— Да я не про то,— вздохнул Венька.— Просто бесполезно...

— Это почему же?

— Ну, скажет Роза Кошаку: «Петров, неужели ты не понимаешь, что это идет вразрез с нашими нравственными принципами? Я вынуждена сообщить директору»... А у директорши сто хлопот. Она сейчас очередную борьбу с курением и с сережками у девочек ведет...

— И что, значит, не может на одного хулигана повлиять?

— Повлияет. Вызовет и мило побеседует.

— Почему это «мило»?

— А как еще? Это на другого могут орать: «Характеристика!.. В девятый не сунешься!» А у Петеньки папа — шеф, папа — шишка. Да Петенька и сам не дурак, выкрутится... И будет с Копчиком и другими дружками ржать потом...

— Вот чего я не пойму,— сказал отец.— У него дружки. А за тебя-то в классе некому заступиться, что ли? Ведь если видят, что такое подлое дело...

— Ох, папа,— усмехнулся Венька.

— Что «ох, папа»?

— Ну ты, в самом деле... Кто будет с Кошаком связываться? «Подлое дело»... Личное дело, скажут, обыкновенное...

— Не верю я... Что тогда у вас за ребята?

— Нормальные ребята. Как везде. Современные...

— А если нормальные... Вот я помню, когда учился, тоже всякое бывало. И шпана привязывалась. Но мы как-то держались друг за дружку. Пускай не весь класс разом, но компании товарищеские подымались, если что... Был такой Федька Романчик, местный атаман, так мы ему даже ультиматум отправили: если, мол, еще к кому-то полезешь, гляди... Помню, в нашем штабе на сеновале это послание на машинке печатали...

— На какой машинке? На нашей?— ввинтился Ваня. Голову сунул отцу под мышку, завертел шеей. Отец взъерошил ему макушку.

— Ну, на какой же еще...

— Разве она тогда уже была?

— Я же тысячу раз про это рассказывал... Ты меня, Иван, с мысли не сбивай. Я про ультиматум Федьке Романчуку говорю. Он тогда ничего, присмирел, зауважал...

— Штаб, ультиматум...— тихо сказал Венька.— Это какие годы-то были, папа... Вы тогда еще в тимуровцев играли.

— А сейчас как играют?— Отец отставил от себя Ваню.

— По-всякому... Кто на скрипке, кто в хоккей, кто в карты... А кто в активиста на собрании. А вообще-то играть сейчас не модно. Лучше шмотками хвастаться и кайф ловить...

— А девочки с шестого класса губы красят,— встала мама — У нас на работе Анна Михайловна рассказывает: замучилась со своей Татьяной...

— Подождите-ка, товарищи,— насутился отец.— Я, конечно, человек отсталый, современных сложностей педагогики не понимаю. И передачи для родителей почти не смотрю... Но, по-моему, ребята — всегда ребята. И тимуровцев недавно по телевизору показывали. Сбор их какой-то...

— Па-а, эти тимуровцы с Кошаком драться не станут,— улыбнулся Венька.— Их ведь за это на слет в Артек не пошлют.

— А мы будем драться,— опять встрял Ваня.— Мы всегда все за одного в классе, даже за девчонок. Настюшка ругается, а мы все равно...

— Что за Настюшка!— сказала мама.— Анастасия Леонидовна...

— У вас еще примитивно-первобытный коллективизм,— вздохнул Венька.— Вот подрастете, поймете житейские мудрости...

— Мы и тогда будем.

— Ну и ладно,— согласился Венька.— Значит, вы уже новое поколение...

— Что-то не нравятся мне твои рассуждения, Вениамин Аркадьич,— сказал отец.— Давно это у тебя?

— Да уж порядком... Наверно, еще с той далекой поры, когда из редакторов поперли...

— Не уходить надо было, не хлопать гордо дверью, а спорить и доказывать...

— Спорил и доказывал...

— Значит, мало.

— Папа, ты в «Клубе путешественников» каменных идолов на острове Пасхи видел?.. Вот выйди на берег и попробуй им что-то доказать. Они смотрят и улыбаются...

— Да что же, у вас в классе одни каменные идолы? Что-то, братец, ты совсем... А может, ты сам окаменел малость?

— Может...— кивнул Венька.— Но газетой ты меня не упрекай. Если бы хоть один за меня тогда встал... А то все хихикали да смотрели, как мы с Классной Розой копыа ломаем...

— Вень, а мы хотели сегодня нашу газету выпустить,— напомнил Ваня.— А то давно уже не было свежего номера...

— Вы как ни рассуждайте, а на собрании я вопрос подниму,— решительно сообщила мама. Венька пожал плечами. Ваня опять дернул его за рубаху:

— Давай газету...

— Вечером,— сказал Венька.— Мне сейчас надо сочинение писать. «Сравнительная характеристика Молчалина и Чацкого в комедии Грибоедова «Горе от ума».

— Трудно, наверно,— посочувствовал Ваня.

— Не трудно, а нудно. Все разжевано: что писать и какими словами.

— Еще мы в свое время про это писали,— сказал отец.— Видишь, Веник, ничего в жизни не меняется. А ты говоришь...

— Меняется, пап... Молчалиных стало больше.

— Тогда и напиши про это.

— Ну и напишу. Только ведь опять все хихикать будут...

Газета внешне была похожа на ту, что пробовал выпускать Венька в классе, «Наши новости». Даже сдвоенная буква «Н» такая же. Только «Новости Находки» печатали информацию со всех материков и островов Венькиной и Ваниной планеты. Репортажи с футбольных матчей между гномами Голубой пещеры (которые во время игры путались в бородах) и школьниками города Нью-Крокодайл с острова Каменных Шаров. Историю открытия подземных поселений неизвестной цивилизации. Рассказ о том, как вводили самоуправление в школе отсталого племени дайбери на острове Сердитых Кошек: завуч школы, награжденная за многолетнюю работу пальмовой ветвью для отмахивания от ядовитых розовых девятикрылов, провела специальное собрание. Она сообщила, что теперь сами ученики будут решать, кого из провинившихся школьников педагогический совет должен съесть накануне праздника, посвященного местному божеству, покровителю знаний Бак-Луше...

Была еще в газете всякая информация из дальнего космоса (и из ближнего тоже), рассказы в картинках и просто рассказы, Ванины четверостишия о щенке и кораблике. Была повесть с продолжением о приключениях находкинського школьника по прозвищу Ноль-с-Плюсом (не из племени дайбери, а из цивилизованного города Норд-Булькало), попавшего на странную планету Земля и оказавшегося там в местной школе...

Номеров «НН» было больше тридцати. Венька стал выпускать их прошлой осенью, сразу, как появилась планета Находка. Раз в школе редакторская работа не вошла — пускай хоть здесь... По крайней мере, никто не мешает. Отдавись журналистскому горению, Венька целыми вечерами стучал на дребезжащем «Ундервуде», расклеивал заметки и рассказы, тушью и акварелью разрисовывал заголовки, выписывал рубрики. А Ваня преданно помогал: и сочинять, и рисовать...

Но этой осенью газету застопорило. То ли домашних заданий у Веньки стало много, то ли пыл угас. Ваню это беспокоило.

— Вень, дописал сочинение? Ну, давай газету делать...

— Включил бы лучше свою «шиштему»...

— Ну, Вень... Мы с лета не выпускали.

— Материала все равно нету...

— Сразу и придумаем!— Ваня поволок Веньку за рукав, усадил на нижнюю койку. Венька по инерции дурашливо завалился навзничь. Так и остался.

— У меня ничего не придумывается. Я на сочинении выдохся.

— А ты напрягись, чтобы это... вдохновение...

— Ну да! Оно только у писателей бывает, и то не всегда. У нас сегодня писатель выступал, он про это как раз говорил.

— Ну и пусть выступал,— не поддался Венька.— Он для нашей газеты все равно ничего не сочинит. Надо самим.

— Вот и давай.

— Сначала ты давай!.. Помнишь, ты про пустой город на острове Дзынь-Кап рассказывать начинал? Он почему пустой?

— Ну...— Венька наморщил лоб.— Его жители дзынькапских джунглей построили... А потом...

— Какие жители? Остров же необитаемый!

— Нет, в джунглях есть там одно племя. Очень тихое и миролюбивое. Они расчищают поляны, разводят на них розовую капусту (прыгающие такие кочаны) и там живут... А однажды к ним забрел охотник из города Сан-Бубенец...

— Забрел на остров?

— Ну, потерпел крушение и выплыл, не придирайся... Он там стал жить и рассказывать дзынькапцам про разные страны и большие города. Им завидно стало, и они тоже решили построить город... Выбрали каменное плато, где джунглей поменьше, налепили из глины кирпичей, обожгли их на кострах и давай строить большие дома, дворец, башни, стены — все, как охотник рассказывал. Народу много было, люди они трудолюбивые, за три месяца управились... Днем работали, а ночевать уходили в свою деревню. А в последний день так умаялись, что

остались ночевать в новых домах... Вот утром, раньше всех, одна девочка проснулась, вышла на балкон и видит: сколько домов кругом, этажи громоздятся, крыши, арки всякие, колокольни... И утреннее солнце это все освещает. В общем, красота удивительная. И тихо. Она и говорит: «Ох...» А со всех сторон ей в ответ: «Ох... ох... ох...» Она перепугалась, кинулась к взрослым, говорит: «Там злой дух завелся...» Взрослые вышли, поглядели, говорят: «Ах!» А отовсюду: «Ах... ах... ах...»

— Это эхо было?

— Конечно. Только дзынькапцы были еще нецивилизованные, суеверные. Ну и перепугались злых духов. У них там еще жрец был, страху нагнал: Духи,— говорит,— не хотят, чтобы мы меняли образ жизни, велют вернуться в джунгли... Жрецы, они всегда ведь против нового... Дзынькапцы и ушли из города. Навсегда... А охотника отправили с острова на пальмовом плоту, его потом пароход подобрал...

— И никого в том городе не осталось?

— Никого, конечно... Хотя нет. Осталось Эхо. Но оно ведь не может без людей. Вот и молчит. Все надеется, что придет кто-нибудь, ждет. Чтобы ожить и отозваться...

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Мать Егора предпочитала беседовать со школьным начальством один на один и родительские собрания не посещала. Поэтому Егор узнал о возможных неприятностях лишь на следующее утро. Классная Роза сообщила ему со смесью укоризны и сдержанного негодования:

— С причинами твоего вчерашнего прогула, Петров, я разберусь сама. Чуть позже. Но что касается твоей чудовищной выходки по отношению к Ямщикову, то здесь я бессильна. Его мать вчера сделала заявление при всех, йи этот факт известен Клавдии Геннадьевне. Тебе придется объясниться с ней.

Егор глянул недоуменно и оскорбленно: что, мол, еще за новые напасти на меня? С уроков ушел, потому что голова разболелась. А что касается Редактора, то... Но Роза Анатольевна произнесла фразу о потере элементарных человеческих принципов у нынешнего поколения и заспешила в учительскую.

Венька Редактор ходил с болячкой на припухшей губе. Егор поглядывал на него с усмешкой: вот так, дорогой, получил, чего добивался. Редактор не отводил взгляда, но смотрел как бы сквозь Егора. Давал понять, что Кошак для него — пустое место. Недостойное никаких чувств и мыслей. Это, по правде говоря, раздражало Егора. «А я тебя, крысу бумажную, еще пожалел».

Даже себе не хотел Егор признаться, что дело было не в жалости, а в страхе. Когда сбитый с ног Редактор опять вскочил, отплевывая кровь, Егор интуитивно осознал, что предприятие безнадежное. Ощущения победы не будет. Такое ощущение бывает, когда кто-то делается испуганным и покорным. А этот идиотски упрямый хилак, видимо, готов помереть за свою гордость. Отвечай еще за него... А самое главное, что пришлось бы увидеть: есть люди, умеющие не сдаваться до конца. Не то что некоторые...

Эту боязливую догадку Егор давил в себе, но она шевелилась, подлая. И до конца уроков Егор жил со стыдливым ощущением, что кто-то узнал про него очень тайное.

После пятого урока Бутакова закричала про какое-то литературное собрание, но Егор махнул к раздевалке. Однако дверь ее оказалась на замке, а техничка Шура заявила, что до конца шестого урока открывать не велено. Егор заорал, что одежда — его личная собственность и никто не имеет права прятать ее под замок. Подошла дежурная учительница.

— Ох, это опять Петров за права человека воюет...

— У нас пять уроков по расписанию! А всякие лекции — это не учебная программа, я там сидеть не обязан!

— А что ты возмущаешься? Это ваша Роза Анатольевна распорядилась, а не я. С ней и выясняй.

Егор завелся и ринулся в литературный кабинет, тобы с порога нарушить чинность мероприятия. Пусть немедленно открывают раздевалку! То кричат о самоуправлении и добровольности, а то шмотки под замок...

Дверь в кабинет была распахнута. Егор увидел, что народу — битком: восьмой «А» и восьмой «Б» сели вместе. Сидели тихо, слушали внимательно. Егор сразу сориентировался: крик его сейчас не поддержат, сочувствия не будет. Он вошел, сердито дыша. Подвинул на скамье у крайнего стола грузного Артема Карасева.

Классная Роза вещала, стоя у стола:

— .. для тех, кто не был на вчерашней встрече... Олег Валентинович пришел к писательской профессии не гладким путем. После окончания факультета журналистики он работал в разных газетах, жил на Севере, был геологом, рыбаком, строителем. Изъездил всю нашу страну, встречался со множеством интересных людей. Все это дало ему возможность создать книги, которые пользуются заслуженным успехом у читателей. В последнем номере журнала «Обь» вы можете прочитать его повесть о нелегкой работе сотрудников уголовного розыска. А в книжных магазинах недавно появилась книжка «Тайный звон металла». Это увлекательные очерки об истории Нижнеокского металлургического завода — старейшего предприятия нашего города. Кто еще не купил, советую поторопиться. Мы потом устроим обсуждение этой книги. Я думаю, всем нам интересна история нашего города, и книга «Тайный звон металла»...

— «Тайны звонкого металла»... — с улыбкой сказал Олег Валентинович, стоявший рядом с Классной Розой.

— Ох, простите... Если я волнуюсь, то всегда ..

— Ну что вы, что вы Волноваться следует мне Перед такой взыскательной аудиторией. .

Впрочем, никакого волнения в нем не замечалось. Он поглядывал на сплюснутых за столами восьмиклассников с доброжелательной уверенностью Сквозь большие модные очки. Это был рослый мужчина с пепельно-серой (может быть, седоватой) шевелюрой, с широкими плечами и выпуклым животиком под свитером домашней вязки. Его маленькая борода-лопатка торчала вперед с интеллигентной решительностью.

— Кто такой? — спросил Егор у сытно дышавшего Карасева.

— Писатель какой-то. Вчера еще выступал, да не кончил. Сегодня опять приперся.

— Какой писатель?

— А фиг его... Про Робинзона вчера рассказывал...

— Про какого Робинзона? Зачем?

— Ну, я-то чё?.. Про какого-то Робинзона Крузена...

Егор отвернулся. Карась был настолько туп, что не имело смысла его даже презирать.

Роза Анатольевна между тем еще раз выговорила «простите» — и с облегчением устремила взгляд в задние ряды:

— Чья там рука?.. Что тебе, Симакова?

Томная Симакова поднялась, качая запрещенными сережками.

— Олег Валентинович, вот вы сказали, что переехали в наш город... А я думала, что все писатели живут в Москве.

— Симакова...— на всякий случай осудила ее Классная Роза. Олег Валентинович весело покивал:

— Да, это распространенное мнение. Но совершенно-совершенно несостоятельное. Я мог бы назвать много известных имен — тех литераторов, кто не стремится к столичному бытию и обитает в самых разных уголках страны... У меня все объясняется просто: я ведь родом из здешних мест, из Новотуринска, а к старости тянет обычно в родные края...

— Вам ли говорить о старости,— вставила Роза Анатольевна.

— Ну, все-таки... Правда, в самом Новотуринске литератору трудно, небольшой городок, а здесь — все, что нужно: известное в России издательство, киностудия, журнал... А главное — темы, темы! Нижнеокский завод дал мне массу материала. Да и встретили меня там прекрасно. Создали, как говорится, все условия для творческой работы, дали прекрасную квартиру... Вы люди уже взрослые и понимаете, что писательское вдохновение весьма прочно переплетено с житейскими проблемами. Тем более что для писателя квартира — это не только жилье, а прежде всего — рабочее место. Как цех для токаря или сталевара...

— А у вас большая семья?— пискнула с места похожая на пятиклассницу Любка Оршанская.

— Оршанская... Ох уж эти девочки. Их всегда волнуют подробности личной жизни знаменитостей.

— Да пожалуйста! Знаменитостью я себя не считаю, тайн из семейной жизни не делаю... Нас трое: жена — сотрудница научной библиотеки на Нижнеокском заводе и сын — ваш ровесник.

— Наверно, тоже будущий литератор?— Классная Роза выдавила любезно-доверительную улыбку.— Так сказать, наследник литературной славы...

— Н-не знаю,— помолчав, сказал Олег Валентинович. Серьезно так сказал.— Наследник, разумеется. Но славы или чего другого, трудно пока говорить... Существует

мнение, что дети наследуют у отцов славу и подвиги. А ведь они всё наследуют — ошибки и слабости тоже... Поэтому надо стараться жить так, чтобы ошибок было меньше. Хотя бы ради детей... Об этом, кстати, я пытался сказать и в повести «Паруса «Надежды». В той, о которой мы говорили вчера...

— Да-да! — обрадовалась Роза Анатольевна. — Вы обещали почитать отрывки. Мы поэтому и собрались в таком вот... обилии.

Егор вспомнил замок на раздевалке и готов был уже встать и разъяснить причины «обилия». Тем более что самоуверенная бородка неизвестного литературного светила Егора весьма раздражала. Но оба класса заинтересованно притихли, и, пока Егор вычислял, стоит ли переть на скандал, момент оказался упущен. Олег Валентинович поднес к очкам большие листы:

— Я прочту вам начало. Буду очень благодарен, если вы потом нелицеприятно выскажете свое мнение. Уверяю вас, комплименты мне не нужны, нужна истина. Очень хочется знать, удалась ли хоть в какой-то степени детали и дух той эпохи...

Возможно, Олегу Валентиновичу удалась дух и детали эпохи. Но эпоха эта ни в малейшей степени Егора не интересовала. Не интересовали его и дела директора Морского кадетского корпуса, пожилого адмирала Крузенштерна («Робинзон Крузен»! О, Карась-рыба!). И пока этот адмирал неторопливо шествовал по коридору вверенного ему учебного заведения, Егор начал потихоньку размышлять о том, о сем. В частности, действительно ли Роза накапала директорше о вчерашнем деле с Редактором. Ничего, конечно, за это не будет, но сама возможность нудной беседы в директорском кабинете не радовала. Тем более что все было напрасно: Редактор оказался прочнее, чем думалось.

Занятый раздраженно-кислыми мыслями, Егор встряхнулся, когда назвали его имя. Что такое?

Нет, не о нем это. Писатель читал о каком-то кадетике, которого тоже звали Егором... Не сумел другого имени отыскать для своего сопливого героя? Впрочем, наплевать... Но отвлечься Егор уже не мог. Фразы, произносимые выразительно и отчетливо, лезли в уши. И Егор

уяснил, что его тезке, жившему в прошлом веке, грозила беда. Этому воспитаннику резервной роты за какую-то провинность велено было явиться в специальную комнату, где его ожидали розги. Ибо в те времена воспитательная работа не сводилась к разговорам в директорском кабинете.

Егор сидел неподвижно и равнодушно, однако в душе сжегился. Не от жалости к чахлому кадету, а от воспоминаний...

У кадета, кажется, все уладилось: адмирал пообещал заступничество. Но чувство незащитности и ожидание чего-то скверного не оставило Егора. И он даже не удивился, когда в открытой двери показался Мстислав Георгиевич — Поп-физик — и злорадно сказал в пространство:

— Прошу прощения у собравшихся, но восьмиклассника Егора Петрова требуют к директору!

...Предчувствие не обмануло. В кабинете Клавдии Геннадьевны, сбоку от ее стала, сидел милиционер в погонах старшего сержанта. Худой, светлорусый, с темным, будто припорошенным коричневой пылью лицом, с резко-синими глазами.

Тот самый мент, вчерашний попутчик Редактора! Значит, не случайный попутчик-то... Влип, Кошачок.

А впрочем, что ему сделают? И пусть сперва докажут!..

Егор подобрался и равнодушно отвел взгляд. Улыбнулся.

— Здравствуйте, Клавдия Геннадьевна. Физик сказал, что вызывали...

С директором Клавдией Геннадьевной Михаил решил дело моментально. Она подписала акт, сказала, что Мартышонок сегодня пришел в школу вовремя и сейчас на продленке, посочувствовала Михаилу по поводу его «каторжной» работы и со вздохом высказалась в адрес завуча Тамары Павловны и других своих заместителей, которые боятся всего на свете: детей, лиших трудностей, а пуще всего — ответственности. А какой смысл бояться поставить подпись на бумаге, если все равно каждый день ходишь, как по краешку обрыва? Того и гляди, что-то случится — не сейчас, так через час.

Своей доверительностью она давала понять: «Я вижу в вас коллегу и союзника».

Лицо у директрисы было пухловатое, с какими-то домашними морщинками, вздохи тоже не строгие, не кабинетные. Глаза, правда, с «беспокойной», но что поделаешь — должность такая. Михаил, который с утра готов был к тому, что ему вернут акт и скажут: «Подписывайте у матери», сейчас обмяк и слушал Клавдию Геннадьевну с удовольствием и даже сочувствием.

После короткого стука шагнул в кабинет высокий парень лет двадцати пяти — тонкий, с римским носом и негодованием в очах.

— Клавдия Геннадьевна! Мне все-таки хотелось бы выяснить нелепешую ситуацию, в которой я оказался!

— Мстислав Георгиевич, голубчик! Выясним, я же сказала. Но не сию минуту, видите, у меня товарищ из милиции. И тоже с «ситуацией». Давайте после шестого урока... А пока, очень вас прошу, загляните в литературный кабинет, вызовите ко мне Егора Петрова. Там встреча с писателем... Валя отпросилась на полчаса, а самой мне лишний раз на третий этаж...

Мстислав Георгиевич покинул кабинет с видом оскорбленного кавалергарда.

— Вот вам нынешние педагогические кадры, — сообщила Клавдия Геннадьевна. — Первый год работы, юноша полон энтузиазма, стремится к контакту с учениками, причем без всякого панибратства, на творческой, как говорится, основе. Не терпит разгильдяйства, ревностный сторонник твердых правил и дисциплины. Казалось бы, чего еще желать? А получается бог знает что... Вместе со старшеклассниками уговаривал меня отпустить их в поход с ночевкой. Уговорили, хотя для меня это лишние страхи и нервы. А вчера выяснилось, что ребята отказались идти с ним. Из-за стычки с курильщиками в туалете. Начал рьяно наводить порядок, не учел самолюбия наших великовозрастных интеллектуалов. И вот результат... Причем отказались-то даже не те, с кем был конфликт... А он счел, что я тайно поддерживаю это дело, чтобы похода не было... Честное слово, сам еще как дитя, трудный подросток. Хоть маму вызывай.

— Может быть, стбит? — улыбнулся Михаил. И подумал, что пора прощаться. — Клавдия Геннадьевна,

у меня еще просьба. Можно отметить у вас командировку? Чтобы не ходить в управление, не козырять здешнему начальству...

— Разумеется... Ох, но печать-то в сейфе, а ключ секретарша унесла. Я отпустила ее на полчаса в магазин, дела житейские... Вы можете подождать немного?

— Если я вам не мешаю...

В кабинете было уютно, до поезда оставалось больше двух часов, болтаться по слякотным улицам не хотелось.

Клавдия Геннадьевна сказала, что ничуть он не помещает и, может быть, ему будет даже интересно. Сейчас явится еще одно трудное дитя. Весьма своеобразная личность.

Личность явилась. И Михаил тут же угадал в ней одного из вчерашних «караульщиков», хотя накануне видел его издалека.

Симпатичный оказался парнишка. С небрежной прической пшенично-золотистого отлива, в меру курносый, с одинокими веснушками на подбородке и правой щеке (словно кто-то бросил в лицо горсточку желтой шелухи, да промахнулся, зацепил краем). С большим пухлогубым ртом, который наверняка растягивается в замечательную улыбку. Глянешь и подумаешь — вот ясная душа... Только очень внимательный взгляд мог различить серую пыльцу под глазами — след курения — да недобрые точки в зрачках.

Рот мальчишки растянулся полумесяцем:

— Здравствуйте, Клавдия Геннадьевна. Физик сказал, что вызывали.

— Не физик, а Мстислав Георгиевич. Что за манеры, Егор!

— Ах да, извините...

Он держался свободно. Однако в первый миг, когда они с Михаилом встретились глазами, живые брови Егора Петрова беспокойно шевельнулись, губы напряглись. Дрогнул мальчик.

— Петров, — официально сказала Клавдия Геннадьевна. — Меня интересует вчерашняя безобразная история. За что вы избили Ямщикова?

Егор придал зеленоватым глазам выражение полной невинности.

— Кто «мы»? Он подрался с Копчиком, а при чем тут я?

— Что за Копчик?

— Ну, Копчик и Копчик... Кажется, Вовкой зовут. Я толком и не знаю. Мы повстречались случайно, а потом...

— Вы же специально у школы караулили,— сказал Михаил.

— Если стояли, значит, караулили? Копчик какого-то девятиклассника ждал, а потом говорит: «А, вон ваш Редактор ковыляет, надо мне с ним разобраться». Я говорю: «Охота тебе...»

Михаил видел, что мальчишка врет с дерзким расчетом: чем нахальней — тем правдоподобней.

— ...А потом мы пошли к цирку, узнать насчет билетов на «Звезды на льду». А Ямщиков откуда-то прямо на нас выскочил. Они с Копчиком и сценились, у них какие-то давние счеты. Я и не подходил...

— Егор, не лги. Утром ты обещал расправиться с Ямщиковым, когда тот вступился за второклассников.

— А чего он не разобрался, а суется! Ему везде за справедливость бороться надо!.. Я сгоряча и сказал: «Обожди, ты от меня получишь». Так можно каждого в бандиты записать, если к словам придираешься...

— Егор,— значительно сказала Клавдия Геннадьевна.— Может быть, не следует выкручиваться? Хотя бы сейчас...— И она перевела выразительный взгляд на Михаила.

— Клавдия Геннадьевна,— улыбнулся Михаил.— Мне не хотелось бы играть роль пугала. Пусть Егор Петров знает, что я здесь по другому делу, хотя и шел вчера вместе с Ямщиковым до троллейбуса... Может быть, как раз в этом случае Петров будет искреннее.— И усмехнулся про себя: «Не будет. Не таков...»

В глазах Егора мелькнуло облегчение.

— А чего мне выкручиваться, если я его не трогал?

— Но ты стоял тут же, когда твои дружки били Ямщикова. И не вступился за товарища по классу,— сказала директорша.

— Клавдия Геннадьевна,— произнес Петров уже совсем уверенно, даже со скрытой усмешкой.— Товарищ по классу — это не всегда товарищ. А с Копчиком у Ямщикова свои дела. Они и выясняли. Я-то при чем?

— А двое других помогали Копчику, не так ли? — сказал Михаил.

— Когда они полезли, я и вмешался! Сказал: «А ну, кончайте!» Можете спросить Ямщикова! Он, конечно, меня терпеть не может, но врать не будет. Он же принципиальный.

— Ну что же, и спросим, если понадобится... — пообещала директорша, и Михаил уловил в ее тоне слабину. — И думаю, что тебе будет трудно доказать, что твоя роль была столь благородна...

Егор Петров обрел уверенность на сто процентов.

— А почему я должен доказывать? Кто обвиняет, тот пусть и доказывает! Это называется «презумпция невиновности». В программе «Человек и закон» говорили. А то на любого человека можно что угодно наговорить, а он доказывай, что не верблюд...

Клавдия Геннадьевна посмотрела на Михаила: вот, видали молодца!

— Юридически подкованный субъект, — сказал Михаил. Он приглядывался к мальчишке все с большим интересом. Даже с некоторым одобрением. Тот явно пережил директоршу в полемике. Но вспомнил Михаил беззащитного Ямщикова и представил, каково ему пришлось одному против четырех. И ожесточился: — Знаете, Клавдия Геннадьевна, вы зря тратите время на дискуссию. В словесных поединках такие всегда выкручиваются.

Петров сжал губы в длинную прямую черту и равнодушно глянул на Михаила сильно позеленевшими глазами:

— Какие «такие»... гражданин старший сержант?

— Егор!

— Ничего, Клавдия Геннадьевна, я не обидчивый... Какие «такие»? Владеющие речью, знающие о презумпции невиновности. С интеллектом телевизионных знатоков и душами шкурников.

«Эк ведь меня... — подумал Михаил. — С чего это?»

Егор, глядя выше головы Михаила, сказал с ленцой:

— Что-то я не пойму. «Субъект, шкурник». Это ведь уже оскорбление.

— Оскорбление — это когда незаслуженно, — сказал Михаил и ощутил зыбкость своей позиции.

— А я чем заслужил? — глаза Егора блеснули почти

настоящей обидой.— Вы что обо мне знаете? Или уже следствие провели?

— Е-гор,— сказала Клавдия Геннадьевна.

— А что Егор? Милиции все можно, да? Она «при исполнении», она всегда права! И пожаловаться некому.

— Ну, почему же?— скучно возразил Михаил.— Жалуются сплошь и рядом. И с успехом. Напиши жалобу и ты.

— На деревню дяде милиционеру?

Михаил вынул записную книжку, ручку и при общем молчании писал целую минуту. Все данные и адрес. Вырвал листок.

— Прошу. Пиши заявление. А я потом приеду специально, принесу свои извинения... Если не сумею доказать, что ты хорошо знаком с Копчиком и обдуманно караулил Ямщикова.

Егор бумажку взял. Прочитал и (вот стервец!) аккуратно спрятал в нагрудный карман. Потом сказал со смесью обиды и снисходительности:

— Ну ладно. Ну, даже если я подговорил Копчика разбить губу Ямщикову, в тюрьму вы меня не посадите. А такие выражения использовать все равно не имеете права.

— Петров!— Клавдия Геннадьевна заговорила с хорошо рассчитанной железной интонацией.— Я сейчас тоже употреблю выражение. Я считаю твою вчерашнюю выходку свинством, а сегодняшнее поведение наглостью. Если на основании этого ты сделаешь вывод, что я назвала тебя наглецом и свиньей — дело твое. Можешь писать в районо, адрес возьми у секретаря... А я со своей стороны обо всем происшедшем немедленно позвоню отцу. Ступай.

— До свиданья,— сказал Егор и пошел к двери. А от порога сообщил:— Звонить лучше матери. Отец все равно на объекте.

— Вот такой фрукт...— Клавдия Геннадьевна виновато посмотрела на Михаила, когда дверь закрылась.

— Любопытный образец...— Михаил все еще испытывал что-то вроде досадливого сочувствия к Петрову.

Клавдия Геннадьевна шумно вздохнула, покрутила телефонный диск.

— Алло... Добрый день, Алина Михаевна... Да, я. Вы меня уже по голосу узнаете... Спасибо, как обычно,

в трудах... К сожалению, да... Грустно говорить об этом, но приходится. Пока точно не знаю, но известно одно: с какими-то ребятами подкараулил своего одноклассника, и они его слегка поколотили... Нет, Алина Михаевна, к сожалению, он инициатор... Тот мальчик тоже не прост, но не из тех, кто отстаивает интересы кулаками... Ну, как он объясняет? Вы же знаете, говорить Егор умеет, аргументы найдет всегда, в уме ему не откажешь. И тем не менее... Вот именно. Важно, чтобы он осознал. Вот-вот, об этом я и хочу попросить... Мы — разумеется, но и вы со своей стороны... Да, спасибо... Конечно, конечно, созвонимся. Всего доброго.

Она подняла на Михаила виноватые глаза:

— Вот так и приходится... А что я могу сделать? От его отца зависит ремонт школы и масса всего другого... Неужели я совсем беспомощно разговаривала? Вы так на меня смотрите...

— Простите...— Михаил передохнул, чтобы прогнать ощущение жутковатой пустоты — такое как перед распахнувшимся парашютным люком за секунду до прыжка. Это чувство у него возникало при любых резких неожиданностях.— Я услышал имя. Алина Михаевна?

— Да. Немного необычное...

— И знакомое...— Михаил сморщил лоб и прикусил губу. Клавдия Геннадьевна смотрела вопросительно. «Нет, стоп»,— сказал себе Михаил.— Что-то вертится в голове,— неуклюже соврал он.— С чем-то связано...— Этот Егор Петров... он не мог раньше иметь дела с нашим ведомством?

— Да, возможно... Кажется, года четыре назад он не ладал с отцом и удрал из дома. Характер-то видите какой... По-моему, вернули с милицией. Но это давний случай. Вообще-то у них нормальные отношения, прекрасная семья и...

— Простите, а они... из здешних мест? Коренные?

— Право не знаю. Я ведь в этой школе всего третий год... А в чем дело? Вас что-то встревожило?

— Да ничего особенного... Одна зацепка в мозгах... связанная уже не с Егором, а с совершенно другими людьми. Возможно, я и ошибаюсь...— опять неловко вывернулся Михаил. И тут же непоследовательно спросил:— А Егору-то сколько лет сейчас?

— Ну... четырнадцать, естественно. Восьмой класс...

— Да, разумеется... А родился он здесь?.. Видите ли, мне интересно знать, не жил ли кто-нибудь из Петровых на юге.

Пряча в глазах искорки любопытства, Клавдия Геннадьевна поднялась.

— Это нетрудно узнать. В личном деле наверняка есть копия свидетельства о рождении.

Она вышла и через две минуты принесла тонкий листок.

— Да, вы правы... Родился первого июня шестьдесят восьмого года, место рождения — Севастополь...

ВИЗИТЫ

Из директорского кабинета Егор ушел с ощущением победы. Не потому, что выкрутился и осадил этого сержанта (личность, видимо, все-таки случайную), а потому, что почуял под конец разговора: нет у директорши доказательств, а главное — нет желания эти доказательства добывать и «двигать дело».

Слушать писателя Егор больше не пошел, сумка была при нем, раздевалку уже открыли, и через полчаса он оказался дома.

Едва успела мать скормить ему обед, как позвонил некий Гриб, человек не из «таверны», но знакомый Курбаши и к компании Больничного сада благоволивший.

— Кошачок! По агентурным данным ЦРУ, ты располагаешь кассетой с «Викингami». А?

Егор сказал, что кассета Копчика и Копчик не велел давать ее ни одному смертному. А связываться с Копчиком ему неохота, у того не характер, а одна истерика.

— И не давай, и не связывайся! Мне только послушать хотя бы начало! Чтобы знать, стоит ли игра свечек! Из твоих рук, а? Кошачок, за мной не пропадет!

Егор с полминуты поломался, чтобы набить цену, потом прихватил «Плэйер» и спустился во двор, к заброшенной песочнице, у которой был «сходняк» местного молодого населения.

Гриб — прыщавый тип семнадцати лет и непонятных занятий — стянул громадную грузинскую кепку и почти-точно водрузил на нечесаную башку дужку с наушниками. Зажмурился. Они сели рядом, Егор не выпускал

«Плэйер» из ладоней. Больше никого кругом не было. Гриб сидел и внимал. Егор ежился и скучал: было пасмурно и зябко. Прошло минут семь. Егор глянул в конец двора, окруженного п-образным двенадцатиэтажным корпусом. Глянул и машинально даванул кнопку «стоп» и клавишу перемотки.

Гриб обиженно заморгал.

— Ты чего? Там самый кайф...

— Вырубись, Гриб. Кажись, шах и мат...

От уличной арки по дорожке среди жухлых газонов и унылых кустиков шел недавний знакомый — старший сержант.

Тошновато стало Егору. Что же это, просчитался он? Ничего не кончилось? Ох прижали, кажется, хвост Кошачку...

Егор спрятал магнитофон и наушники за пазуху.

Милиционер подошел. Сапоги по склизкому асфальту хлоп-щелк, хлоп-щелк. А на коричневом лице улыбка зубы белые в щели потрескавшихся губ. И в глазах синии насмешливый блеск.

— Вот, опять пришлось встретиться, — вздохнул старший сержант.

— Вижу, — хмуро усмехнулся Егор (в груди неприятно холодело). — А говорили: по другому делу...

— Обстоятельства меняются, Егор... Мама дома?

Егор встал.

— Не вижу смысла скрывать. От милиции не спрячешься. Мама дома.

— Проводишь?

— Куда деваться... Руки за спину не надо?

— Сойдет и так.

Они пошли, Гриб смотрел вслед. Милиционер вдруг спросил:

— Егор, а ты правда обиделся тогда в кабинете?

— Это нужно для разговора с мамой?

— Нет. Это нужно мне...

— Тогда — да.

— Это хорошо, — непонятно сказал старший сержант. А когда подошли к подъезду, поинтересовался:

— Ты решил, что я из-за Ямщикова пришел?

А зачем он пришел? Может, что в «таверне»? Может, насчет мопеда раскопали, который увел у кого-то Валет с мышатами? А при чем тут он, Кошак? Или станут

домогаться насчет бизнеса Курбаши с пластинками?.. Хуже всего, когда не знаешь...

— Я думаю, вы пришли агитировать меня в отряд «Юный дзержинец»,— собрав остатки храбрости, съязвил Егор.

— Я совсем по другому делу...

— У вас все время «другое дело», «другой вопрос», но все почему-то вокруг меня.

— А тебе страшно, что ли?

— Разве заметно?

— Представь себе.

— Ошибочное впечатление. Я... как это? Ин-ди-фферентен...

Поднялись на седьмой этаж. Егор открыл дверь своим ключом и в прихожей громко сказал:

— Мама, к нам тут представитель органов охраны общественного порядка... Я не звал, он сам.

Мать вышла, шурша халатом, округлила глаза. Егор скинул башмаки и, не снимая куртки, ушел в комнату. Слышал за собой обрывки разговора. Речь милиционера звучала приглушенно, а слова матери Егор различал ясно.

«...что-то натворил?.. Да-да, я понимаю, разговор необходим... Конечно, лучше без него. Там, в комнате... Ну и что же, что сапоги? А вот вы наденьте сверху эти лапти, я их специально для таких случаев плела, меня одна знакомая научила...»

Сейчас они войдут. «Горик, иди пока к себе, нам надо поговорить...»

О чем?

О чем же, черт возьми?!

Егор выложил «Плэйер» на подоконник за шелковую портьеру и нажал кнопку записи.

Следующие два дня Михаил прожил в таком сумбуре мыслей, в такой путанице чувств, что порой заходило сердце — как в стремительно теряющем высоту самолете. Было у него и ощущение потери, и обида, и надежда, что потеря — не окончательная, и, несмотря ни на что, вспышки радости, которую тут же гасили трезвые и горькие мысли...

Мама сказала наконец:

— Миша, да что с тобой? Ну, напиши ей сам или

позвони в конце концов. Нельзя же так изводить себя.

Михаил сказал сперва правду: что изводится совсем по другой причине. А потом соврал, что расстроился из-за статьи в «Среднекамском комсомольце». Статью в редакции и в самом деле изуродовали. Во-первых, придумали слюнявый заголовок: «Где ты, Антошкина мама?» Во-вторых, многое сократили, и получилась просто подборка случаев о брошенных матерями трехлетних и четырехлетних пацанятах, которые мыкаются по детприемникам вместе с правонарушителями школьного возраста. И получилось, будто Михаил в своей статье пытается убедить читателей, что во всем виноваты одни легкомысленные и бессердечные мамы. А рассуждения о том, откуда такие мамы берутся, оказались убраны.

Михаил долго лаялся по телефону с редактором отдела школьной жизни Васей Коротким. Вася отругивался. Ссылался на объективные причины и указания свыше. Потом, чтобы умяслить скандального автора, сообщил: на прежнюю его корреспонденцию о хамстве и рукоприкладстве воспитателей в Нижнетуринском интернате пришел из тамошнего горono ответ о принятых мерах. Михаил знал цену таким ответам. Подробно и с удовольствием он объяснил товарищу Короткому, как тому следует использовать эту бумагу. Рывкнул, что все равно будет добиваться судебного дела в Новотуринске и трахнул трубку на аппарат. С такой силой, что из своей половины дома примчалась старшая сестра Галина: ей показалось, будто выбили стекло.

Но и этот шумный разговор, и другие дела отвлекли Михаила не надолго. Точнее, совсем не отвлекли, потому что, чем бы он ни занимался, с кем бы ни говорил, стучала в глубине сознания мысль: «Егор... Егор... Егор...»

Субботу Михаил провел дома, а в воскресенье пошел в приемник, хотя дежурства у него не было.

В приемнике стояла тишь да гладь: малышню увели на прогулку, старших — на экскурсию в музей природы. Дежурила воспитательница Агафья Антоновна, которую и сотрудники, и ребята звали Агашей (не в упор, конечно, а за глаза). Была она добрейшая женщина и страдала лишь двумя недостатками: излишним любопытством и способностью открыто пускать слезы, когда из приемника увозили в детдома оставшихся без родителей малышей. Впрочем, и то, и другое ей прощали...

Агаша дала Михаилу несколько писем, и он сел с ними в дежурке. В эту минуту заглянул сюда Старик — начальник детского приемника-распределителя подполковник Рыкалов. Несмотря на выходной, он оказался на службе. Михаил встал.

— Здравствуйте, Иннокентий Львович.

Глядя мимо Михаила, Старик сообщил:

— Товарищ старший сержант. От воспитателя Ситниковой поступил устный рапорт, что вы на той неделе после отбоя в спальне старших воспитанников не требовали от них спать, а рассказывали какую-то историю.

Михаил, нарушив субординацию, сказал, что шла бы она, воспитательница Ситникова, куда подальше. Например, вениками торговать на рынке. Разве лучше будет, если пацаны станут бузить в темноте или играть при фонариках самодельными картами?

— Так-то оно так,— уныло произнес Иннокентий Львович.— Но режим есть режим, и я обещал объявить вам замечание.

— Есть получить замечание... Только можно завтра?

— Что завтра?— слегка опешил товарищ подполковник.

— Замечание завтра. Нынче я здесь все равно неофициально. А завтра можно сразу выговор, заодно уж. Потому что вечером я буду рассказывать ребятам «Трудно быть богом», роман братьев Стругацких. Давно обещал.

— Каким еще богом? Это что, религиозная пропаганда?

— Да что вы! Совсем наоборот, атеистическая.

— Ну, завтра так завтра,— неожиданно согласился Иннокентий Львович.— Слышь, а чего ты двое суток в командировке болтался? За сутки можно было сделать все в лучшем виде...

Михаил хотел доложить о бюрократах от педагогики, но опять колыхнулось под сердцем: «Егор...» И он сумрачно сказал:

— Можете считать, что застрял по личному делу.

Старик покачал головой и пошел к двери, сутулясь и поглаживая аккуратную, словно уставом подтвержденную лысину. На пороге вдруг оглянулся:

— Тезку своего, Мишку Узелка, помнишь? Опять привезли, слинял из детдома, чертенек. Все равно, говорит, к отцу убегу...

— А знает, где отец-то?

— Знает. Говорит: пусть. Буду, говорит, с ним в бараке на стройке...

Михаил взялся за письма.

...Боже мой, как же изголодались эти неприкаянные, ошетененные, никому не верящие Узелки, Мартышонки, Колянчики, Петьки Подсолнухи, Кочаны, Томки-растратчицы, если после одного разговора в казенной спальне или гулком ночном вагоне пишут и пишут хмурому парню в милицейском затертом пиджаке. Тому, кого, казалось бы, ненавидеть должны. Конвоиру...

«Я же ничего им такого не говорил. Я же в себе-то разобраться не могу...»

«Здравствуйте, Михаил Юрьевич. С приветом к Вам Зойка. Помните? Я теперь в спецучилище в далеком сибирском городе Коржанске. Училище хорошее, я получаю специальность, а с учебой пока средне, но тоже ничего. Помните тогда наш разговор в вагоне, он мне запал в душу, особенно про то, что нельзя делать свое счастье на чужом горе. Я теперь часто про это думаю, и как мама тогда вся переживала. И как Вы сказали, что если человек хоть немножко еще человек, то все еще может быть хорошее. Я спросила, а как я буду жить, если буду все время думать, что так сильно виновата, а Вы сказали...»

«Что я ей тогда сказал? То, что когда-то говорил мне Юрка?»

«Здравствуйте, дядя Миша! Когда меня привезли в спецшколу, то не сразу поставили в отряд, а через две недели, и тогда пошел мой срок. Но потом случилось одно дело, и я попал в больницу, состояние было тяжелое, даже маму вызывали, но теперь уже нормально. Я маме говорил про вас, а она говорит, что если бы я повстречался с вами раньше, то было бы все на свете лучше. Но я думаю, что все равно хорошо, что повстречался, и если вы в нашем городе будете, приходите ко мне в спецшколу, ладно? Дядя Миша, я еще хочу спросить, как вы думаете, будет атомная война или нет? Больше писать пока нечего. До свиданья. Женька».

«Не будет войны, Женька. Наверно, все-таки не будет... Но и покоя не будет еще очень долго...»

«Здравствуй, Михаил! У меня теперь другой адрес, после училища я работаю в СМУ-14 и живу в общежитии.

Здоровье теперь самое то. А как твой позвоночник? И сделали ли операцию отцу?.. Михаил, все теперь у меня нормально, но надо посоветоваться об одном деле. Возможно, я как-нибудь приеду?..»

«Здравствуйте, Михаил Юрьевич! Поздравляем вас со скорым наступающим праздником Октября. Это пишут Юрка Зайцев и Серега Бабилов, который Самовар. Нас, после как вы поговорили с начальством, определили в одну группу, спасибо вам за это...»

А это еще что такое? Надо же, из университета! Они что, домашнего адреса не знают?

«Уважаемый Михаил Юрьевич! Я надеюсь, что Вы не оставили намерение восстановиться на четвертом курсе со второго семестра этого учебного года. Буду рад помочь Вам и прошу в связи с этим зайти в деканат филологического факультета в удобное для Вас время, но желательно до праздника.

Проректор по заочному обучению,
профессор В. С. Платонов»

Увы, придется, видимо, огорчить милейшего Валентина Степановича: насчет зимнего семестра и восстановления вообще пока ничего не ясно. Программы по литературе и педагогике, которые три с половиной года прилежно штудировал сержант-заочник, не дали ответа на главный вопрос: как сделать, чтобы не нужны стали детприемники и должность эвакуатора.

Не волнуйся, дорогой, тебя попрут с этой должности гораздо раньше, чем ее упразднят. Старик-то тебя терпит, а зам. по воспитательной части товарищ майор Курляндцев давно уже зубы точит. Анархист, мол. Поменьше бы, говорит, статейки писал да в душах копался, побольше бы думал о плановых мероприятиях и отчетности... А вытурить тебя, Мишенька, из органов — раз плюнуть. После первой же медкомиссии. И куда пойдешь (хотя и сочинял в уме рапорта)? Думаешь, в редакции или в школе нужны недоучившиеся филологи? И думаешь, они хоть к о м у-т о нужны? А доучившиеся?..

Ох, насколько же проще было в воздушно-десантных войсках. В той самой армии, которой почему-то так боятся многие нынешние мальчишки. Ясно было, отточенно, честно и прочно. Несмотря на то, что до конца так и не избавился от страха, который останавливал дыхание перед каждым прыжком. Да наплевать на этот страх!

Прыгал-то не меньше и не хуже других. И никто не виноват, что в том последнем прыжке захлестнуло стропы...

...— Миша! Ты слышишь?

— А?.. Что, Агафья Антоновна?

— Мальчик тебя спрашивает. Там, у входа...

— Какой мальчик? Разве уже вернулись?

— Да не наш! — Агаша даже посапывала от любопытства. — Станный такой, приличный по внешности. Сперва адрес твой домашний просил, а я говорю: «Да он сам здесь». А он и говорит: «Скажите старшему сержанту Гаймуратову, что его ищет брат...»

ВЕЧЕРНЯЯ ЭЛЕКТРИЧКА

К стеклам липли снаружи мокрые сумерки, старый вагон трясся, словно хотел стряхнуть их. Дребезжали тусклые плафоны. В соседних вагонах работало отопление, там народу было много, а здесь никого. Но если притерпеться — не так уж холодно. И главное — никто не мешает разговаривать. Михаил так и сказал Егору. Егор не спорил. Хотя всем своим видом показывал: о чем разговаривать, он понятия не имеет. Все уже сказано.

Они сели на противоположные скамьи, но не друг против друга, а по диагонали: Егор — у окна, лицом по движению поезда. Михаил — на краю, у прохода.

Наконец Егор сказал, водя пальцами по стеклу:

— Хоть убей, не понимаю, зачем тебя понесло прожрать меня в такую даль.

— Чисто эгоистические соображения: если буду знать, что ты домой добрался нормально, спокойнее спать стану...

— А что со мной может случиться? — сказал Егор с легкой ноткой презрения к трусости Михаила.

— Да ничего. Я же говорю: просто мне спокойнее...

— Ну-ну, — сказал Егор и зевнул. Потом съязвил: — Ты, наверно, забыл, что я не беглец из интерната, а ты не конвоир.

— Какой же я конвоир? Наоборот... Видишь, даже в штатское оделся. — Михаил изо всех сил старался держаться ровного и мягкого тона. Потому что все еще

надеялся: вдруг повернется разговор иначе? Вдруг откроется в этом мальчишке что-то знакомое, родное? Но губы Егора Петрова, которые умели расплзаться в такой милый улыбчивый полумесец, теперь были вытянуты в прямую черту.

...Эти прямые губы и абсолютно спокойные глаза сперва казались Михаилу ненастоящими. Маской. Оно и понятно, говорил себе Михаил. В четырнадцать лет кому хочется показывать волнение? А в этом случае особенно. После такого знакомства в кабинете директора! Вот и смотрит братишка независимо и вроде бы безучастно. А в душе, небось, клубок сомнений, вопросов, тревог и... может быть, и радости? Ведь свой же, в конце концов! Примчался же, черт возьми, из другого рода!

...В первый миг, увидев Егора, Михаил качнулся к нему, взял за плечи.

— Ты... Егор...— Он чуть не сказал «Егорушка».— Надо же... Значит, она все сказала?

— Кто?— Егор медленно посмотрел из-под низко надвинутой вязаной шапки с этой вездесущей идиотской надписью «Adidas».

— Ну... мама твоя. Алина Михаевна...

— А...— Он улыбнулся тогда первый и последний раз.— Нет, она ничего не говорила. Это дело техники...

И он вытащил из-под куртки серебристый «Плэйер».

— Д-да...— озадаченно сказал Михаил. Ох как хорошо это все его царапнуло. Он не удержался:— Ты, я вижу, тертый мужик...— И спохватился: «Ох, дубина, зачем так?»

— Жизнь такая,— разъяснил Егор.— К тому же век электроники...

— Что и говорить,— улыбнулся Михаил (и со страхом поймал себя, что улыбка получилась чуть ли не заискивающая).— Ты современный юноша...

— Хочешь послушать?— спросил «современный юноша», никак не отозвавшись на улыбку. И вынул дужку с мини-наушниками.

— Подожди,— Михаил оглянулся на изнемогающую от любопытства Агашу, на чуткого дежурного у входа.— Пойдем отсюда...

За низким зарешеченным окном был виден сквер с ярко-желтыми березами. День был не холодный и к

тому же сделался разноцветный — пробилося солнце.

В сквере они сели на усыпанную листьями скамейку.

— Хочешь послушать? — опять сказал Егор, и Михаил с удовольствием отметил, что брат говорит ему «ты».

— Послушать?.. Да я и так помню разговор... Ловко ты сработал с этой машинкой. Оперативник, да и только...

Егор пренебрежительно спросил:

— Видимо, с милицейской точки зрения, это комплимент?

— Ну что ты ерничаешь, Егор... — осторожно проговорил Михаил (а сердце перестукивало, щеки теплели от тревожной радости). — Ну, давай, я послушаю.

— Я не оперативник. Просто машинка была под рукой, вот и нажал кнопку... На.

Михаил снял фуражку, надел крошечные холодные наушники. В них что-то шелохнулось, и сразу возникло ощущение пространства — с шорохом шагов, шелестом портьеры. Да, техника. Действительно стерео. Если закрыть глаза — полное впечатление, что находишься в комнате и два человека говорят в разных углах.

Свой голос Михаилу показался чужим, так всегда бывает, если слышишь себя в записи. Но Алину он представил как живую.

«Я вас слушаю... Он что-то натворил?»

«Алина Михаевна, вы меня, конечно, не узнаете. А я вас сразу узнал. В шестьдесят седьмом году в Севастополе, помните?.. Меня тогда звали Гай...»

Молчание... Молчание, молчание. Но не глухое. Тончайшие ферромагнитные чешуйки отпечатали еле слышное дыхание двух людей. И как шевельнулся под Михаилом стул.

«Да... — наконец сказала Алина. — Действительно, вас не узнать...»

И снова молчание. Полное холодными вопросами: «Ну, и что же вам надо от меня? Вы понимаете, что я не жду от вашего визита ничего, кроме осложнений? Вы понимаете, что у меня нет желания вспоминать и вас, и тот шестьдесят седьмой год?»

Он это понимал. И спросил сразу — будто головой в парашютный люк:

«Алина Михаевна, Егор — сын Толика?»

И моментально:

«С чего вы взяли?.. Господи, с чего вы это взяли?!»

«Мы же не дети, Алина Михаевна... День рождения — первое июня... Кто еще мог быть его отцом?»

«Вы... Простите, но вы как-то очень уж примитивно рассуждаете».

Он, кажется, позволил себе улыбнуться. Чуть-чуть.

«Алина Михаевна, это не я такой примитивный. Это законы природы...»

Снова тревожная тишина. И вдруг резкий вопрос:

«Ну, и что вы хотите?»

«Что... Вы и сами понимаете. Знать хотелось бы...»

«Но вы и так уже знаете...— Михаил вспомнил, как она стала покусывать пухлые губы.— Вы, простите, высчитали... И разыскали... Видимо, это ваша специальность...»

«Я понимаю, что мой приход вас не радует... Но меня-то понять вы можете? Если это так, то Егор — мой двоюродный брат».

«И что из того? Вы узнали о нем случайно. И двоюродный — не родной...»

«Он — сын Толика. А Толик для меня...»— Ох как не вовремя, как по-дурацки у взрослого мужика что-то по-детски сорвалось в горле... Она сказала помягче:

«Как все это неожиданно... И долго вы нас искали?»

«Боже мой, да совсем я вас не искал! Был в школе по служебным делам, директор говорила с вами по телефону, я услышал ваше имя, вспомнил...»

«Значит, нелепая случайность».

«Нет...— Михаил слегка ожесточился. Особенно на слово «нелепая».— Думаю, так или иначе наши пути пересеклись бы. Все-таки в одном краю живем. Вы и с Толиком-то познакомились именно поэтому, он мне рассказывал. Вы с ним разговорились, когда он узнал, что ваш брат живет недалеко от Среднекамска...»

«У брата почти такая же судьба, он погиб в катастрофе...»

«Простите, я не знал...»

«Не в том дело. Если бы не этот разговор в школе...»

«Но он случился».

«К сожалению...»

«Все-таки...— Михаил вспомнил, как с резиновой натугой произнес это «все-таки».— Что же здесь плохо-го? Чем я могу повредить вам и Егору?»

«Извините, я не помню вашего... настоящего имени...»

«Михаил».

«Михаил... и?..»

«Михаил Юрьевич, если угодно».

Она скользнула тогда по нему глазами.

«Я понимаю,— сказал Михаил.— Такому имени более соответствовал бы изящный мундир поручика Тенгинского полка, а не потертый пиджак милиционерского сержанта... Но дело не во мне...»

Вздых.

«Дело именно в вас... Вы сотрудник милиции и должны знать юридические нормы. Законы... Тайна усыновления охраняется законом. Кто ее нарушит...»

«Я не нарушу. Не за тем пришел. Не бойтесь»,— это в нем уже закипела досада.

«Вы должны меня понять, Михаила Юрьевич... Моя... мое знакомство с Анатолием было... оно коротким было. Почти что случайным. А Виктора.. моего нынешнего мужа я знала еще задолго до того. Хорошо знала... Когда он вернулся из плавания, то ни в чем не упрекал меня. Мы поженились, будто ничего не было, он любил меня. Даже его родители не догадывались, что Егор не его сын. И сам Виктор ни разу... ни намеком, ни словечком про это не напомнил. Ни мне, ни себе. А вы хотите сейчас...»

«Ничего я не хочу, Алина Михаевна... Но как бы вы поступили на моем месте, если бы узнали... про такое...»

«Ох, не знаю.. Михаил Юрьевич. Я женщина, и вот на меня вы свалили... все это. Сразу, неожиданно».

«Простите... Но была еще женщина, мать Толика. Я думаю, она прожила бы гораздо больше, если бы знала, что у Толика остался сын, ее внук».

«Может быть.. Честно говоря, я не думала об этом...»

«Верю»,— вздохнул он.

«Да. Вы можете осуждать меня, но прежде всего я думала о своей семье. Так устроены женщины».

«Не все...»

«Можете осуждать меня»,— опять сказала она.

«Алина Михаевна... Разве я пришел, чтобы осуждать?»

«Не знаю, зачем вы пришли... Если Егор обо всем узнает, неизвестно, чем это кончится. Переходный возраст, с ним и так нелегко... Давайте говорить откровенно...»

«Давайте»,— уже безнадежно согласился Михаил.

«Наверно, я скажу вам жестокую вещь, но, когда женщина защищает свое.. свое гнездо, она способна на все. Ведь Анатолий погиб из-за вас. Неужели вы хотите сделать несчастным и его сына, разрушить семью, где он вырос?»

Сейчас, в сквере, Михаила опять придавило тоскливым грузом давней вины. И через много-много тягостных секунд он услышал свой осевший голос:

«Откуда вы это знаете? Что из-за меня...»

«А разве не так? Если бы вас там не было, если бы он не возился с вами, не поехал бы вас провожать...»

Михаил вспомнил, как обмяк с горестным, стыдливым облегчением. Конечно, она ничего не могла знать о гранате. Но облегчение было обманчивым, секундным. Словно расталкивая обвалившиеся на него мешки с сыпучим грузом, Михаил тогда поднялся со стула.

«Я мог бы в свою очередь упрекнуть вас: если бы вы в тот раз на бульваре не кинулись за милицией, не было бы всей этой истории. Но какой смысл обвинять друг друга?.. Я мог бы при желании доказать вам, что мы оба здесь вообще ни при чем и что бандиты выслеживали Толика специально, старательно... Только вас это, конечно, не интересует»

Еле слышно вздохнуло кресло — это поднялась мать Егора.

«По правде говоря, меня интересует, могу ли я жить спокойно?»

«Можете...— медленно сказал Михаил.— Даю вам слово, что Егор от меня ничего не узнает... Могу даже расписку дать».

«Ну при чем тут расписка? Я рада, что вы меня понимаете...»

«Как много раз тут говорилось слово «понимаете»,— печально подумал Михаил.— А где оно, понимание?» Он опять услышал свой голос:

«Пойду я... Еще раз прошу извинить... Вначале у меня была мысль: можно ведь ничего и не говорить Егору, мы могли бы просто... ну, общаться, что ли Как друзья... Да какая уж тут дружба, вы будете на меня смотреть как на вечную опасность...»

«Вот видите. Вы же сами судите трезво... И кстати, зачем вам, взрослому человеку, это... общение с мальчиком?»

«С братом... Я вам объяснил. Извините, если непонятно... Брат есть брат, тем более что...» — Михаил запнулся.

«Что?» — нетерпеливо сказала она.

«Егору с братом, наверно, все-таки лучше иметь дело, чем с работниками милиции... Я имею в виду не себя... вообще...»

«Он что-то натворил?» — опять быстро спросила Алина Михаевна.

«Натворил?.. По-моему, пока ничего, кроме того, что вы слышали от директора... По крайней мере, я не знаю... Он достаточно умный парень и не будет шутить с законами открыто. Но в конце концов может и не рассчитывать. Сам не влипнет, так дружки втянут».

«Но позвольте... какие дружки? Вы что хотите сказать?»

«Увы, то, что сказал».

«Но... что вы в нем такого увидели? Он не ангел, конечно, но и... Он вполне нормальный мальчик».

«Вполне нормальные не караулят вчетвером одного».

«Но они же мальчишки! Мало ли что бывает...»

«У мальчишек разве не должно быть совести?» — спросил Михаил. Опять в наушниках возникла шуршащая тишина. И наконец Алина Михаевна произнесла:

«Знаете... молодой человек, на свете все так сложно. Сейчас и взрослые порой готовы съесть вчетвером одного...»

«Боюсь, что эту мысль Егор усвоил уже достаточно крепко...»

Он тогда шагнул в прихожую, ощутив глубокое отвращение к дальнейшему разговору. Слышно было, как шлепнулись на паркет сброшенные с сапог «лапти». Глухо (видимо, уже далеко от микрофонов) мать Егора сказала:

«Я не хотела вас обидеть. Я... обдумую ваши замечания...»

Кажется, Михаил буркнул в ответ «обдумайте» и затем «до свидания». Но это на пленке уже не записалось. Отпечатался только звук закрывшейся двери. А потом — долгая тишина. Пустая и горько-недоуменная — как то ощущение потери, с которым уходил Михаил из этого дома...

Вдруг ударили по ушам дребезжащие аккорды и ка-

кой-то кретин завыл на тарзаньем языке: «Бы-улы-улы-а, а, а, а-ха-ха...» Видно, Егор проник в комнату и оставил запись...

Михаил, глядя в сторону, отдал Егору наушники.

— Видишь,— сказал Егор с безмятежной улыбкой.— Никакого разглашения тайны. Я все узнал сам.

«И приехал,— подумал Михаил, отгоняя сомнения и досаду.— Приехал же! Какой бы он ни был, как бы ни ершился и ни вредничал, все равно он — здесь. Примчался...»

— Ты не все узнал,— осторожно сказал Михаил. Он остановил в себе желание взять Егора за плечо и придвинуть к себе.— Про отца-то ведь ничего не знаешь... Про того...

— Вот и расскажи,— отозвался Егор непонятным тоном.— Надеюсь, он был не летчик-испытатель?

— Нет... С чего ты взял? И что плохого, если летчик?

— Ничего, кроме вранья. Почему-то сыновьям всегда пудрят мозги. Папа где-нибудь в бегах или в отсидке, а мама историю вяжет: «Он испытывал истребители и героически погиб...»

— Что за чушь ты несешь! Даже из записи ясно, что ничего похожего...

— Да я не про этот случай, а вообще,— буркнул Егор.

— А я «про этот»... Он испытывал не истребители, а подводные аппараты особого назначения,— тяжело сказал Михаил.— Он был их конструктором... А погиб он не при испытаниях, а при стычке с двумя бандитами. В Симферополе... Проводил меня на самолет в аэропорту, сам поехал на вокзал, чтобы электричкой вернуться в Севастополь... А они его, видимо, выслеживали...

Егор не спросил, что за бандиты и зачем выслеживали. Шевельнул ботинком листья и сказал:

— А, правильно. Мать же говорила... Поэтому она и считает, что ты виноват?

— С ее точки зрения, видимо, так,— сумрачно произнес Михаил.— А что она еще говорила?

— Ты разве не всю запись прослушал?

— А... Постой! Ты что же, сам-то с матерью про это не разговаривал?

- Зачем?
- Значит... сразу взял да и сюда приехал?
- Как видишь, не сразу. Воскресенья дождался.
- Старательно уходя от его нагло-равнодушного тона, Михаил спросил со сдержанной заботой:
- А меня сразу отыскал?
- Естественно. По той бумажке.
- Слушай, Егор... А дома-то у тебя знают, где ты?
- До вечера не хватятся, а к десяти я приеду. Отсюда в пять часов электричка идет.
- Как в пять?... А... но это же через два часа!
- Ну и что? До вокзала рукой подать.
- А разве ты...— Михаил совершенно по-дурацки растерялся.— Я думал... Ну, давай хоть на полчаса забегим ко мне!
- Зачем?
- Как зачем? Вообще... С мамой познакомлю. Она же... тетка твоя, сестра отца. Ты не представляешь, как она...
- А зачем?— третий раз спросил Егор и поднял глаза. Спокойные такие глаза. Симпатичный такой паренек Егор Петров.
- Тогда для чего ты приехал?— тихо сказал Михаил.
- Я-то? Уточнить.
- Что именно?
- Как что... Правда ли, что мой папочка — не совсем папочка... Вернее — совсем не папочка.
- И... все?
- А что еще?
- Да-а...— сказал Михаил. И ощутил ту же потерянность, как в конце беседы с Алиной.
- Егор снисходительно вздохнул:
- Давай уточним и другое. Ты чего хотел? Младшего родственника, которого надо спасать от плохих компаний? Растить из него достойного строителя БАМа и члена оперотряда?
- Дурак ты,— безнадежно сказал Михаил.
- Ну, конечно. Все, кто не принимают милицейскую мораль,— дураки,— четко произнес Егор.
- А у тебя какая мораль?
- Заканчивай мысль. Скажи, что у меня никакой морали.

— Егор, зачем мы так?— Михаил проговорил это с ощущением, что стучится в дверь, хотя знает, что в запертой комнате никого нет.— Встретились, и будто враги...

— Почему враги? Я к тебе ничего не имею.— Егор встал.— Пойду. Надо еще перекусить до отъезда. Тут какое-то кафе недалеко, с самообслуживанием.

— Постой!— Михаил схватился за соломинку.— Я тебя провожу до вокзала.— И подумал: «Сейчас скажет — зачем?»

Но Егор только молча прошелся глазами по его шинели.

— Ты сиди и обедай, а я заскочу домой, переоденусь,— предложил Михаил.— Это всего полчаса. Надеюсь, не исчезнешь?

— Я не клиент вашего детприемника. Не исчезну.

Интересно, что Егор не возражал, когда Михаил купил билет и сказал, что они поедут вместе. Только пожал плечами:

— Туда и обратно — потеряешь полсуток. Неужели охота?

И вот теперь они сидели в пустом вагоне. И несмотря на все недавние разговоры, Михаил опять думал, что, может быть, не все еще потеряно. Может, приоткроется что-то в этом мальчишке. Если зацепить какую-то струнку, найти нужные слова... Но слов не находилось, и Михаил спросил:

— Пообедал-то нормально?

— Сэнк ю, май сэржант. В соответствии с режимом.

— Скотина ты все-таки,— вздохнул и Михаил (вот тебе и «нужные слова»).

— Еще раз благодарю... А почему ты заявил матери, что я обязательно попаду в милицию?

Это был не тот разговор, но хоть какая-то зацепка.

— Объяснить подробно?

— Лучше коротко. Но понятно.

— Постараюсь... Тебе наплевать на людей. Судя по всему — на всех наплевать, кроме своих дружков. А может, и на них...

— Может быть,— вставил Егор.

— Значит, тебе наплевать на законы, по которым

люди живут, общаются между собой... Наверно, я коряво выражаюсь...

— Ничего, я улавливаю.

— Ну вот. А раз тебе на них наплевать, ты в любой момент можешь их нарушить.

— Не такой уж я дурак.

— Конечно. Ты знаешь, что нарушать закон — себе дороже. Остап Бендер тоже чтит Уголовный кодекс... Но тебя держит в рамках не совесть, не боязнь кого-то обидеть, а один страх. Точнее, благоразумие (это не так обидно)... Когда этот... это благоразумие однажды не сработает, когда тебе покажется, что можно действовать безнаказанно, ты и загремишь... На этом все гремят. Не только прирожденные преступники, а вообще эгоисты...

— Так...— Егор сел поудобнее.— Теперь развей мысль, что я эгоист.

— Ты что, сам этого не знал?

— Знал, знал... Ну, давай дальше: как «гремят» эгоисты.

— Такие, как ты? Или вообще?

— Вообще. В мировом масштабе.

— Очень просто!— Михаил почувствовал, что заводится, но подумал: плевать.— Ощущения эгоиста какие? «Я — пуп Земли. Остальные — это мое окружение. Питательная среда, из которой я, чтобы благополучно существовать, должен тянуть соки». И тянет. Жулик тянет из карманов, грабитель «трясет» сберкассы... А есть не жулики и не грабители. Вроде бы... Они благопристойны и даже занимают посты. Но главное для них — не работать, а хапать. Причем часто работают неплохо — чтобы лучше хапать. Чтобы и меть... И вот отсюда — приписки к планам, фальшивые премии, махинации с квартирами, машины без очереди...

— Как я понимаю, ты имеешь в виду папочку?

— Твоего?— искренне удивился Михаил.— Все нет. Я даже толком не знаю, кто он... Тебе видней.

— Угу... Ну, а дальше?

— Что? А!.. Дальше — одинаково. Рано или поздно — свидание со следователем. И полная душевная трагедия. Даже если не гремят за проволоку, а просто летят с поста. Потому, что без высокой должности и без возможности копить дальше не видят смысла жизни.

— Это ты мне обещаешь такое будущее?

— А почему бы и нет... Мальчик с «Плэйером».

— Ну-ну, поговори теперь о вещизме, — сказал Егор. — О том, что джинсы и магнитофоны — это плохо и что нечего гордиться иностранными наклейками на заднице, это, мол, не орден. И что заграничные штаны такие сопляки, как я, покупают на папины деньги, а не на заработанные. Или химичат на барахолке. А гордиться надо честно заработанным, тогда ощутишь полное счастье. Ага?

— Подкованный товарищ, — скучным голосом вставил Михаил.

— ...И скажи еще, что вообще не в вещах счастье, а в творческом труде на благо человечества. И что вещи — это тьфу, а есть вечные ценности. Например, музыка Моцарта, поэзия Пушкина, красота родных просторов и ощущение этого... своей нужности людям. Это наша Классная Роза вещает на собраниях постоянно. А потом мамыши из родительского комитета скидываются для нее по праздникам то на импортную кофточку, то на...

— Не знаю насчет вашей Розы, — устало перебил Михаил. — И насчет твоей нужности людям... Это у кого как получится. Но Пушкин-то действительно есть, от этого никуда не денешься.

— А зачем он нужен? Чтобы цитировать «Я помню чудное мгновенье»? И ахать: какая бессмертная поэзия? А меня вот не трогает это «мгновенье». Сто раз читал — и ничего не шлохнулось. Ну, я понимаю, я не дорос...

— Да ты не до Пушкина не дорос, а вообще до человека... Чтобы эти стихи понимать, надо кого-то любить. По-настоящему.

— Я еще не созрел, — ядовито сказал Егор. — Мама от меня все еще журналы папашины прячет, где девицы в мини-купальниках...

— Я не про то. Я вообще про любовь к человеку. Не обязательно к прекрасной незнакомке. К матери, к другу, к брату...

— Мне одна знаменитость сказала, что я никогда не смогу быть братом. Так что тебе рассчитывать не на что...

Михаил сказал, помолчав:

— И подумал сейчас Егор Петров: «Теперь этот тип гордо ответит — а я и не рассчитываю...» Нет, Егорушка, я рассчитывал. Ошибся. Извини... Любви не научишь.

— Это верно, — откликнулся Егор. — Особенно когда учителей полным-полно, а любить... Кого любить-то? И за что?

— Трудный вопрос... А тебя за что любить?

Егор искренне удивился:

— Меня? А я и... не претендую, так сказать.

— И без того хорошо, да?

— Мне?.. Не знаю, — честно сказал Егор. Потому что рассуждал скорее сам с собой, чем с этим новоявленным братцем-сержантом. — Мне не хорошо и не плохо. Так...

— Вот это уже странно... Плохо ему или хорошо, человек должен знать, — смягчая тон, сказал Михаил.

— А я, представь, не знаю.

— Что так? Раннее разочарование? «Уж не жду от жизни ничего я»?

«А чего я жду, чего хочу?» — подумал Егор и глянул на влажное стекло, за которым совсем потемнело. Он провел по стеклу пальцем, оно скрипнуло.

Правда, чего? Каких радостей в жизни он хочет? Сидеть в компании и балдеть? Но, когда не стало Камы и Шкипа, это потеряло прежний смысл. Из радости превратилось в привычку. Счастьем тут и не пахнет. А что — счастье? Чтобы появился мопед или даже мотоцикл? Но, честно говоря, Кошаку хватает и чужих. Свой-то надоест через неделю, да и возни с ним полно, а к технике нет у Егора Петрова никакого тяготения... Так в чем же радость? Чтобы увидеть, как кто-то боится тебя и делается униженно-покорным? Но это же на несколько минут...

Егор честно перебрал в голове все свои желания, даже самые тайные. Но их исполнение доставило бы лишь короткое удовольствие — как порция мороженого в жаркий день. А какой большой радости он хочет?

Закатиться в какое-нибудь дальнее путешествие, чтобы видеть всякие чудеса?

Егор вдруг вспомнил, как во время плавания по Волге он увидел среди солнечной шири, под очень синим небом и белыми облаками, полузатопленную колокольню. Она подымалась над плесами сказочно и таинственно. Было в этом что-то от прочитанных в раннем

детстве волшебных историй — словно обещание загадок и радостных приключений. И Егор повернулся к матери, чтобы сказать: «Смотри, будто парус над океаном, да?»

Но мать говорила с рыхлой крашеной дамой в атласных штанах и отмахнулась: «Не перебивай, Горик, потом...»

И парус увял, а Горик смутно ощутил, догадался в душе, что сказки, красота, открытия — все, что видишь в дальней дороге,— хороши тогда, когда можешь этим поделиться с другими.

А с кем он мог бы отправиться в дорогу теперь? С Копчиком или Валетом? С Курбаши?.. Или с этим вот худым, нудно липнувшим к нему двоюродным братцем? Воспитатель с сержантскими лычками! Видели мы таких...

Хмурое отвращение к этому совершенно чужому человеку, который лезет в душу, тряхнуло Егора как крупный озноб.

— Тебе что от меня надо-то? — спросил он в упор.

— Да уже ничего,— устало сказал Михаил и отвернулся...— Ничего... Доеду сейчас до Подлунной, там сяду на обратный поезд... В заколоченный дом не достучишься.

— Давно бы так,— буркнул Егор и подумал: «А мне-то сколько еще пилить до дома...»

Зачем его понесло в Среднекамск? Что хотел узнать, в чем убедиться? И так все было ясно. Сорвался куда-то, идиот...

Нет, в самом деле — зачем? Любопытство? Запоздалое злорадство в адрес отца и матери! Или... надежда на что-то необыкновенное? На что? Может, надеялся, что в слове «погиб» какая-то неясность и настоящий отец жив?.. Но если и так, что в жизни изменилось бы? Да и не надеялся он на это, не думал даже... И уж меньше всего хотел заполучить в братья такого вот... казенного правдолюбца.

«А я ведь и не узнал ничего толком,— запоздало спохватился Егор. Но сейчас расспрашивать Михаила было нелепо.— Да и не все ли равно. Пусть...» — Последняя мысль была похожа на усталый зевок. Но несмотря на утомление, злость на Михаила не прошла. А тот вдруг сказал:

— Последний вопрос: я, очевидно, не должен больше напоминать о себе? В родственники не гожусь?

Что-то все же удержало Егора от прямого «да». Он ответил вопросом на вопрос:

— А я тебе разве гожусь? Эгоист, кандидат в тюрьму...

— Егор...

— Да отвяжись ты! — прорвало Егора. — На кой черт ты появился? Не было тебя и пусть не будет!.. Ну, чего ты на меня так смотришь?!

— Прощаюсь...

На секунду Егор опешил. Потом разозлился еще больше:

— Даже так? Будто с покойником?

— Да я не с тобой прощаюсь, — выдохнул Михаил. — С тобой-то все ясно...

— Ну с тобой тоже. Терпеть не могу таких.

— «Терпеть не могу»... А кого ты можешь терпеть? Хоть кого-то на свете любишь?

— Никого, — отрезал Егор. — А таких, как ты, тем более... Хоть ты в болоте тони, пальцем бы не пошевелинул.

— Охотно верю.

— Верить или нет, это твое дело, — со злой тоской и совершенно искренне сказал Егор. — А я правду говорю. Понимаешь, мне все равно.

Михаил встал, одернул куртку. Явно хотел уйти подальше от Егора. В этот момент ржаво заверещала и отодвинулась тамбурная дверь. В ней показалась необъятная, набитая зелеными и светлыми бутылками авоська. Ее, прогибаясь от тяжести, вволол в проход между скамьями парень лет восемнадцати — невысокий, в модной бежевой курточке, смуглый, с тонкими усиками. Чем-то похожий на Валета, но повыше. Следом за парнем возникла щетинистая личность в мятой ушанке и замызганном стройбатовском бушлате без погон. Личность обвела медвежьими глазками вагон, остановила их на Михаиле и выговорила:

— Во...

— Погодь, Фатер, — сказал парень, с хрустальным звуком опуская грузеную сетку на дрожащий пол. Егор механически отметил, что «фатер» — по-немецки, кажется, «отец», только произносить надо тверже: «Фатэр». Но едва ли мятая личность была отцом парня — ей, несмотря на щетину, немногим за тридцать.

— Чего годить? Во... — Фатер, не спуская глаз с Михаила, шагнул к нему через авоську. — Слышь, кореш, ты докуль едешь?

— А тебе что? — неласково сказал Михаил.

— Ну, ты чё? Я же по-людски к тебе...

— До Подлунной он едет, — подал голос Егор. Не ради этого дядьки, похожего на беглого эзка, а чтобы напомнить Михаилу: не забудь, где хотел сойти.

— В самый тык! — обрадовался Фатер. — Слышь, ко-решок, нам до Подлунки никак нельзя, обстоятельства, значит... Дай трояк, а стеклотару гребь с собой. В Подлунке-то прямо у станции магазин, там Муська. Знаешь? Она тебе за этот груз полным счетом деньгу отвалит, к битым горлам не прискребется, скажешь: от Фатера. Тут на семь рэ, не мене...

— Отвали, приятель, — рассеянно сказал Михаил.

— Ну, ты чё? Не мужик, да? Без понятия? У меня в хате дружки чахнут без опохмелки, эту муку ты понять могёшь?

Михаил молча отошел, сел подальше — за тремя скамейками, с другой стороны прохода. Спinoй ко всем.

Парень, прогнувшись, поднял авоську, водрузил ее на край скамьи, где сидел Егор. Мест ему мало, что ли? Вон сколько скамей... Чтобы он не уселся по соседству, Егор демонстративно повернулся боком, прислонился к стенке у окна, а на сиденье рядом с собой поставил ногу — занято, мол.

Парень шевельнул усиками, улыбнулся и уселся там, где недавно сидел Михаил. Потом подвинулся, давая место Фатеру.

«На теплое тянет», — подумал Егор и закрыл глаза. Было холодно в вагоне, но здесь, в углу, нахохлившись и сунув ладони в рукава, он пригрелся. Колесный стук и дребезжанье стали ровнее, уютнее как-то. В них вплеталось бормотанье. И не сразу Егор понял, что это спорят полупшепотом Фатер и его спутник.

Егор поднял веки.

Фатер хотел встать, парень деревянно улыбался и придерживал его за рукав.

— Фатер, кончай, с грузом но́ги не сделаем...

Тот тихо матерился, дышал сквозь зубы:

— Пусти... Фатера, он па-адлюка, не знает...

На Егора лишь сейчас тяжко пахнуло водочным духом. Губы Фатера втянулись внутрь, глазки белели. Егору стало жутковато. Фатер выговорил тяжело:

— Пусти, Федюня... дружок... Фатера не знает, гад...

Я...— Он вдруг поднялся пружинисто и мягко. Правую ладонь опустил в карман, левой властно отодвинул все улыбающегося Федюню, трезво и бесшумно шагнул в проход. Егор шевельнулся. Федюня быстро нагнулся к нему, выбросил вперед руку. Из кулака беззвучно скользнуло светлое лезвие ножа-кнопочника. Егор услышал полусшепот:

— Тихо, детка, не чирикай...

— Не чирикаю. Мне до лампочки,— улыбнулся Егор С пониманием. И с облегчением: его это дело не касалось. Федюня был ничего, даже симпатичный, и действовал разумно. Фатер был, конечно, подонок, но что Егору до него и до Михаила, к которому Фатер мягко шел с рукой в кармане.

Михаил ничего, разумеется, не слышал за грохотом электрички. Фатер шел. Любопытно, что он задумал? Егор смотрел. Туда смотрел, на Фатера и Михаила, а не на нож. Ножа он вовсе не боялся и почти забыл о нем, лишь краем глаза, подсознательно, отмечал у своего живота светлое дрожащее лезвие.

Рука Фатера выскользнула из кармана, блеснул на пальцах металл...

— Счас...— машинально шепнул Егор. Федюня не выдержал, быстро глянул назад. Кулак Егора ударил Федюню по руке выше ножа. Нога Егора стремительно распрямилась, ботинок врезался в бутылки.

ВЕЧЕРНЯЯ ЭЛЕКТРИЧКА. Продолжение

Дальнейшее произошло молниеносно, и Егор не уловил подробностей. В кино такие дела нарочно показывают замедленно: плавный прыжок, неторопливый замах, перехват, растянутый на долгие секунды взлет человеческого тела... А здесь Фатер и Михаил на миг словно слиплись в тесном объятии, затем — хриплый вскрик, и вот уже Фатер скорчился на коленях, тыкается башкой в тряский пол вагона, а Михаил рвет у него кастет с выкрученной до шеи руки...

— Пусти... сволочь!.. Федюня-а!

Но юный спутник Фатера, забыв о Егоре, забыв про нож в кулаке (или, наоборот, все мгновенно рассчитав), прыгнул через скамью, метнулся в тамбур и... черт его зна-

ет, куда сгинул: то ли спасся в других вагонах, то ли сумел раздвинуть наружную автоматическую дверь и выскочил. Поезд в ту минуту замедлял ход, за окнами тихо ехали желтые размытые фонари.

Михаил рывком выволок Фатера на площадку, дождался, когда шипящая дверь разойдется, и пинком выкинул его на платформу безлюдного разъезда. Сунул в карман трофейный кастет, как-то дурашливо, по-мальчишески отряхнул ладони и оглянулся на Егора (тот и сам не заметил, как выскочил в тамбур).

— Вот так,— вздохнул Михаил. И они вернулись в вагон. Михаил ногой задвинул под скамейку сетку с побитыми бутылками и шапку Фатера. Боковой карман куртки у него тяжело отвисал.

— Покажи игрушку-то,— небрежно сказал Егор. Михаил протянул ему тяжелую никелированную штуку с шипами и отверстиями для пальцев. Предупредил немного виновато:

— Не насовсем. Нельзя...

— Больно надо,— хмыкнул Егор, хотя в «таверне» такая вещь, конечно, произвела бы впечатление. Он примерил кастет на пальцы (оказался велик), покачал на ладони.

— Да, припечатал бы он тебе...

— И не говори...— согласился Михаил.

— А у того фраера кнопочник был. Он мне его в пузо...

— Постой...— глаза у Михаила по-детски распахнулись.— Так ведь он же тебя мог...

— Ну да. Я потому и не чирикал. А ногой в стекло-тару...

Михаил помолчал. Потом выдохнул:

— Спасибо, Егорушка...— Он качнул рукой, словно хотел взять Егора за плечо и не решился. На это движение и на «Егорушку» Кошак опять ошетинился. Внутренне. «Думает, что теперь можно в душу лезть?» Эту ошетиненность Михаил, видимо, сразу почувствовал. Они помолчали. Наконец Михаил неловко сказал:

— Кастет, однако, давай. Штука уголовная, надо сдать... Жаль, не было времени заняться этим Фатером подробнее...

Они сели на старые места — опять наискосок друг от друга. Егор ежился от холода.

— Может, пойдем в другой вагон? — предложил Михаил.

— Неохота... Ты иди, если мерзнешь.
Михаил насутился. Помолчал минуты две.

— Егор...

— Ну?

— Если бы не ты, я бы, наверно, не успел...

«Не наверно, а точно не успел бы»,— подумал Егор.

— В общем, спасибо тебе,— тихо сказал Михаил.

— На здоровье...

Егор почувствовал, что Михаил тоже слегка оше-
тинился. Давно бы так! А то подъезжает то с одной,
то с другой стороны.

— Это все тем более ценно,— внятно произнес
Михаил,— что недавно было сделано декларативное заяв-
ление: «Хоть в болоте тони, пальцем не пошевелину»...

«Не купишь»,— устало подумал Егор. И разъяснил,
водя пальцем по влажному стеклу:

— А я правду говорил. Честно...

— А чего ж тогда вмешался? Рисковал ведь.

— Не знаю...— откровенно сказал Егор.— Не могу
сообразить.— Он спокойно, холодно и без уверток попы-
тался понять: как же это произошло? — Правда...
Сидел, смотрел: кто кого? А потом нога сама...

Он еще раз прокрутил в голове все, что случилось.
И сказал, не тая недоумения:

— Да, не знаю... Может быть, потому, что ты все-
таки брат?

Он увидел, как метнулись в глазах у Михаила
радостные огоньки. И отодвинулся в самый угол, отвер-
нулся. Словно опустил перед собой еще одну прочную
заслонку. Михаил с благодарностями больше не полез и
спросил с насмешливой ноткой:

— А какая такая знаменитость пророчила тебе, что ты
не сумеешь быть братом?

— Режиссер один. В кино меня пробовал на чувстви-
тельную роль... Александревский.

Михаил подался вперед.

— Как ты сказал?

— Александревский. А что?

— На вашей студии? На местной?

— Ну, не на Мосфильме же.

— Слушай... а может, Александр Ревский?

— Что? — Егор наморщил лоб.— Ну... может быть.
Я на слух воспринимал... А какая разница?

— Есть разница... Вернее, совпадение. Александр Яковлевич, бывший Шурка, друг... Анатолия Нечаева.

Егор уловил, что Михаил едва не сказал «твоего отца». Не сказал, сдержался почему-то. Ну и ладно. Егор пожал плечами: друг так друг. Не все ли равно?

— Они в детстве жили в Новотуринске, — объяснил Михаил. — Потом разъехались. А в шестьдесят седьмом году встретились на «Крузенштерне», парусник такой. Ревский был там в бригаде, которая кино снимала, он тогда на Ленфильме работал...

«Он надеется, что сейчас я начну расспрашивать: какое кино?» — подумал Егор. В нем росла досада, что невольно признал родство с Михаилом. И, скривив губы, он лениво спросил:

— Если бы на Ленфильме, чего его к нам-то принесло?

— Здесь возможностей больше, самостоятельности. Здесь он зам. главного режиссера. И с жильем сразу устроилось, и творческого простору больше...

— Во-во!.. Всем нужен творческий простор. На лишние квадратные метрах. А потом вещизм ругают и говорят о вечных ценностях, о вдохновении...

— Ты же не знаешь этого человека!

— А я не про него, а вообще... Недавно у нас в школе тоже один такой выступал. Как раз когда меня директорша к себе вызвала и случилась наша приятная встреча... Тоже рассуждал, что таланту нужна широкая жилплощадь.

— Ну и что? В чем-то он прав... А кто такой?

— Не знаю фамилии, на начало я опоздал, а с конца ушел. Писатель какой-то... Кстати, тоже о Крузенштерне рассказывал. Не о корабле, а о самом... Один кретин у нас сказал: «Робинзон Крузен...» — Егор хмуро хихикнул, чтобы заглушить воспоминание о теске-кадетике.

— Жаль, что не знаешь фамилию...

— Какая разница?

— Любопытно. Тут еще одно совпадение. У... твоего отца, у Анатолия, с Крузенштерном очень многое было связано... — Михаил быстро глянул Егору в лицо: может быть, мол, хоть это тебя заинтересует?

— Что... связано? — нехотя сказал Егор.

— Целая история... В детстве он познакомился с одним человеком, тот писал повесть о Крузенштерне. Они ее вме-

сте читали, обсуждали... А потом этот человек умер, а рукопись пропала... Остался у Толика лишь эпилог, да и тот затерялся. Но Толик его помнил наизусть. За две недели до гибели он читал его курсантам на «Крузенштерне»...

Михаил вспомнил тот вечер, притихшую толпу слушателей на спардеке, спущенный с рея и высвеченный прожекторами грот-марсель. Голос Толика... А в паузах — цвирканье дальних цикад. И близкое дыхание Аси. И огни рейда, и корабельные запахи, и ощущение города, дремлющего на притихших берегах бухты. И вообще все, что называлось для Гая одним словом — Остров.

Он подумал, как много это значит в жизни для него и как мало — совсем ничего! — для сидящего у вагонного окна отчужденного мальчишки. И беспомощно замолчал.

Егор лениво сказал:

— Недавно о Крузенштерне по телику говорили. Вроде, скоро какой-то его юбилей будет.

— В будущем году. Сто восемьдесят лет с начала экспедиции Крузенштерна и Лисянского.

— Ну вот... Значит, и тот писатель решил к юбилею свою повесть накатать... Который в школу приходил.

— Но Курганов-то, знакомый Толика, писал не к юбилею. И книга его была не столько о плавании, сколько вообще...

— Как это «вообще»?

— А вот так. О жизни и смерти.

— Про это — любая книга, — сказал Егор, и такое его высказывание понравилось Михаилу. Ниточка беседы вроде бы потянулась, и он объяснил:

— У Курганова — особенно... На корабле «Надежда» погиб молодой лейтенант, Петр Головачев, и Крузенштерна всю жизнь мучило ощущение вины...

— От чего погиб?

— Сложная история...

Егор промолчал, кажется, выжидательно. И Михаил стал рассказывать о спорах Крузенштерна и Резанова и о том, как мучился, оказавшись в одиночестве, второй лейтенант «Надежды». Егор слушал без особого интереса, но и без равнодушных зевков. Потом сказал:

— Из-за этого и застрелился? Вот дурак.

Михаило покоробило.

— Дураком легче всего назвать! А если разобраться, смерть его была честнее многих.

— Как это?

— А вот так! Жизнь и смерть для него были вопросами чести... Сейчас об этом и говорить-то считают смешным. Зато сколько людей мрет от страха! Хватают инфаркты, потому что трясутся за свою карьеру, за накопленное барахло.

— Ты повернул на знакомые рельсы,— сказал Егор.— О вещизме ты уже говорил. О вечных ценностях тоже.

— Ну и послушай еще. Они ж вечные...

— А вещи для тебя, значит, совсем тьфу?

— Смотря какие... У Курганова был старый корабельный хронометр, потом он к Толику перешел, а от него ко мне. Такую вещь я ни на что не променяю. Ни на твой «Плэйер», ни на «Волгу», ни на все сокровища.

Егор сказал без насмешки:

— Одному сокровища нужны, другому такой вот хронометр. О чем спорить-то? Живи, как тебе надо, а чего других-то воспитывать?

— Но когда одни живут «как им надо», другие от этого гибнут, как Головачев...

— Кто ж ему велел?

— Никто не велел вроде бы. А равнодушием парня сгубили...

— Тебя бы свести с нашим Редактором,— хмыкнул Егор.— Он раньше все на такие споры лез. Про то, как с равнодушия начинается гибель человечества. На классных часах выступал. Потом, правда, поумнел, но не совсем.

— Что за редактор?

— Да Ямщиков! Тот, которого... который с Копчиком подрался.

— «Тот, которого»... Что-то не дает он тебе покоя, а? — Не надо было касаться опасной темы, но Михаил не утерпел.

— Мне? — вроде бы искренне удивился Егор.— Да катись он.

— Однако ведь не покатылся,— опять не выдержал Михаил.— Излупить вы его могли, а заставить побежать не сумели. Скажешь, не угадал?

Он не ожидал, что это так зацепит Егора. Тот плечом оттолкнулся от вагонной стенки, наклонился к Михаилу, глянул непримиримо. Сказал с ухмылкой:

— Угадали, товарищ старший лейтенант. От милиции ничего не скроешь.

— Далась тебе милиция! Чего ты ее так не любишь?

— А за что вас любить?

— А за что ненавидеть? Какие причины? Может, объяснишь?

Егор сел прямо.

— Ладно... Вот скажи, только не отпирайся: вы же военные люди, все равно что в армии!

— Я и не отпираюсь...

— Вот! Тоже погоны носите, оружие...

— Ну, оружия-то у меня как раз нет, не положено. Разве что на стрельбище в руках подержу.

— Все равно! Вы — военные! А кто ваш враг?

— То есть... Ты что, считаешь, что милиция не нужна?

— Ты не вертись, — поморщился Егор. — «То есть»... Ну, ладно, преступников надо ловить, они убегают, сопротивляются. Даже стреляют иногда... А чего вы с пацанами-то воюете? Ну?

— Я воюю с пацанами? — тихо сказал Михаил.

— И ты, и другие... А разве нет? Вы за нами охотитесь как за врагами. Под конвоем возите, за решетку сажаете... А потом еще кричите на всех перекрестках: «У нас все лучшее — детям!»

— А не так? — огрызнулся Михаил. — Тебе, дитя, чего не хватает в жизни?

— А я не про себя, до меня вы еще не добрались. Я про тех, с кем вы воюете...

— А мы не... — начал Михаил. Егор перебил:

— Ну, давай, давай! Скажи: «Мы не с ними воюем, а с а н и х»... Слышал уже.

Михаил, который хотел сказать именно это, чертыхнулся. Но тут же зло спросил:

— Нет, это ты скажи: а что делать, если бегут?

— Нет, это все-таки ты скажи: а почему бегут?

— А откуда я знаю?! — рявкнул Михаил. И сразу обмяк. — Сто причин... От бесприютности бегут, от пьяных матерей и отцов, от страха... А кому-то возжа под хвост попала: романтики захотелось... А кто-то от безы-

сходности: дома затюкали, в школе двойками зарос, просвета нет...

— Как ты все хорошо объяснил.

— А я не всё... Вот таким, как ты, например, чего дома не сидится? Романтикой ты, вроде, не страдаешь, дома все о'кэй, полная чаша, мама с папой лелеют единственное чадо...

— Что еще? — негромко спросил Егор.

— Всё, — устало выдохнул Михаил.

— Выходит, нельзя было съездить с неожиданным братцем познакомиться?

— Да я не об этом. Я про то, как ты в розовом детстве с детприемником познакомился. Оттуда и твоя философия про «войну с детьми»...

— Значит, навел уже справки, — глухо сказал Егор.

— Не наводил я справок! Директриса ваша проболталась между делом! Папаша, мол, слегка погладил мальчика против шерсти, а тот сразу в бега...

— Да? — сказал Егор каким-то стеклянным голосом.

— Что «да»?

— Так и сказала? — Егор вымученно улыбался:

— Н-ну... примерно так... А...

Егор упал головой на спинку скамьи и заколотился в злом мальчишечьем плаче.

— А ты!.. — выкрикнул он. — Знаешь, да?.. Он... погладил... Он... Ты знаешь?!

Михаил видал всякое, но сейчас такого не ожидал. Что это было? Запоздало отозвались нервы на опасную схватку с Фатером и Федюней? Или под холодной скукой и безразличием созрела и прорвалась какая-то боль?

Михаил вскочил, нагнулся над Егором — словно хотел заслонить от всех на свете. Со страхом и жалостью вспомнил, как много лет назад сам исходил такими же рвущими душу слезами. В комнате у Юрки, когда вырвалась правда о Толике и гранате...

— Егорушка... Не надо. Ты что... братишка...

— Ты!.. Он погладил!.. Вы там в милиции... умные!.. А ты!.. Что ты... про меня... знаешь?

ЧЕРНЫЙ ФУТЛЯР

В третьем классе Егор Петров писал сочинение на тему «Мой родной город». Вот что он сочинил:

«Я родился в городе-герое Севастополе. Это очень хороший город, потому что он героический и расположен у моря. Но я его не помню, потому что уехал оттуда, когда мне было два года. Я приехал сюда. Этот город стал мой родной. В нем есть цирк, много кино-театров и много заводов. Мой папа работает на знаменитом заводе «Электрон». Я наш город очень люблю».

Егор написал то, что полагалось. На самом деле город он не любил. Чего его любить-то? Егор поездил с родителями, повидал города получше. Конечно, привык Егор к городу, считал его своим, но иногда все вокруг казалось надоевшим.

Еще в первом классе, устав от слякотной осени, Егор спросил у матери, зачем не остались они жить у теплого моря.

Мать объяснила, что врачи запретили отцу плавать на кораблях, а на берегу хорошей работы не было. И дядя Сережа, мамин брат, который потом разбился на мотоцикле, предложил им приехать сюда. На флоте отец был специалистом по электронному оборудованию, ходил на больших грузовых судах. На крупном заводе люди с его специальностью были очень нужны. Все получилось хорошо, квартиру дали почти сразу...

— А в Севастополе, что ли, заводов нету?!

— Таких больших нет,— сказала мама. И добавила непонятно: — А главное, там не было перспективы роста.

Гораздо позже Егор кое-что узнал из услышанных краем уха разговоров, а кое о чем догадался. Дело было не во врачах. Дело было в таможне (есть такая контора, ее работники строго проверяют, не везет ли кто из-за границы что-то запретное). Отец за границу плавал часто, ну и, видать, прихватил оттуда что-то сверх дозволенного. А таможенники, конечно, в крик... Егор догадывался, что «крик» был большой, раз пришлось расстаться и с заграничниками, и с флотской службой вообще. Судя по всему, папочка сумел развязаться с морской жизнью «по собственному желанию», но оставаться там, где знали эту историю, было нельзя. Какие уж там «перспективы роста»!

Впрочем, отец ничего не проиграл. Специалист он был, видимо, с головой, а «Электрон» расширял производство, людей ценили. И пошел Виктор Романович по служебной лестнице довольно бодро. Тем более что прекрасно знал

английский язык, а завод активно налаживал контакты с иностранными фирмами. Через семь лет стал товарищ Петров одним из ведущих инженеров.

К тому времени «Электрон» взялся помогать какой-то индийской промышленной компании, и отцу предложили на год поехать в Индию. С женой. Сперва сказали, что и сына можно взять, но потом выяснилось: в школе, где учатся дети советских специалистов, нет начальных классов. И все уперлось в Егора.

Отцу очень хотелось поехать. Маме тоже. И заморские страны повидать хорошо, и вещи оттуда привозят такие, что охнешь. Причем законно, без всяких осложнений... И мать решилась.

Написали в Молдавию бабушке — маминной маме. Уговорили приехать и год пожить с Егором. До той поры Егор видел бабушку только раз, когда ездили к ней в село под Кишиневом. Тогда бабушка работала в сельской школе, а сейчас была на пенсии.

В августе мать с отцом укатили в страну, где слоны и джунгли и где жил когда-то Маугли. А Горик пошел в третий класс.

Учился он без всяких трудов. Что там в третьем классе учить-то, если толстые книжки читал еще дошкольником, задачки решал тоже шутя. Правда, из-за корявых букв и помарок в тетрадях случались тройки, но это беда не великая....

Первые дни скучал Горик по маме, даже плакал вечерами, потом привык. Бабушка, хотя и была раньше учительницей начальных классов, воспитанием Горика не донимала. Иногда ворчала, иногда хлопала даже (он с хохотом увертывался), порой грозила написать папе-маме, но, конечно, не писала. И скоро Горик убедился, что можно читать в кровати до полуночи, можно сказать, что придет с улицы к семи часам, а явиться после девяти. Можно утром захныкать, что болит голова, и бабушка скажет: «Ох ты, чадо непутевое, ладно, не ходи на уроки...» Была бабушка суровая с виду — высокая, черноглазая, крючконосая, но решительным характером не отличалась. Наверно, и в школе ученики ее не очень слушались... В общем, Горик Петров почувствовал волю и даже перестал ходить к учительнице английского языка, с которой занимался уже второй год.

Эта вот неприятность с «англичанкой» особенно рас-

строила маму, когда она весной прилетела провести Горика. Получился неприятный разговор (Горик даже поревел немного), но исправить ничего уже было нельзя, а долго ссориться мама не хотела, чтобы не возвращаться в Индию с тяжелым чувством. К тому же оценки у Горика были в порядке, а сам он выглядел подростком, крепким и загорелым, несмотря на холодную погоду. Видимо, потому, что почти каждый день шастал с ребятами во дворе и соседнем парке. Кстати, там, среди уличной вольницы, все реже звучало его прежнее имя Егорушка и Егорка. Все чаще окликали: «Гошка!» Наверно, и в самом деле подрост. И учительница говорила теперь не Горик, а Егор. И писала в дневнике: «Егор! Тебе надо быть собранней!», «Уважаемая Мария Ионовна! Проследите пожалуйста, чтобы Егор не опаздывал на первый урок».

Но все это были мелочи. Егор Петров оставался благополучным мальчиком из благополучной семьи. И третий класс закончил тоже благополучно (тройки только по музыке и природоведению).

В начале июня завком выдал сыну инженера Петрова путевку в лагерь «Электроник» на три смены. Жизнь в лагере была хорошая, и лето, которое сперва казалось Гошке бесконечным, вдруг промчалось очень лихо. В середине августа вернулись родители, прикатили в «Электроник» за Гошкой. Вот была радость-то! А когда приехали домой, радости еще добавилось. Потому что, оказывается, мама с папой привезли столько всего!

На Гошкиной кровати лежал большущий тигренок с длинной нейлоновой шерстью, пластмассовыми когтями и почти настоящими, просто живыми глазами (куда Гошка идет, туда и тигренок смотрит). А еще лучше была кожаная жилетка и такие же ковбойские штаны с бахромой и два тяжелых кольца (по сравнению с ними те алюминиевые револьверы, что в наших магазинах,— просто тьфу!). Длинные, с крутящимися барабанами, с медными узорами на рукоятках, кольца грохали специальными патронами — так, что вороны тучами подымались с окрестных тополей.

...Но в следующие дни радость поубавилась. Отец услышал, как Гошка перепирается с бабушкой из-за неудобной постели, и негромко сказал:

— Да, подразвинулся ты, голубчик. Не пришлось бы

принимать спецмеры. Имей в виду — я не Мария Ионовна.

Бабушка поджала губы и вышла из комнаты. А родители разыскали Гошкин прошлогодний дневник, прочитали все учительские записи (будто мать их весной не видела!) и устроили Гошке разнос. Вернее, мать, поглядывая на отца, старательно кричала, а отец коротко и сухо сказал, что «дальше так дело не пойдет».

Гошка недоумевал. Третий класс он считал уже древней эпохой. А неубранная постель... Он и раньше, до бабушки, не раз отлынивал от уборки, и никто из этого большого шума не делал.

Отец словно услышал его мысли.

— Что было раньше — это одно. А сейчас ты уже не младенец. Начнется всякий там переходный возраст — тогда что? Нет уж, дорогой. Или сам будь человеком, или я его из тебя выстрогаю...— А матери сказал: — Не хватало еще, чтобы мне о нем письма на работу посылали. Сейчас есть в школах такая мода.

Гошка не понимал, при чем тут письма на работу. И что отцу от него надо. Вообще отец вернулся какой-то не такой. Будто незнакомый. Худой, загорелый, жесткий. Костистый череп совсем облысел, только на висках волосы курчавились седоватыми пучками. Лицо от этого казалось чужим...

Мать потом объяснила Горику, что сейчас решается важный вопрос: назначать ли отца начальником нового важного цеха. И теперь всякая мелочь может оказаться помехой. Если в партком завода кто-то пожалуется, что сын Петрова ведет себя не так...

— В общем, ты понимаешь...

Но Гошка все равно не понимал и разговор этот скоро забыл. Бабушка уехала, оставив на подоконнике медный кувшин с узорами из эмалевых цветочков — тот, что привезли ей в подарок из далекой Индии. С отцом Гошка виделся мало — тот пропадал на заводе.

Но в ту субботу, в начале сентября, когда соседка привела Гошку за ухом, отец оказался дома.

Соседка была толстая и горластая, работала на складе макулатуры и, говорят, спекулировала книжными талонами. Ребята звали ее Туша, в взрослые — Гром-баба. Гошка с приятелями носился по сараям, и нога у него прова-

лилась сквозь чухлую крышу дровяника, застряла. Когда он освободился и слез, Туша была тут как тут, караулила у лестницы...

Отец не стал спорить насчет якобы развороченной крыши. Отдал пятерку за ремонт, но на прощание сказал:

— А за уши, гражданочка, хватать чужих детей не советую. На то у них имеются родители... Путать чьи-то уши с чемоданными ручками не следует, могут быть неприятности.

Туша вдруг бросила деньги на пол и побагровела.

— Неприятностями пугаешь?! Лучше за своим сопляком смотри! Думаешь, большая шишка и все тебе можно? Я знаю, куда идти, у меня брат в райкоме работает!

Она грохнула дверь, не подняв пятерку.

— Дотанцевался, наследничек...— Отец глянул на Гошку светлыми, какими-то стеклянно-бутылочными глазами.

Гошка и правда пританцовывал: мать, задрав на нем штанину, мазала йодом длинные царапины. Он капризно хныкал:

— Хватит, больно же...

— Это — больно? — усмехнулся отец. Мать испуганно глянула на него. Отец сказал ей: — А что ты предлагаешь?.. Теперь эта груда свинины наделает мне столько пакостей, что не расхлебаю до конца года... И все из-за этого сопляка, которого распустила без нас твоя мамаша...

— Как ты можешь...— начала мать.

— Мо-гу,— отчетливо сказал отец.— Вели ему сидеть дома.— И он ушел куда-то с черным трубчатым футляром, в котором иногда носил чертежи.

Вернулся он через полчаса. О чем-то говорил сперва с матерью у себя в комнате. Потом позвали Гошку. Тот, насупившись, но без боязни пришел. Горела розовая настольная лампа. Отец сидел у стола, лицо был в тени. Мать стояла у двери.

— Вот,— деревянным каким-то голосом сказала она.— Довел, значит, отца. Говорили тебе...— И боком ушла из комнаты.

И стало тихо.

Гошка еще ничего не понимал, но ощутил обморочную слабость. Отец сказал «подойди», и он сделал два беспомощных шажка. Отец открыл черный футляр

и вытянул из него, положил на стол коричневый гладкий прут. Тут Гошка понял, что его ждет, и заревел. Сразу. Сильно. Будто включили в нем громкий магнитофон.

Никогда Гошку раньше не трогали, разве что мать или бабушка шлепнут шутя. А тут... такое... Вообще-то Гошка терпеть не мог просить прощения и каяться, но сейчас было не до самолюбия. И Гошка старательно выль, что не надо и что он больше не будет и что «папа, прости...». И при этом ощущал жуткую раздвоенность: будто один Гошка ревет, изнемогает от ужаса, а второй молча стоит в стороне и громадными от изумления глазами (тоже перепуганный, но безголосый) смотрит на происходящее. И все так неправдоподобно, что у этого второго Гошки под тяжелыми глыбами стыда и страха шевелится какое-то щекочущее, как спрятанный под майкой кузнечик, любопытство: что же это такое с ним, с тем Гошкой, сделают?

А отец ничего не делал. Терпеливо ждал, когда Гошка перестанет реветь. Тот, всхлипывая, замолчал, и отец сказал:

— Теперь повтори все ясно. Что ты там гудел сквозь слезы?

— Не буду больше...— уже обрадованно, с надеждой выдохнул Гошка.

— Что не будешь? Безобразничать?

— Ага...

— Это хорошо. Если не будешь, значит, и порка эта останется последней. Но сейчас без нее не обойтись. Это ведь не за то, что ты будешь, а за то, что уже сделал. Я тебя предупреждал. Когда человек что-то натворил, должен расплачиваться, такой в жизни закон. Понял?

Гошка ничего не понял. Отец говорил ровно, без всякой злости, но при этом зачем-то вытирал очень белым платком вздрагивающий прут. Потом утвердил его в массивном каменном стакане письменного прибора и встал. Шагнул... Зачем это он?.. Не надо... Обмякший от ужаса Гошка слабо затрепыхался, когда отец взял его за плечо.

...Гошка плакал в своей кровати до ночи. Сперва в голос, потом с шумными всхлипами, потом тихо, со щенячьим поскуливанием. Подходила мать, что-то говорила, он бросил в нее, в предательницу, ботинком. И никогда уже не смог простить, что она в тот страшный вечер не вступилась, выдала его отцу.

Утром встал он поздно. Потерянный, растерзанный, опухший. Совсем другой Гошка, не вчерашний. Со страхом и тоскливым недоумением в душе, со злобой и сумрачным стыдом. Долго умывался, словно хотел соскрести с лица припухлость и следы слез... Отца дома не было. Мать что-то виновато сказала про завтрак. Гошка ответил «иди ты» и вышел во двор.

Утро стояло совсем летнее, но это не обрадовало Гошку. Он вдруг подумал, что вчерашний визг его могли слышать во дворе, и сейчас если кто встретится, начнет спрашивать... Гошка торопливо ушел за дом, на глухую лужайку с репейниками и мусором. Иногда здесь жгли костер, и сейчас валялось много щепок и куски черной смолы — их брали на ближайшей стройке для растопки. На одной щепке то замирала, то билась осенняя коричневая бабочка. Крыло ее прилипло к смоляной крошке. Беспомощная бабочка рвалась и трепыхалась. Так же, как вчера бился и трепыхался Гошка... Он смотрел на бабочку полминуты, потом наступил на нее.

С той поры Гошка жил с постоянным страхом, со съезженной душой звереныша. Отца старался избегать, на мать иногда слабо огрызался, но в общем-то был сумрачно послушен.

Но живой характер сразу не упрячешь в клетку, и домашняя задвленность по-иному оборачивалась в школе. Гошка больше стал носиться по коридорам, чаще лез в потасовки и в шуточных свалках раздавал удары не шутя. Он мог дико хохотать, но почти не улыбался. Естественно, пошли записи в дневник, и, ознакомившись с ними, Виктор Романович выпорол сына вторично.

На этот раз Гошка сопротивлялся с отчаянием смертника. Дико орал, исцарапал отцу руки, ударил его пяткой в подбородок... Ну, и получил за это сильнее, чем в первый раз.

На следующее утро Гошка вырвал глаза у нейлонового тигренка, который был свидетелем его позора и бессилия, закинул на антресоли ранец и бежал из дома куда глаза глядят.

По несчастному совпадению, когда Гошка стоял за городом на обочине тракта и «голосовал» машинам, чтобы

увезли его за тридевять земель, мимо ехал с дачи некий Пестухов, который у них дома появлялся иногда по-приятельски, но о котором отец с матерью говорили как о вечном недруге и хитром сопернике: «Ты что, хочешь, чтобы этим Пестухов воспользовался?.. Ну, конечно! Пестухову премия, а тебе все шишки!.. Ты думаешь, Пестухов будет молчать? Сразу побежит к директору...» —

Гошка не узнал Пестухова в шляпе и темных очках, а тот Гошку узнал. И когда все открылось, было поздно: незнакомый дядька придерживал бьющегося Гошку на заднем сиденье, а Пестухов гнал «Жигуленка» к дому Петровых.

Сдали Гошку перепуганной матери. А в обеденный перерыв появился отец.

— Ну что, мерзавец, добился чего хотел? Теперь весь завод будет знать...

Он снова достал черный футляр и стянул с надсадно орущего Гошки штаны. И так добавил ко вчерашнему, что Гошка на следующий день не пошел в школу...

...Второй побег, уже в декабре, был продуман Гошкой до мелочей. Во-первых, Гошка знал куда бежать: к бабушке, в Молдавию. Во-вторых, он понимал, что зайцем не доедешь, и хитро раздобыл билет в кассе предварительной продажи: «Тетенька, у меня мама в магазин ушла, меня оставила постоять, а очередь уже подошла. Купите, пожалуйста, билет до Кишинева, маленьким не продают. А то очередь пройдет, нам с мамой опять два часа стоять... Мама должна к бабушке ехать, та очень болеет...»

Одет Гошка был прекрасно, смотрел ясными глазами, тетенька поверила...

Бежал Гошка из-за скандала с учительницей музыки. Та хлопнула его по губам, когда он болтал на уроке. Гошка отмахнулся и сильно попал ей по руке. «Музыкантша» поволокла его за шиворот в учительскую. Гошка, уже ослепнув от страха, куснул ее за палец. Из учительской позвонили отцу. Он оказался в командировке. Но, раз уж начался разговор, поведали обо всем отцовскому заместителю. Тот обещал передать. Отец должен был вернуться через четыре дня, и Гошка понял, что ждать нельзя.

...Сняли с поезда Гошку за Среднекамском. Видно, передано было по линии сообщение о беглеце. Сперва Гошка кричал, что не имеют права, он едет законно!

Почему его хватают, как преступника? Потом каменно замолчал: умрет, но не скажет, кто он и откуда. Но в кармане нашли свидетельство о рождении, которое Гошка взял с собой (не ехать же без документа!).

Сухая неумолимость милиционеров, казенная безысходность приемника-распределителя потрясли его не меньше, чем отцовские «воспитательные меры». В мире, опутанном телефонными проволоками, пронизанном радиоволнами, в мире, который насквозь, будто аквариум, просматривали безучастные твердые люди в ремнях и погонах, скрыться было негде. И когда пожилой молчаливый старшина вез Гошку домой, тот уже не помышлял о бегстве...

Квартира была заперта. Потом оказалось, что вернувшийся отец был на заводе, а мать металась между милицией и вокзалом. Старшина отвел Гошку в школу. Изнеможенный от страха и усталости, Гошка с рыданиями все рассказал Розе Анатольевне.

Роза Анатольевна работала тогда первый год. Она взяла Гошку за руку и повела домой. Родители оказались уже там. У Розы Анатольевны состоялся с ними разговор. Говорили в кухне, и Гошка все слышал через тонкую дверь ванной, где он отмокал от дорожной грязи и оттаивал от казенного неуют и ощущения заброшенности. Оттаивал от страха. Потому что теперь-то уж, после того как заступилась учительница, кто его тронет?

Роза Анатольевна говорила решительно и горячо:

— Виктор Романович, неужели вы не понимаете? Дети — они в тысячу раз сложнее самой тонкой электроники! Их так легко сломать! Ну, вы же культурный человек!..

Отец терпеливо (и, кажется, с умешкой) разъяснял:

— Уважаемая Роза Анатольевна, это же слова. Терминология... Что такое культура? Тоненькая позолота, и даже не позолота, а бронзовая пудра, которая облетает с нас при первом крепком дуновении. И мы опять предстаем перед суровой жизнью такими же хвостатыми и волосатыми, как во времена мамонтов...

— Вы отрицаете роль цивилизации?.. Ну, неужели вы не понимаете, что в наше время бить ребенка — это варварство?!

— О, цивилизация,— добродушно засмеялся отец.— Придумать танки, которые давят живых людей,— это

не варварство. Придумать бомбу — не варварство. Травить химикатами и дымом всю матушку-природу — тоже не варварство. А вот выдрать мальчишку — не спеша и аккуратно, для его же пользы, как это делалось во все века — это, видите ли, потрясение основ...

— Да, потрясение! Для него!.. Ну ладно, Виктор Романович — с головой в своей работе, человек техники, ему не до педагогики. Но вы-то, Алина Михаевна!..

— Да я уж и так и этак, — слабо оправдывалась мать. — И тому и другому... Как между двух огней.

— Ну, какие тут «огни»? Это люди! Я не понимаю...

Гошка тоже не понимал. Отец — тот раньше никогда особенно им не занимался и до поездки в Индию был все время как-то в стороне, вечно занятый, усталый. Но мать-то любила Горика, тряслась над ним. Только и слышишь: «Горик, надень тапочки, ты простудишься», хотя простудиться в квартире с толстыми коврами немислимо. Наряжала его, как мальчика из модного журнала, покупала, что ни попросит. И вот — отступилась, выдала с головой. Такая решительная, красивая, большая, вдруг съежилась перед отцом... Лишь потом начал Гошка понимать, что отца она любила не меньше, чем его, и любовь эта была смешана со страхом. Куда она без отца-то? Чтобы чувствовать себя уверенной, счастливой, нужно ей было ощущать рядом сильного человека с прочной судьбой. А то натерпелась в молодости...

Но эта догадка пришла к Гоше годы спустя. А пока он умиротворенно булькался в теплой воде, потому что отец на прощание добродушно сказал Розе Анатольевне:

— Я ведь вашу ранимую женскую душу тоже понимаю. И не волнуйтесь, пожалуйста, не буду я этого лоботряса наказывать за дурацкое путешествие. Он себя и так уже наказал...

А когда Горик в белой индийской маечке с попугаем на груди и в пестрых японских трусиках бесшумно (на всякий случай) пробирался из ванной, чтобы забраться в постель, отец окликнул его из своей комнаты:

— Постой-ка, турист, у нас ведь еще не все дела кончены... Давай уж сразу, чтобы не откладывать неприятные моменты.

Глаза у отца опять были прозрачно-бутылочные, а под лампой чернел на столе круглый футляр.

Гошка прижался к косяку и дико закричал:

— Ты же говорил!.. Ты обещал!..

— Перестань орать-то, — сказал отец. — Что я обещал? Не драть тебя за побег. А за историю в школе? А за деньги, которые ты у матери украл и на билет высадил? Ты что же, думаешь, это можно так оставить?.. И не скандалил бы зря, не брыкался. Только себе хуже делаешь и мне работы прибавляешь...

«Работы... — отдалось в мозгу у Гошки. — Работы...»

Это — работа?

Виктор Романович открыл футляр и сказал сыну:

— Подойди.

Гошкина душа обессилела от постоянного страха, безысходности и ожидания боли. Он всхлипнул и, глядя в сторону, сделал на ватных ногах шажок к отцу... И не стал сопротивляться.

Дальше жизнь пошла серая, тускло-ровная. Страх по-прежнему жил в Гошке, но это был уже привычный страх. Как ни опасайся, а жить-то надо. И без грехов не проживешь. Поэтому пришлось Гошке в четвертом классе еще несколько раз вытерпеть «домашнюю педагогику». Правда, теперь это было не так страшно. То ли отец стегал без лишней суровости, то ли Гошка притерпелся. Впрочем, от визга и слез удержаться он все равно не мог. Да и не старался. Криками он заглушал и боль, и стыд за свою капитуляцию. Стыд этот постоянно сидел в Гошке холодным, скользким сгустком. Раньше, когда Гошка еще сопротивлялся отцу, яростно отбивался, орал зло и непримиримо, он был все-таки прежним Гошкой. С какой-то гордостью, с характером. А теперь он с хмурой покорностью шел, «если надо», в комнату к отцу. Какая уж тут гордость? Вместо нее — этот слизкий комок-студень.

Но сколько так может жить человек? Где спасенье?

Гошку спасло от вечной презрительной жалости к самому себе одно открытие.

Однажды в школьном коридоре на него налетел шуплый первоклассник. И не убежал. Отскочил и перепуганно заморгал.

— Ты что, ослеп?! — гаркнул Гошка. Малыш ежился и переступал на месте.

— А ну, подойди, — тихо и зловеще приказал Гошка.

И тот робкими шажками приблизился. Чужая покорность сладко согрела Гошке душу. Он воровато усмехнулся, помусолил палец и с оттяжкой вляпал малявке по лбу «лещика». У того сверкнули слезинки, но Гошка опять сказал строгим полушепотом: — Стой смирно. Еще не все... Если что натворил, надо расплачиваться, это закон жизни, голубчик... — И деловито вляпал еще раз. — Теперь можешь идти.

Догадка, что за свое унижение можно расплачиваться унижением других, была сперва смутной, просто инстинкт какой-то зашевелился. Но скоро Гошка понял: так оно и есть в жизни. Все перед силой ломаются, зато если свою силу чувствуют, не упустят случая отыграться. Все люди такие. Многие даже трусливее Гошки. Он-то сдался после отчаянной борьбы, а другие хвост поджимают сразу — от первого страха, от первой боли. И не только те, кто его слабее. Более рослые мальчишки, бывало, тоже пасовали перед злым Гошкиным натиском. А если порой Гошка и нарывался на отпор, то что же? Пустяковой боли от драки он не боялся, не такое испробовал.

После четвертого класса опять отправили Гошку в «Электроник». Но жизнь в лагере была уже не та. Вернее, Гошка не тот. Воспитательница говорила старшей вожатой:

— А ведь из хорошей семьи... Откуда в нынешних детях эта немотивированная жестокость?

Она была не совсем права. Гошка бил только тогда, когда ему не подчинялись. Причинять кому-то боль специально он не старался. Интересно было другое: смотреть, как от страха перед этой болью ребята теряли гордость и делались покорными. Конечно, не все, но Гошка умел выбирать.

Покорных он иногда жалел и даже заступался за них: Так пригрел, привязал к себе семилетнего Витьку Лавочкина из октябрятского отряда. Но потом за что-то разозлился на него, в наказание отвел к болотцу на краю лагеря, бросил туда мячик и велел Витьке лезть за ним. В болотце густо жили пиявки.

— Считаю до десяти, — сказал Гошка. Сел на травку и стал медленно считать. И смотрел, как несчастный Лавочкин боится пиявок, но еще больше боится его, Гошки, и топчется по щиколотку в болотной жиже.

Здесь их застал вожатый Вася. Был Вася вожатым первый раз, а вообще-то работал слесарем на «Электроне». Отличался он простодушием и добротой, но сейчас все понял и разозлился:

— Ты что над человеком издеваешься?

Гошка сказал, что он воспитывает в человеке смелость.

— А если он не хочет, чтобы ее в нем так воспитывали?

— Мало ли чего не хочет. Раз он такой, пускай слушается.

— Ага...— понимающе сказал Вася.— Раз он тебя боится, значит, должен от тебя терпеть. Так?

— А нет, что ли? — нахально спросил Гошка.

— Значит, каждый, кто слабее, должен терпеть?

— А нет, что ли?!

— Очень хорошо. Тогда терпи...— Вася взял Гошку за шиворот и растоптанным кедем отвесил ему два пинка.

Но Гошка знал, от кого надо терпеть, а от кого нет. Законы ему были известны. Он кинулся к начальнику лагеря и поднял такой крик, что пришлось звонить отцу. Отец приехал на своих новых «Жигулях». Он сказал, что Гошка правильно возмущается: нечего позволять, чтобы всякий тебя пинал. Забрал сына домой, а начальнику пообещал поставить вопрос на завкоме.

Вася загремел из вожатых, и ему влепили выговор по комсомольской линии. Гошке сказал про это отец. Оба были довольны.

А через неделю Виктор Романович всыпал Гошке за самовольную поездку на городской пляж и позднее возвращение: «Ты хочешь, чтобы у матери был инфаркт, турист бестолковый?»

Отсчитав «туристу» обычные десять горячих, он добавил к ним одиннадцатую, самую хлесткую. А взывшему с новой силой Гошке объяснил, что раз ему теперь одиннадцать лет, значит, доза соответственно увеличивается.

В пятом классе жизнь была такая же, как и в четвертом (если не считать увеличения отцовской «дозы»). Внешне такая же. Но Гошка, разумеется, изменился. Подрос, это само собой. И умнее стал. Знал, где нахальничать, а где лучше виновато улыбнуться и сказать,

что обязательно исправится. Тем более что улыбка была обаятельная, взрослые поначалу таяли... Но ребята не таяли. И в кличке Петенька (от фамилии Петров) уже не было прежней веселой ласковости. Скорее намек был: улыбка улыбкой, а клюв твердый... Впрочем, никто еще тогда Петеньку особенно не боялся. Но никто и не любил. Относились осторожно, знали: обиды помнит и сам обиженных не жалеет.

Он, пожалуй, вообще никого не жалел. Кого жалеть-то? И разве его, Гошку, жалели? Пожалуй, лишь коричневую бабочку порой вспоминал он с непонятым смущением. Иногда она снилась Гошке: трепетала на ярко-желтой от солнца щепке. «Ты все равно погибнешь, ты прилипла!» — хотел крикнуть ей Гошка, но не мог. И тихо-тихо было. Но тишина эта состояла из шелеста крыльев и тонкого звона, а в звоне звучала отчаянная мольба: «Не надо! Не надо! Не надо!..» И чтобы оборвать эту мольбу, тоскливый этот звон, Гошка наступал на бабочку опять...

Дома, если глянуть со стороны, все было прекрасно. Осенью получили новую квартиру, в том же районе, у парка, только в многоэтажном корпусе. Три большущие комнаты. Отец сделался наконец начальником экспериментального цеха (который даже и не цех, а, можно сказать, завод в заводе). Пестухов стал у него заместителем. Цех расширяли и перестраивали, дел у отца было невпроворот, но ходил он бодрый, стал добродушнее. Прежние методы воспитания, правда, не забывал, но зато перед Новым годом купил Гошке фотоаппарат «Агат». Поскольку он, Гошка, ухитрился закончить вторую четверть лишь с одной тройкой.

Впрочем, это было высшее достижение пятиклассника Петрова за весь год. Вообще-то он учился теперь очень средне. Отец за тройки не ругал, только пренебрежительно морщился. За двойки пару раз отлупил. Но теперь делал он это совсем буднично, словно выполнял еще одну общественную нагрузку. Скучным голосом спрашивал: «Ты когда поумнеешь-то?» Гошка сопел, вытирая мокрые глаза. И Виктору Романовичу, наверно, казалось, что к очередной «педагогической акции» Гошка относится, как и он, — будто к неприятной, но неизбежной нагрузке. И не знал он, что холодный сгусток унижительного страха и горечи за свою покорность по-прежнему сидит

в Гошке: не дает ничему радоваться без оглядки. И учиться по-человечески не дает, улыбаться честно... Одно облегчение бывает — когда увидишь эту покорность у других. Но оно ведь не надолго...

Мать, конечно, этого тоже не знала. С отцом они жили душа в душу, квартира была прекрасная, инженер Пестухов не сумел обойти инженера Петрова по служебной лестнице, а гараж для «Жигулей» удалось поставить совсем рядом с домом. На фоне этих удач неприятные эпизоды с Гориком казались не столь уж серьезными. Ну, тройки, ну жалуются иногда в школе. С кем из мальчишек такого не бывает? К тому же дома Горик был послушен, только не мог отучиться ходить по квартире без обуви...

Мать покупала Горику модные свитеры и штаны с этикетками, доставала у знакомой работницы книготорга самые редкие книги (которые Гошка теперь почти не смотрел) и говорила: «Горик, надень тапочки, ты простудишься»...

В июне мать увезла Гошку отдыхать в Гагры. Отец был по уши занят на заводе, а Горик и Алина Михеевна провели у моря пол-года. Возвращаться Гошка не хотел, но что поделаешь... Зато, когда он вернулся, в жизни его появилась «таверна».

КОШАК

Случилось так. На второй день после приезда из Гагр Гошка с матерью ходил по магазинам, потом она пошла в парикмахерскую, а Горику велела отнести домой сумку с покупками. Гошка домой не спешил, разглядывал в киосках журналы и марки. У одного киоска — закрытого и стоявшего на отшибе — к нему подошли два помятых пацана со слюняво-презрительными ртами и табачным запахом, ростом не выше Гошки. Заухмылялись.

Гошка сразу увидел себя как бы их глазами: эталкий воспитанный мальчик, который только что шел с мамой, в новой рубашечке «сафари», в заграничных штанишках — белых спереди и зеленых сзади, с локонами, наивно-улыбчивый и робкий.

Один сказал сквозь зубы старую, как галактика, фразу:

— Десять копеек есть?

— А... зачем? — спросил робкий мальчик Горик, старательно лупая глазами.

Второй пацан гоготнул (хотел басом, но сорвался на сипенье):

— Мы это... из общества охраны животных... На сосиски бродячим кошкам собираем.

Смотри-ка! С потугами на остроумие.

— Нет, ребята, — сказал Горик. — Извините, но у меня только рубль.

Они заржали оба:

— Годится и рубль!

— Правда, годится? — наивно спросил Горик. — Я не знал...

«Любитель животных» насупился:

— Ты ваньку не валяй, если хочешь остаться красивым.

— Да нет, я же ничего... — Горик поставил сумку и зашарил в кармане. — Я пожалуйста... Вас такой устроит? — он протянул на ладони металлический рубль и уронил его мальчишкам под ноги. «Любитель животных» быстро нагнулся. Тут Гошка вделал ему коленом по зубам. Так, что сам охнул — ссадил кожу.

Мальчишка взвизгнул, замычал и завалился набок. А второму Гошка просто-напросто съездил по уху. Тот присел. Потом оба Гошкиных врага, пригибаясь, побежали. То, что случилось, было выше их понимания.

— Стоп! — Это сказал кто-то громко и весело. Рядом оказались двое. Взрослые парни. Один — с желтой кожей, похожий на японца, другой — русский курчавый здоровяк в тесной тенниске и тугих до потрескивания джинсах. Гошка безошибочно почуял, что двое шпанят и эти парни — одна компания. И понял: не убежать. С тяжелой-то сумкой да с разбитым коленом...

Японец был равнодушно-спокоен, здоровяк улыбался, но голубые глаза его не улыбались. Но и злыми не были. Гошке он сказал добродушно:

— Не робей, камрад... — А тем двоим, что замерли в пятнадцати шагах, скомандовал: — А ну, назад, ханурики...

Беглецы побрели обратно. Покорно так, с опущенными головами. «Любитель животных» зажимал пальцами разбитый рот.

Это чужая покорность опять доставила Гошке удовольствие, хотя сам он был, можно сказать, в плену.

— Что, Копчик, схлопотал от мальчика? — сказал здоровяк. — Сколько я вас учил: не ловитесь на обманчивую внешность...

Гошку осенило. Иногда, в решительные моменты, на него снисходило такое вдохновение. Он поднял рубль и вложил в ладонь приятелю Копчика. Потом спокойно сказал здоровяку:

— Они сами виноваты. Попросили бы по-человечески, мне не жалко... — Вынул отглаженный платок, протянул Копчику: — Возьми, а то майку закапаешь...

Копчик — смуглый, костлявый, злой — не оценил Гошкиного жеста. Платок отшвырнул, процедил сквозь перемазанные кровью пальцы. Впрочем, что процедил, повторять не стоит. Японец беззвучно засмеялся, показав очень крупные зубы. Здоровяк посмотрел на Копчика с жалостью, а у Гошки спросил:

— Ты, видать, не из здешних мест?

— Почему? — Гошка постарался улыбнуться ясно и безбоязненно. — Я вон там живу, на Тургеневской... Это я с мамашей на югах был, загорел не по-здешнему.

— Я тебя, сволочь, разукрашу совсем не по-здешнему, — плюясь, пообещал Копчик. — Попомнишь, фраер...

— Слова-то какие... — сказал здоровяк. — Ты его, Копчик, не разукрасишь. Ты с ним, хороший мой, помиришься. Потому что сейчас мальчик пойдет с нами. Надо ему ногу промыть, а то зараза всякая... Ты, Копчик, зубы-то, небось, от рожденья не чистил.

Все посмотрели на Гошкино колено, перемазанное своей и чужой кровью. Молчаливый Японец наконец заговорил:

— Боба, куда? В «таверну», что ли? А конспирация?

— Не бойсь. Я человека вижу с первого раза...

К городскому парку примыкал Больничный сад. Никакой больницы там уже не было, ее давно перенесли, а старый дом разломали. И флигель в углу сада разломали, но не совсем. Остались две стены с пустыми проемами. Внутри развалин все заросло, но у одной стены сохранился крытый наклонный вход в подвал. В подвале и была «таверна» — приют для компании Бобы Шкипа

(так звали здоровяка). Что за компания, какие там интересы и дела, Гошка понял сразу. Но ничуть не смутился. Он давно уже создавал, что жизнь устроена не так, как в стихах «Что такое хорошо, а что такое плохо».

Боба Шкип был полный командир в «таверне». Все ему подчинялись без всяких возражений. Но эта подчиненность никого не унижала и не тяготила: не нравится — мотай из «таверны» (только держи язык за зубами, а то...). Но никто не уходил.

Шкип был справедливый, надежный. И весь «молодняк» в парковой округе знал, что задевать пацанов, знакомых с Бобой, это все равно, что колупать мину...

Шкип был добрый. Он любил собак и пиратские песни. Пел эти песни Эдик Лупин, Японец. Кличка у него была Кама — сокращенная от Камикадзе. Был он молчаливый, весь в себе какой-то, иногда улыбался непонятно, иногда угрюмо глядел под ноги. Но пел всегда хорошо. Гошка не знал, сам придумывает Кама эти песни или где-то берет. По крайней мере, до встречи с Камой он их не слышал. И потом нигде, кроме «таверны», не слышал тоже.

Кама, глядя перед собой, дергал гитарные струны и очень высоким голосом пел про груженные золотом испанские галеоны, про охотников за песчаными караванами, про летучего голландца и про эскадры, плывущие по Млечному Пути. И еще вот эту:

Мы помнить будем путь в архипелаге,
Где каждый остров был для нас загадкой,
Где воздух был от южных ветров сладкий,
А паруса — тяжелыми от влаги.

Мы шли меж островов таких различных —
Необитаемых и многолюдных.
То с крепостей встречали нас салютом,
То с диких мысов залпами картечи.

И снова, желтый глаз луны набывчив,
Скрывала ночь от нас ближайший остров,
Не веря, что мы можем плыть так просто —
Не жажда ни крови, ни добычи.

Мы шли меж островов и дни, и ночи,
Не ведая, чего желаем сами,
И кажется — тот путь под парусами
Не кончен до сих пор еще, не кончен...

После песни Кама подолгу молчал, и его не трогали.

Говорили про Каму, что он «колется». То, что он иногда глотает украдкой горсти таблеток, Гошка замечал не раз. Но однажды своими глазами увидел и то, как, притулившись в уголке, Кама достал маленький блестящий шприц и воткнул себе иглу у локтевого сгиба. Шкип тоже это увидел и быстро заслонил Каму от остальных. И сказал вполголоса:

— Камикадзе ты и есть... Хоть бы о матери подумал.

Гошка потом хмуро сказал Шкипу:

— Зачем это он? Ты не разрешай...

— Поздно. Да и вообще... каждому свое на этом свете.

Он был философ, Боба Шкип. Иногда впадал в грустно-размягченное состояние и объяснял Гошке, Копчику и другим «мышатам», что все беды на Земле из-за разницы между словом и делом. Мол, в одной старинной книге сказано, что раньше всего было слово. От него всякое начало. У всякой вещи, у всякого дела имелось точное название. А потом люди научились трепаться, пудрить себе и друг другу мозги, и слова уже ничего не значат. Самыми красивыми словами каждый умеет прикрывать все, что ему выгодно. Нету соответствия. Отсюда и пошел большой кавардак (Боба выражался несколько иначе).

— Вот возьмите, например, самое главное,— рассуждал Шкип.— То, что, по словам товарища Дарвина, обезьяну в люди вывело. То есть труд. Сколько про него кричат! Что, мол, все советские люди ударно трудятся на благо светлого будущего. И ведь правда трудятся... чтобы ударно зарабатывать. А если можно заработать совсем не трудясь — вот оно для нынешнего человека и есть светлое будущее, которое начинается сегодня...

Что-то похожее слышал Гошка и раньше, в разговорах отца с матерью. Таким, кто хотел не работать, а зарабатывать, был, например, Пестухов... А сам папочка? Он что, ради светлого будущего химичил с заграничными шмотками и вляпался на таможне? С тех пор помнит о расплате за головотяпство и сына полирует, чтобы наследничек не повторял отцовского ротозейства...

Гошка верил Бобе Шкипу, потому что ничего специального тот не доказывал, говорил спокойно: хочешь — слушай, хочешь — балдей. И еще потому, что Гошку Боба среди других «мышат» отличал и пригравал. Однаж-

ды, разомлев от безопасности и благодарности, Гошка присел к Бобе поближе, даже прислонился к плечу. И зажмурился.

— Во ластится, будто кошка,— с непонятной ревностью заметил Валька-Валет.— Сейчас замурлыкает.

— Ну и пусть,— отозвался Боба и пятерней провел по Гошкиным локонам. И Гошка, откликаясь на такое великодушие (а также назло Валету), дурашливо произнес:

— Мур-р-р...

Компания засмеялась, Курбаши снисходительно сказал:

— Кошак и есть...

Так и пошло — Кошак. Сперва в «таверне», а потом на улицу просочилось и даже в школу: «Кошак, привет!» «Кошак, тебя там Копчик из девятой школы спрашивает!» «Кошак, мопед надо? Рупь за час!» В школе, правда, прозвище не прижилось, а по подъездам гуляло. Даже мать услышала однажды. Запереживала:

— Горик, что за глупая кличка?

Он сделал невинные глаза.

— Почему глупая? Еще в детсадике дразнили: «Гошка-кошка, Гошак-кошак»...

Он научился выкручиваться. Иногда хитростью брал, а иногда нахальством. Как, например, с бутылкой.

Один раз, чтобы сделать Бобе подарок, Гошка увел из холодильника бутылку марочного портвейна. Думал — не заметят. После отцовских именин там запас еще оставался изрядный. Бутылку — с похвалами в адрес Кошака — усидели в десять минут. «Мышатам» наливали на дно стакана, по «полпальчика», — для экономии, и чтобы не разбаловались, и чтобы не закосели, и тем самым не выдали «таверну». У Гошки от глотка затеплело внутри, он размяк и снова чуть не мурлыкал. Но дома его обожгло ужасом. Отец, больше прежнего стекленея глазами, спросил раздельно:

— Где портвейн?

— Чего? — пискнул Гошка.

— Та-ак... Значит, дошел и до этой ступеньки? Где бутылка?

Гошка переглатывал и пытался.

— Что ж, пошли... — сказал отец.

Тогда Гошка завопил. Громко и от ужаса искренне:

— А я брал?! Какая бутылка?! Ты видел, как я брал?!

Чуть что — сразу я, да?! Ты видел?! Ты сперва докажи, а потом лупи! Ты сам говорил: не пойман — не вор!

— Когда это я говорил?

— Сколько раз говорил!

Отец неожиданно усмехнулся:

— Ну ладно... Действительно, доказательств нет. Юридически все чисто.

— Да Мехренцевы, наверно, прихватили с собой, — вмешалась мать. — У Андрея это любимая шутка — на посошок бутылку красть...

— Ладно-ладно... — сказал отец. И ушел.

Гошка оттаял от страха, а на следующий день рассказал парням, как вывернулся от папаши. Уже со смехом. Здесь, в «таверне», было хорошо и вчерашнее казалось нестрашным.

«Таверна» — это был уют, безопасность, отгороженность от мира, где одни люди просто сволочи, а другие притворяются хорошими, а на самом деле все одинаковы. Защищенность от этих людей. И от скуки. От всего, что надоело... Но защитить Кошака от неумолимого отца «таверна» не могла. Жить нужно было украдкой, дома про знакомства свои помалкивать. Даже курить приходилось помаленьку и потом следить, чтобы не дохнуть на отца или мать. И каждый вечер к восьми часам Гошка в «таверне», тоскливо вздыхая, натягивал куртку.

— Ты, Кошак, всегда от самого балдежа линяешь, — сказал однажды лениво-изящный Валет. — Смотри, даже мышки наши не торопятся. А ты чево-то режим соблюдаешь, как юный пионер.

— У него папаша зверь, — участливо разъяснил Боба Шкип.

— Лупит, что ли? — небрежно поинтересовался Валет.

— А целует, что ли? — хмыкнул Гошка. Здесь он почти не стеснялся, в «таверне» все было на откровенности.

— Ай нехорошо, — сказал пэтэушник Гришка Курбатов — **рыхлый, рыжий**, но прозванный Курбаши за фамилию и любовь к Востоку. — Ай несправедливо. Ты, джигит, не давайся.

— Толку-то... — буркнул Гошка.

Валет покачал головой, а его очередной адъютант — мышонок Баньчик — понимающе вздохнул.

— Ай неправильно, — опять сказал Курбаши. — Ну ничего. Эти папаши скребут на свой хребет... У нас в восьмом классе был такой Серега Соломин, Дуня его звали, отец его почти что каждый день чистил для перевоспитания. Ну и довоспитывал. Занимел Дуня однажды кнопочник... Папочка за ремень, а Дуня клинок наружу — шелк. «Отойди, — говорит, — я псих. Харакири тебе сделаю, мне за это ничего не будет...» И для пущей выразительности встает в японскую фигуру, в каратэ она, кажется, «горбатый дракон» называется...

— Если кнопочник, на фигá каратэ? — заметил Валет.

— Это ты рассуждаешь, а Дуниному папе когда было рассуждать? Он туда-сюда, поорал да отступился... Дуня сам рассказывал. Вот так, джигиты...

«Таверна» похихикала над Дуниным папой, а у Гошки заглодело внутри. От давнего стыда за себя. От первого намека на решение.

И в самом деле — сколько можно так жить?

Два дня он ходил отключенный от всего. Думал. То ругал себя дураком, то отчаянно решался. Потом на уроке труда украл длинную, косо заточенную стамеску — резец для токарного станка по дереву.

И стал жить со взведенной в себе пружинной.

Недели две Гошка с замиранием ждал, когда папаша «прискребется». Матери хамил нарочно при отце, две двойки принес подряд — все сходило. Видимо, инженеру Петрову было в тот производственный период не до педагогики. Гошка наконец истомился так, что пошел на чудовищное нахальство: на глазах у отца уронил в коридоре окурок.

— Это... что еще? — тихо сказал отец.

— Окурок, — тихо сказал Гошка.

— Подними...

Гошка поднял с трудом. Наклоняться мешала засунутая за ремень стамеска. Звенели в Гошке тошнотворно-слабенькие, совсем не героические струнки. Но в душе была решимость.

Он протянул окурок на ладони.

— Это что? — опять спросил отец. Нехорошо и в упор. И чуть ли не со злорадством. Так, по крайней мере, Гошке показалось. И это папашино злорадство дало Гошке злой ответный толчок.

— Это «Родопи», с фильтром,— бесстрастно сказал он.

— Идиот! Я спрашиваю, откуда окурок?!

В коридор испуганно выглянула мать.

— Из кармана,— сказал Гошка и поперхнулся.

— Значит, и до курева докатился? Лиана, посмотри... И давно начал?

— Не... То есть давно, еще в лагере, в том году, но я помаленьку...— Гошка ощутил, как глубоко-глубоко в нем шевельнулась усмешка. Отец замигал:

— Ты... что, заболел, может? Такие вещи говоришь!

— А какие? — через силу, но ровно спросил Гошка.— Ты же сам требуешь: всегда только правду...

— Та-ак... Вот какая, значит, правда... Мало, значит, я тебя... Ладно, пошли.

— Витя... Горик...— сказала мать.

— Пошли...— помолчав, сказал Гошка. В груди разрасталась обморочная пустота.

В пасмурной комнате отец включил розовую лампу и достал из-за стола ненавистную черную трубу с крышкой. И Гошка изумился своему внезапному спокойствию. Тихо и ясно вдруг стало — как на пустой летней улице ранним-ранним утром.

— Ну? — сказал отец.

— Сейчас,— выдохнул Гошка. Медленно поднял на животе свитер. Достал стамеску. И проговорил сипло:

— Не подходи...

Отцовское лицо задвигалось, как резиновое. Пошло складками, сморщилось, перекосилось. И опять стало прежним. Только глаза остекленели сильнее. Отец нелепо хохотнул:

— Ты... сдурел? Кретин...

— Не подходи...— сказал Гошка ясно и отчетливо.— Хватит! — Подумал и добавил: — Она как бритва.

— Да ты!.. Сопляк!! — Отец задержался.— Я тебя... Бандит! На отца?! Да я тебя с твоей железкой!..

— А что ты... меня? — опять осипнув, сказал Гошка.— Скрутишь, да? Ну и что? До смерти не убьешь, отвечать придется. А я тебя все равно... потом... Хотя где... Когда спать будешь... Мне все равно...

— Гад! В колонию хочешь?!

— А мне все равно,— Гошка коротко засмеялся. Потом крикнул с прорвавшейся снова чистотой в голосе: — Мне хуже, чем теперь, не будет! А ты... ты лучше не подходи! Никогда!

Он заставил себя смотреть в глаза отца. Так охотники держат взглядом наступающего зверя. И глаза Виктора Романовича нерешительно помутнели. Но ответил он пренебрежительно:

— Сосунок... Ты читал у Лондона рассказ «Убить человека»? Думаешь, это легко?

— А мне легко?! Терпеть от тебя!.. Ты... А я убивать и не буду! Я твою машину искорежу! Вот! — Радостное вдохновение осенило Гошку. — «Жигуля» твоего зас... Изрублю, издеру! Он же тебе жизни дороже!! Тебя инфаркт хватит! Ну что?.. Я это сделаю! И гараж подожгу, и дом! В колонию меня?! А тебя куда?! С работы, из партии, со всех мест! За такого сына тебя самого в тюрьму! В Севастополе выкрутился, здесь не выйдет!

Отцовское лицо опять резиново съежилось.

— Ах ты... Лина! Ты послушай, что этот уголовник...

— Сам уголовник! — Гошка заплакал, но без страха, без стыда за эти слезы, а как-то весело и открыто. — Сам ты... фашист! Как ты меня... Хватит! Лучше не суйся! Понял?!

Отец качнулся вперед, но будто на колючки наткнулся.

— Ну, что?! — кипел светлыми слезами Гошка. — Боишься?! На, возьми меня! Попробуй! — Он раскинул руки. Стамеска торчала из правого кулака, будто меч гладиатора.

Отец метнулся к двери, чуть не сбил возникшую на пороге мать, завизжал в прихожей:

— Вырастили бандита!.. Я сейчас в милицию! Позвоню!

— Никуда ты не позвонишь! — орал вслед Гошка. — Самому хуже будет! Ты трус! Только на беззащитных можешь! А я больше не боюсь! Я теперь все, что хочу, буду! Курить буду! Водку пить! Воровать буду! Тебе назло! Буду!.. — Яростная радость освобождения выхлестывала из него этими криками и слезами...

Потом он отдышался, вытер мокрое лицо подолом свитера, всадил сквозь ковер стамеску в твердую паркетину и сел в отцовское кресло. Ощеренно улыбаясь, глядел в открытую дверь, мимо матери. Та все еще испуганно стояла на пороге.

— Витя... Горик, — сказала она. — Да успокойтесь же вы... Горик, надень тапочки, ты простудишься...

...С этого дня началась для Гошки радостная свобода. Отец как бы исчез. Если они и встречались иногда в большой квартире, то не смотрели друг на друга. Уходил отец рано, приходил поздно. Мать была осторожно-молчаливая и смотрела вопросительно-испуганными глазами. Гошка жил как хотел.

Впрочем, ничего страшного он не делал. Если и курил, то по-прежнему немного и не открыто. И конечно, водку не пил и не воровал. Разве что с уроков линиял чаще, да из «таверны» приходил позже. Радость была не в том, чтобы делать что-то запретное. Она была в освобождении, в отсутствии страха. Гошка заново почувствовал, как это хорошо — жить. Он, как в прежние годы, накинудся на книги и даже стал уверенней учиться. То есть двоечником он не сделалось даже больше, но зато не в пример больше стало и пятерок. Потому что иногда он плевал на уроки, зато часто, поддавшись вдохновению, расщелкивал самые трудные задачи и запросто делал английские переводы. А устные предметы Гошка и не учил — просто все запоминал на уроках.

Успехи шестиклассника Петрова отметила на родительском собрании Классная Роза. И только седой учитель физики Федор Иванович, который с шестого класса всем говорил «вы», сказал однажды Гошке:

— Вы, Петров, бросаете мне свои знания, как кость надоедливому псу...

Гошка дерзко хмыкнул и пожал плечами.

...Потом Гошка узнал, что отец бегал в школу, жаловался на него Классной Розе. До чего, мол, дошло: руку на отца поднял! Зачем Виктор Романович сделал такую глупость? Не побоялся даже вынести «сор из избы»! От великой растерянности, что ли? Или был в этом какой-то хитрый расчет?

Какой там состоялся разговор, Гошка не знал. Мог только догадываться, что Классная Роза с отцом не церемонилась: он, мол, жнет, что посеял. Школа виновата? А когда школа вмешивалась и советовала, вы что отвечали, дорогой Виктор Романович?

Впрочем, теперь Роза Анатольевна была уже не та наивная выпускница пединститута. Речи о достоинстве личности, благородстве и гуманизме произносила по-прежнему, но знала меру. И умела при случае наорать, как полагается, и вытащить за шиворот в коридор того, кто

достоинство своей личности понимал неверно. В школе ее уже ценили, считали, что есть опыт.

Видимо, этот опыт и подсказал Розе, что беседовать с Гошкой-Петенькой про его конфликт с отцом пока не следует, надо подождать, посмотреть. И болтать об этом деле в учительской тоже пока не стоит. Виктор Романович Петров — человек известный и полезный, зачем его подводить...

В состоянии «творческого подъема» прожил Гошка до конца учебного года. Потом пришло лето с Сочами и путешествием по Волге. А к осени Гошка ощутил, что прежней радости жизни уже нет. Ну, начало школьных дней, оно никого, конечно, не радует. Но дело не в этом. Как-то все приелось Гошке. Прежние дни чаще стали приходить на память. Воспоминания о своей слабости можно было заглушить лишь одним: доказать себе, что другие еще слабее. И Гошка доказывал. Он умел делать это хитро, без свидетелей.

Осень была серая, как все осени. А тут еще умер Кама...

Он умер в какой-то больнице, где лечат наркоманов. Говорили даже, что не просто умер, а полоснул по венам стеклом.

Компания сидела в «таверне» молчаливо и невесело. Боба Шкип, Курбаши, Валет, длинный глупый Сонечка, Змей, Копчик, его приятель Пудель и несколько «мышат». Гошка-то, конечно, давно уже не был «мышонком». Кошак, он и есть Кошак...

Гитара Камы блестела на стене от яркой лампочки.

— Что, Кошачок, жалко Каму? — спросил Шкип и потянулся.

— Жалко, что петь будет некому, — вздохнул Гошка.

Шкип сказал скучным голосом:

— Как узнаю, кто еще этим делом балуется, таблетками там, или анашей, или прочей дрянью, убью сразу, чтоб не мучился. Под полный срок пойду, но это сделаю...

«Под срок» Шкип пошел за другое. В ноябре, перед самым уходом в армию. За дело, связанное с товарными вагонами на запасных путях. В вагонах были магнитофоны. Шкип «ходил за магами» с какими-то большими парнями, к «таверне» эта операция отношения не имела. Шкип ничего о «таверне» следователям не сказал, беда

ее обошла. Но без Шкипа и без Камы стало уже не так.

Главным сделался Курбаши. Он был ничего парень, приятель Шкипа, но прежнего уюта и радости в «таверне» сохранить не умел. Вместо гитары теперь базлал и дребезжал кассетник. Несколько раз случались драки (при Шкипе это было немыслимо). Меньше стало разговоров «про жизнь», больше и злее резались в карты. Гошка, правда, не резался, себе дороже. Однажды он продул Валету полтора червонца, быстро расплатился, но сказал:

— Всё, джигиты, Кошак в такие игрушки больше не играет.

Не получилась у него и другая «игра» — та, против которой предупреждал Шкип.

Теперь-то Шкипа не было, и потому длинный Сонечка и Пудель однажды при Гошке и двух «мышатах» достали таблетки и, хихикая, предложили побалдеть. Объяснили, какой прекрасной становится при этом жизнь. У Гошки на душе была пустая скукотиша, и он (а, черт с ними, один-то раз!) кинул в рот пять «кружочков». А через несколько минут выскочил наружу. В темном углу, среди засохших репейников, его долго выворачивало наизнанку...

А Сонечка и Пудель правда забалдели, тепло размякли. В таком виде их и застали Курбаши и Валет. Они при онемевших от страха «мышатах» обстоятельно, в кровь, избili двух «любителей кайфа». Курбаши очень опасался, что Сонечка и Пудель, «увлекшись этим делом, провалят явку, раньше чем с помощью аллаха откинут копыта». А Валет больше всего боялся, что таблетками начнут баловаться Баньчик, Позвонок, Липа, новоявленный Пуля и другая мелкота. У него к «мышатам» был свой интерес, он хотел «чистоты кадров»...

Про Кошака никто ничего не узнал. А Копчику, у которого, кажется, тоже была «морда в пуху», Курбаши однажды пообещал:

— Ай, ножки поотрываю, Копчик-джан...

Тот заверещал:

— Ты не пугай! Я знаешь какой пуганый! — Он иногда срывался на такие истерики, что лучше плюнуть. Курбаши плюнул.

Гошка, позевывая, смотрел на все это со стороны. Курбаши встретился с ним глазами.

— А ты, Кошачок... Аллах тебя знает. Все по краешку ходишь, на полуотколе. Ай, нехорошо.

— Все хорошо,— дипломатично улыбнулся Гошка.— Просто я Кошак. А кошки всегда гуляют сами по себе.

— Не кошки, а кошки,— подал голос уже успокоившийся Копчик.— Это мультик такой есть.

— В мультике кошка, а у Киплинга в оригинале — Кот,— разъяснил Гошка.

Копчик, не слыхавший о Киплинге и не знавший, что такое оригинал, поглядел с насмешливой уважительностью:

— Интелгенция...

А на интеллигентную семью Петровых незаметно снизошли мир и благоденствие. Как-то между делом Алина Михаевна сказала мужу и сыну:

— Не надоело вам сычами друг на друга глазеть?

Бодро так сказала, полушутя. Отец отмахнулся с деланной сердитостью:

— У меня с третьим блоком такой провал, что я на весь белый свет так смотрю. Не сычом, а тигром лютым.

Гошка, не знающий теперь страха перед отцом, понимал, что в жизни из всего надо получать свой интерес.

— Да отстроишь ты этот блок. И опять премию получишь. Небось, немалую,— сказал он небрежно.

Отец глянул искоса:

— А тебе что моя премия? На сигареты не хватает?

— Я, между прочим, давно завязал, хоть у кого спроси,— уверенно соврал Гошка.— А для нормального развития современного подростка нужен мопед. У любого пятиклассника есть, а я...

— Ну уж нет! — взвинтилась мать.— Все что угодно, а мопед — через мой труп! Я не хочу, чтобы Горик как Сергей...

— А, может быть, все-таки...— примирительно начал отец.

— Ни-ка-ких мопедов! Вы смерти моей хотите?

Гошка знал, что в некоторых случаях с матерью спорить — все равно что головой о рельсу.

— Хоть кассетник приличный тогда...— буркнул он.

Алина Михаевна сразу успокоилась:

— Это другое дело... Горик, надень тапочки, ты простудишься.

— Да в тапочках я, в тапочках,— заорал в досаде Гошка.— Не видишь, что ли!

— Ты что орешь на мать! — закричал в свою очередь отец. Но как-то не по-настоящему.

Эта размолвка не помешала дальнейшему миру. Словно все пришли к молчаливому согласию, что прошлое ворошить ни к чему, так как Горик поумнел, отец подобрел и, слава богу, все теперь хорошо. Гошка охотно принял «условия игры». Он понимал: чтобы не было лишних осложнений, Кошаком надо быть в «таверне» и на улице, можно иногда и в школе, а дома следует оставаться Гориком, хотя и ершистым (что вы хотите, переходный возраст).

Время шло. Отец строил цех, получал премии и читал про себя в областной газете. Мать занималась квартирой. Пестухов строил козны и приходил иногда в гости к Петровым. Они с отцом на кухне по-свойски угощались коньячком. На Гошку Пестухов смотрел безразлично-ласково и делал вид, что случая на дороге не помнит. Закусывал и говорил:

— Вы, Алина Михаевна, не просто женщина, а научная фантастика. Вопреки неумолимому течению времени, хорошеете с каждым днем... Ох, Вик-Романыч, уведу я, смотри, у тебя жену, я ведь тебя моложе на целый год. И холостой-разведенный...

Мать розовела.

— Я вам, Андрей Данилович, за такие разговоры не дам больше ни капли. Вам вредно... Горик, а ты не слушай взрослые разговоры, иди надень лучше тапочки...

Конечно, ничего этого Егор не рассказал Михаилу. Он только вскрикивал, не сдерживая плача и не стыдась:

— Ты знаешь, да?! Что ты про меня знаешь?! Как он меня лупил, как я жить боялся!.. И бежать некуда!.. Из-за твоей милиции... Ты хоть знаешь, что такое беспомощность?! Когда ты как заяц загнанный... Все хорошие, все речи говорят, все воспитывают! А сами!..

Михаил знал, что такие слезы не остановить. Пусть выльются до конца. Он сидел рядом, держал руку на трясущейся спине Егора и терпеливо молчал.

Он многое понял из отчаянных выкриков Егора. И думал, что теперь, пожалуй, можно будет рассказать

Егору и о своих слезах — о тех, что много лет назад рванулись однажды у него от безудержного горя и нестерпимой вины. И о том, как беззаботный мальчишка Гай превратился в неулыбчивого подростка с запекшимся рубцом на душе. Как неуходящее сознание этой вины, тоска по Толику и по тому Острову детства, который он потерял, сплелись в клубок, и клубок этот не давал дышать...

Правда, тогда он не был один. Ему пытались помочь. Инженер Тасманов прислал письмо — сухое, официальное и с требованием сжечь по прочтении. В письме излагалась выдержка из протокола секретного следствия; из нее делалось ясно, что убийцы Анатолия Нечаева встретили его на вокзале не случайно, а выслеживали давно и планомерно, ибо действовали по заданию западных служб, заинтересованных в срыве испытаний нового советского аппарата. Спасибо Тасманову. Гай сжег письмо и долго жил с горьким облегчением, с тем чувством, которое испытывают маленькие дети после безутешных слез, когда будто заново смотрят на окружающий мир. И печаль Гая была уже со светлыми проблесками, когда он в разных кинотеатрах и клубах снова и снова смотрел «Корабли в Лиссе».

И лишь через год, когда он сделался взрослее и понятливее, первый раз пришло сомнение: а что, если Тасманов просто-напросто спасал его от отчаяния?

Было письмо и от Аси. Она (и как только сумела) достала заверенную справку, что в первой декаде сентября 1967 года Севастопольский автовокзал не производил продажу обратных билетов для симферопольского маршрута.

Но тогда уже Гай понимал, что дело не в потерянном билете.

Нет, самой лучшей была все-таки помощь Юрки. Его совет: «Гай, дерись!»

Драться надо было со всякими гадами. С такими, какие убили Толика. И вообще со всякой нечистью. Чтобы меньше было слез на душе и чтобы жить без вечного укора. Чтобы не прятать глаза от Аси и Сережки Снежка и свободно ходить по улицам у моря, когда приезжаешь в Севастополь. Чтобы не бояться подойти к могиле, на которой красный от морской ржавчины якорь Холла и поднятый со дна моря обломок мраморной колонны — на нем выбили слова: «Инженер-кон-

структор Анатолий Сергеевич Нечаев. 15 мая 1937 г.— 9 сентября 1967 г.».

Рассказать Егору, как он, Гай, дрался... Как шустрый интеллигентный мальчик, самый младший в оперотряде, очертя голову кидался на пьяных бандитов и его с трудом успевали выхватить из свалки и заслонить. Как вместо института пошел на завод фрезеровщиком и пробился в аэроклуб, чтобы попасть в ВДВ — десанникам в милицейское училище была самая прямая дорога. Была бы... Если бы не тот последний прыжок и полгода госпиталя...

Он все-таки дрался: с собой, со своей болью, с теми, кто говорил: «Молодой человек, ну какая милиция с вашим-то здоровьем...» Лишь в Москве сухой, изрезанный морщинами, как шрамами, генерал-майор выслушал его историю, не перебивая, и сказал вполголоса: «Ну, давай, сынок...» И подписал направление в школу милицеских сержантов...

А после школы не было уже ни опергруппы, ни патрулей, ничего похожего на бой. Был детский приемник-распределитель, и Михаил, вначале возмущившись таким назначением, не написал потом ни одного рапорта о переводе. Какой смысл был жаловаться на судьбу, когда в первый же день увидел Михаил сотню пацанов, с которыми судьба обошлась не в пример суровой и несправедливой. Издевательски... Здесь тоже надо было драться... С кем? Не с этими же ребятами! Значит, с теми, кто их сделал такими? А как?..

Рассказать Егору об отчаянии? О нестерпимом чувстве вины, когда везешь одиннадцатилетнего мальчишку в спецшколу, которая — что бы там ни говорили — тюрьма для детей? О беспомощности, когда не знаешь, как им всем помочь, как защитить? О страхе, когда ловишь себя на невольном озлоблении?

Он ничего о себе рассказать не смог. Потому что Егор, успокаиваясь, снова твердел. Перестал всхлипывать, стряхнул со спины ладонь Михаила, придвинулся к черному окну.

— Я же ничего такого не знал,— тихо сказал Михаил.

— Ну и ладно,— буркнул Егор.

— Не сердись...

— Да больно мне надо сердиться... Ничего мне не надо...

Они давно уже проехали Подлунную, и город был недалеко. Михаил достал записную книжку и ручку.

— Егор... Я дам тебе свой домашний адрес и телефон. Мало ли что...

— Что «мало ли что»? — не повернувшись, отозвался тот.

— Я понимаю, что такой брат, как я, в твоих глазах не подарок. Но вдруг пригожусь...

— Да не в тебе дело...

— А в ком?

Егор, не стыдясь мокрого лица, глянул прямо на Михаила.

— Ты думаешь, если я вот так раскис... если меня прорвало, значит, я сделался такой, как тебе надо?

— А мне тебя любого надо,— осторожно сказал Михаил.

— Зачем?.. Мать правильно сказала: это же случайная встреча. Нечаянно сошлись, так же и разойдемся.

— Все-таки возьми листок.

Егор пожал плечами и взял.

— А еще...— Михаил говорил с неловкостью, но упрямо.— Если я вдруг когда-нибудь позвоню, не рычи на меня, пожалуйста. И не разговаривай, как с сотрудником милиции...

И Егор вдруг улыбнулся. Чуть-чуть. Может, просто так, чтобы отвязаться. Но эта короткая улыбка оплатила Михаилу все недавние дни.

Они сошли на перрон. Опять прояснило, было холодно, среди фонарей дрожала зыбкая, но яркая звезда. Егор нетерпеливо затоптался. Но Михаил удержал его:

— А насчет случайности нашей встречи ты неправ. Наоборот, удивительно, что не встретились раньше... Когда берут ребят на студию, записывают данные родителей, и странно, что Ревский не обратил внимания на имя: Алина Михаевна...

— Он ничего не записывал, у него помощница была.

— И еще... Ты уж не сердись, но я не раз ворошил в приемнике дела прошлых лет и тоже мог наткнуться на твои анкетные данные...

Егор напрягся, и Михаил торопливо сказал:

— Но главное даже не в этом.

— В чем еще?

— Видишь ли... Ты не подумай, что я в приметы верю или что-то подобное. Просто есть какая-то закономерность. Я до конца не разобрался, но есть...

Егор нетерпеливо молчал.

— Я говорю о Крузенштерне,— с некоторым смущением сказал Михаил.— Будто он до сих пор... ну, что-то решает в нашей жизни, как-то сводит всех нас... Ведь ты из-за встречи с писателем задержался в школе, и поэтому мы встретились у директора. А писатель-то рассказывал о Крузенштерне...

— Он мог рассказывать о чем угодно,— насупленно отозвался Егор.

— Да, пожалуй... Ты сейчас домой?

— Куда же еще...

— А я в кассу за обратным билетом. Пошли.

Они двинулись внутрь вокзала.

— Я все-таки позвоню тебе, когда приеду снова,— с мягким нажимом сказал Михаил.— Надо о многом поговорить. Не бойся, не с воспитательной целью... И хорошо бы посмотреть один фильм...

— Терпеть не могу кино,— сказал Егор.

— Я не про всякое кино... Ладно, пока...

Михаил протянул руку, и Егор вяло дал свою. По ее движению Михаил с досадой ощутил, как Егору хочется скорее уйти.

Михаил не знал, что нетерпеливость Егора вызвана самой прозаической причиной. Какие олухи придумали поезд, который идет почти пять часов, а вагоны без туалетов?

И все же Егор на секунду оглянулся. Потом словно испугался этого и затерялся в толпе.

Вторая часть

ПОРОГ

КИНО С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

Егор соврал, когда сказал Михаилу, что терпеть не может кино. Смотреть некоторые фильмы он любил. Причем фильмы, казалось бы, для Кошака совершенно неподходящие. «Таверна» полегла бы от смеха, если бы там узнали. Егор стеснялся этой слабости даже перед собой.

Фильмы были слюнявые, он сам это понимал. Часто очень старые и совсем детские. «Старик Хоттабыч», «Кыш и Двапортфеля», «Внимание, черепаха!», «Денискины истории», «Тайна волшебной двери»... Иногда это были сказки, иногда вроде бы «про настоящую жизнь» — все равно на экране происходило то, чего на самом деле не бывает. Там, среди разноцветных домов, по очень зеленой траве, под необычайно синим небом, ходили добрые волшебники и другие неправдоподобные люди: улыбчивые учительницы, трогательно заботливые папы и мамы и ясноглазые мальчики и девочки. С этими мальчиками и девочками происходили смешные и поучительные приключения, которые сами по себе Егора не волновали. Его привлекал воздух и свет этих бесхитростных кинолент, беззаботность, разноцветная праздничность, ясная простота в отношениях между героями.

Когда удавалось выловить в киноафише название такого фильма, Егор воровато усмехался, поднимал воротник, натягивал поглубже шапку и ехал в дальний кинотеатр или клуб. Ехал, хотя знал, что уйдет из кино с ощущением еще одного обмана. Даже с тоской. Возможно, это была печаль по той жизни, когда мир казался действительно разноцветным и добрым.

Печаль о времени, когда был Горнист...

Егорка увидел его, когда впервые приехал в «Электроник».

Горнист будил ребят по утрам. Растрепанный после сна, босой, он выскакивал на влажное от росы крыльцо, торопливо заправлял майку в трусики, весело шурился и скидывал трубу. На серебряном раструбе загорался мохнатый сгусток нестерпимо яркого солнца, стреляющий горячими искрами. Сигнал Горниста был не привычная «побудка», а длинный, переливчатый. Бодрый и в то же время ласковый какой-то. Словно этот трубач — конопатый, большеротый Игорек — подбежал к Егоркиной кровати, смеется и треплет его по плечу...

Бывало, что Егорка просыпался раньше всех в палате, садился на подоконник и ждал, когда Игорек выпрыгнет на крыльцо и заиграет. Так ждал, что внутри замирало. Это были сладкие минуты ожидания сказки и тайного восторга.

Егорка млел от спрятанной в душе любви к Горнисту и, конечно, мечтал с ним подружиться. Но Игорек был старше, вокруг него всегда кружился рой веселых приятелей. Ладно, пусть. Егорка был счастлив и тем, если трубач Игорек замечал его мимоходом и улыбался на бегу или говорил несколько слов...

Потом Горика Петрова родители увезли из «Электроника», и скоро случилось то, что зачеркнуло прежние радости.

На следующий год «Электроник» был уже не тот. И сигналы горна, записанные на пленку, разлетались из ревуших динамиков. А Игорька не было.

А если бы он и оказался снова, то что?..

Все это случилось давным-давно, в младенческие годы. Однако вспоминалось иногда. Порой вспыхнет солнце на оконном стекле или пряжке у сумки — и словно утренняя мелодия пробьется сквозь серую монотонность дней... Но вспышка, она и есть вспышка. Миг. А потом — тя-

жесть на душе какая-то. Впрочем, недолго. Так же, как и грусть после разноцветной киносказки...

Кино называлось «Девочка и крокодил» и, кажется, рассказывало про забавные поиски сбежавших откуда-то зверей. Хотя, возможно, Егор путал с фильмом «Украли зебру» или «Слон и веревочка». Неважно.. Егор в тесном автобусе поехал на окраину, в Клуб текстильщиков. За стеклами проползал осенний день с голами и мокрыми тополями. Неопределенный какой-то день: то солнце проглянет, то опять все укроется пепельной пасмурностью. С неба — то морось, то снежинки...

И в жизни, в настроении какая-то неопределенность...

Недавно были осенние каникулы. За ними сразу, контрастом, траурные дни — умер Брежнев. Эти дни скомкали привычный ритм, ощущалась неясная тревога. В разговорах, в вопросах, во взглядах. Даже Курбаши в «таверне» сказал необычно серьезно:

— Вот что, джигиты, вы это... полегче сейчас. Чегой-то дружиннички активность заправляли.

— А мы чего? — хмыкнул Копчик. — Законов не нарушаем.

— Если сунутся, скажем: «Дайте молодежи культурный клуб, чтобы интеллигентно проводить вечера», — с тонкой своей улыбочкой добавил Валет. — Создадим кружок любителей классической музыки, будем собираться легально...

— Точно... — сумрачно сказал Курбаши.

Неясное беспокойство коснулось и семьи Петровых. Отец позже стал приходить с завода и однажды сказал матери:

— Зашевелились... Думают, они одни честные работники, а остальные... Их бы в мою шкуру...

— А Пестухов? — привычно обеспокоилась мать.

— А он везде выплывет. Такое... вещество не тонет...

На несколько дней оказалось скомканным школьное расписание. Вот и сегодня вместо шести уроков — четыре. Учителей куда-то там вызвали. Ну и прекрасно. Поэтому и можно ехать не спеша в дальний клуб на старый кинофильм...

Однако оказалось, что сеанс про девочку и крокодила отменен. Вместо него в афише значился двухсерийный

американский «Спартак». Егор шепотом выругал киношное начальство от кассира до министра, а потом взял билет. Не ехать же обратно не солоно хлебавши. «Спартак» он раньше не видел. Может, и есть на что посмотреть. Гладиаторы там всякие, рубиться станут... А главное — на экране обязательно будет лето. Зеленое, солнечное. А то холод и серая морось так осточертели...

Фильм Егору не понравился. Красок там хватало, звона мечей тоже, но какое-то надоедливое это все было. Мускулистые герои в шлемах с гребешками были похожи один на другого, перепутывались. И так все долго, затянуто...

Егор начал отвлекаться, рассеянно думать о своем. О поездке в Среднекамск и возвращении с Михаилом... Михаил с той поры знать о себе не давал, хотя обещал позвонить... Егор поймал себя на том, что думает о молчании Михаила с досадой... Что за чушь! Больно ему, Кошаку, это надо!

История Спартака на экране кончилась не так, как в учебнике и книжках. Это на минуту доставило Егору удовольствие. Оказывается, Спартак (по крайней мере, в фильме) был вовсе не такой уж герой, а тоже человек со страхами и слабостями. И в последние минуты не избежал унижения...

Обратный автобус оказался полупустым. Егор устроился один на задней скамье. Впереди него занимала два сиденья обширная тетушка. Из-за тетушки виднелись две мальчишечьих вязаных шапки. Одна — коричневая, гребешком, другая — синяя, с белым пушистым шариком. Шапки были знакомые, особенно коричневая. А торчащие уши и тонкая шея старшего мальчишки — тем более. А когда Егор услышал голоса, стало совсем ясно, что это Ямщиковы.

Младший Ямщиков звонко и решительно критиковал фильм:

— Откуда они взяли, что он в плен попался? Джованьоли пишет, что он в бою погиб!

«Смотри-ка, мышонок читал Джованьоли!»

Редактор не то согласился, не то заспорил с братом:

— Дело даже не в этом. У Джованьоли ведь тоже не точная история, а роман. Главное, что американцы вообще всего Спартака исказили. Показали, будто он всю жизнь был раб в душе и таким остался до смерти. Видать, им это выгодно...

— Потому что они сами за рабство!

— ...Они показывают, будто он был рабом и сыном раба. А это чушь,— негромко, но отчетливо негодовал Редактор.— Он был фракийский воин и попал к римлянам в плен. А потом поднял восстание... Он бы ни за что на свете не дал распять себя!

— Конечно! У него же меч в руках был! А он...

...Меч Спартаку, схваченному после битвы, дали римляне. И молодому воину, другу Спартака, дали. Обступили их плотным кругом. Красс надменно сказал:

— У вас будет последний гладиаторский бой. Один из вас умрет от меча. А победитель будет распят.

И вот друзья кидаются друг на друга. Каждый старается убить товарища, чтобы избавить его от позорной смерти на столбе с перекладиной. Спартак сильнее, он побеждает. И медленно умирает, привязанный к приколоченному на высоте брусу...

— У них же были мечи! — опять стеклянным от обиды голосом сказал Ваня.— Если по правде, они бы на римлян, а не друг на друга кинулись! Они бы сколько еще врагов искрошили!

— По правде так и было,— утешил брата Редактор (а Егор усмехнулся).— Даже еще лучше. Спартак в последней битве дрался двумя мечами. Враги его окружили, а он швырнул в них свой тяжелый щит, подхватил левой рукой второй меч и рубился, пока был жив... Его потом нашли под грудой римлян...

Ваня негромко (почти неразличимо для Егора) сказал:

— Я про это не знал... про два меча. В книжке, по-моему, этого нет.

— Про Спартака ведь не одна книжка. Я читал...

Егор сидел, втянув голову и отвернувшись к окну. Не хотелось, чтобы Ямщиковы узнали его. Но они назад и не смотрели. На остановке у овощного магазина они вышли через переднюю дверь, а Егор выскочил сзади, зацепив заругавшегося пенсионера.

Чтобы огрызнуться, Егор на две секунды задержался и мельком услышал Венькины слова. Тот сказал братишке:

— Беги в булочную и сразу домой. А я капусту куплю...

Но тут же Егор перестал думать и о вредном пенсионере, и о Ямщиковых, потому что увидел Копчика.

Копчик топал вместе с «нетаверновскими» дружками Чижом и Хныком. Теми самыми, с кем ловили Редак-

тора. На ходу Копчик отдирает зубами крышку сигаретной пачки.

Егор почувствовал, как хорошо сейчас, в этой уличной промозглости, подымить, погреть себя уютным табачным огоньком. Но просто так подкатывать к Копчику было неинтересно. Лучше сделать наколочку — выскочить неожиданно. Копчик вздрогнет и, может быть, даже завизжит, он же истеричный. Правда, потом он занеет: когда Кошак отдаст деньги за кассету? Егор объявил, что потерял ее, и Копчик требовал девятнадцать рэ: девять за саму кассету и червонец за ценную запись. С него, мол, тоже трясут... Ну ничего, три недели терпел, потерпит еще..

Егор знал, что Копчик с друзьями пойдет к своему дому по Калужской. Это была улица с вековыми берегами и домами купеческих времен. Некоторые дома стояли разрушенные. Городские власти поступали с ними крайне беспощадно: выселят людей из старого особняка, разламывают его и оставят в таком виде. Развалины темнеют оконными проемами, зарастают крапивой...

Егор, незамеченный Копчиком и компанией, поспешил вперед и укрылся в разбитом особняке с остатками узорного чугунного крыльца. Притаился у внутренней стены с ключьями обоев — так, чтобы из глубины видеть через пустое окно улицу.

Крыша над головой была пробита. Неожиданно пошел крупный снег. В проломе, на фоне светлого неба, он казался темно-серым, а черную землю и серый забор в оконном проеме заштриховывал белыми густыми росчерками. Егор поднял воротник, придвинулся к окну, чтобы не прозевать Копчика.

Но сперва он увидел Редактора, тот поспешно шагал и вертел головой: снег залетал ему за широкий ворот, на голую тощую шею. А руки у Веньки были заняты — в одной школьная сумка, в другой авоська с тяжелым вилком.

Егор мельком и привычно позлорадствовал: как Редактору снег-то за шиворот! И услышал топот: Веньку догоняли.

Венька по-петушиному оглянулся и сразу встал спиной к толстой березе. Не побежал. Куда убежишь от троих-то, да еще с грузом. Хотя не в грузе дело. Егор понимал, что Редактор не побежал бы и налегке...

Со странным чувством удовольствия (попалась птичка!), любопытства и неловкости Егор опять отодвинул-

ся в глубь разрушенной комнаты — чтобы остаться незамеченным и посмотреть бесплатный спектакль. Ну что, Редактор? Это тебе не про Спартака рассуждать, который с двумя мечами на толпу римлян. Это реальная наша житуха, никакой романтики. Не Красс и не Помпей, а Копчик с двумя друзьями, не слыхавшими ни о Джованьоли, ни о законах рыцарских поединков. Они народ простой...

Копчик вынул изо рта сигарету, притушил о ладонь и спрятал в карман. Сказал почти ласково:

— Ямщик, не гони лошадей...

— Чего опять надо? — отозвался Венька. Безнадежным тоном, но и без заметного страха. Даже с ноткой пренебрежительной скуки. Уловив эту нотку, но еще сдерживаясь, Копчик процедил:

— Так, Ямщикок, ничего нового. Давно тебя не били.

— Последний раз аккуратно десять дней назад, — хихикнул Чиж.

— Ну, давайте, — тихо сказал Венька и, кажется, прищурился (за снегом не разглядишь толком). И опустил на землю сумку и вилок в сетке.

— Щас махаться опять будет, — сопя, сказал низкорослый, толстый Хнык. — В тот раз по губе мне задел, подлюка. Щас не заденешь...

— Ох и надоели вы мне, гады, — уныло произнес Венька. — Хоть бы понять: чего вам надо-то? Чего вяжетеесь?

Чиж опять хихикнул по-своему («х-хых...») и приготовился. Оглянулся на Копчика. Но тот вдруг предложил миролюбиво:

— А ты откупись, Венечка. Недорого возьмем.

— Да? — непонятно сказал Редактор.

— Ага! — обрадовался, даже подскочил Хнык, самый глупый из троих. — По тройку на нос! Всего!

— Много себя ценишь, — холодно сказал ему Копчик. — Хватит и по рублю. Не в деньгах счастье. Не правда ли, Веня?

В голосе Копчика Егор уловил насмешливо-философскую интонацию. Странно знакомую, но Копчику не свойственную. И вдруг понял: таким тоном в давние времена говорил иногда Боба Шкип. И оттого, что Копчик, скотина, пытается подражать Шкипу, Кошака резанула злость. Вот выскочить бы да врезать Копчику по соплям!

А потом и двум его холоумам. Это хорошо получилось бы, если нахрапом! А может, и Редактор хоть маленько помог бы...

Егор даже улыбнулся, представив такую неправдоподобную вещь. И прикинул в уме: а что было бы потом? Наверно, многое в жизни пошло бы по-другому... По-другому — это как? Куда и зачем? Без «таверны»? И главное, ради кого? Выходит, ради Редактора? Лезет же в голову всякое...

Копчик — он все-таки Копчик. Хотя и противный иногда, но свой. И понятный. Вот и сейчас он ясен Егору, как дважды два. Не так уж важно Копчику раскровянить еще раз Ямщикова. Главное для него, как было и для Кошака, переломить Редактора. Без битья — даже лучше. Пусть покорится страху, пусть послушным станет. Иначе какая-то неуверенность на душе...

И, давя в себе эту неуверенность, Копчик повторил:

— Хватит трояка на всех. Недорого. Выложишь, Ямщикок?..

— Если бы вы знали... — громко выдохнул Венька.

— Если нету, мы подождем, — сунулся Чиж. — Ага, Копчик?

— Если бы вы знали, — устало сказал Редактор, — как вы мне осточертели... Я бы все деньги, какие смог достать, отдал бы, чтобы не видеть никогда вас больше...

Егор не дышал в своем углу, чтобы слышать все. Сквозь летящую сетку снега он смутно видел Веньку с неразличимым лицом и спины троих. И тихо было так, что слышался шорох снежных мух.

— Так что? — нетерпеливо разбил тишину Чиж. — Нету, что ли?

— Да не в этом дело, — печально сказал Редактор. — Не могу я, Копчик, дать вам по рублю.

— Не ценишь, значит... — Копчик покивал. — А ладно, мы не гордые. По двадцать копеек дашь? И не тронем больше, гад буду, если совру.

Егор совсем замер. Обидно же, если ему, Кошаку, Венька не уступил, а Копчику теперь сдастся! А ведь он может! Потому что здесь и гордость можно сохранить! Отдаст Копчику с друзьями двугривенные и усмехнется: «Всё, в расчете! Гуляйте и помните уговор...» Получится, что он не откупился, а вроде бы кинул по обглоданной косточке зубатым псам.

Но нет, Редактор не способен был на уловки с собой.

— Не выйдет, Копчик,— сказал он.

— А может, хоть гривенник? — серьезно спросил Копчик.— Один на троих? А, Веня? Так сказать, символически...

Это было уже совсем интересно. У Егора жилки напряглись от любопытства и невольного сочувствия Редактору.

— Ни копейки я не дам, отвяжись,— отозвался тот.

— Даже ни копейки?! — у Копчика проскользнула истерическая нотка. Но он сдержал себя. Кажется, заулыбался: — А может, копейку-то дашь? Ну, одну копеечку? Маленький медячок? А? — Копчик спросил это почти жалобно.

— Ни гроша,— сказал Веня и вздохнул.

— Неужели такой жадный? — голос Копчика стал зловеще-ласковым.— Всего копеечку. Не дашь — по морде опять набьем. Дашь — больше никогда не трону. Неужели для этого жалко медяка?

— Да не жалко,— убежденно и спокойно, будто они просто так беседуют, разъяснил Веня.— Не жалко мне медяка. Я же говорю, кучу денег не пожалел бы, только чтобы ты отвязался от меня... Прискребашься все время, засады дурацкие устраиваешь. Знаешь как опротивело!

— Ну, так в чем же дело? — удовлетворенно спросил Копчик.

— А ни в чем,— устало сказал Веня.— Не могу я от тебя откупаться. И бегать не могу. Мне потом противно будет перед самим собой: какого-то Копчика медяками задобрить хотел...

Копчик быстро ударил его по зубам. Веня нагнул голову, вскинул руки и бросился на Копчика. Было видно, что бросился безнадежно — лишь бы не стоять беспомощно, когда бьют.

Его сбили на землю сразу — Хнык ударил сбоку, а Чиж дал подножку. И Егор успел заметить, как Редактор прикрыл голову и как его успели пнуть несколько раз. Но раздался гневный мужской голос, и компания в секунду «дала ноги», исчезла за снегом. Веня вскочил.

Рядом с ним оказались мужчина и женщина, пожилые. Женщина охала и отряхивала Редактора, мужчина что-то спрашивал и кашлял. А Егору на секунду почу-

дилось, что Венька смотрит в оконный проем и видит его, Кошака. Ерунда, конечно...

Егор ощутил вдруг, что мускулы у него натянуты, как для скачка. С чего бы это? Уж не хотел ли он с полминуты назад выскочить и вмешаться в драку? Чушь какая...

Он расслабил мышцы, по-кошачьи скользнул за внутреннюю перегородку, прошел несколько разрушенных комнат и оказался на пустыре. Снег валил все гуще (не зима ли наконец пришла?). Егор поверх шапки натянул капюшон. И дворами вышел на большую улицу Первомайскую. Смутно было на душе. Неясно.

Дома постоял перед стеллажом, отыскал «Спартака» Джованьоли, бухнулся на тахту, полистал, усмехаясь. Отбросил книгу.

Вспомнил, как лихо улепетнули Копчик, Хнык и Чиж. Подумал: «Повезло Венечке, что прохожие появились». Потом подумал еще — будто со стороны услышал: «А может, и Копчику повезло...» И уж совсем дурацкая мысль проскочила: «А может, и всем нам...»

Лучше всего было бы пойти в «таверну» и рассказать про этот случай. Как перепуганно Копчик драпал от пары пенсионеров. Приукрасить, конечно. Будет общая ржачка, а Копчик станет лупать глазами: откуда Кошак все знает?

Но вставать было лень. И «ржачки», по правде говоря, не хотелось. Вот если бы, как раньше, был в «таверне» Кама с гитарой...

Мы помнить будем путь в архипелаге,
Где каждый остров был для нас загадкой...

ПОРОГ

С утра болела голова и скребло в горле. Егор сначала не хотел даже идти в школу. Но потом подумал, как мать пристанет к нему с градусником и таблетками: «Глотай, Горик, не капризничай, это от головы, а это от жара...» Хотя знает, что его от любых таблеток с души воротит.

Сонно и тупо, ни о чем связно не думая, отсидел Егор на уроке истории. И продолжал сидеть после звонка. Все с гвалтом и толкотней спешили из кабинета, а Егору

лень было вставать. Наконец встал, поволок за ремень к двери грузную сумку...

И в дверях — лицом к лицу — сошелся с Ямщиковым.

Был Редактор бледный, и глаза у него пылали. Именно это книжное сравнение пришло в гудящую голову Егора, когда наткнулся на Венькин взгляд. Редактор (подумать только!) загородил Кошаку дорогу и тихо, с придыханием выдал:

— Ох и подонок ты, Петров...

Егор даже забыл про хворь. Замигал. И хотел спросить ехидно, а получилось глупо:

— А... чему обязан?

Часто дыша от ненависти, Редактор объяснил:

— Раньше я думал, что ты просто сволочь. А ты еще и трусливая сволочь...

Врезать Редактору — это было проще всего. Кажется, Венька того и ждал. Сам нарывался. А Егор опять ощутил вялость и тупую боль в голове. Он отвел глаза от Венькиных зрачков, посмотрел ему в лоб и сказал пренебрежительно:

— Люблю узнавать про себя что-то новое. Подробности будут? Насчет трусости.

— Думаешь, я не знаю, что это ты Копчика с его шестерками на меня вчера натравил? А сам — в укрытие? Чтобы характеристику не испортить!

— Я?! — изумился Егор. Помолчал, соображая. И себе уже, а не Веньке сказал: — А... Заметил, значит...

— Да, Кошак. Ты увлекся зрелищем и неосторожно высунул свою трусливую морду.

— Было бы на что смотреть... — хмыкнул Егор, и вдруг стало неловко. Сам этому удивился. И чтобы задавить глупую стыдливость, обстоятельно разъяснил: — Да, сделалось интересно, как ты начал махать на Копчика. Просто цирк.

— Трое на одного — всегда цирк, — сипло сказал Венька. И Егор ощутил его ненависть, как ощущают кожей холод или жар. «А ведь есть от чего...» — вдруг подумал он. Без сочувствия Редактору, конечно, без смущения уже, а так, аналитически. Себя и Веньку представил в уме, как шахматные фигуры. Будто его, Кошака, трое прижимают к березе, а Редактор, ухмыляясь, глядит из развалин. Тут, пожалуй, заведешься...

— Ну, и чего ты хочешь? — спросил Егор.

— Хочу выяснить. Ты стопроцентная падаль, или что-то от человека осталось?

— Любопытно...— Егору в самом деле стало любопытно.— А как?

— Если ты меня за что-то не терпишь, можешь один на один? Или вы там привыкли только сворой, по-шакальи?

— Стыкнуться, что ли? — удивился Егор.

— Хоть прямо здесь, хоть за гаражами на дворе! Боишься? Конечно, ни Копчика рядом не будет, никого другого...

Кошаку не нужен был Копчик, если такое дело. Кошак, даже кислый и вареный, как сейчас, мог срезать Редактора одним приемом, раскатать в блин, сложить вдвое и вчетверо и законопатить им любую щель. Но... а потом-то что? Венька утрет кровь, залечит ссадины и останется в своей прежней непобедимой ненависти. И все равно будет думать, что Егор — наводчик.

— Измордую я тебя, а какой смысл-то? — спросил Егор.

— Боишься,— искренне сказал Венька. В гневном своем запале он, видимо, ощущал силу совладать с Кошаком.

— Ну, давай...— вздохнул Егор и отступил в кабинет.— Давай уж здесь, пока никого нет. Это быстро... А на дворе холодрыга...— Его передернул озноб.

Венька сжал губы и шагнул следом. Абсолютно бесстрашный, он был сейчас даже симпатичен. Егор сделал еще шаг назад и сел за ближний стол. Подпер щеку.

— Подожди, Редактор. Одно слово... Ты сейчас, возможно, мне даже и навешаешь по ушам. Я сегодня полудохлый, а ты в таком... яростном вдохновении. Как Спартак, который с двумя мечами на римлян...— Он заметил, как у Веньки удивленно обмякли и разомкнулись губы, приподнялись брови.— Я только хочу, чтобы ты знал... Это я честно говорю: Копчика с ребятами я не наводил. Я его сам там подкарауливал, чтобы выпрыгнуть и шмон устроить. А тут тебя черт принес...

— Заврался, Кошачок...— презрительно сказал Венька.

— Да нет же! — Егор сам удивился, как ему хочется, чтобы Редактор поверил. А зачем? Не все ли равно...— А впрочем, дело твое, не верь...— Он вытолкнул себя

из-за стола.— Айда к доске, там просторнее... Только потом бочку на меня не кати, не я начал.

— Не бойся, скажу, что я...

Начать они, конечно, не успели. Ворвалась в кабинет орава из восьмого «Б».

— Ну вот...— сказал Егор Веньке.

— Выкрутился,— бросил ему Редактор. Брезгливо, но, кажется, и с тайным облегчением. Оба вышли в коридор. Венька на прощание смерил Егора взглядом — будто плюнул.

— Можно ведь и за гаражами,— сказал Егор.— Только уж на другой перемене, сейчас звонок будет...

— Ага! А ты сбеги с урока и позови свою кодлу!

— Не позову, обойдусь и так... Хотя дурак ты, Редактор. В двадцатом веке живешь, а все в рыцарей играешь...

— А ты в кого?

— А я — в себя...— отозвался Егор. Потер лоб и удивленно сказал: — Вот черт... Мне почему-то хочется тебе доказать, что не звал я вчера Копчика. Глупо, конечно...

— Не глупо, а бесполезно,— глядя в сторону, ответил Венька. Без прежней злости, утомленно.— Ну ладно, я поверю. А что с того? Все равно ты подонок и я тебя терпеть не могу.

— Закономерно,— усмехнулся Егор.— За что тебе меня любить?

Им бы разойтись, а они шли по коридору как приятели. Со стороны казалось — одноклассники беседуют о привычных делах.

— Я не про «любить»,— глядя под ноги, разъяснил Венька.— Я ненавижу... таких, как ты.

— Каких?

— Таких вот... которые не живут, а приспособливаются.

— Я? Приспособливаюсь? — по-настоящему удивился Егор.

— А разве нет? Везде. На улице тебя бандюги из «таверны» берегут. А в других случаях важный товарищ Петров за сыночка заступится. Один звонок по телефону — и все в порядке...

— Много ты знаешь,— тяжело сказал Егор.

— А что, не так?

— Ну... пускай так. А тебе завидно?

— Вот еще. Без дружков да без папаши ты чего стоишь-то?

— А ты? — огрызнулся Егор. Без злости, автоматически.

— А при чем тут я? Мне и не надо, чтобы кто-то мне завидовал. И другим я жизнь не отравляю...

— Как знать...

— А вот так и знай! Если я с кем спорю, то честно. На глухих дорожках, да еще с помощниками, никого не караулил.

Егор кивнул:

— Да, в спорах ты сильнее, чем в драках...

— Ну, ты со мной еще не дрался! — опять взвинтился Венька. — Ты все чужими руками.

— Опять ты прав, Ямщиков, — согласился Егор. Даже с каким-то удовольствием. И добавил неожиданно: — В одном только не прав. Но ты не знаешь...

— Чего такого я не знаю? — сказал Венька агрессивно.

— Про отца... Не отец он мне.

Венька сбил шаг и удивленно глянул сбоку на Егора.

— Ага, — кивнул Егор. — Он отчим, я недавно узнал. Отец был инженер-подводник, его убили бандиты. Давно...

Венька шевельнул плечом — и удивленно, и смущенно, и непримиримо. И слова его были такие же:

— Ну а... какая разница в конце концов? Что это меняет?

— Сам пока не пойму...

— Ну а... мне-то что? Зачем ты мне это говоришь?

— Не знаю... — медленно сказал Егор, потому что не знал. — Правда не знаю... Может, потому, что больше некому?

И быстро пошел вперед, оставил Веньку.

«Может быть, потому, что больше некому»... Зачем он это сказал?

«Не знаю...»

Или правда хотелось рассказать об отце и не знал кому? Не в «таверне» же говорить об этом.

«А почему не в «таверне»?»

Он же столько раз там рассказывал о своих делах. Даже тайнами делился... Видать, не те были тайны.

Услыхав историю погибшего отца, обитатели «таверны» скорее всего полезли бы в детали: «А откуда знаешь?.. А ты чё, брата-ментá заимел? Ну даешь, Кошак!.. А тех хануриков взяли? И чего? Вышку дали?.. Конечно, вышку, это ж заранее обдуманная мокруха...»

Нет, не для «таверны» разговор... Ну, а Веньке-то все-таки зачем сказал? Что за язык-то дернуло?

Он думал об этом на уроках, а потом — дома, когда бесцельно валялся на тахте или бродил по комнатам (под периодические просьбы надеть тапочки). И фраза эта — «Не знаю... Может быть, больше некому» — повторялась в мыслях и что-то очень напоминала, обретала знакомую интонацию.

И наконец Егор вспомнил: тем же тоном, со спокойным удивлением и холодной честностью, пытаясь понять самого себя, он в вагоне, после стычки с Фатером и Федюней, сказал Михаилу: «Не знаю... Может быть, потому, что ты все-таки брат?»

Ну, а сейчас-то что? Редактор-то здесь при чем? И случай совсем не тот... Но от разговора с Венькой мысли уже перешли к Михаилу. Егор подумал, что прошло три недели, а тот о себе не напоминал. А ведь обещал позвонить!

И Егор признался себе, что все это время помнил про обещание Михаила. Со смесью любопытства и тревоги ждал звонка.

«А зачем тебе это надо?» — одернул он себя.

«А мне и не надо! Просто... трепло такое. Говорил «позвоню», а сам...»

И ответом на эту мысль громко запел птичьими трелями новый кнопочный телефон. Длинные, междугородные сигналы!

Отец еще не пришел, мать ушла к знакомым («Горик, салат в холодильнике, котлеты на плите, я буду к девяти. И не ходи босиком...»). Егор выскочил в переднюю и взял трубку.

Звонил, конечно, не Михаил. Спрашивали отца. Кажется, из Москвы. Воинственный женский голос. Егор сумрачно разъяснил, что Виктор Романович Петров так рано с работы не приходит, надо звонить на завод.

— Там его тоже нет на месте!

— Естественно. Он не сидит в кресле, а мотается по объекту. А карманных телефонов еще не придумали.

— Меньше бы мотался, больше было бы проку,— отчетливо сказали на том конце провода. И Егор представил раздраженную округлую даму.

— Так и передать? — ехидно спросил он.

— Так и передайте.

— Ему захочется узнать: от кого именно?

— А вы не пугайте! Времена не те! — И гудки.

Егор присел на замшевый пуф у телефонного столика. Забыл про скандальную даму и несколько минут думал о своем. Потом, усмехаясь от неловкости перед собой, вызвал 006 — справочное междугородки.

— Код Среднекамска скажите, пожалуйста...

Посидел еще с полминуты. И механически, словно кто-то другой двигает его пальцами, набрал вызов Среднекамска и домашний телефон Михаила — номер он помнил наизусть.

Почему-то бестолково затюкало внутри. Глупо. Во-первых, вообще глупо, а во-вторых, старший сержант Гаймуратов наверняка на дежурстве или в командировке...

— Да,— сказал женский голос.— Я вас слушаю... Алло!

— Это квартира Гаймуратовых? Здравствуйте... А можно Михаила... Юрьевича?

— Миша, тебя...— сказали в далеком незнакомом доме.— Иди скорее, кажется, опять междугородная...

— Слушаю,— глуховато сказал Михаил.— Кто говорит?.. Это Севастополь? Алло!..

— Привет,— выдохнул Егор.— Это не Севастополь. Это я, Егор... Петров.

— А-а...— прозвучало без радости, даже с досадой. И вдруг по-новому: — Кто? Егор?! Ой, ну здравствуй! Молодчина, что позвонил! Ты извини, я сразу не понял. Я тут с Севастополем недавно говорил, и вдруг опять такой же звонок!.. Как дела?

— Дела... Да по-всякому.

— А почему звонишь? Что-то произошло?.. Или так просто?

— Так просто... А что может произойти? — Егор за усмешкой спрятал растерянность. В самом деле, зачем он позвонил? Хотя бы причину заранее придумал, иди-

от.— Я так... Бумажка с твоим номером под руку попала... а я дома один сижу, делать нечего. С простудой к тому же...

— Сильно простыл?

— Да нет, маленько горло скребет...— «И вообще что-то скребет,— добавил он про себя.— На душе, как говорится...» И вдруг сказал: — Миша... А у тебя фотография есть?

— Чья? Моя?

— Отца... Ну... Нечаева.

— Есть, конечно, Егор! Много!

— Как-то, понимаешь, по-дурацки тогда вышло... Ничего не успел спросить толком. Может, правда надо было зайти к вам...

Егор понимал, что «сдает позиции», но не было в нем обиды на себя и смущения. Только грустно немного было...

Михаил помолчал и сказал с осторожной ласковостью:

— Все поправимо, Егор. Я завтра же вышлю снимок.

Эта ласковость и готовность разом оживили в Егоре прежнюю неприязнь. Он хотел насупленно ответить, что у него не горит, но Михаил заговорил опять:

— А если надо скорее, то позвони Ревскому! У него снимков Толика тоже много. В том числе и детские...

— Это режиссер, что ли? — ошетинился Егор.

— Да. А что?

— А ты не знаешь «что»? Я, по-моему, рассказывал. Как говорят деловые люди, «у нас не сложились отношения».

— Плюнь! Он же не знал, кто ты такой! А когда узнает...

— И что? Изменит мнение о моем моральном облике?

— Егор... Брось ты этот тон, а? Ну, в самом деле...

— Да не в тоне дело... Значит, пришлешь карточку?

— Я же сказал... А про Ревского я вот почему вспомнил. Он бы мог получше, чем фотографии показать. Я тебе не успел рассказать тогда...

— Кинопленку, что ли? — догадался Егор.

— Когда мы с Толиком были в Севастополе, Ревский нас заманил участвовать в съемках, в массовке. Толик там в одном эпизоде... Сейчас этот фильм редко идет, но в кинохранилище-то он есть, Ревский мог бы...

— А как называется кино?

— «Корабли в Лиссе».

— Может, пойдет на повторных экранах. Тогда и посмотрю.

— Как хочешь... Егор...

— Что?

— А ты никому не говорил... про нашу встречу?

И что знаешь про отца?

— Зачем? — сказал Егор прежним тоном, как в Среднекамске.

— Да нет, я так... Может, и к лучшему.

Егора вдруг опять толкнуло:

— Я говорил... одному человеку. Сегодня...

— Кому?

— Да... ты не поверишь.— Егор стесненно хмыкнул.—

Веньке Редактору.

— Ко-му?

— Ну, тому самому... с которым мы... Не помнишь, что ли?

— Нет, я помню! Но почему ему-то?.. Или вы что?

Вдруг помирились?

— Наоборот...— Егор поймал себя, что криво улыбается.— Он меня, понимаешь ли, на поединок вызвал. Пылая благородной ненавистью. А вместо драки вышла беседа... Глупая, правда...

— А из-за чего поединок?

— Да так... мелочи жизни.

— Замахнулся — стучай,— сказал Михаил.— Начал — говори.

— Ну, если интересно тебе...

И Егор, все так же улыбаясь, поведал о своей засаде на Копчика и о стычке Редактора с Копчиком, Чижом и Хныком.

— Д-да...— помолчав, сказал Михаил.

— Что «да»? — напружинив нервы, спросил Егор.

— Так...— голос Михаила стал вялым.— А ты, значит, был в роли «американского наблюдателя»?

Егор монотонно поинтересовался:

— А в какой роли ты хотел бы меня видеть?

— Честно говоря, в роли этого Редактора...

— Ну, меня так легко не возьмешь, если даже трое...

— Я не о том. Я подумал, что будь Редактор на твоём месте, а ты на его, он не наблюдал бы спокойно.

— А что бы сделал?

— Ну, если он такой, как мне кажется...

— А он такой и есть,— жестко вставил Егор.

— ...Тогда он кинулся бы на помощь.

— Что?! Ради меня?

— О господи ты боже мой...— страдальчески отозвался за много километров двоюродный брат.— Ну как тебе объяснить элементарные истины... Человек не бывает порядочным ради кого-то... Он если честный, то сам по себе. И ради себя, в конце концов. Чтобы совесть не грызла. А иначе...

— Если «ради себя», то это уже эгоизм, против которого ты активно борешься,— ядовито заметил Егор.

— Ну и прекрасно, если человек такой эгоист! Он на месте сидеть не станет, если видит, как трое бьют одного...

— Даже если его врага?

— Трое нормальных людей не будут бить даже врага. Обезвредить могут, если он правда враг, скрутить... А издеваться — это лишь подонки могут... Кстати, с чего ты вбил себе в башку, что Редактор твой враг?

— Жизнь вбила,— с философской усмешкой ответил Егор.— Развела нас по разные стороны баррикад.

— Ну и дурак,— вздохнул Михаил.

— Ну и сам дурак,— с непонятным облегчением сообщил Егор.

— А ты можешь честно ответить на один вопрос?

Егор подумал и сказал с оттенком печальной гордости:

— Ты мог бы заметить, что я всегда говорю с тобой честно.

— Тогда скажи: там, в развалинах, тебе ни на секунду не хотелось выскочить и вмешаться?

«Нет, конечно!.. Я не знаю...» Он вспомнил мгновение, когда представил, что может сделать такое. Представил или какой-то миг хотел?

Егор опять поежился от неловкости перед собой. Сказал дурашливо и сумрачно:

— Товарищ старший сержант, можно, я не буду отвечать на этот вопрос?

— Можно,— быстро согласился Михаил.— Это уже хорошо.

Тогда Егор почти заорал в трубку:

— Что за подлая привычка у тебя копать в людях! Тошно даже!

Михаил неприятно заржал. Потом сказал:

— А Колпчик твой, судя по всему, законченный мерзавец.

— Такой же, как и я,— мстительно сообщил Егор.— Как говорят в свете, «мы люди одного круга».

— Будем надеяться, что не совсем одного...

— Не надейся,— искренне сказал Егор.— Я друзей не продаю...

— Верю. Смотри только, чтобы «друзья» тебя не продали...

— Иди ты знаешь куда!

— Лучше пойду искать фотографию. Завтра пошлю... Ты еще не раздумал? Нужна она тебе?

— Ты сам-то не раздумал? Или жалко стало?

— Завтра же... А телефон Ревского дать?

— Обойдусь,— буркнул Егор.— Пока...— И положил трубку.

Весь вечер Егор злился на Михаила и на себя. И вообще на жизнь. Но утром почувствовал, что вчерашний разговор не оставил злого осадка. Вспоминался он даже с каким-то интересом. Будто Егор кого-то переспорил или решил сложную задачу.

Хотя никого не переспорил и ничего не решил.

Венька на Егора не глядел, о драке не напоминал. Видно, запал его угас. Или что-то переменялось. Скоро Егор перестал думать и о Михаиле, и о Веньке и думал только об одном: что ни в коем случае не будет разыскивать Ревского. Этого еще не хватало! Больно нужен ему этот кинодеятель!

И к тому же что Егор скажет, если позвонит?

...Хотя сказать можно. Например, так: «Я не стал бы отрывать вас от творческого процесса, но есть обстоятельства...» Или так: «Это Егор Петров, который не угодил вашим вкусам при кинопробах. Вы тогда уверяли, что я никогда не смогу быть братом. Оказалось, что я все-таки смог...» — Егор не без удовольствия вспоминал случай в электричке. Ведь в самом деле смог...

А может так: «Не хотел вас тревожить, но мой двоюродный брат, Михаил Гаймуратов... вы ведь его знаете, не так ли? Так вот, он посоветовал...»

Вечером он отыскал в ящике стола старую записную книжку с телефоном киностудии. Там сообщили, что

теперь у заместителя главного режиссера Ревского другой номер. По другому номеру Ревского тоже не оказалось, сказали — он дома.

— А домашний телефон можно?.. Да я и не хочу надоедать, он сам просил звонить домой, но я потерял номер! — вдохновенно соврал Егор. — Как?.. Спасибо.

Медленно давя на кнопки, Егор набрал нужные шесть цифр... «Александр Яковлевич? Прошу простить, возможно, мой звонок будет вам неприятен, но...»

— Слушаю! — весело отозвался Ревский. — Алло? Ну, что молчите, кто это? — Помолчал сам и вдруг спросил уже иначе: — Это... Егор?

— Да... — растерянно выдохнул Егор.

— Ну вот и хорошо. Гай мне еще вчера позвонил, что ты меня, наверно, разыщешь...

— Кто позвонил?

— Гай. Миша...

— А-а... — сказал Егор.

— Слушай, Егор! Нам надо обязательно встретиться, слышишь? — Ревский опять заговорил с веселой топорливостью. — Это подумать только, как случается в жизни, а? Слышишь? Только сейчас я никак не могу, тут такое дело, сыновья из армии возвращаются, близнецы. Звон и переполох, на вокзал мчимся с женой... А завтра... давай прямо на студию, а? К шестнадцати ноль-ноль! Устроит тебя? Я встречу у проходной. Придешь?

— Да... — сказал Егор, словно шагая за порог.

СЧЕТ

Паруса надвигались. В них была спокойная упругая радость и в то же время — неотвратимость.

Сначала исполинское четырехмачтовое судно медленно разворачивалось на синем, растянутом от стены до стены экране, обращало на зрителя увенчанный треугольными кливерами бушприт, потом начинало двигаться, неумолимо наращивая скорость. Многоэтажные марсели и брамсели вырастали — громадные, как снежные горы, закрывали небо и море. Приближались вплотную, и пространство заполнялось гудением натянутого полотна и струнных тросов, шумом обгоняющего парусник ветра и плеском взрезанной воды...

Это было главным впечатлением от фильма...

Егор смотрел «Корабли в Лиссе» вдвоем с Ревским, в маленьком зале киностудии. Ревский «выцарапал» фильм в кинопрокате и «выбил» на полтора часа зал для просмотра.

Экран был небольшой, но Егор сидел от него очень близко, море как бы обнимало Егора с трех сторон.

В целом от кинокартины впечатление осталось скомканное. Может, потому, что Егор нервно ждал кадров с Анатолием Нечаевым и за пестрым действием, за главным героем почти не следил. Шестнадцатилетний парнишка, будущий писатель, то превращался в героев своих еще не написанных книг, то попадал во всякие переделки в реальной жизни, но все это Егор воспринимал как вступление к главному. Пока не появился парусник «Фелицата»...

— Вот, сейчас...— прошептал рядом Ревский.

Тяжелые аккорды сотрясали зал и экран. Под глухую печальную песню (слов которой он не разобрал) Егор увидел скорбное шествие. Матросы несли носилки с зашитым в парусину телом капитана. Вдоль притихшего строя морских волков.

— Вот он, Толик, в безрукавке. Видишь?

Егор кивнул. Но не испытал ничего. Не смог он представить, что вот этот худой русский парень в опереточном костюме контрабандиста, с пистолетом за алым кушаком — его отец. Нереально все было. Не увязывалось... С другой стороны, нереальным казалось и то, что этого человека нет на свете. Как же нет? Вот он! Каждый волосок виден, капелька блестит на щеке...

Но разве это отец? Молодой, совершенно незнакомый человек в каком-то чужом, полусказочном мире...

Сумятицу мыслей перебило будто неслышным вскриком — загорелый длинноногий мальчишка в похожей на полосатый мешок фуфайке стоял рядом с этим... с Толиком и вдруг уткнулся ему в грудь лицом. От плача затряслось вылезшее из прорехи плечо.

Потом показали мальчишку очень крупно. На миг оторвал он лицо от рубашки Толика, глянул исподлобья с экрана. Глаза были мокрые, капли оставили на коричневых щеках сырые дорожки.

— Гай...— сказал Ревский.

— Что?

— Гай, говорю... Мишка.

— А-а...

Ничего похожего на Михаила в этом пиратском юнге не было. Разве что в глазах, залитых слезами, такая же резкая синева. Но Гай снова прижался лицом к Толику.

И странно — не было никакой печали у Егора, никакого ощущения тоски или несчастья, но вдруг засел в горле угловатый комок. Егор закашлял и сумрачно спросил:

— Он что это? По правде?

— Что?

— Ну... слезы...

— Дорогой мой, в кино все по правде, по-иному нельзя...

В этих словах почудился Егору отголосок другого разговора: когда Ревский говорил на давней репетиции, что Егор все делает ненатурально. И Егор сразу нервно подтянулся. А Ревский вдруг сказал в торчащий над спинкой стула микрофон:

— Стоп! — И экран погас, и зажегся желтый свет.

— Что? — спросил Егор, пряча глаза. — Конец сеанса?

— А ты хочешь смотреть до конца? Толика больше не будет...

— Ну и что? — взвинченно сказал Егор.

— Да ничего... Я подумал: вдруг тебе неинтересно...

— Интересно, — буркнул Егор. — А... Гай? Будет еще?

— Он — да... Но я хочу еще раз эпизод с Толиком показать, чтобы ты лучше запомнил... Коля! Отмотай, голубчик, три минуты и пусти снова!..

И опять была сумрачная песня, носилки, строй моряков. Снова плакал Гай, а молодой моряк с пистолетом так и не увязался в душе Егора со словом «отец»... И с этим недоумением, с досадой и даже виноватостью смотрел Егор «Корабли в Лиссе» дальше. До той минуты, когда синее пространство быстро и неотвратно заполнили непостижимо громадные паруса.

Это было как глубокий вздох. Или будто в глухой комнате бесшумно высадили окна и вошел влажный летний воздух...

Потом среди парусов показался тот мальчишка — Гай. Уже не в драной фуфайке, а в трепещущей на ветру алой блузе. Он стоял высоко на вантах, тонкий, с разлетающимися волосами, и даже не стоял, а будто летел вместе с парусами и ветром. И кричал встревоженно, отчаянно и радостно:

— Остров! Вижу остров!..

И Егор ощутил, что он сам — этот мальчишка. И высоту почувствовал, и ветер, и счастье открытия. Но это была секунда. А впечатление от надвигающихся парусов осталось надолго.

Когда зажегся свет, они с полминуты сидели молча. Наконец Егор спросил, чтобы разбить неловкость:

— А почему этот фильм сейчас не показывают?

— Изредка идет на всяких заштатных экранах. И по телевидению как-то пускали...

— Я не видел.

Ревский вздохнул и сказал:

— Ну, что там говорить, это не шедевр. Дали вторую категорию, в некоторых газетах обругали. Много, мол, всякой дешевой символики, ненужной экзотики. Непонятно широкому зрителю...

— Все там понятно. А некоторые места просто здорово сняты,— честно сказал Егор.— Только...

— Что? — насторожился Ревский.

— Да нет, это уже не про кино... Просто как-то не верится, что тот пацан... Гай... это Михаил.

— И про отца не верится. Да? — тихо сказал Ревский.— Это естественно. Трудно так сразу... Но посмотреть, наверно, было надо. Ты сам просил.

— Да. Спасибо.— Егор встал.— Может, потом еще где-нибудь посмотрю, если будет случай.

— Думаю, что будет...— Ревский как-то несолидно поморщился, на носу и подбородке ясно выступили мальчишечьи веснушки.— Ты как-нибудь заходи ко мне домой, а? Поговорим спокойно про все... Я понимаю, наше прежнее знакомство было неудачное. Да черт с ним, а? Сейчас-то все по-другому...

«А что по-другому?» — подумал Егор, но стесненно сказал:

— Ладно...

— И фотографии покажу, у меня много. Я когда-то этим делом очень увлекался... А пока вот. Это тебе.— Он протянул конверт от фотобумаги. Егор взял, вынул снимки.

Это были кадры из фильма и моменты съемок. Гай на вантах, портрет смеющегося Толика в пиратской без-

рукавке. Егор начал всматриваться в его лицо, но вдруг застеснялся и спрятал фотографию под другие. И увидел снимок, непохожий на остальные: бледноватый, маленький, с какими-то пацанами.

Ревский сказал — тоже с непонятным смущением: — А это... Здесь, конечно, еще труднее представить Толика отцом. Наша детская карточка, я «Фотокором» снимал, самодельным автоспуском... Давай, покажу кто где...

Дома Егор закрылся в своей комнате и разложил снимки на столе. Вот Анатолий Нечаев и Гай в шеренге пиратов (опять колыхнулась в памяти сумрачная мелодия песни). Вот Гай целится из старинных пистолетов, а Толик на заднем плане беседует с Ревским. Снова строй пиратов, а перед строем Ревский и какой-то дядька у кинокамеры... Толик, Гай и... это кто же? Мама такая была тогда? Молодая совсем, в белой шляпе. Они втроем стоят на набережной (похоже, что в Ялте), и Гай устало прислонился к Толику. Прижался даже... И Егор вдруг дернул плечами от досады. От мгновенного укола ревности и от злости на этого растрепанного тощего пацана, который липнет к Толику...

Он тут же сердито засмеялся над собой: «Ты что, сдурел? Какое тебе дело? И что тебе этот Гай?»

А Гаю было наплевать на мысли Егора! Гай на фоне вздутых парусов, выгнутый как лук, тонкий, охваченный ветром, выбрасывал вперед руку и кричал, кричал о своем острове...

А инженер Нечаев, беззаботно смеясь, все смотрел и смотрел с большой глянцевой карточки на Егора, почти в глаза. Но именно почти. Словно в последнюю секунду неувовимо отвел взгляд, не хотел ответить на какой-то вопрос. Решай, мол, сам.

А что решать-то? Егор сжал губы, сложил снимки в пачку. Оставил один — старый, «детский».

Эта фотография притягивала его особо. Потому что не будь вон того мальчишки в коротких вельветовых штанах и мятой, вылезшей из-под командирского ремня рубашке, не было бы и Егора. Тут уж ничего не поделаешь...

Егор не искал сходства. Не похож он ни на взрослого Анатолия, ни на Толика-мальчишку. Давно известно, что

он — «вылитая копия» дяди Сережи, погибшего маминого брата. Да... И не сам по себе одиннадцатилетний Толька Нечаев интересовал Егора, а все, что было вместе с ним. Весь тот летний день, который был на фотокарточке размером девять на двенадцать.

Он, этот день, хорошо отпечатался со стеклянной пластинки старинного «Фотокора». Контактный способ — отличная штука! Пускай снимок бледный, зато виден каждый стебелек травы, каждый волосок во взъерошенных ребячьих чубчиках, каждый «глазок» от сучка на досках садовой эстрады. И звездочка на командирской, старой (сейчас таких уже не носят) пряжке Толика. А на звездочке видны даже... Егор быстро отыскал в ящике лупу... Видны даже крошечные серп и молот с искоркой солнца.

Егор повел выпуклым стеклом по снимку. С напряженным, почти болезненным интересом вглядывался в каждую деталь. В те мелочи, которые были тогда. В лица ребят, которые тоже были тогда. Изумительная четкость предметов сделала мир на фотографии реальным. Вот царапина на подбородке у девчонки. Вот репейная головка, приставшая к рубчатой ткани мятых штанов. За ремешком у мальчишки деревянный пистолет с ручкой, обмотанной изолентой, и кончик изоленты отклеился...

Толща из трех с половиной десятков лет растаяла, и Егор вплотную придвинулся к тому давнему новотуринскому лету сорок восьмого года. Словно даже запах травы ощутил. Но ведь это было тогда.

А сейчас? Где все это?

И впервые коснулась Егора вечная загадка. Словно темным крылом на него махнули. Как это — было, а теперь нет? Куда девается уходящая жизнь? Как это может быть, чтобы вот такого настоящего дня — с травой, солнцем, встрепанными живыми ребятами — не стало?

Что такое время?

А может, убежавшие дни все-таки исчезают не совсем? Может, где-то они есть, сохранились? Может, люди когда-нибудь научатся их возвращать?

А зачем? Наверно, чтобы не делалось так обидно: было, и вдруг — нет...

Семеро мальчишек и длинная девчонка стояли перед полуразрушенной эстрадой в запущенном саду. Веселые,

разгоряченные после сыгранной самодельной пьесы про шпионов (Ревский о ней рассказал). Но пьеса эта, игра эта тоже была тогда. Сейчас ее нет. И ребят этих нет. Дело даже не в том, что вот этот пацан, Толик, потом погиб. Живые — они тоже не те...

Мальчик с деловито прикушенной губой (дергает нитку автоспуска), с тубетейкой на пружинистых кудряшках, в старомодном матросском костюме с галстучком и длинных чулках — теперь заместитель главного режиссера, автор нескольких фильмов. Он-то, замглавреж, есть, а где вот этот мальчик?

А вот Рафик, Рафаэль. Тоже теперь в кино. Мультики делает. Говорят, хорошие, лауреатом стал. Ладно. А большеглазый пацаненок в пилотке и ковбойке сохранился в лауреате? Остался?

«А может быть, это неважно? — подумал Егор с новой тревогой. — Может, важно то, что останется после?»

После — это когда? Когда в длинной киноленте дней мелькнет черный кадр и дальше кадры пойдут пустые? Без тебя?

«Это для меня пустые и черные. А для других?..»

«А что тебе до других? Ты про это не узнаешь...»

«Обидно... А если ничего не останется, еще обиднее...»

«А что ты хотел оставить? И для кого?»

Это уже походило на разговор с Михаилом в поезде. Но Егор прогнал воспоминание об электричке. Он хотел разобраться сам, без Михаила. Разобраться и с загадкой времени, и с мыслью, что его, Егора, тоже когда-нибудь не станет на свете. И с вопросом: где, что и для кого останется от него в бесконечном и необратимом времени?

От Шурика Ревского и от Рафика останутся фильмы. От мальчика Толика остались людям подводные аппараты для изучения морских глубин. А еще... еще он, Егор, остался... Ну и что? Вот подарок человечеству! А что Егор сам оставит после себя?

Мальчишка с красивым командирским лицом, в аккуратном, по росту, военном костюме, оставит свои книги. Потому что он — писатель Олег Наклонов. И кстати, тоже отец. Он тогда, на выступлении, говорил про сына. Про наследника...

Любопытно, что за сын у этого писателя? Небось, образцовое дитя, отличник и ученик музыкальной школы.

Ревский упомянул мельком, что и сам Наклонов был «мальчиком тимуровского плана».

— Только чересчур, — добавил он с холодноватой усмешкой.

— Как это «чересчур»? — спросил тогда Егор.

— Ну... этаким несгибаемый командир. Не лишенный, впрочем, некоторого себялюбия... По крайней мере, дружба Толика с Олегом кончилась дуэлью. Даже с кровью...

— Как это?

Ревский увлеченно, хотя и несколько торопливо (уже заглядывали в дверь и намекали Александру Яковлевичу, что его ждут) рассказал про стычки «робингуда» Нечаева с командиром Наклоновым, про «волчью яму» в лагере и про драку на Черной речке, когда будущий инженер-подводник расквасил будущей литературной знаменитости нос.

— Впрочем, потом они оба вспоминали об этом с юмором. Жаль, что встретиться во взрослой жизни не успели...

— Александр Яковлевич, а... Толик... он что-нибудь рассказывал про Крузенштерна?

— Да! Он им увлекался, он стихи про него написал. И про одну рукопись о нем упоминал, целая история. Он и в Севастополе про нее говорил.

— Наклонов у нас в школе выступал, он книгу про Крузенштерна пишет. Значит, он с той поры этим и заинтересовался?

— Все возможно. Олег был личностью твердой, но и впечатлительной...

Ревского опять поторопили, и он попрощался, снова сказав, чтобы Егор звонил и заходил. Тот спросил напоследок:

— А вы с Наклоновым встречаетесь?

— М-м... да. Изредка. Жизнь суматошная...

— Александр Яковлевич, вы не говорите ему про меня. И вообще никому, ладно?

— Конечно! Это уж, Егор, ты решай сам...

...Егор снова наклонился над фотокарточкой. Командир Наклонов держал руки по швам и смотрел перед собой уверенно и твердо. А Толик улыбался и немного щурился от солнца. И Егор испытал вдруг веселое удо-

вольствие, что невысокий, щуплый Толик разбил нос рослому, сильному на вид Наклонову.

Через несколько дней случилось неожиданное и неприятное. Егор шел в туалет, чтобы поднять на большой перемене, и путь ему заступили два второклассника: Стрельцов и Ванька Ямщиков.

— Кошак,— сказал Стрельцов, наклонил набок голову и глянул нахально.— Чего вам опять надо от его брата? — Он кивнул на Ваню. Тот стоял спокойный, но с напряженными плечами и с кулаками в карманах.

— Не понял.— Егор за лаконизмом скрыл растерянность от фантастической дерзости малявок. Тех, между прочим, стало больше: бесшумно обступили они восьмиклассника Петрова.

— До чего непонятливый,— задумчиво произнес Стрельцов и сощурился. А Ваня тихо, но зло сказал:

— Вчера ваш Копчик и еще какие-то... опять к Веньке полезли. Что вам надо?

Егор хотел искренне сказать, что лично ему ничего от Редактора не надо. Но малявка Стрельцов качнул голову к другому плечу и вполне серьезно пообещал:

— Кошак, ты доскребешь...

Всему есть предел. Егор смерил расстояние до Стрельцова.

— Ты на что рассчитываешь, крошка? На то, что микроба нельзя расплющить кулаком?

Он, Стрельцов, далеко пойдет — юмор у него, у него-дя:

— От микробов и слоны дохнут. Нас много.

Их и правда стало много. Человек тридцать, и все мальчишки. Из двух классов, что ли, собрались? И молчаливые такие, не по-хорошему сдержанные. Вот опять дурацкое положение!

— Да я-то при чем?! — рявкнул Егор.— Вы что, совсем психи? У Веньки с Копчиком свои дела, мне на них обоих плевать! А Копчика я давным-давно в глаза не видел!

Это была правда. Егор не был в «таверне» больше недели. То опять куда-то Курбаши с ключом исчез, то события всякие: разговор с Михаилом, Ревский, кино. И мысли после этого.. А еще причина — тот же Коп-

чик: не хотелось встречаться. Сразу начнет канючить насчет долга, а таких денег пока нет...

— Как увидишь, скажи ему: пускай Веньку больше не трогает,— потребовал Стрельцов, не опуская дерзких глаз.

— А вот ты пойд и скажи. Я вам не нанимался.

— Найти не можем,— объяснил сбоку незнакомый мальчишка с глазами-угольками.— Найдем, ему хуже будет...

— Бедный Копчик,— сказал Егор.

— Бедные будете вы все, если еще Ванькиного брата тронете,— неожиданно взъярился Стрельцов.— Думаешь, не найдем вашу «таверну»? А когда найдем, выжжем, как паяльной лампой! Мой дедушка так в деревне клопов выжигал!

Егор ощутил что-то вроде уважения. Сказал серьезно:

— Это я передам. В целях противопожарной безопасности...

— Тебе письмо,— сказала Алина Михаевна, когда Егор пришел из школы.— Странное, без обратного адреса. А штемпель среднекамский. От кого бы это? — В голосе ее было спрятанное беспокойство.

Конверт лежал на столе в комнате Егора. Понятно, почему письмо шло целую неделю! Михаил не написал индекс и перепутал номер квартиры. А еще милиция!.. Вскрыть конверт Егор не успел, мать снова появилась на пороге. С бумажкой в руке.

— А вот тоже непонятное... Счет за разговор со Среднекамском... Это ты говорил?

— Почему именно я? — растерянно буркнул Егор.

— А кто? Я туда не звонила, папа всегда говорит по служебному... Горик, с кем ты разговаривал в Среднекамске? Скажи маме...

«Все, Кошак, раскалывайся,— сказал себе Егор.— Пора».

— Ну, разговаривал...

— С кем?

Егор сел на тахту и зевнул.

— С братом.

— С кем?.. О, господи...

— С двоюродным братом. С Михаилом Гаймуратовым,— глядя в стену, монотонно произнес Егор.

Мать села на стул. И Егор вспомнил картину, которую видел в «Огоньке», репродукцию. Называется «Похоронка». Там женщина в платке и ватнике так же сидела и держала в опущенной руке белый бумажный квадратик. Правда, мать в атласном халате не похожа была на ту изможденную колхозницу, и не было на стене черного репродуктора, и коптилки на столе не было. Но в позе матери была такая же безнадежность... Впрочем, ненадолго!

Алина Михаевна гневно взметнула прическу, лицо покраснело.

— Значит, он, мерзавец, все же наболтал тебе эту чушь!

— Ну зачем так... про чушь-то? — тихо сказал Егор.

— Потому что это самая настоящая и...

— Не надо, мама... И ничего он не наболтал. Ты сама говорила слишком громко.

— А ты подслушивал!

— Вот он подслушивал...— Егор дотянулся до ящика в столе, вытащил «Плэйер».

Алина Михаевна слушала свой диалог с Михаилом всего полминуты, потом сказала с неприятным взвизгом:

— Выключи! Сотри!

— Сотру. Теперь уже все равно... Только при записи я тут целый ансамбль стер, а кассета чужая. Хозяин с меня девятнадцать рублей трясет... Это еще по-божески, потому что знакомый. Ты выдай, ладно? А то я затынул с долгом...

— Еще чего! — Алина Михаевна резко шагнула к двери и обернулась.— Я должна оплачивать твои шпионские фокусы!.. Как ты смел тайком записывать разговор матери?!

— Не матери, а мента. Я думал, он капать на меня пришел.

— Боже, это что еще за выражения?! Где ты нахватался таких блатных словечек?!

— На факультативе по эстетике,— вздохнул Егор.— Девятнадцать рэ за кассету да три пятьдесят за телефон — деньги, что ли? Да еще пятерку бы, а то даже на буфет не осталось.

— На буфет получишь, а про остальные я расскажу

отцу,— с необычной решительностью заявила Алина Михеевна.

— Какому... отцу? — вполголоса спросил Егор.

— Да ты что!.. Горик...— Она опять села в похоронной позе.— Что же... значит, наш папа теперь уже не отец тебе?

— Я просто уточнил,— глупо сказал Егор.

— Тому... человеку, Горик, я рассказать уже ничего не могу... Он был... хороший человек. Но тебя еще на свете не было, когда его не стало. А папа... он хоть раз когда-нибудь дал тебе разве понять, что ты ему не родной? Вспомни! А?

— Да, вспомнить есть что,— резиново улыбнулся Егор.

— Горик... В конце концов, ты же должен понимать. Папе мы обязаны всем. Всем...

— Чем? — холодно ошетинился Егор.

— Он тебя растил и кормил!

— Рос я сам. А кормил, потому что обязан. Раз усыновил. И еще будет кормить... Пока фамилию не сменю.— Последние слова у Егора выскочили неожиданно.

— Фа... что? Ты сошел с ума! Кто тебе разрешит менять фамилию!

— До паспорта два года. А там — сам себе хозяин.

— И это за все, что он для тебя сделал!

— Что он для меня сделал? — спросил Егор и почувствовал неожиданные, совсем детские слезы.

— Он тебя воспитал.

— Да уж,— сипло отозвался Егор.— Воспитывать он умел... Хоть бы ремнем, как нормальный отец нормального пацана, а то ведь... методика целая. Не лень было за прутьями ходить.

— Ну... он же не со зла. Не потому, что ты... не его. Он боялся, что ты станешь... Господи, кругом только и слышно о трудных подростках, о детской преступности. Отца можно понять, Горик... Ты, может быть, ему еще спасибо скажешь...

— Уже сказал,— горько хмыкнул Егор. Вспомнил стамеску.

— Если бы не папа, еще неизвестно, кем бы ты стал.

— А кем я стал?

Алина Михеевна помолчала и сказала с трагической ноткой:

- Да, надо признать. Ты стал неблагодарной свиньей.
- Вот видишь.
- Бессердечным эгоистом...
- Именно,— кивнул Егор.
- Я давно хотела сказать, давно замечаю... Ты...
- Что?
- Горик, ну как ты можешь?
- Что я могу?
- Вообще... С матерью так разговаривать.

Егор подумал.

— Мама, а когда он меня лупил, очень слышно было, как я орал? Через двери... Или ты уходила подальше?

Мать заплакала, и Егора царапнула жалость. Или угрызение какое-то. (Боба Шкип любил говорить: «Иногда совести уже нет, а угрызания ее еще остались»). Это бывало и раньше, если мать начинала ронять слезы.

— Горик, давай договоримся. Не будем ни о чем папе рассказывать, а? У него и так неприятности на работе. Ведь все равно ничего не изменишь.

— А я рассказывать и не собирался...

Он-то не собирался. Но сама Алина Михеевна не выдержала, в тот же вечер обо всем сказала мужу.

— Егор! — крикнул тот из своей комнаты.— Загляни ко мне, дружище!

Егор вошел. Все было как всегда. И розовый, как дамская комбинация, абажур... Только черного футляра не было, Гошка давно его растоптал и выкинул в мусорный контейнер.

— Свет Георгий,— сказал отец. Иногда он так обращался к Егору, потому что официально, по метрике, гот и был Георгием.— Для начала вопрос: не звонила ли мне дней семь-восемь назад из другого города некая дама со скандальным голосом?

— Звонила. Говорит: нет его ни дома, ни на работе...

— Та-ак...— Виктор Романович обернулся к матери (та появилась в дверях).— Значит, укатила в столицу все-таки, стерва. Я же говорил им: нельзя этой бабе доверять. Теперь понятно, почему крик в министерстве...

— А Пестухов что?

— А все то же: «Товарищи дорогие, но я же еще когда предупреждал...» Ну ладно, мы еще посмотрим,

в горьком я уже мосты навел...— Он повернулся к Егору.— Ну, так что, юноша?

— Что? — слегка растерялся Егор.

— Мама сказала, что ты проник в нечаянную семейную тайну. Так?

— Выходит, проник...— нехотя сказал Егор.

— Но ты же понимаешь, надеюсь, что это никакой роли не играет? Легкая анкетная деталь, не более. Не правда ли?

— Как это? — Егор старательно смотрел на абажур.

— Я хочу сказать, что на наших отношениях это никогда не сказывалось и не должно сказываться впредь. Не так ли? — Виктор Романович умел авторитетно улаживать производственные конфликты и, судя по всему, полагал, что сейчас дело не сложнее.

Егор неопределенно шевельнул плечом. Виктор Романович бодро произнес:

— Вот и прекрасно! А то мама тут в панику ударилась, будто ты собрался фамилию менять... А?

— Это мама сказала... А я вообще разговора не заводил. Знал и молчал. А она счет за телефон увидела и в крик...

Виктор Романович повернулся к жене:

— Ну, а в чем проблема? Трешки несчастной, что ли, жаль?

Алина Михаевна потерянно сказала:

— Да разве в деньгах дело... Там и письмо, и кассета эта. Все у меня в голове перепуталось.

— Ну, заплатим и за кассету, раз так вышло...— с неожиданной усталостью сказал Виктор Романович.— Не пришлось бы в скором времени по другим счетам платить, покрупнее...

Егор перевел взгляд с абажура на отца. В глазах плавали зеленые пятна, и все же различил Егор, что отец сидит обмякший, утомленный. А потом разглядел и лицо — обрюзгшее, с незнакомыми складками. Впрочем, Виктор Романович тут же подобрался.

— Ну, а что за письмо? Если не секрет.

— Не секрет. Фотокарточка. Что я, не имею права знать, как выглядел... тот отец?

— Имеешь, имеешь,— в голосе Виктора Романовича уже звучала бодрая снисходительность.— Куда деваться, раз уж так получилось. Но вот что, Георгий-свет. Пом-

ни, что все-таки ты Петров. Кроме тебя, у нас с мамой детей нет. Единственный наследник. Ведь не кто-нибудь, а мы тебя, так сказать, взлелеяли...

— Лелеяли, так сказать, заботливо,— не сдержался Егор.

Отец помолчал и сказал примирительно:

— Я понимаю. Да ведь без конфликтов нигде не проживешь. Без них, как говорят, развитие останавливается... Ты в прежние годы тоже был не сахар, я помню...— Он нервно усмехнулся.— И я не Макаренко, всякое бывало. Сгоряча-то...

Егор опять стал смотреть на абажур.

— И вот еще что, дружище...— Виктор Романович сел прямее.— Ты пойми. Наша фамилия в городе известная, мы у людей на виду. Надо марку держать. Уяснил?

— Насчет марки? Уяснил,— тихо сказал Егор.— Только насчет «сгоряча» ты не говори. Ты перед этим каждый раз руки мыл... Пойду я, уроков много...

ЗАСОВ

Чтобы не оставлять следов на свежем наметенном снегу, Кошак привычно прыгнул от дыры в заборе на кирпичный выступ у входа в погреб. Толкнул дощатую дверь. Промерзшие ступеньки запели под ногами. Был сегодня крепкий холод — видно, пришла наконец настоящая зима.

Внизу, в темноте, Егор стукнул по внутренней двери. Условными ударами: раз-два, раз-два, раз-два-три («Чижик-пыжик, где ты был?»). За дверью было тихо: выжидали. Кошак постучал опять (такое правило). Тогда откинули крюк.

«Таверна» дыхла на Егора привычным теплом, сладковатым запахом заплесневелых углов, обугленного железа печурки. И сигаретным духом. Раньше, при Бобе Шкипе, порядки были нерушимые: курили только в отдушину и дымоход. Сейчас все чаще дымили просто так. Иногда Курбаши говорил: «Эй вы, кто смолит, передвиньтесь к печке, чтоб тянуло... Да не елозьте задницами, а передвиньтесь. А то скоро вознесемся от дыма, как монгольфьер...» («Как чё?» — иронично спрашивал

Копчик.) Но табачный аромат был уже неистребим. Мать не раз приюхивалась к финской курточке Егора, когда он вечером являлся домой. И в глазах Алины Михеевны был безмолвный и тревожный вопрос. Впрочем, она знала, конечно, что Горик насчет курения не безгрешен. Оба, однако, «соблюдали приличия» и молчали...

Сейчас смолили двое: белобрысый безбровый Сыса (тот, что когда-то вместе с Копчиком привязался к Гошке) и «мышонок» Позвонок — тихий пятиклассник с лицом испуганного отличника. Сыса курил нахально, а Позвонок дисциплинированно пускал дым в открытую печурку. Он был счастлив и этим — Валет лишь недавно позволил ему курить.

Сам Валет кейфовал — томно полулежал на клеенчатом диване, притащенном со свалки, и слушал кассетник (не «Плэйер», конечно, а добитую «Весну»). Сдержанное ритмичное «дзым-бам» напоминало трудягу тепловоз на маневровых путях... Пуля сидел у Валета в ногах и услужливо держал кассетник на коленях.

Еще один «мышонок» — Липа — в углу щепал топориком лучину для растопки. Печку разожгут, когда на дворе совсем стемнеет и можно будет не бояться, что стелющийся дым из спрятанной в кирпичах трубы выдаст здешний приют. А пока нагонял уютное тепло (и сумму на счет местного жэка) электрический рефлектор. Подпольное подключение к щитку здешней котельной было сделано по всем правилам техники и конспирации.

На другом диване — поновее и пошире — перекидывались картами Копчик, длинный Мак (не от шотландского имени, а от прозвища Макарона), сам его сиятельство Курбаши и Баньчик — подросток и уже милостиво допускаемый к развлечениям старших.

Яркая лампочка под фаянсовым треснувшим колпаком освещала подземную комнату с кирпичными стенами и прогнившими плахами пола. Со стены, с нового плаката, лукаво, умудренно и слегка устало улыбалась Алла Пугачева — она стояла среди круглых коробок с фильмами и путаницы распущенных кинолент.

Другая стена пестрела старинными жестяными знаками страховых обществ и ржавыми объявлениями типа «Не влезай, убьет!», «Посторонним вход воспрещен», «Осторожно, высокое напряжение!» и «Опасная зона». Их отдирали с покосившихся деревянных ворот, забо-

ров, столбов и трансформаторных будок — из любви к искусству. Начало этой коллекции положил, говорят, Кама, притащивший черный жестяной щиток со словами: «Граждане! Сделаем наше кладбище местом достойного поминовения усопших!»

Три таблички украшали обитую жестью дверь в дальнем углу. На первой был череп с молниями, на второй — стеклянной — надпись: «Директор», на третьей — «Осторожно! Злая собака!».

Ни директора, ни собаки за дверью не было, а была пустая комната с кирпичным полом и забитым досками окошком под потолком (в нем осталась отдушина величиной с кулак). Здесь, бывало, хранились добытые у малобдительных владельцев велосипеды. В заиндевелом углу лежала кое-какая еда. Валялись ящики и поленья для печки. Здесь, у отдушины, в прежние времена курили. Сюда же Валет иногда отводил «мышат». Для «воспитательных целей».

По-домашнему тикали ходики с бегающими кошачьими глазками — их тоже в свое время принес откуда-то Кама...

Все здесь было свое, привычное для Кошака. И он был в «таверне» привычным, желанным. Своим.

Курбаши милостиво сделал ему ручкой. Остальные тоже так или иначе изъявили удовольствие. Лишь у Копчика на капризном личике появился нетерпеливый вопрос: «Как насчет долга?» Егор сел к расшатанному круглому столу, деловито выложил три пятерки, трешку и металлический рубль. И японскую кассету. Разговор Михаила с матерью был уже стерт. У Егора была мысль предложить Копчику на выбор — или пусть берет назад чистую кассету из-под «Викингов», или девять рублей за нее. Но в последний момент его словно что-то под руку толкнуло: кассету сунул в карман.

— Вот, Копчик, твои деньжата. Будем в расчете.

— Давно пора,— сказал неблагодарный Копчик. И уперся глазами в нагрудный карман Егора.— А кассета? Она самая?

— Она...— туманно улыбнулся Егор.— Только уже не с «Викингами». Так что тебе она ни к чему.

— А говорил, что посеял,— подозрительно сказал Копчик.

— Долго было объяснять... Пришлось один срочный

разговор записать, а чистой пленки не оказалось. Случаются детективные моменты...— Егор говорил лениво и загадочно.

Копчик на детективный крючок не клюнул.

— Такую запись сгубил. Надо было с тебя три червонца страсти.

— Можно было и три,— поддразнил Егор.— Дело того стоило. Но теперь поздно... Да ты не вешай нос, Копчик, девятнадцать гульденов тоже деньги. По крайней мере, не придется тебе с Хныком и Чижом копейки у Редактора выпрашивать.

Копчик глянул быстро и со злостью: «Откуда знаешь?» И это «выпрашивать», видно, тоже уловил. До вопросов, однако, не унился, небрежно разъяснил:

— С твоим Редактором дело другое. Мне там не копейки важны, а принцип.

— Это я понимаю,— примирительно сказал Егор. Привалился к столу. Зевнул.— И все же, Копчик, ты Ямщикова оставь.

Копчик очень удивился:

— С чего это?

— Вот с «того»,— вздохнул Егор.— Тебе «принцип», а на меня в школе шишки.

— «Фыфки»,— робко пошутил в углу Липа, вспомнивший недавний телефильм про пацаненка, не умевшего говорить букву «ш».

— «Хыхки»,— поддержал его Позвонок и закашлялся.

— Позвонок, брось курить,— сказал Валет.— Вторую сегодня сосешь.

— Мне маленько осталось...

Валет ласково пообещал:

— Позвонок, накажу. Будет больно.

Тот быстренько сунул окурочек в печку. Копчик сказал Егору:

— А ты здесь при чем? У меня к вашему чокнутому Ямщикову свой интерес.

— Ты объясни это нашей директорше Клаве. Она-то знает, что в первый раз именно я тебя на Веньку навел.

— Первый раз был у кассы цирка, а не с тобой.

— Этого Клава как раз не знает...

— Вот ты и объясни ей,— злорадно предложил Копчик.— Тебе надо, ты и объясняй. Если так ее боишься.

Егор не боялся. Не в директорше дело. Дело в том, что не должен больше Копчик трогать Ямщикова. Пусть Редактор ходит спокойно. Так хочется Егору. Так ему лучше почему-то. Хотя бы потому, что не надо отвлекаться на Веньку мыслями, когда думаешь о чем-то серьезном. Например, о парусах...

И вообще, рылом не вышел Копчик, чтобы таких, как Венька, ломать. Уж если даже ему, Кошаку, Редактор не по зубам, то другим и подавно...

Егор удивленно прислушался к себе и понял: сознание, что Венька Редактор ему не по зубам, не вызывает ни озлобления, ни простой досады. В другое время, еще недавно, Кошак спать бы не мог, придумывал бы способы, как сделать этого гада Ямщикова покорным. А сейчас? Что же случилось? Все мысли текут словно на фоне синего экрана, где вырастают многоэтажные, неотвратимо наплывающие паруса...

Но ведь в глубине души Егор отступился от Веньки еще до парусов. Даже до телефонного разговора с Михаилом. Почему? Как тут разобраться?

Впрочем, он и не пытался разбираться. Воспоминание о парусах опять стало главным. Они двигались уверенно, словно их нес не корабль, а сама судьба. Или время. То нерушимое, равномерное, безостановочное время, о котором думал Егор, когда смотрел на маленький снимок сорок восьмого года.

И это движение парусов в памяти Егора совершалось под сумрачную мелодию песни, которую в фильме пели матросы. Егор удивился, что вспомнились слова:

Опускается ночь — все чернее и злей,
Но звезду в тучах выбрал секстан...

И еще:

После тысячи миль в ураганах и тьме
На рассвете взойдут острова.
Беззаботен и смел там мальчишечий смех,
Там по плечи густая трава...

И дальше:

Мы помнить будем путь в архипелаге,
Где каждый остров был для нас загадкой...

Стоп... Это уже не из фильма. Это песня Камы.

Как две песни сложились в одну? Вроде бы и не похожи.. Нет, что-то есть похожее. Настроение? Или то, что там и там — про острова?

Был бы здесь Кама, взял бы гитару... Тогда можно было бы сравнить эти песни.

Но Камы нет. Есть лениво усмехающийся Курбаши, вечно сонный Мак-Макарона, облизывающий пухлые красные губки Валет. И Копчик... Тот уже начал заводиться. Скоро заспихует. Потому что наверняка принял минутную задумчивость и рассеянную улыбку Кошака за ленивое презрение к нему, к Копчику.

А Егор поймал себя на том, что смотрит на всех как-то издалека. Словно прощается... Да ты что, Кошак?! Из-за Копчика, что ли? Неужели все ломать из-за этого кретина?

— Ничего я Клаве объяснять не буду...— Егор мягко потянулся и поудобнее устроился на табурете. Грудью лег на стол.— Я тебе, Копчик дорогой, объясню. Ты своими психологическими экспериментами... Эксперимент — это значит опыт, Копчик... Ты ими всем нам свинью подкладываешь.— Он весело оглядел всех по кругу: — Кстати, интересная информация, джентльмены. И ты, Копчик, послушай... Созрела негаданная сила в лице микромышат нашей образцовой школы. В классе, где Венькин брат учится. Лидер — некий Стрельцов. Грозили нашу резиденцию отыскать и выжечь нас, как клопов... Может, и не выжгут, но хорошую дымовуху эти гаврики пустить могут. Бдите...

— Стрельца я знаю,— подал голос Позвонок. И польщенный общим вниманием, заторопился: — Он недалеко от нас живет, у него сестра большая уже тетка, начальница в клубе «Искра», я туда раньше ходил... А отец Ваньки Ямщикова им шахматы сделал большущие, вот такие, на своем станке точил. Я у них одного короля стырил, они его чуркой от городков заменили, а Ванькин отец его снова сделал в своей мастерской, на станке...

— Богато живет мужик,— лениво сказал Курбаши.— Мастерскую имеет с техникой...

— Да не...— Позвонок хихикнул.— Это у него сарай. А станок маленький... Я видел, мы почти рядом живем.

— Сарай-то во дворе? — безразлично спросил Копчик. И Егор насторожился.

— Ага. Рядом с нашим забором...

— Кто кому еще дымовуху...— Копчик суетливо подобрался. Глазки сделались как буравчики.— Стружки, они хорошо горят...

— И хозяину штраф от пожарников, а то и срок,— подал реплику сонный Мак.— У Копчика котелок тумкает...

«Только без горячки,— сказал себе Егор.— Только виду не показывай, что тебя это царапает...»

Он сказал с безразличным зевком:

— Совсем ты съехал по фазе, Копчик. Засыплешься ни за что...

— Это как? — Глазки-шурпы ввинтились в Егора.

В самом деле, как? Сунут в щель сарая бумажный пакетик с простой химической смесью. Она известна любому, срабатывает через несколько минут. И никаких следов.

Стараясь не показывать беспокойства, Егор сказал:

— Курбаши, объясни этому болвану. Закон нарушает...

Закон был такой: «таверна» сама по себе ни на какие дела не ходит. Здесь собираются для отдохновения души. У каждого на стороне могут быть друзья, заботы, всякие «операции», но к «таверне» это прямого отношения иметь не должно. Подвигов своих здесь друг от друга не скрывали (народ надежный), прятали иногда в «директорской» кое-какие вещички — но и только. Никогда Курбаши не звал с собой на «работу» никого из «больничников». И вообще никто друг друга не звал. Разве только если надо заступиться за своего...

Может быть, потому и жила в Больничном саду подвальная «таверна» дольше других «бункеров» и «блиндажей». Она была как мирная гавань для возвращавшихся с промысла флибустьеров.

Но сейчас Курбаши сказал, что закона Копчик не нарушает. Если ему охота сделать иллюминацию — дело его. Он пойдет на это не с «больничниками», а со своими кадрами.

— И Позвонка сманивать не вздумай,— предупредил Валет.— Мальчику ни к чему мелкая уголовщина.

— Обойдусь,— деловито сообщил Копчик. Он опять посверлил Егора ехидными глазками, и Егор понял: угадал гад Копчик его тревогу, его боязнь. И теперь уже

не назло Веньке Ямшикову, а назло ему, Кошаку, будет двигать свой пожарный план.

— Ты к Редактору что-то имеешь, а что тебе отец-то его сделал? — тихо спросил Егор. И все удивленно приоткрыл рот. Такая «моральная» постановка вопроса была здесь в новинку. Копчик среагировал быстро:

— А, одно семя!

Тогда Егор сказал напрямик, тяжело и с расстановкой:

— Копчик. Не делай этого.

— Ты чё! — Копчик подскочил, будто в зад ему воткнулась диванная пружина. — Такой сделался, да? На своих, падла!

Это он пока только заводился. Однако скоро (Егор это знал) Копчик завершит и кинется как злая крыса.

Но было уже все равно, и Егор сказал с ленцой:

— Что-то погода меняется. Не знаешь, Копчик?

— Чё?.. — он малость осел от неожиданности.

— Колено болит, — пояснил Егор. — Всегда ноет к смене погоды. С той поры, как я его о твои зубки починил. Помнишь?

— Ты... ты... — не то запел, не то заплакал Копчик и приготовился прыгнуть. Егор встал, пяткой отбросил табурет. Курбаши властно сказал:

— Ша, джигиты! Если охота, идите на воздух. Или хотя бы в «директорскую». И чтобы без смертоубийства...

Егор скакнул спиной к двери. Оттуда проговорил.

— Не пойду. Здесь скажу... Ты, Копчик, не сунешься к сараю Ямшиковых. И Веньку больше не тронешь. Усек? А то говорить я с тобой буду... как при первой встрече.

Копчик взвизгнул и рванул, но Курбаши дернул его за свитер. Кинул на диван. И встал сам.

— Кошак, ты что? Ай, нехорошо. Мы тут, можно сказать, одна семья, а ты...

Егор знал, с какой силой надо грянуться спиной о дверь, чтобы она открылась мгновенно. И сказал в рыжее лицо Курбаши:

— Вот и послушайте меня тихо, по-семейному. Копчик не сунется к Ямшиковым, а ты, Курбаши, за этим проследишь...

— А ну, иди, поговорим, — нехорошо попросил Курбаши.

Егор спиной вышиб дверь, и она тут же захлопнулась. В морозном «предбаннике» — глухой мрак. Где же засов?.. Черт, где засов?! А, вот! Железо лязгнуло. В ту же секунду на дверь надавили изнутри. Фиг вам! Щелчка, на которую Курбаши, уходя, вешал амбарный замок, выдержит долго... А чтобы вы там приутихли — вот! Егор нащупал над головой провисший провод и рванул. За дверью взвыли, и стало тихо. Ищут спички...

Егор выбрался в сад. Было уже совсем темно. Хорошо пахло снегом, он еле мерцал. Набирая снег в ботинки, Егор добрался до кустов у разрушенной стены. Здесь была замаскированная железная труба дымохода. В полуметре от земли.

Егор сказал в пахнущий дымом раструб:

— Эй, Курбаши! Подойди к печке, поговорим... — Он знал, что в подвале голос его звучит гулко и утробно, будто заговорила сама печка.

Было тихо. Егор ждал. Сердце колотилось нестерпимо. Как в давние времена, когда приближалась неотвратимая отцовская расправа. Но сейчас — черта с два! Расправы не будет!

Из трубы наконец донесся голос Курбаши:

— Ну, Кошачок, ты даешь...

— Даю...

— Чего хочешь?

— Того, что сказал. Чтобы Копчик усох и не выступал. А ты за ним последил.

— Иди открой дверь, дурак. Тогда поговорим.

— Я что, шизофреник?

— А разве нет? Ты думаешь, засов тебя спасет навеки?

— На некоторое время, — сказал Егор. И от волнения закашлялся. Прижал к губам горсть снега.

— На маленькое время, Кошачок, — донеслось из трубы. — Ай, на совсем маленькое, дорогой. А как будем разговаривать, когда встретимся? А?

— Вежливо будем. — Егор слегка успокоился. — Ты же меня давно знаешь, Курбаши. Разве я такой безмозглый, как Копчик? Не в засове дело. Есть запоры покрепче...

— На что намекаешь, дорогой?

— А вот слушай, дорогой... И скажи там, чтобы не ломали дверь, бесполезно... Помнишь, Копчик дал

мне кассету с «Викингами» и мы слушали? А потом Копчик слинял, а мы остались, да еще Гриб заглянул. Ты о чем тогда говорил? Говорил ты, Курбаши, как смешно лишился колес один автомобиль в дальнем гараже за кино «Буревестником». И как ловко вы с Грибом катнули эти колеса нужным людям...

— Сволочь,— сказал Курбаши.— Ну, Кошак, какая же ты...

— Ти-хо... Что ты нервничаешь? Ну да, ты догадался, почему стерлись «Викинги». Что-то меня будто в руку тогда толкнуло — на запись нажать. По-научному называется интуиция.

— Га-ад...—дохнуло из трубы.

— Ну, зачем так, Курбаши-джан? — мирно сказал Егор.— Ничего же не случилось. Никто пока запись не слышал...

Теперь Егор почти успокоился. Душа его радовалась спасительной выдумке. Вдохновение не раз выручало Егора в отчаянные моменты, не подвело и сейчас. Как здорово, что он догадался не отдать кассету Копчику, намекнул насчет важной записи! Еще не знал, зачем это надо, а инстинкт сработал...

— Кошак, ты чего хочешь-то? — уже по-иному, покладисто, спросил из глубины Курбаши.

— Я? Да ничего. Только чтобы с Ямщиковыми обходились вежливо. И чтобы...— Егор нервно усмехнулся,— со мной тоже. И тогда запись не услышит ни один смертный.

— О'кэй...— после небольшого молчания отозвался Курбаши.— Провод-то подцепи обратно, Кошачок, дышать не видно. И дверь отопри.

— Не-е! Темно там, еще шарахнет током. Технику безопасности надо соблюдать. Сами почините, со свечкой.

— Ну, дверь открой.

— Окошечко в «директорской» распечатайте, кто-нибудь из мышат вылезет, отопрет. На десять минут работы. Как раз, чтобы мне кассету унести в надежное место...

— Умен, Кошак,— вздохнул в подвале Курбаши.

— Да уж такой...

— С кассетой-то не балуйся. Потом поговорим еще.

— Можно и поговорить. Ну, пока...

Уже через пять минут, по дороге к дому, нервное ощущение победы сменилось у Егора тоской и страхом. Даже отчаянием.

Тоска была по «таверне», потерянной раз и навсегда: куда он теперь один-то денется? Страх — оттого, что расчет на кассету — слабенький, как паутинка. Что если Курбаши придет в себя и засомневается? Потребуется: «А ну, Кошачок, прокрути записи! Не пудришь ли ты мне извилины?» Тогда как быть?

«Тогда — кранты», — сказал себе Егор. — Хоть из города сматывайся». Потому что он знал: измену не простят.

С чего он так сразу — дверью хлоп и на засов? Все оставил за этой дверью, как отрезал! Из-за чего? Из-за злости на Копчика? Из-за этого шизика Редактора? Ох, дурак, дурак, дурак...

Дома он промаялся такими мыслями до полуночи и несколько раз решал: самое дело — вернуться в «таверну» и с небрежным смехом сказать, что история с кассетой — это сплошная хохма. Шуточка. Ну, пускай неудачная. Копчик, скотина, разозлил, вот он, Кошак, и психанул. Всякое бывает. Не станет же Курбаши из-за этого дела Кошака мордовать и гнать из «таверны».

И все же он не пошел. Во-первых, чувствовал: такую шуточку никогда Курбаши не простит. Потому что покусился Кошак на очень серьезную вещь — на его, курбашовское, доверие. В доносчики пригрозил пойти! А этим не грозят даже шутя. А во-вторых, если и примут обратно, не то уже будет отношение к Кошаку. Станет он как разжалованный из полковников в рядовые. А Копчик вознесется. И кстати, тогда уж постарается устроить «иллюминацию» обязательно...

Измотанный сомнениями, Егор наконец уснул, а утром поднялся с тем же страхом, с теми же терзаниями. И сперва не хотел даже в школу идти: нездоровится, мол. Но инстинкт подсказал: раскисать и прятаться нельзя — это еще хуже.

На первый урок Егор все же опоздал и шел к школе, когда совсем рассветало. Утро было ясное, снегу за ночь еще намело, и он сахарно сверкал. Разбрасывал разноцветные искры. И Егор приободрился. Сквозь сомнения и страхи пробилась мысль, которая вчера лишь задавленно копошилась под другими, трусливыми. Даже не мысль, а ощущение: он, Егор, пошел на разрыв с «та-

верной» не из-за ссоры с Копчиком. И не ради Венки Ямщикова. То есть не только ради Венки. Прежде всего — ради себя. Потому что давно уже хотел какого-то взрыва в серой своей и монотонной жизни. Пусть болезненного разлома, пусть отчаянной встряски, лишь бы что-то изменилось...

В конце концов, разве не с этим тайным желанием каких-то перемен поехал он в Среднекамск к Михаилу?

«Не с этим! Ни с каким не с желанием! — рывкнул на себя Егор. И снисходительно, как бы со стороны, сказал себе: — Ну-ну... Егорушка. Не вертись, детка...» — И с удивлением понял, что думает уже не о Курбаши, не о «таверне», а так... в себе самом копается. Ну и дела!..

Уроки прошли быстро, хотя и скучно. Разнообразие внесла лишь стычка Егора с Классной Розой по поводу пропущенного первого урока. «Ты, Петров, по-прежнему полагаешь, что тебе все позволено! Напрасно, голубчик. Не те времена...»

Он не понял, какие «не те времена», и забыл о разговоре. Его занимало другое: в классе не было Ямщикова. Это почему-то слегка встревожило Егора. Он хотел даже заглянуть к второклассникам и спросить про Редактора у Ваньки, но... Да не то чтобы он опасался идти к этой нахальной мелкоте, а просто не хотелось. Облепят опять, прицепятся, как пиявки...

Дома снова на Егора навалились сомнения. И опять на минуту подумалось: «Может, вернуться?» Чтобы отвлечься (и заодно чтобы сказать спасибо за присланный снимок, а то как-то неловко), Егор позвонил Михаилу. Но с домашнего телефона женщина ответила, что Михаил Юрьевич в командировке и вернется завтра. Это неожиданно сильно огорчило Егора, и невеселых мыслей стало больше. Хуже всего была неизвестность: как теперь поведет себя Курбаши? Неужели будет тихо сидеть и бояться кошаковской кассеты?.. И Егор обрадовался, когда вдруг появился Валет. Хоть что-то прояснится!

Валет и раньше заходил к Егору. Матери он нравился: изящный, вежливый.

— Валя! Какой ты молодец, что зашел. А то Горик второй день сидит и куксится... Горик, дай Вале папины тапочки...

В комнате Егора Валет полулежит на тахту и сочувственно глянул на выжидающего Егора.

— Наколочка вышла, Котик. Не записывал ты исповедь нашего храброго шефа.

— Да? — машинально сказал Егор. И кажется, получилось ничего, спокойно и немного иронично.

— Да, мой хороший. Иначе как бы ты мог через день после того дать послушать «Викингов» Грибу?

Все ухнуло внутри у Егора. Холодно стало. Вот дубина крестиническая, как же не подумал об этом?! Теперь — ханá...

И все же Кошак — он Кошак. В душе паника, а на лице пренебрежительная ухмылка. Повел плечом, достал из ящика «Плэйер», из другого — кассету (приметную, желтую, «Денон»), аккуратно вставил в маг... «Господи, зачем я это делаю? Чтобы оттянуть провал на полминуты? Или на чудо надеюсь? На какое?.. Может, мать что-то включит на кухне и пережжет пробки? Или на станции случится авария? Или... что?»

Он даванул кнопку перемотки, словно собираясь пустить пленку с начала. И смотрел на Валета спокойно и улыбочиво. Сейчас, мол, убедишься сам. А в мыслях металось отчаянное желание невозможного: «Ну пусть что-нибудь случится! Пусть!»

А что могло случиться? И Егор понял, что остается одно: в последний момент «нечаянно» махнуть рукой и сбить «Плэйер» на пол. Чтобы маг улетел вон туда, к батарее, чтобы грохнулся о чугунные ребра изо всех сил. А то она, японская техника, говорят, такая: ею хоть гвозди забивай, а все равно поет... И к тому же сделать это надо натурально! Чтобы не заметил Валет умысла... Хотя, конечно, трудно представить, что кто-то будет нарочно расшибать маг фирмы «Сони»...

«Ну, а потом что? Принесут другой кассетник: «Давай, Кошачок, заводи...»

Егор неторопливо разматал провода динамиков. С сожалением взглянул на Валета:

— Или лучше наушники? Чтобы меньше шума. Запись не для всяких ушей... Держи.

Валет наушники не взял.

— Нет, Кошачок, я шефу обещал, что слушать не буду. Кто меньше знает, дольше живет. С вашими делами разбирайтесь сами...

— Как хочешь,— безразлично (очень безразлично!) сказал Егор. И почувствовал, будто с него сваливается подтаявшая ледяная корка. Он убрал магнитофон. Лениво объяснил:

— А Грибу я, кстати, давал «Черных мустангов». Ему что «Викинги», что «Мустанги», что «Сказки Венского леса». Сидел, чмокал: «О, кайф...»

Валет вежливо посмеялся. Егор сел рядом, зевнул:

— А с Курбаши мне чего разбираться? Мы друг другу все сказали.

— Он спрашивает: что ты хочешь за кассету? Если она есть...

Егор посмотрел на Валета: что, мол, вы с Курбаши совсем за идиота меня держите?

— Есть такой мультик: один глупый ежик всем свои колючки раздарил, и его тут же кошка съела. Как мышонка.

— Курбаши не съест,— веско сказал Валет.— Он если обещает, то железно.

— Может быть,— подумав, согласился Егор.— Но какая у меня будет жизнь? Даже эта сопля Копчик станет смотреть на меня, как... на чурку городошную, которой краденного короля заменили. Помнишь, Позвонк рассказывал...

Валет нейтрально пожал плечами: есть, мол, в твоих словах некоторая логика. И сказал, светски меняя тему беседы:

— Кстати, Копчик Позвонка у меня откупил.

— Как это?

— Просто. За трояк. Мне Позвонк ни к чему, не тот кадр. А Копчик на него вид имеет.

— Какой? — с тревогой спросил Егор.

— А черт его знает. Я в чужие дела не суюсь.

Егор нервно предупредил:

— Передай Курбаши: если Копчик что-то все же задумал против Ямшиковых, я устрою радиопередачу для массового слушателя.

— Передам. Такая моя роль — дипкурьер между двумя несговорчивыми державами...

— Горик, иди сюда на минуту! — окликнула из коридора Алина Михеевна. И когда Егор вышел к ней, сказала: — Спроси у Вали, что он хочет. Чай с вареньем или кофе?

— Спрошу,— улыбнулся Егор. Пришел в комнату. Встал у двери. Валет сидел в небрежной позе. С безразличным лицом.

Егор прижал закрывшуюся дверь спиной и тихо сказал:

— Положи кассету на стол, Валет. Быстро. Убью...

Он был слабее высокого ловкого Валета, но сейчас преимущества оказались на его стороне: позиция у двери, ярость и понимание, что надо драться до самого отчаянного конца. Валет улыбнулся, развел руками и выложил кассету из кармана. Встал.

— Не эту,— сквозь зубы произнес Егор.— Ну...

Все так же улыбаясь, Валет вынул другую.

— Брось сюда. Мне в руки,— приказал Кошак.— Не шути, Валетик...— Он поймал кассету и убедился, что она та самая — с неприметным карандашным штрихом на желтой наклейке. Отошел от двери. С облегчением сказал, подражая Курбаши:

— Ай, нехорошо, Валет. Ай, неправильно, дорогой...

Улыбка у Валета стала тонкой, как у героев Дюма.

— Ты очень умен, Кошак. Лично мне жаль, что ты с нами поссорился. Тебя будет очень не хватать у нас в «таверне».

— И мне жаль,— почти искренне сказал Егор.— Но я не виноват, вы сами... А может, судьба... Мать хотела чай или кофе приготовить, но, по-моему, ты спешишь, Валет, не правда ли?

— Ты прав. Прощай, Кошачок.

— Адью, Валет.

Вот так по-джентльменски окончилась их беседа. И Егор остался один. Опять со своими путанными мыслями и сомнениями. Ощущение новой победы было непрочным, а страхи и колебания снова росли. «Может, вернуться? Сказать про все Курбаши?»

«Брось, Кошачок. Ты, как говорится, сжег все корабли...»

Мысли цепляются одна за другую. Проскочившее в них слово «сжег» напомнило о планах Копчика. Зачем он, гад, перекупил Позвонка? Вдруг все-таки решится поджечь мастерскую? Он такой — если шиш в извилину введет, его и Курбаши не остановит.

«Так что же теперь? Может, и правда сжечь корабли? Все до одного? Окончательно?»

Мысль опять вильнула в сторону — оттолкнулась на этот раз от слова «корабли». Четырехмачтовое океанское судно неторопливо развернулось в аквамариновом просторе воды и неба и стало надвигаться на Егора многоэтажными парусами.

Не шуми, океан, ты не так уж суров,
Нам причин для вражды не найти...

...Мы помним этот путь в архипелаге —
Запутанный такой и незнакомый...
Не знали, в чей песок вонзим мы флаги,
Но знали — не найдем дорогу к дому...

Милосердный владыка морей и ветров
Да хранит нас на зыбком пути...

Надо же как перепутались слова разных песен... А кто сохранит на зыбком пути Егора?

«Слушай! Значит, ты просто-напросто трус?»

Но он не боялся теперь ни Курбаши, ни кого другого. То есть боялся, но не так уж... Сильнее был страх вот перед этой неприкаянностью, раздвоенностью. Так и маяться теперь?

И тогда, чтобы в самом деле сжечь все корабли, разломать мосты, обрубить канаты и освободить себя от сомнений, Кошак сделал то, что «таверна» не простит уже никогда. Переход на сторону противника не прощают нигде никому.

В старой записной книжке он отыскал телефон Светки Бутаковой (в былые времена Егор иногда развлекался тем, что звонил ей вечером и загадочно молчал в трубку).

— Бутакова? Привет, начальница. Это Петров...— Он представил, как округлились у Светки глаза.— Ну, только не дыши так шумно от изумления. У меня один вопрос.

— Ну... какой вопрос? — наконец отозвалась та. Подозрительно и недовольно.

— Ты не знаешь, почему сегодня не было Ямщикова?

— А... тебе-то что?

— Волнуюсь за члена классного коллектива.

Светка подумала.

— Ты, наверно, опять какую-то пакость ему сделал?

— Дура. Чего бы я тогда тебя спрашивал?

— Ох и хам ты, Петенька... Ничего я не знаю про Ямщикова.

— А где живет, знаешь? Ты же командирша, все адреса должны у тебя быть записаны..

— Знаю, но не скажу.

— Военная тайна, что ли?

— Для тебя — да! А то ты опять со своей бандой к нему привяжешься.

— Извини, Бутакова, но ты снова дура. Если бы я имел к Редактору счет, стал бы я тебе звонить?

Она помолчала опять и соврала:

— Нет у меня адреса.

— Но у меня правда серьезное дело к нему! Не успею — будешь виновата!

Светка нерешительно сказала:

— У меня есть его телефон. Звони и сам договаривайся...

Номер Ямщиковых Егор набрал, победивши стыдливую нерешительность и разозлившись на себя. Ответил голосок:

— Квартира Ямщиковых.

— Это... Иван?

— Ага... А это кто?

— Это... Егор Петров. Позови Веньку.

После молчания, после сердитого сопения в трубке раздалось:

— Чего надо, Кошак?

— Позови, Иван. Дело...

— Он не может говорить. У него ангина...

— Ч-черт... А отец дома?

— Че-го? — удивился Ваня.

— У меня дело не к Веньке, а к вашему отцу. Понял ты?

Ваня подумал, спросил:

— Позвать?

— Нет, постой. Скажи ваш адрес, я приду сам...

ДЕКАБРЬ

Рано утром, еще до школы, позвонил Курбаши.

— Привет, Кошачок... Слушай, как-то не закончился наш разговор, а?

— Разве не закончился? — напряженно сказал Егор.

— Может, сговоримся насчет кассеты? Валету ты ничего толком не ответил... Кошачок, у меня все деловому: товар — деньги... А? И не думай плохого, безопасность я тебе гарантирую.

— Ха. Ха. Ха, — сказал Егор.

— Да ты что! Мое слово железное. А цену я дам серьезную. Дело есть дело.

— Я сказал «ха» не насчет безопасности, — разъяснил Егор. — Я подумал: можно бизнес провернуть — пальчики оближешь... Нет, Курбаши, не буду я химичить. Мы с тобой люди благородные. Хочешь, уступлю даром? То есть запись даром. А кассету — за девять гуденов, по номиналу, без процентов... Слушай на здоровье.

Курбаши помолчал. Спросил, будто из глухой глубины:

— Копию снял?

— А ты думал! И не одну, а две, — вдохновенно соврал Егор. — Причем одна уже у родственников в Среднекамске, а вторая... Не сыщут ни Томин, ни Знаменский, ни сам Шерлок Холмс.

— Ясенько, — потерянно отозвался Курбаши. И было понятно, что он отчаянно думает.

Егор пошел на крупный риск. Чтобы закрепить позиции:

— Кстати! Валет болтал, будто ты не веришь, что есть запись. Подожди, я маг принесу, через телефон хорошо слышно... А, черт! Уже в школу пора. Ну ничего, подожди, я быстро!

Курбаши ответил, как и рассчитывал Егор:

— Ты что, совсем шизик? Такие речи по телефону!

— Как хочешь...

— Эх, Кошак, Кошак, зря ты это... Ну, взял ты меня на крючок. А зачем? Сам-то как будешь? Пусто тебе будет, Кошачок, нехорошо... Еще в древней Библии сказано: «Если человек одинокий и другого никого

нет у него, как ему быть? Когда упадет один и некому поднять его, недоброе это дело и суета сует»... «Экклезиаст» называется эта глава...

В точку ударил, гад. Но не было уже пути назад у Кошака.

— Я думал, ты специалист по Корану, а ты и Библию знаешь.

— Я вообще начитанный,— хмыкнул Курбаши.— Я ведь не в слесаря, а в философы метил. Как и Боба... Не судьба... Я тебе и классику могу процитировать. Хотя бы «Тараса Бульбу». Как там про товарищество сказано. И про предательство...

— А кто тебя предает?! — возмутился Егор.— Не трогайте Ямщиковых, не лезьте ко мне, и кассеты будут молчать, как камни. Ты, главное, смотри, чтобы Копчик дурака не валял... Я на всякий случай предупредил Ямщиковых, но он же псих...

— В том-то и дело! — у Курбаши прозвучали откровенно боязливые нотки.— Я что и хочу сказать! Я за Копчика не отвечаю, он, вроде, на откол пошел. На то дело, что на пленке, ему начхать, он на нем не завязан...

— Придется тебе отвечать за Копчика, Курбаши. Ничего не поделаешь, придется. Держи его покрепче, это единственный выход,— злорадно сказал Егор. И положил трубку.

Ангина у Редактора оказалась не такой уж сильной...

Накануне, когда Егор говорил с его отцом, Венька даже не показался. Старший Ямщиков сам открыл дверь и сказал, что Венька лежит с замотанным горлом и, кажется, спит. Но сейчас, утром, Редактор появился в школе. Перед самым звонком. Глянул на Егора, и тот понял, что Веньке все известно.

Венька и не притворялся, не играл в безразличие. После первого урока догнал Егора в коридоре.

— Петров... Слушай, зачем ты это сделал, а?

— Что? А!.. Ты про вчерашнее, что ли?

— А про что еще...— сипловато сказал Венька. Они остановились у окна. Мимо двигался неторопливый, с завихрениями поток старшеклассников, меняющих каби-

неты. В потоке стайками плотвы носилась малышня. Венька стоял перед Егором еще более тонкий, чем всегда, бледный. Его цепляли портфелями.

— Я не понимаю,— сказал Егор.— Ты чем опять недоволен?

— Я не говорю, что недоволен...— Венька смотрел то Егору в глаза, то куда-то вбок.— Просто неясно...

— Тебе же отец, наверно, все объяснил.

— Он объяснил, что ты сказал. Но не объяснил, зачем.

«Его это и не интересовало»,— мысленно ответил Егор. Он помнил, что разговор был простой и короткий. Старший Ямщиков вроде бы и не удивился, что Венькин одноклассник Петров пришел и рассказывает такую вещь: есть, мол, компания, которая придирается к Веньке и в отместку ему надумала пустить «петуха» в мастерскую. Может, и просто треплются, но на всякий случай надо быть начеку. Тем более что некий Позвонков живет неподалеку и по приказу Копчика может сделать всякое.

«Ах, паразиты! — не возмутился, а скорее, удивился Аркадий Иванович (а Ваня сидел в уголке и молча, прицельно как-то глядел на Кошака).— Чего им неймет-ся? Пришли бы в мастерскую, я бы им станок показал, делу научил... Ну, спасибо тебе, Егор. Я, конечно, буду смотреть. Хотя, если всерьез пакость задумают, как углядишь?.. Слушай, а Венька мой говорил, что у него с тобой вроде бы нелады? До драки доходило?»

«Было,— хмуро сказал Егор.— Сейчас разговор не о том...»

«Оно верно, сейчас не до детских ссор... А Колька-то Позвонков какой фрукт! Я же его с пеленок знаю, с отцом его в одном цехе работали... Отец потом развелся, уехал, а Николай, значит, и покатился по наклонной... С матерью, что ли, поговорить, хотя она, конечно, особа излишне шумная...»

И, вспомнив этот разговор, Егор сейчас сказал Веньке:

— Что значит «зачем»? Думаешь, что я какой-то финт хочу скрутить?

Венька мотнул головой (и смешно затряслись сосульки-волосы).

— Нет, я так не думаю. Но согласись, что это неожиданно...

— Для тебя неожиданно,— с усмешкой уточнил Егор.

— Ну, да... А у меня такой характер: всегда хочется разобраться. Понять мотивы поступка.

— «Мотивы» самые шкурнические,— слегка разозлился Егор (непонятно только: на Веньку или на себя).— Ты после той истории думаешь, что я... на веки вечные твой враг. Копчик тебя запалит, а ты решишь, что это моя коварная месть. Мне это зачем? Отвечай еще потом...

Венька снова глянул Егору в лицо, быстро облизал пухлые, с трещинками губы. Тихо сказал:

— Нет, я думаю, ты не из-за этого.

— Да ты душекопатель-профессионал, Редактор,— уже крепче разозлился Егор.— Ты что, благородные причины во мне ищешь? Не ищи, я эгоист.

Венька улыбнулся еле-еле, уголком рта.

— Ну... ладно. Все равно спасибо.

— Не надо... Отец твой спасибо уже сказал.

— А я не от него, а от меня... Отец ведь не знал, что ты рискуешь.

Егор скривился:

— А чем я рискую?

— Если в вашей «таверне» узнают...

— А они знают, Венечка...— вздохнул Егор.— Ничего мне не грозит, я не дурак, чтобы головой в капкан, принял меры... Так что не усматривай во мне рыцарства.

— Ну ладно...— опять сказал Венька. И отошел. И оглянулся на миг. Это движение Веньки Редактора — быстрый поворот головы и хитровато-веселый взгляд — толкнули Егора, как резкое напоминание. О чем-то очень знакомом.

О чем?

На уроке литературы начался с пустяка и разгорелся «скандал на эстетическую и философскую тему» (как выразился невозмутимый Максим Шитиков). Классная Роза сказала:

— Мстислав Георгиевич жалуется на нас, друзья. Он распространяет билеты в молодежный театр «Эхо», и оказалось, что в нашем классе на спектакль не хочет идти никто...

— А что, это разве по программе? — спросил гру-
пный Карасев, и Роза поморщилась

— Это новое, смелое течение в современном теат-
ральном искусстве. И мне казалось, что восьмиклассники
уже достаточно взрослые, чтобы...

— Настолько новое и настолько смелое, что никто
билеты не берет. Как бы чего не вышло,— вдруг подал
голос Антон Разумовский по прозвищу Граф. Рослый,
толстый, на графа он был похож, как бочка на фар-
форовую фазу, занимался штангой. Казалось бы, ему ли
судить о театре. Роза так и высказалась:

— Боже мой, Разумовский. Оставь свой тяжелоат-
летический юмор. Мы же не о поднятии веса беседуем.
Разумовский не сдался:

— А у этого «Эха» сплошное эханье и оханье. Ду-
мают, если Высоцкого поют, так уже смелость и пере-
довые идеи.

— Высоцкий как раз не означает еще передовых
идей,— быстро сказала Роза Анатольевна — Отношение
к нему неоднозначно.. Однако вы должны быть в курсе
современных культурных течений. Надо вторгаться в
жизнь и учиться формулировать свое мнение о действи-
тельности...

— Ага! — воскликнул маленький Юрка Громов.— Ям-
шиков тогда сформулировал в сочинении, что много мол-
чалиных развелось. Что ему поставили?

— Ему поставили «три», Громов! Хотя можно было
и «два». Не за самостоятельность суждений, а за уход
от основной темы...

— Оно так и бывает,— подал голос Шитиков.— Как
проявил не ту самостоятельность, не из учебника, так
и уход...

— Вы всегда любое дело сводите к пустой болтовне
и дутой полемике,— скорбно сказала Классная Роза.—
Это понятно. Для йстинного самостоятельного мышления
нужен все-таки хоть какой-то йнтеллектуальный уро-
вень. А у вас одни дискотеки в головах, на серьезный
спектакль или концерт арканом не затащишь.

— Особенно когда тащат насильно,— выдохнул Ра-
зумовский — Поп-физик говорит: «Таких, как ты, надо
за шиворот в цивилизацию тащить». А я говорю: «У меня
весовая категория не та». А он говорит: «Дашь дневник...»

— Дневник ты дашь мне,— подытожила Роза Ана-

тольевна.— За «Поп-физика». Совсем охамели... Недаром журналисты в газетах охают: «Что за поколение! Откуда такие нищие духом?»

— Кто-кто? — спросил глупый Карасев.

— Ты, Карась, хотя бы «Тома Сойера» прочитал,— сказала Светка Бутакова.— Даже там про это есть, «Блаженны нищие духом, ибо они...» Помнишь, Том Сойер молитву для школы не мог выучить? Такой же тупой, как некоторые...

— Совершенно верно,— Классная Роза благосклонно взглянула на Бутакову.— Именно в убогом обществе насилия и наживы сильным мира выгодно, чтобы больше людей вырастали нищими духом. То есть с убогим умом, не умеющие самостоятельно мыслить... Потому-то Иисус Христос и обещал таким людям царствие небесное... Это написано еще в Ветхом завете, в Евангелии...

— Евангелие — это Новый завет,— вдруг отчетливо сказал Ямщиков.— А у выражения «блаженны нищие духом» там совсем другой смысл. Оно означает: «Счастливы те, кто стал нищим, отказался от богатства и наживы по велению своего духа»...

Классная Роза растерянно мигнула, но отозвалась ехидно:

— Да? Любопытная трактовочка.

— Это он «Мастера и Маргариты» начитался,— произнесла томная Симакова и потрогала сережки.— Там Иисус Христос положительный персонаж.

— В «Мастере» об этом не написано. Лучше почитай статью в двухтомнике «Мифы народов мира». Широкое издание для массового читателя,— в голосе Веньки прозвучала несвойственная ему язвительность.— Тоже помогает от нищеты духа.

— Не знаю, что там в двухтомнике,— сухо сказала Роза Анатольевна,— а твои высказывания, Ямщиков, отдают... Еще в давние времена хитрые йдеологи разных мастей пытались доказать, что...

Она запнулась, подбирая формулировку, а Егора дернуло за язык. Ну, совершенно неожиданно!

— Ии ты, Ямщиков, с такими взглядами надеешься попасть в девятый класс? — возгласил он так похоже на Классную Розу, что все грохнуло.

Роза онемела. А когда ржание поутихло, она печально произнесла:

— Докатились. Ямщиков и Петров в одной упряжке. С чего бы это?

— А я тоже люблю библейские тексты. Вы тут на Редактора нажали, я и вспомнил: «Плохо, если человек один. Недоброе это дело и суета сует. Когда упадет, кто поднимет его?» Это из «Екклесиаста», глава такая...

Бутакова подскочила за столом:

— Петеньке бы эти слова раньше вспомнить, когда он на Ямщикова с дружками своими лез!

— И уж не Петрову быть проповедником евангельского бескорыстия...— добавила Классная Роза.

— С его джинсами и магнитофонами,— заключила Бутакова.

Егор сказал:

— Хочешь, чтобы доказать свое бескорыстие, я расшибу кассетник о твою голову? Он прочен, но твоя активистская башка тверже.

— Аминь,— произнес «граф» Разумовский.

Снова загоготали, и Классная Роза оборвала веселье хлопком по столу. И сообщила, что хулиганские наклонности Петрова известны давно, их терпели до поры, но все кончается. Ибо меняются обстоятельства. «Опять она об этом»,— подумал Егор. Далее Роза взволнованно поведала, что неожиданная поддержка Ямщикова Петровым вполне логична.

— Если разобраться, йи тот, йи другой — явления одного йидейного уровня. Две стороны одной медали. Каждый по-своему, но оба противопоставляют себя коллективу и посягают на школьный порядок. Йи я думаю, что комсомольцы класса дадут верную оценку религиозным вылазкам одного и хулиганским угрозам другого.. А теперь переходим к уроку.

Дать оценку «вылазкам и угрозам» не удалось. Когда Бутакова после уроков закричала о собрании, Егор напомнил, что он, увы, еще не комсомолец.

— Но ты же член классного коллектива! Ты обязан!

— Чево-чево? — сказал Егор. А Венька достал бумажку и вежливо помахал перед носом у Светки:

— Видишь, написано: «Освобождается от занятий до пятого декабря». Сегодня я в школе добровольно, так что собрание придется отложить... А ты пока возьми

двухтомник «Мифы», почитай все-таки. А то неудобно получится. Вдруг автор статьи какой-нибудь знаменитый лауреат, а ты на него...

— Мы не с лауреатом будем спорить, а с твоей пропагандой!

— Бутакова,— тихо сказал Венька и побледнел.— Ты смотрела недавно по телевизору фильм «Большой вальс»?

— Ну... и что?

— Старый фильм, еще до войны шел... И вот тогда моя бабушка (она еще молодая была) одной своей подруге... такой же, как ты... это кино похвалила. В разговоре... И отсидела бабушка три года за пропаганду буржуазного искусства. Сколько ты мне определишь? За то, что сослался на статью в словаре?

Он обошел Бутакову, как тумбочку, а в дверях вдруг опять оглянулся на Егора. Без улыбки, но снова как-то знакомо...

Кого же напомнил ему Венька дважды за этот день? Егор пытался сообразить и не смог. Но это не вызвало раздражения. Осталось чувство, как от ускользающего из памяти хорошего сна.

Дома Егор дождался, когда мать уйдет по своим делам, и позвонил в Среднекамск. Рассчитал: если сегодня утром Михаил вернулся из командировки, должен быть в отгуле. Так и вышло.

— Слушаю...— сказал Михаил.— Это ты, Егор? Я догадался... Ну что, получил снимок?

— Ага. Спасибо...

— Я много не стал посылать. Знал, что Ревский тебя целой пачкой наградит.

— Все ты знаешь наперед,— огрызнулся Егор.— Иногда аж противно... Зачем ты Ревскому позвонил про меня?

— Догадался, что ты все равно к нему пойдешь. Разве хуже вышло?

— Хуже не хуже, а кто тебя просил?

— Ты зачем звонишь-то? Чтобы поругаться?

Егор звонил не за этим. Просто надо же к кому-то прислониться, если прежних друзей не стало. Но он сказал:

— Ну и поругаться. А что?

— Ладно, валяй...

— Не хочется уже,— вздохнул Егор.— Ты подготовился, это неинтересно... Да я и так ругался недавно, надоело...

— С кем, если не секрет?

— С Классной Розой. В богословский спор влез.

— Ого!

— Сам не знаю, чего сунулся...

И Егор, стеснительно хмыкая, выложил суть конфликта.

— Судя по всему,— сказал Михаил,— ваша Роза с шипами...

— Шипы острые, но сама она тупа...

— А Редактор твой — парнишка начитанный.

— С чего это он «мой»?

— Не цепляйся к словам... И кстати, почему ты полез за него вступаться?

«Сам не понимаю. По глупости»,— едва не буркнул Егор. И вместо этого сказал печально:

— Не знаю... Миша. Это не только сегодня. Вообще у меня тут... Ты слушаешь?

Сидя у телефона и глядя на себя в полутемное коридорное зеркало, он рассказал Михаилу все, что случилось за последние дни. Обстоятельно, задумчиво даже. Будто сам с собой беседовал. Об одном умолчал: о своей хитрости с кассетой. Потому что слово надо держать. Михаил встревоженно спросил:

— Егор, а ты не боишься, что теперь не дадут проходу?

— Не боюсь. Я знаю, чем их унять.

— Ох, смотри... Ну, ты молодец, конечно.

Никакой он был не молодец, но почувствовал: похвала ему приятна. И вся натура Кошака тут же возмутилась против этого.

— Чего ты меня ублажаешь-то! Дурак я...

Двоюродный брат сразу сменил тон:

— Дурак — это верно. Одна надежда — с возрастом пройдет.

— У тебя вот не прошло,— нахально сказал Егор.

— А я что... я признаю. За последнее время столько глупостей наделал.

— Влюбился, что ли? — осенило Егора.

Михаил помолчал.

— Да как тебе сказать... Влюбился-то давно. Меньше тебя был. И до сих пор расхлебываю... Нестандартная ситуация.

«Завидное постоянство», — чуть не брякнул Егор. Но почувал: не надо. Михаил сказал бодрее:

— Повидаться бы, братец Егорушка, нам. Поговорить ..

— А я с тобой по телефону почему-то лучше разговариваю, — признался Егор. — Легче, чем тогда...

— Это бывает. Но не век же нам так... И к тому же счётá придут. Как ты дома-то объяснишь?

— А было уже... Отец все знает.

— Ну и... что?

— А ничего такого, — почти весело отозвался Егор. «Ты, — говорит, — все равно Петров и мой наследник ..»

— Может, он в чем-то и прав.

— А по-моему, просто ему не до того. У него на заводе какая-то заваруха, слухи ходят. Мне и Роза уже намекала: обожди, мол, обстоятельства меняются, скоро за папочку не спрячешься.

— А ты прячешься?

— А они сами меня за него прячут! — взорвался Егор. — В гробу я видел такую жизнь!

— Не вулканизируй... Слушай, раз уж Виктор Романович и Алина Михеевна все знают...

— Ну?

— Тогда у меня один вопрос...

— Какой?

— Нет, лучше я приеду на днях, тогда поговорим.

— Специально для этого вопроса приедешь? — почему-то встревожился Егор.

— Не специально. Привезу тут одного...

Несколько дней прошли спокойно и быстро. «Таверна» о себе не напоминала, про собрание в классе тоже забыли, хотя Венька уже не болел и ходил на уроки исправно. Несмотря на отсутствие событий и одиночество, Егор не скучал. Была у него уверенность, что скоро случится что-то интересное и важное. А начало зимы сверкало под солнцем широкими пластами снеговых заносов — такими же чистыми, как паруса «Крузенштерна».

...В пятницу после уроков к Егору подошел в раздевалке смущенный Венька.

— Петров... Там тебя милиционер спрашивает. У выхода... Просил найти и сказать, что ждет...

Егор сразу понял:

— Старший сержант? Который тогда... с тобой был?

— Ну...— На лице у Веньки была непривычная виноватость. И вопрос. Но Егор — куртку на плечи и выскочил из школы.

Михаил стоял не один. К нему притерся пацаненок лет десяти — помятый и словно припорошенный угольной пылью. В длинном пальто и растрепанной ушастой шапке. Лицо мальчишки терялось под бесформенной шапкой, и Егор заметил только похожие на серые блестящие пуговицы глаза. Пацаненок глянул ими на Егора подозрительно и ревниво, но тут же отключился. Покрепче взял Михаила за шинельный рукав.

— Привет,— сказал Егор.— Ты нарочно, что ли, именно Веньку послал искать меня? Больше никого не мог?

— А что? Вижу — знакомый. Вот и попросил... Слушай, давай сперва отведем домой этого добра молодца, а потом погуляем, поговорим... Это недалеко, на улице Чернышевского.

Они пошли от школы, и мальчишка по-прежнему держал Михаила за рукав. Ничего не говорил. Воротник у пальто был широкий, рваный шарф разъезжался, и тонкая грязная шея мальчишки беззащитно торчала из ворота (это напонило Егору Веньку). Иногда мальчишка странно, крупно переглатывал, и на горле его напугались и опадали под кожей резиновые жилки.

«Заглотиш»,— неожиданно придумалось у Егора прозвище. Заглотишами пацаны в «Электронике» называли крошечные крючки для рыбешек. Егор никогда рыбалку не любил и на пойманных окунат и пескариков смотрел со смесью отвращения и жалости. Это было в давнем детстве, до случая с бабочкой... Теперь мальчишка, глотающий не то страх, не то слезы, показался Егору такой вот рыбешкой, попавшей на крючок-заглотиш. И поэтому сам — Заглотиш.

Шли быстро. Видно, Михаил торопился кончить командировочное дело со своим подопечным. Заглотиш не отставал, послушно топал подшитыми валенками по

спрессованному на тротуаре снегу. В углу рта у него была крупная болячка, и он часто трогал ее кончиком языка.

Улица Чернышевского была рядом с Калужской. Тоже старая, в тополях и березах. Заглотыш жил на первом этаже двухэтажного приземистого дома. В глубине двора. В темных сенях пахло керосином, а в широкой низкой комнате — застарелым табачным чадом и кислятиной. Худая тетка в замызганном халате, но со сверкающими сережками и следами помады на губах тоненько заподвывала и облапила Заглотыша. Он выскользнул, сел у окна. Молча наблюдал, как мать, ставшая послушно-деловитой, кивает и подписывает бумаги. И опять кивает — когда Михаил говорит, что скоро заедет и проверит, в каких условиях живет мальчик.

Егор стоял у дверей и смотрел такими же глазами, какими юный Эдуард из книжки «Принц и нищий» оглядывал убогое жилище Тома Кенти. Даже «таверна» с ее утильной мебелью и кирпичными стенами была несравнима с этой берлогой. Там уют и тепло, а здесь унылая безысходность. Стол, разномастные стулья и даже новый телевизор казались липкими. Отгораживающая угол пятнистая занавесь источала запах прокисшего винегрета. За ней кто-то тихо шевельнулся и вздохнул.

— На работу устроились? — бесцветным голосом спросил Михаил.

— А как же, а как же! На складе макулатуры, приемщица я. Добрые люди помогли... А сегодня у меня отгул.

— Отгул или загул?

— А?.. Да вы не беспокойтесь, товарищ милиционер. Теперь будет, как я Валерию Петровичу, участковому нашему, обещала.

Михаил со щелчком закрыл сумку.

— Я наведуся сам, помимо участкового... Ну, Витек, я пошел. Оставайся, живи, как договорились. Я потом навещу ..

Витек-Заглотыш не двинулся с места, только глотнул.

Егор с облегчением вышел на двор, Михаил за ним. Они были уже за калиткой, когда раздались всхлипы и топот и Заглотыш догнал их. Вцепился в Михаила, щекой прилепился к рукаву.

— Дядя Миша-а! Не надо!

— Что не надо? Витек! Что с тобой?

— Не надо, не уходите! Я с вами!

— Куда ты со мной-то? Вить... Это же нельзя...

А мама?

— С ва-ами! — рыдал Заглотыш и цеплялся. Выско-
чила мать, ухватила его. Кое-как оторвали Заглотыша
от Михаила, увели. Он все вскрикивал: «Не надо!
С вами!..»

Когда опять вышли на улицу, Егор неловко спро-
сил:

— И это что, каждый раз так?

Михаил сказал угрюмо:

— Каждый раз по-разному... Но по-хорошему редко...

— Работка у тебя...

— Сволочная.

— А этот... Витек... Он же все равно сбежит опять.

— Не копай ты мне душу, Егорушка, — попросил Ми-
хаил. — Лучше скажи, у тебя-то как?

— Что именно?

— Ну, хотя бы как у Ревского бывал?

Егор пожал плечом: чего, мол, такого... Но стал рас-
сказывать. И разговорился не хуже, чем по телефону.
И про фильм сказал. Признался даже, что не может
до конца поверить, будто молодой матрос, мелькнувший
на экране, — отец.

— Ну, это понятно, — кивнул Михаил.

— А вообще-то в картине «что-то есть»...

Сперва они ходили по тихим улицам, где временами
с отяжелевших веток искрящимися струйками сыпался
снег. Потом зашли в кафе «Лира» — погреться и переку-
сить. Когда опять оказались на улице, Михаил сказал:

— Ну а теперь давай потихоньку к вокзалу. До по-
езда полтора часа...

— А вопрос? Помнишь, ты говорил по телефону...

До этого он терпеливо, хотя и с беспокойством ждал.
Но сколько же можно?

— Помню, — кивнул Михаил. И как-то обмяк, будто
даже виноватым сделался. — Я вот что думал... раз уж
дома у тебя все известно... Может, сказать про тебя
и моим? Маме, сестре? Ты пойми, это же для них...

— Ты разве еще не сказал? — стесненно спросил
Егор.

— А какое я имею право? Без твоего согласия...

— Теперь-то уж не все ли равно?

— Не все равно,— вздохнул Михаил.— Тут ведь вот что. Хочешь не хочешь, а на тебя кое-что ляжет. Ну, вроде как обязанности какие-то. Заехать иногда, пови-даться... И может, всякие поцелуй-ласки стерпеть, жен-щины ведь. Даже если тебе это не по душе...

— Да уж стерплю,— слегка дурашливо пообещал Егор. И сказал нерешительно: — Может, мы скоро чаще будем видаться. Я в Среднекамск, наверно, пере-берусь к осени.

— Как так?

— Там училище есть, речных штурманов и механи-ков выпускают.

— И ты решил идти в речники? Давно?

— Недавно... Там и для плавания «река-море» гото-вят, я слышал. И даже просто для морей... В настоя-щую мореходку мне, наверно, не пробиться с моими-то отметками, а в Среднекамское училище, говорят, легче. После восьмого...

Михаил молчал.

— Не одобряешь, что ли? — разочарованно спросил Егор.

— Не одобряю... Во-первых, это не совсем то учи-лище, каким оно тебе кажется. Скорее, обычное ПТУ. И по уровню, и по нравам. И пацанам, уехавшим из дома, там ох как нелегко...

— Ничего, меня не съедят... Подумаешь, ПТУ. Вез-де кричат, что это теперь главное всего, а ты...

— Главное — это когда человек твердо решил, обду-манно. А ты хочешь, как проще... Подожди психовать, послушай... Во-первых, ты лазейку ищешь, чтобы со своими трояками проскользнуть. А во-вторых, стараешь-ся поскорее от жизни с отцом избавиться. Тем более когда узнал такое...

— Все ты понимаешь,— язвительно сказал Егор.

— А что? Не так?

— Так, да не совсем...

— Ну, не совсем... Еще романтика дальних стран-ствий. Но только в училище ты не увидишь тех пару-сов, что на экране.

Егор чуть не зарычал.

— До чего ты любишь в душу залазить! Так бы и дал по шее.

— Ну дай,— засмеялся Михаил.— А в училище не советую.

— А что советуешь?

— Кончай десятый, ума-разума набирайся, аттестат получай приличный. И, если не передумаешь, поступай в мореходку или высшее морское. Тебе ведь не река нужна, а море. Верно?

— И еще два года тянуть с папой Вик-Романычем?

— И с матерью. С родной. К ней-то ты что имеешь?

Егор молчал. Трудно объяснить, что хочется полного перелома. Раз уж столько в жизни изменилось, пусть меняется до конца. Чтобы все было другое — и город, и люди, и дела...

Михаил осторожно сказал:

— Два года — разве много? Дольше терпел...

— Деваться было некуда.

— Ну...— Михаил быстро глянул на Егора. Проговорил, словно преодолевая последнюю неловкость: — Если что случится, ты же понимаешь: у тебя в Среднекамске тоже есть дом.

Егор качнул головой. То ли кивнул, то ли так просто... Нет, все было неплохо, но только он продрог наконец в своей финской курточке, и поэтому хотелось закурить. И сигареты были. Но при Михаиле Егор не решился...

На следующий день после уроков Егора догнал на улице Венька. Спросил насупленно:

— У тебя неприятности, что ли?

— С чего ты взял?

— А вчера... милиционер... Если думаешь, что из-за меня, то зря. Мы с ним тогда просто случайно вместе шли.

Егор сделал значительное лицо и с полминуты поглядывал на хмуро-виноватого Веньку. Потом как бы спохватился:

— А, милиционер!.. Это мой двоюродный брат.

Венька смешно замигал и даже остановился.

— Ну да,— сказал Егор уже серьезно.— Он в те дни как раз меня разыскивал. И про отца я от него узнал. Про настоящего... Помнишь, я тебе говорил?

— Значит, это правда? — глаза у Веньки стали сочувствующие.

— Кто же такими вещами шутит,— усмехнулся Егор. И подумал: «Зачем я опять с ним об этом?» Но тут судьба словно решила наградить его за откровенность. Венька, стоявший у дощатого, со снежным гребешком забора, переступил, отодвинулся, и за ним открылась маленькая белая афиша: «Клуб им. Гагарина. 9 декабря. Худ. фильм «Корабли в Лиссе». Нач. в 17.00».

— Ух ты,— невольно сказал Егор.— Клуб Гагарина, это где?

Венька оглянулся на афишу.

— Это у фабрики «Маяк», недалеко... А что, хорошее кино?

— Кому как...— Егор подавил желание сказать о том, что для него этот фильм. И без того разболтался...

— Я и не слышал о таком,— сказал Венька.— Это по Грину?

— Ага... Паруса, пираты...

— Надо сходить с Ванюшкой. Он такое обожает... А ты пойдешь?

Егор вспомнил, что с собой нет ни копейки. Вчера он сунул в карман рубль, но истратил на буфет и сигареты (нельзя же все время попрошайничать). Егор плюнул от огорчения. Матери дома не будет до вечера, уехала к знакомым. Занять не у кого. Он разочарованно хлопал по карманам.

— Если хочешь,— сказал Венька,— я куплю билет и тебе. А ты приходи прямо к клубу. Без пятнадцати пять...

Егору отчаянно хотелось еще раз посмотреть «Корабли».

— Можно...— сказал он.

Венька кивнул и, уходя, опять знакомо оглянулся.

И тогда, как при неожиданном повороте лучей, все высветилось, вспомнилось и выстроилось в картину.

...Думая о речном училище, Егор не раз вспоминал синий плес с затопленной колокольней. Он увидел его и сейчас. Почти как наяву. Обходя колокольню по широкой дуге, шли над водой накренившиеся пирамиды легких многоярусных парусов. А в широком проеме колокольни, держась одной рукой за выступ, а другой сжимая опущенную серебряную трубу, стоял мальчишка. Горнист Игорек. Тот, кто после сигнала убегал с крыльца и оглядывался на всех весело и доверчиво. Как Венька...

«Немало пороку потрачено было на торжественные салюты по поводу примирения его превосходительства Николай Петровича Резанова с Крузенштерном и его офицерами. Палили в честь посланника, палили в честь моряков и, конечно же, в честь губернатора Камчатки генерала Кошелева, положившего много сил, чтобы восстановить мир и чтобы славные дела — кругосветное плавание россиян и посольство их в Японию — не были неразумно прерваны из-за столкновения человеческих натур.

Палили радостно орудия «Надежды», отвечала им с берега Камчатская крепость.

Немало часов ушло и на веселые застолья в честь того, что прежние раздоры обещано со всех сторон предать забвению. Хлопали пробки, произносились тосты во здравие государя императора, во здравие всех присутствующих и за благополучное окончание всех предприятий и плавания. И опять гулким ревом откликались на верхней палубе пушки. Подпрыгивала и звенела на широком столе кают-компания посуда...

Однако чем приветливее были улыбки Резанова, тем сильнее чувствовали офицеры внутреннюю натянутость. Зная характер посланника и помня прежнюю взаимную вражду, могли они разве поверить, что его превосходительство изгнал из души всякую обиду и отныне будет помышлять единственно о пользе общего дела?

Лишь второй лейтенант «Надежды» Петр Иванович Головачев вначале принял наступившую развязку за искреннее примирение. К такому решению пришел он, видимо, по молодости да еще по горячему желанию общего душевного благополучия и добрых отношений. Однако и Головачев скоро убедился в ошибке. Случилось это, когда его превосходительство, улыбаясь, поднимался по трапу с барказа, а капитан-лейтенант Ратманов сказал вполголоса товарищам:

— Помогите, господа, эта птица еще снесет нам тухлое яйцо...

Мрачное свое предсказание Макар Иванович вспомнил через три недели, когда уже далеко осталась Камчатка и корабль приближался к берегам таинственной Японии.

В то утро, 27 сентября по новому стилю (коим всегда пользовался Крузенштерн в путевом журнале), команда, офицеры и пассажиры построились на шканцах. Ибо число это было днем высочайшей коронации его императорского величества. Славную дату следовало отмечать торжественным молебном, но священника на корабле не было, и посланник устроил церемонию по своему разумению. Ознаменовал радостный для всех подданных Российской империи день раздачею наград. Был вынесен поднос с горкой серебряных медалей и для торжественности крытый шелковой златотканой парчою. Она сияла при нежарком солнце, проглянувшем сквозь облака после многих бурных и пасмурных дней.

Ставши перед строем и покачиваясь на тонких, в новые ботфорты обутых ногах, его превосходительство сказал речь:

— Россияне! Обошед вселенную, видим мы себя наконец в водах Японских. Любовь к отечеству, искусство, мужество, презрение опасностей, повиновение начальству, взаимное уважение, кротость — вот черты, изображающие российских мореходцев. Вот добродетели, всем россиянам вообще свойственные...

Офицеры прикусили губы. После всего, что было, слова о взаимном уважении, повиновении начальству и кротости звучали, мягко выражаясь, забавно. Даже у некоторых матросов, и прежде всего у «не по чину грамотного» Курганова, под маской благолепного внимания мелькнуло нечто малосоответствующее моменту.

«Зачем он так?» — с досадой подумал о Резанове лейтенант Головачев. В самом деле, для чего Николай Петрович, умевший в долгих, радующих душу и ум беседах находить ясные слова, сейчас говорит казенные витиеватые фразы, половину которых матросы не понимают, а другую половину не берут всерьез? Или не о смысле думает посланник, а только о единой задаче: показать всем, кто ныне истинный начальник над экспедицией? Но достойно ли это столь просвещенного и доброго человека?

Резанов же вдохновлялся все более. Поднявши в пальцах похожую на новый полтинник медаль, он вещал:

— Зрите здесь изображение великого государя, при-

мите в нем мзду вашу и украсьтесь сим отличием, денными беспредельными трудами и усердием приобретаемым...

Медали были розданы всем рядовым и унтер-офицерским чинам. Числом шестьдесят три. Квартирмейстер Иван Курганов, хотя и настроен был к его превосходительству с некоторой насмешкою, к награде отнесся серьезно. Аккуратно прицепил медаль к зеленому сукну мундира. Сказал товарищам:

— А как же не носить-то? Или не заслужили мы? Полземли обошли, матушки-России больше года не видим... И соленого похлебали. Не то что иные, которые только с берега на корабль, а им уже медаль на пузо.

Он говорил это, косо поглядывая на солдат Камчатского гарнизона. Восемь рослых гренадеров под командою поручика Кошелева, брата губернатора, взял с собой в Японию посланник Резанов. Вроде бы как почетная стража при посольстве, а на самом деле, видно, для пущей своей безопасности: мало ли как сложатся отношения с господами морскими офицерами...

— Они люди казенные,— сказал добродушный десятник Гледианов.— Приказали — поплыли. Награду дали — «Рады стараться!».

— А к тому же будет еще у них всякое,— рассудил бомбардир Никита Жегалин.— Да и мы не ведаем всего, что впереди. Слыхали, небось, как вчера их благородие Фаддей Фаддеич рассказывали, что в здешних водах бури случаются небывалые. На китайском языке называется «тифон».

— Авось пронесет,— глянув на спокойное небо, заметил Курганов.— До японской гавани Нангазаки, говорят, недалеко.

Жегалин возразил:

— Якорь не положивши, молебен не твори.

...Ту же мысль высказал и Макар Иванович, когда офицеры шли к праздничному столу. Корабль, покачиваясь на пологой зыби, тихо скользил под теплым ветром, погода в отличие от прежних дней стояла самая приятная, но Ратманов настроен был мрачно. Пообещал лейтенантам Ромбергу и Беллинсгаузену:

— Накаракает он нам беду. Виданное ли дело: похвалиться, не придя в гавань. «Обошед вселенную!.. Видим себя в водах Японских»! Этих вод мы еще хлебнем, попомните мои слова...

Лейтенанты кивали. Оно и правда, только сухопутный человек может искушать судьбу и, нарушая давние обычаи морские, хвалить свое плавание, не достигнув берега...»

Наклонов читал громко, выразительно. Уверенная борода его при этом шевелилась, очки от энергичного движения бровей шевелились тоже. Наклонов одной рукой удерживал близко от очков листы, а другую, приподнявши сбоку свитер, сунул в брючный карман. Порой он, не отрывая глаз от строчек, прохаживался у стола, и его животик упруго колыбался под свитером.

Иногда же Олег Валентинович на миг опускал листы и взглядывал на слушателей — вопросительно, однако без робости. Скорее, испытующе: постигают ли школьники прочитанное?

Они постигали. По крайней мере, сидели тихо. Тем более что никто их сюда не загонял, это было вполне добровольное собрание литературного клуба «Факел».

Объявление об этом новом клубе и о том, что занятия будет вести писатель Наклонов О. В., появилось в школьном вестибюле неделю назад. Егор как раз читал его и размышлял, когда рядом остановился Венька.

Отношения у Редактора и Егора Петрова были теперь странные. Оба коротко говорили при встречах «привет», иногда обменивались лаконичными, по делу, вопросами и репликами и порой ловили на себе быстрые, как бы исподтишка брошенные взгляды друг друга. Словно каждый приглядывался к другому и чего-то ждал. А чего?.. Смешно даже...

Тем не менее сейчас Венька встал сбоку от Егора, прочитал афишу и вполне безразлично спросил:

— Пойдешь?

— Подумаю... — Егор в самом деле подумал и решил-ся на длинную фразу. — Пожалуй... Он, небось, опять про Крузенштерна читать будет, а у меня к этой истории свой интерес.

Егору показалось, что Венька спросит: «Какой?» И можно будет сказать: «Одна давняя история, с братом связанная... Кстати, помнишь юнгу на корабле в кино? Это он и есть. А корабль по правде называется не «Фелицата», а «Крузенштерн»...

В тот раз, после фильма, они разошлись, коротко сказав друг другу «пока». Егор не решился спросить, как Венька отнесся к «Кораблям в Лиссе», а сам Ямщиков тоже промолчал. Торопился с братишкой домой. Ну, а на другой день тем более — какой разговор? Отдал Егор двадцать копеек за билет — и дело с концом... А если честно признаться, поговорить хотелось.

Может, сейчас?

Но Венька нерешительно промолчал. И тогда задал вопрос Егор. Коротко, небрежно:

— А ты? Пойдешь?

— Не получится. У Ванюшки в классе репетиция, они в каникулы пьесу ставят, отрывки из сказок Пушкина. Про работника Балду и про Золотую рыбку. Я им помочь обещал.

— Ничего у них не выйдет, — сказал Егор. — С такой ведьмой, как их горластая Настя, кашу не сваришь.

— У них шеф появился. Студентка из пединститута, вроде вожатой, с ней можно... А та, конечно, ведьма. — Венька вдруг заговорил глухо и жестко: — В сентябре Ваньку носом в тетрадь как ткнет: «Смотри внимательно!» У того и побежало — вся тетрадка в крови. Конечно, у него нос слабый, но зачем тыкать-то! Я тогда к Клавдии Геннадьевне ходил, крику было... Сперва, конечно, вышло, что Ванька сам виноват, да и я заодно... Ну, потом и ведьме попало. Она меня теперь не выносит, но вида не подает. Наоборот, улыбается...

Венька закончил такую длинную речь неожиданно. Словно спохватился: чего это, мол, меня понесло? Неловко сказал:

— Пойду я, домой пора...

А Егор еще постоял у афиши. И решил окончательно, что на заседании клуба надо побывать.

Он испытывал интерес не столько к истории Крузенштерна, сколько к самому Наклонову. Наклонов знал отца. Того, Толика... Даже приятелями были, хотя и подрались потом. И в любопытстве Егора было желание проникнуть в те давние времена. В тот заросший сад с разломанной эстрадой. Проникнуть и что-то понять...

Люди из разных классов собрались в «гостиной» — квадратной комнате с двумя рядами узких диванчиков,

поставленных полукругом, с уютными шторами и плафонами. Гостиная была гордостью директора. Не каждая школа может позволить себе такую роскошь — комнату для клубных собраний.

На одном конце составленной из диванчиков дуги, у самой двери, примостился незнакомый парнишка. По виду класса из восьмого, но явно не здешний. Сстенительный. У него была стрижка в «кружок», показавшая, и спрятанные в тени глаза Темные и какие-то виновато-настороженные. Краем уха Егор услышал, что это сын Наклонова. Тогда понятно, почему такой скованный: неловко среди чужих, да и за отца, наверно, переживает... Хотя, чего переживать-то? Читает Наклонов бойко, и все слушают как надо.

«Сумрачное пророчество Макара Ивановича Ратманова стало исполняться на следующий день... С утра, правда, ветер, гуляя от зюйд-оста к зюйд-весту, оставался легким, хотя погода установилась мрачная. В десять часов утра случилась даже радость — увидели наконец берег Японии, а в полдень определили до него расстояние. Мыс, выступающий впереди гористого берега, был, по всей вероятности, Иза-саки, юго-восточная точка острова Шикоку. «Надежда» находилась от него примерно в тридцати шести милях. Крузенштерн приказал держать к берегу, но вечером до мыса оставалось еще не менее двадцати миль, и тут, в восемь часов пополудни, грянули крепкие шквалы с дождем...

На следующий день шторм то стихал, то разыгрывался, иногда тучи разбегались, но чаще было мрачно и хлестали дожди. Едва позволяла погода, Крузенштерн приказывал держать ближе к берегу, но ветер взъерывался опять, и приходилось отворачивать от опасной суши. Все карты были неточны. Даже известный морякам Ван-Дименов пролив, коим следовало идти в Нагасаки, нанесен был на них приблизительно.

То приближаясь к берегам, то отходя от них, «Надежда» спускалась к зюйду. В ночь на первое октября шторм утих. Пошел ровный ветер с зюйд-оста, на рассвете разошлись тучи. И опять «Надежда» побежала к западу, курсом бакштаг левого галса, когда ветер дует с левого борта и с кормы.

Радость, однако, была недолгой. Макар Иванович сказал:

— Иван Федорович, барометр катится вниз, как пьяный мужик с печи...

Крузенштерн и сам видел, как скользит вниз ртутный столбик,— давление падало. Солнце светило сквозь желтую дымку. Под солнцем темной гористой кромкой виднелся остров Кю-Сю, или Киу-Шиу. Жалея уже, что рискнул подойти к суше столь близко, Иван Федорович скомандовал:

— Круче к ветру! Держать на зюйд по компасу!

Корабль пошел носом к волне, заскрипели бейфуты поворачиваемых реев. Теперь ветер дул в левую скулу судна, сбоку и навстречу — курс бейдевинд. Идти таким курсом паруснику тяжело. К тому же и могучие встречные волны мешали корабельному ходу. Ветер, однако, был еще ровный, потому поставили все нижние паруса, а над ними — марсели. Брамсели поставить было нельзя, потому что еще в начале прежних штормов брамреи были сняты и закреплены на палубе.

В полдень с зюйд-оста пошли темные клочковатые облака, скрыли солнце. Волны стали гороподобными. Все говорило, что с юго-востока надвигается буря. Но справа и сзади все еще виден был в мрачающем воздухе берег, и Крузенштерн выгадывал минуты, не давая приказа убрать паруса.

Буря оказалась хитрее. В час пополудни грянула она с неожиданной мощью. «Надежду» положило на правый борт. Новые, недавно замененные на парусах и реях шкоты и брасы полопались один за другим. Освободившаяся от давления ветра парусина отчаянно захлопала в ревущих потоках шквала.

— Ребята! — закричал Крузенштерн с юта. — По мачтам! Надо спасти паруса!

Пена залепила жестяной раструб рупора, хлестко ударила по глазам. Сорвало треуголку. Но матросы уже были на вантах.

Они сделали чудо, спасли все шесть главных парусов «Надежды». Качаясь на мотающихся вокруг мачт, незакрепленных реях, цепляясь за тяжелую, послушную буре, а не людям парусину, они тянули ее, надрываясь, крепили к скользкому рангоуту, умиряли тугими петлями рифовых узлов...

Это были люди, которых престарелый адмирал Ханыков не хотел пускать в экспедицию, полагая, что русский мужик не способен ходить на кораблях дальше Маркизовой лужи и для кругосветного вояжа надобны англичане. А мужики эти, за год плавания вздохнувшие от казарменной жизни, позабывшие про линьки и зуботычины, коими обильна была кронштадтская жизнь, окрепшие и осмелевшие душами, были теперь лучшие в мире матросы — Крузенштерн верил в то несокрушимо ..

Дело казалось невозможным, но паруса были убраны. И все люди — слава Спасителю! — вернулись на палубу. Крузенштерн перекрестился рупором (выпустить его было нельзя — унесет). Нет страшнее муки, когда отвечаешь за многих людей, а помочь им в страшной работе и риске не можешь...

— Макар Иванович! Еще двух человек надобно к штурвалу, не держат...

Кроме Филиппа Харитонов и Нефед Истрекова встали к двойному штурвальному колесу Клим Григорьев да Иван Курганов.

Нефед, отплеываясь от брызг (ох невкусен и неласков батюшка-океан, а еще «Тихим» прозывается), крикнул Курганову:

— Как же это ты, твое морское величество, попусту языком болтал?! Слово царское не держишь!

— Што?! — не понял Курганов.

— Али забыл? На экваторе, когда царя морского представлял, што обещал? Погоду справную на все плавание!

— Так я же оговорился: коли вельможи не подведут! От их всякая пакость!.. Крути влево, гляди, уваливает.

Они, опытные рулевые, без команд знали свое дело: держать круче к ветру — так, чтобы только-только не заполоскало штормовые стаксели. Эти прочные треугольные паруса, натянутые между мачтами, оставались единственными на «Надежде».

Но в три часа ураган изорвал и стаксели.

— Ставить штормовую бизань! — крикнул Крузенштерн. Но сейчас буря пересилила людей. Хотя кинулись на помощь матросам лейтенанты, дело оказалось безнадежным. Мятущаяся парусина расшвыряла моряков, фал не шел, деревянный блок бизань-шкота свистнул у щеки Головачева, подобно ядру из пушки.

Тем не менее натянувшийся на несколько секунд парус повлиял на движение судна. Оно перешло бушпритом направление свирепого ветра, и теперь он бил в правую скулу, постепенно разворачивая «Надежду» носом к осту.

Грянула волна, сорвала и унесла запасной гротарей, закрепленный снаружи правого борта. В щепки разбило на шкафуте ялик. Дрожь удара передалась всему кораблю.

Никто из офицеров не был внизу, все собрались на юте.

— Макар Иванович, как течь в трюме?

— Я посылал узнать! Вопреки ожиданиям, не сильная! Хуже другое: могут не выдержать ванты и мы останемся без мачт.

— Команде взять топоры!.. Ребята! Ежели мачта упадет, рубить такелаж без промедления!

Матросы на шканцах и шкафуте держались у бортов, цепляясь за торчащие в гнездах кофель-нагели. Над ревущим океаном висела тускло-желтая, полная летящей пены мгла.

...Потом Крузенштерн запишет в путевой журнал: «Сколько я ни слыхивал о тифонах, случающихся у берегов Китайских и Японских, но подобного сему не мог представить. Надобно иметь дар стихотворца, чтобы живо описать ярость оного».

Сейчас даже чудовищный шторм в Скагерраке, в начале плавания, казался нестрашным — каким-то домашним и уютным. Может быть, потому, что недалеко тогда еще был дом...

Неожиданно вспомнилось (хотя, казалось, до воспоминаний ли?), как появился в ту пору на юте поручик Федор Толстой и тогдашний разговор (а точнее, крик) с графом. Сейчас Крузенштерн думал о гвардейском поручике чуть ли не с сожалением. Бестолков, конечно, его сиятельство, скандален, и немало через то причинилось вреда общему делу. Но, по крайней мере, был он храбр и честен, того не отнять... Где-то он теперь?

...А поручик гвардии граф Федор Толстой сейчас был в пути к далекому еще Петербургу. И не ведал, конечно, в какой беде его бывшие товарищи. Как не ведал и того, что на подъезде к столице встретит его фельдъегерь и проводит напрямик в Нейшлотскую крепость —

за все художества, кои стали известны начальству из опередивших графа писем Резанова. Впрочем, год, проведенный под арестом, не лишит поручика ни дворянской чести, ни боевого характера. И все еще будет впереди: дуэли, опять гауптвахта, рассказы в гостиных о заморских приключениях и славные дела на поле Бородинском...

...Мачты пока держались. Это говорило о прочности корабля. Но ничто не спасет «Надежду», когда она зацепит килем камни у берега. А берег уже чудился в воющей мгле, буря неуклонно двигала корабль к скалистой суше. Лишенный парусов, он был совершенно неуправляем — семечко в кипящем котле тайфуна.

Тайфун достиг чудовищной силы. Барометр упал настолько, что ртутный столбик вообще стал невидим в стеклянной трубке. Ратманов прокричал Крузенштерну:

— Коли так будет продолжаться до полуночи, окажемся на камнях непременно! Никто и не узнает, где кончилось плавание наше!.. Вот тебе и «обошед вселенную»!..

Вставши близко к Ратманову и отворотив лицо от брызг и ветра, неожиданно и жалобно прокричал Петр Головачев:

— Макар Иванович! Достойное ли это дело — помнить зло в такую минуту?! Может, и правда не переживем ночи! Вы спустились бы в каюту к посланнику и там простили бы с ним друг другу обиды! Как подобает христианам в минуту большой опасности!

Ратманов же не смягчился душою, закричал в ответ:

— Коли его превосходительству отпущение грехов требуется, пускай сам сюда идет! А мне, главному помощнику капитанскому, в такой час уходить с юта не след!

Час был нестерпимый даже для самых смелых сердец, ибо ужасен сам ураган, а еще ужаснее покорное этому урагану бездействие. Ничего нельзя было предпринять. Оставалось ждать, что судьба смилостивится и переменит ветер.

В таком положении бесполезно мужество, дающее силы решительным поступкам. И остается мужество надежды. Жить «*spe fretus*» — «опираясь на надежду». Крузенштерн эту словно отпечатанную четкими буквами латинскую фразу помнил со времен ревельской школы. Старый учитель латыни, когда у кого-то случались

огорчения, повторял эти слова, глядя встрепанную голову неудачника. И объяснял, что всегда в жизни следует надеяться на лучшее, без того не прожить в неласковом мире.

В детстве слова эти не казались важными: мало ли в школе слышишь поучений? Но со временем понял Крузенштерн их смысл. Ибо без надежды — как жить?

Не надежда ли на счастливый исход не раз вела под пули и клинки в абордажных схватках? Знал, конечно, что и смерть вероятна, а верилось в удачу... Не надежда ли толкала в опасный вояж из Африки в Индию на старом, готовом каждый день развалиться среди волн английском корабле, который лишь чудом добрался до Калькутты?.. Не надежда ли поддерживала, когда угнетающе долгие годы пылился в министерских кабинетах проект кругосветного плавания? А в самом этом плавании — как без надежды?

Даже мысль появлялась не раз — может быть, и ребячливая, да в ком из нас до смертного часа не живет ребенок? — коли кончится плавание благополучно, вписать в родовой герб Крузенштернов эти два укрепляющие душу слова: SPE FRETUS.

И корабль свой назвал «Надеждой» он не без тайного помысла, что имя будет способствовать удаче.

...Крузенштерн редко видел «Надежду» со стороны. Капитан чаще смотрит на свое судно с мостика, с юта. Но сейчас на миг представил он, как мечется среди водяных гор трехмачтовое, побитое бурей суденышко с обрывками лопнувших брасов на реях, с ключьями контрбизани — парус этот изодрало ветром, когда он был уже спущен и притянут с гафелем к горизонтальному бревну гика... То с головою уходит в воду, то взлетает на гребень укрепленная под бушпритом носовая фигура — ее вырезал из дуба неизвестный шотландский мастер. Корабль строился в Англии и поначалу был назван «Леандр». Если верить мифам Эллады, юноша с таким именем каждую ночь переплывал Геллеспонт, чтобы увидеть свою возлюбленную Герó — жрицу богини Афродиты. А она зажигала на башне огонь, не дававший ее любимому заблудиться в ночном море...

Деревянный Леандр изображен был подавшимся вперед, со вскинутыми для сильного гребка руками, с от-

брошенными назад волосами. Когда корабль привели в Кронштадт и назвали «Надеждой», морское ведомство указало, что надобно заменить греческого юношу двуглавым орлом, коего приличествует иметь на носу российскому судну, впервые идущему в столь дальнюю экспедицию, в чужие страны. Дело это, однако, за спешкою не было исполнено, и Крузенштерн о том не жалел. Ему казалось, что Леандр, плывущий на огонь надежды, подтверждает название судна.

«Но судьба древнего Леандра была горька», — мелькнуло у Крузенштерна. Он вспомнил, что однажды огонь на башне погас и юноша погиб в волнах. Не намек ли это на участь корабля?

Нет, хватит примет! Они для слабых духом. Пока что Леандр на носу корабля взлетает над волнами и отчаиваться рано... *Spe fretus!*

Но надежда — союзница того, кто сам не упускает ни одного мига удачи! И когда на минуту стих надрывный вой урагана и только рокот исполинских волн перемалывал тишину, Крузенштерн закричал, дивясь и радуясь нежданно упавшему штилю:

— Ставить штормовую бизань! Живо, братцы!

Этот маленький парус должен был держать «Надежду» носом к ветру. Такое положение замедлило бы дрейф к опасной суше и уберегло бы корабль от многих разрушений волнами.

Русские моряки не знали еще всего коварства здешних тайфунов. Не ведали, что оказались в самой середине бури, в так называемом «глазе урагана». Чудовищные вихри тайфуна движутся по кругу, оставляя в центре небольшой участок — «глаз», или «око», — где ветра нет, лишь толчая непомерных волн. Однако тайфун весь, целиком, сдвигается над океаном. Перемещается и его центр. И краткий штиль настигает мореходов перед переменной сокрушительного ветра...»

Егор не раз видел на журнальных фотографиях такие кольцевые и спиральные циклоны, снятые со спутников. В центре облачных завихрений часто заметен похожий на копейку глазок. Место короткого обманчивого штиля среди ревущих ветров.

И вдруг мелькнула у Егора мысль, что сам он тоже,

как суденышко-скорлупка, оказался в таком штилевом глазке. Прежние ветры никуда не гонят его, отошли в сторону. Откуда подует новый ветер — неясно. А пока, весь декабрь, Егор болтался на «мертвой зыби» — с неясным настроением, со смутными желаниями, без друзей, без цели, без планов. Потому что Среднекамское речное училище — это все-таки минутное вдохновение, не больше. Михаил, кажется, во многом прав...

Впрочем, сравнение нынешней жизни с «глазом тайфуна» было весьма натянутым. Потому что прежний ветер вовсе не был штормовым. Наоборот — ленивое дуновение, ленивое плавание. Куда глаза глядят. Одно лишь похоже — этот «ветерок» не хуже тайфуна мог посадить корабль Егора на камни и раздолбать в щепки. И разрыв с «таверной» не был ли попыткой поставить «штормовую бизань», чтобы встать носом к ветру?

Может быть, не только сочувствие к Редактору толкнуло на это Егора? Может, еще инстинкт вечно настороженного Кошака?

О крахе Курбаши и конце «таверны» Егор узнал от Пули. Недавно. Увидев Пулю в школьном коридоре, он вдруг решил, что лишняя информация не помешает, и прежним тоном сказал:

— Пуля. Сюда.

Тот подошел, мигая от робости.

— Ну? — усмехнулся Егор. — Как там ваша подземная жизнь?

— А? — сказал Пуля и замигал сильнее.

— Балда! Что нового в «таверне», спрашиваю!

— Я не хожу, — прошептал Пуля и завозил ботинком по полу.

— Не ври, Пуля.

— Не-а... я правда. Никто не ходит. Курбаши ее закрыл.

— Почему?

— Он в армию захотел пойти.

— С чего это? У него же отсрочка, завод такой...

— А он захотел, чтобы в декабре. Сам на комиссию пошел.

— Следы замечает, что ли?

— Я не знаю... Только он не успел. Его в милицию забрали.

Егор присвистнул.

— За что?

— Я не знаю...

— Может, за колеса?

— Ага. Что-то говорили про колеса. Только я не знаю... Валета тоже забрали, а потом отпустили.

— Его-то за что?

— Не знаю... Потом нас тоже в милиции спрашивали, чему он нас учил...

— Валет?

— Ну... Курить или вино пить. И вообще... Я сказал, что не...

— С родителями в милицию вызывали?

— Ага.. С отцом.

— Выдрал?

— Еще бы,— по-взрослому вздохнул Пуля. И Егор вдруг понял, что не испытывает ожидаемого удовольствия от покорности Пули и его унижения.

— А Копчик?

— Я не знаю... Он еще раньше с Курбаши поругался. Он теперь с Салтаном ходит, у них какая-то «каптерка». В сарае...

Это известие обеспокоило Егора. Курбаши «загремел», Копчик теперь ему не подвластен. Чего доброго, начнет выступать подлюга. Вместе с Салтаном... Но тревога была мимолетной. Не мог Егор бояться Копчика, гниду такую. Да и Салтан был фигура мелкая, с Курбаши и сравнивать смешно.

Больше тревожило другое. Не потянулась бы ниточка от Курбаши и Валета к нему, к Егору. Хотя какая? Ни в каких «делах» с ними Кошак не участвовал. То, что в «таверне» был своим человеком, само по себе еще не грех. Катался на угнанных мопедах? Но он не обязан знать, что они попали к Валету или Копчику незаконно.

Размышления эти прервал Пуля. Вдруг сказал с пониманием:

— Про тебя не спрашивали, ты не бойся.

— Идиот! Кто боится-то? Иди давай... Да не вздумай с Копчиком связываться, ноги оборву...

— Не, я не буду...— опять вздохнул Пуля.

...Шли дни, монотонные и без всяких важных событий. Никто из прежних обитателей «таверны» Егору не встречался. После школы идти домой не хотелось, и Егор шел смотреть какой-нибудь старый фильм или просто бродил по улицам. Погода стояла мягкая, снежная.

Недалек был Новый год. На центральной площади строили сказочный городок из прессованного снега и фанеры, ставили карусели и горки. Многое еще было не готово, но ребятишки из ближних школ и кварталов уже резвились там. Их не прогоняли. Зашел один раз на площадь и Егор. Прокатился на ногах с высокой горки, не упал. Остановился в конце ледяной дорожки довольный собой. Тут ему под ноги, сидя на фанерке, въехал пацан в мятом пальто и растрепанной шапке. Стукнул головой о колени. Егор поднял нахала за шиворот. А тот вылупил глаза-пуговицы, заулыбался и спросил:

— А где дядя Миша?

Это был Заглотыш. Егор выпустил его: все-таки знакомый.

— Ты чего под ноги людям кидаешься?

— Меня занесло... А где дядя Миша?

— У себя в Среднекамске, где еще ему быть?

— Заехать обещал. — сказал Заглотыш. И вдруг обернулся, забыл о Егоре, завопил:

— Эй, Мартышонок! Обожди! — И помчался куда-то, махая фанеркой. Вот тебе и «где дядя Миша».

С Михаилом Егор в декабре пару раз беседовал по телефону. Так, почти ни о чем. Просто от одиночества. А один раз Михаил приезжал, и они опять бродили по городу. Потом зашли к Ревскому. Александр Яковлевич был один, чихал, жаловался на грипп и скуку, потому что болеть не привык. Обрадовался гостям, стал их кормить обедом. За столом разговор зашел, конечно, о прежних временах, о Толике, появились фотографии, в том числе и та, детская...

Егор сказал, что Наклонов у них в школе хочет создать литературный клуб.

— Ну, что же, — отозвался Ревский. — Олег всегда был организатором. Такая натура...

Егор знал уже, что маленькому Шурику Ревскому доставалось от сурового командира. Оно и понятно: видно на фотокарточке, какой Шурик был домашний хлюпик... А Наклонов?

Егор всмотрелся в решительное лицо Олега. Может, этому парнишке тоже нравилось, когда ему подчиняются? Может его, как и Егора, сладко щекотали чужое бессилие и покорность?

А зачем? Почему от этого радость? Природа человеческая такая? Но не у всякого же человека... У того, кто сильный?

Капитан Крузенштерн — человек, про которого написаны книги, человек, чьим именем названо громадное парусное судно, — он был сильный? Видимо, да. Одну слабость в жизни он допустил: заколебался, когда назначили командовать кругосветной экспедицией, не мог оставить молодую жену, ребенка она ждала. Но решился. И ни разу не дрогнул потом... Недавно Егор зашел в районную библиотеку и, поддавшись неожиданному желанию, взял книгу об экспедиции «Надежды» и «Невы». Книжка так себе, сухомятина, но одно в ней запомнилось хорошо. В самом начале путешествия запретил Крузенштерн телесные наказания матросов, всякое унижение людей и грубость.

Значит, для настоящей власти над людьми, для настоящей силы вовсе не надо подавлять других?

«А вообще-то зачем она тебе, власть и сила? — вдруг спросил себя Егор. — Разве ты ее когда-нибудь хотел?» И понял, что запутался. Разозлился: философия дурацкая лезет в голову.

А Ревский и Михаил вспоминали съемки на «Крузенштерне» и какую-то Изу, которая пела песни под гитару. Ревский сказал, что, когда кончился съемочный сезон и «Крузенштерн» с курсантами готовился идти домой, на Балтику, Иза упрашивала капитана зачислить ее матросом. Хотя бы до конца того рейса. Конечно, ее не взяли. Да и режиссер Карбнев не отпустил бы.

— И ее счастье, — заметил Ревский. — А то еще неизвестно, каково бы ей пришлось при том урагане...

— При каком? — спросил Егор. И узнал, что «Крузенштерн» по пути в Ригу, в Северном море, был застигнут жестокой бурей. У него в полосы изорвало все паруса, потому что убрать их не успели. Барк долго несло бортом — как говорят, лагом! — потому что стала машина, и судно лишилось управления.

— Ауниньш рассказывал, я с ним встречался потом, — сказал Ревский. — Жуткое было дело... Он мне и кино пленку прокрутил. Был среди них тогда один матрос, любитель с камерой, он ухитрился заснять... Волны — как египетские пирамиды. В том урагане погибло несколько скандинавских судов...

И теперь, слушая повесть Наклонова (совсем не похожего на мальчишку Олега), Егор временами представлял в центре тайфуна не маленькую «Надежду», а гигантский «Крузенштерн».

Олег Валентинович все читал:

«Едва поставлена была штормовая бизань, случилось неожиданное. Ветер ударил снова, но не с зюйд-оста, как прежде, а с противоположного румба. Парус на бизань-мачте сработал, как оперение на стрелке флюгера, и растерзанную «Надежду» мигом развернуло носом на норд-вест.

Легший на борт корабль едва не лишился мачт. И все же этот поворот сулил спасение — ветер дул теперь от берега!

Но радость не длилась и полминуты. Новая беда настигла «Надежду». Исполинские волны шли по-прежнему с юго-востока, и, встреченные ураганным ударом с северо-запада, они взъярились, вздыбились еще сильнее. Две стихии сошлись, и на границе их столкновения оказалась деревянная игрушка — хрупкое создание рук человеческих. Сокрушительная волна грянула в корму, прошла через палубу до бака, сорвала целиком левую галерею снаружи капитанской каюты.

Резанов, который стоял в своей каюте, вцепившись в стойку коечного полога, увидел, как вода выбила стекла и мелкие переплеты кормовых окон, смела с полки книги и дневники, стремительно заполнила тесный квадрат каюты, косо и тяжело колыхнулась между переборок. Хлестнуло солью в лицо, залило раструбы ботфортов. Подплыла камергерская шляпа, жалобно, как живая, ткнулась хозяину в живот и утонула. В сей миг уверовал чрезвычайный посланник, что наступил конец плаванью, причем, увы, совсем не тот, какой предписан был высочайшей инструкцией. Измученный Резанов остался почти спокоен, пожалел только, что гибель встретит здесь, а не на палубе...

Но неприятности посланника были сущим пустяком по сравнению с бедами трех матросов. У руля, мертво обнявши обод штурвала, остался лишь Истреков. Харитонова, Григорьева и Курганова оторвало и унесло на шкафут, где ударило о закрепленные на палубе и теперь полуоторванные брам-реи.

Когда Курганов очнулся, он услышал стон. Клима и Филиппа зажало между палубой и приподнявшимся кон-

цом рея. Каждую секунду тяжелое бревно могло осесть и раздробить матросам кости. Голова Филиппа была в крови...

Застонав от собственной боли в спине, Иван по вздыбленной скользкой палубе съехал к товарищам, плечом попытался приподнять нок брам-рея. Видать, отчаяние силы дает нечеловеческие — приподнял чуть-чуть. Клим выбрался, его отнесло к фальшборту. Филипп лежал. Сам зажатый теперь между реем и палубой, Иван с дикой силой ногами толкнул Харитонова в плечи. Вышиб из капкана. И вовремя! В ту же секунду врезался на этом месте в дерево окованный сундук, полный ружей, сабель и пистолетов. До той поры он был накрепко принайтовлен к палубе.

Рикошетом сундук ушел к фальшборту, врубился железным углом под планшир и заклинился между орудийным станком и вздыбленной решеткой шкафута. Курганов опять застонал и откинулся. К нему уже тянулись руки.

...В реве потоков, треске рангоута, криках, звоне разбитого стекла корабль вскинул корму, пошел в ложбину меж волнами, почти скрылся среди гребней, потом всплыл опять на склон водяной горы. Даже с марсовых площадок бежала вода...

Но разрушительный удар волны был последней большой бедою этого страшного вечера. Ураган относил «Надежду» от японских берегов и через два часа начал смягчаться. Показалась ртуть в барометре. Ратманов не удержался, крикнул Головачеву:

— Бог милостив, Петр Иванович! Видно, не пришло еще время для покаяния!

Головачев не ответил. Болела голова. Недавней волной лейтенанта бросило на кофель-планочное ограждение бизань-мачты, он ударился теменем и на миг потерял сознание...»

Наклонов читал долго, и, когда кончил, все с облегчением завозились. Потом захлопали. Олег Валентинович замахал над плечом ладонью:

— Нет-нет, только без этого! Я не эстрадное светило... Если понравилось — спасибо.

— Вам спасибо, — кокетливо сказала Симакова.

— В общем, спасибо всем нам,— подвел итог Наклонов.— В следующий раз встретимся после каникул. Поговорим о творческих делах... И давайте так: будете не только вы меня спрашивать, но и я вас. У нас с вами взаимный интерес: я вот возьму да и сяду за повесть о восьмиклассниках. А?.. Кстати, я давно хотел обратиться к школьной теме, материала только не хватало. На собственном сыне далеко не уедешь, он и не очень-то разговорчив. Спросишь: «Денис, что нового в школе?», а он: «Все нормально»...

Все посмотрели на Дениса Наклонова. Он сидел насупленный: то ли смущался, то ли отцом был недоволен. Потом быстро глянул из-под казацкой стрижки. На миг встретился с Егором глазами. И тогда вдруг чуть улыбнулся. .

А Венька все-таки пришел на встречу с Наклоновым. Только с опозданием. Протиснулся в дверь, сел с краешку. Егор заметил его лишь в конце собрания. В коридоре они посмотрели друг на друга, и Егор неловко спросил:

— Ну и как тебе?..

Венька ответил странно:

— Написано, наверно, хорошо, но читать он, по-моему, не умеет.

— Почему? — удивился Егор.— Нормально читает.

— Ну, я не могу объяснить... Но мне кажется, он слишком какой-то уверенный. По-моему, когда человек свою повесть многим людям читает, он волноваться должен. А здесь — будто чужое декламирует...

Словно застеснявшись своей критической речи, Венька недовольно замолчал. Вздыхнул:

— Пойду к второклассникам. Они там еще не кончили...

А Егор побрел по улицам. Спешить было некуда. Завтра уже начинались каникулы. Егор думал, чем их занять.

Сегодня утром подошла Бутакова и казенным голосом спросила, не хочет ли Петров принять участие в новогоднем концерте. Он сказал, что хочет. Светка ужасно удивилась. Егор невозмутимо объяснил, что собирается исполнить пляску древних жителей острова Нукагива. Из серии «Танцы народов мира». Он будет плясать в

банановой юбочке и с берцовой костью в зубах. Но нужна партнерша: с побрякушками из позвонков и в бикини из кокосового волокна. Как она, Бутакова, на эту роль смотрит? Светка сказала, конечно, как она смотрит на Петеньку и кто он есть...

Ну, а если по правде говорить, что делать на новогоднем вечере? Топтаться под «тяжелый рок»? (Кстати, «легкий рок» бывает? Чем они отличаются?) И с кем там время проводить? Так сложилось, что в классе ни друзей, ни приятелей.

А интересно, Венька пойдет на вечер? Пожалуй, что нет. В этом они, кажется, похожи. Хоть и разные, но «стороны одной медали», как выразилась Классная Роза. Изредка у нее бывают проблески точных мыслей...

Размышления были прерваны крепким толчком. Какой-то пацаненок, вывернув из-за угла и глядя под ноги, всем телом налетел на Егора. Отскочил, поднял лицо. Серые глаза-пуговицы глянули из-под бесформенной клочкастой шапки. Обветренный рот с розовым пятнышком от болячки шевельнулся — то ли в несмелой улыбке, то ли в неразборчивом слове.

НОВОГОДНЯЯ ЛОТЕРЕЯ

— Ну и манера у тебя встречаться, — сказал Егор. — Всегда головой в пузо... Ты куда это такой?

«Такой» — то есть ободранный и мятый больше, чем всегда. На Заглотыше был засаленный ватник — взрослый, до колен, с подвернутыми рукавами и дамские сапоги с облезлым мехом по краю. Пуговиц на ватнике не было. Заглотыш запахивал его голыми, без варежек, руками. Внизу ватник разошелся, и Егор увидел полинялые трикотажные штаны. Протертые до марлевой прозрачности. На одном колене висел широкий клоч, в дыру, как в окошко, смотрело колено с коричневой коростой.

Зато вокруг шеи был обмотан новый мохеровый шарф, совершенно нелепый при таком наряде.

Обозрев Заглотыша, Егор повторил серьезнее:

— Куда ты в таком балахоне?

— К тете Лизе, — полувздохом ответил Заглотыш. И как-то ищуще глянул на Егора. И глаза стали прозрачные — не пластмасса, а влажные стеклышки.

У Егора появилось неясное предчувствие хлопот и неприятностей. И чтобы их избежать, он торопливо сказал:

— Ну и топай к своей тете Лизе. И не налетай на людей...

— А ее нет,— тихо сказал Заглотыш. Запахнул, уткнул подбородок в шарф, постоял секунду и пошел мимо Егора.

— Постой,— сказал Егор. И подумал: «Какого черта мне надо?» — Что-то я не пойму: если ее нет, куда ты идешь?

— Может, домой...

— Как это «может»?

Заглотыш объяснил монотонно:

— Она говорит: «Иди к тете Лизе ночевать, не мешайся». Я пошел. А тети Лизы нет. А она опять говорит: «Иди к тете Лизе, она скоро придет». А ее опять нет... А она говорит...

— Кто говорит? Мать, что ли?

— Ну...

— А почему она тебя из дому отправляет?

— Гуляют...— сказал, уткнувшись в шарф, Заглотыш.— А тетя Лиза не придет, она, наверно, уехала на Калиновку... к своему... Я, наверно, к Мартышонку ночевать пойду. Или к Цапе...

— А домой-то что? Не пустят, что ли, совсем?

— Гуляют же... Ну их...

По логике вещей должен был Егор сказать: «Ну, гуляй и ты. Пока...» И топать своей дорогой. Потому как что ему Заглотыш? Никаких сентиментальных чувств Егор не испытывал. И в конце концов, что с Заглотышем сделается? Не в тундре же, переночует где-нибудь... Так думал Егор и стоял.

Он глянул на себя глазами постороннего. Посторонний иронически улыбался: «Это, кажется, называется «Святочный рассказ». Перед Новым годом или Рождеством путник встречает озябшего малютку, ведет его к себе и делает счастливым...»

Вести это чучело к себе было немыслимо. Мать устроит такой скандал, что хоть сам беги! «У нас что, приют? Это дело милиции возиться со всякой шпаной! Где ты его взял? У него лишаи, он обворует квартиру!»

Ну и тем более, значит, делать нечего. Надо идти... Что же ты стоишь, кретин?

Заглотиш тоже стоял. Будто ждал чего-то. Понял, что этот большой мальчишка его теперь не бросит? «А почему не брошу-то? — подумал Егор. — Благородные чувства проснулись, что ли? Чегой-то не похоже... А... оставил бы я его раньше?»

Он уже не раз ловил себя, что разные мысли свои и поступки примеряет как бы на двух Егоров — на Кошака в «таверне» и на того, кто «после»... Егор добросовестно, детально постарался представить, как это было бы не сейчас, а «тогда». И... вот же черт!.. Кажется, не ушел бы и тогда Кошак. Скорее всего, ухватил бы Заглотиша за рукав и, кривясь от злости на себя и от отвращения к замызганному «мышонку», отвел в «таверну». Чтобы тот согрелся и поел чего-нибудь... По крайней мере, так сейчас казалось Егору.

Но что об этом думать? Нынче Егору самому ткнуться некуда. Из дома, правда, не гонят, но все равно он один. «Плохо одному, недоброе это дело...» Тоскливо стало Егору. И он вдруг подумал, что именно от такого одиночества и тоски застрелился на корабле «Надежда» лейтенант Головачев, о котором рассказывал Михаил... Рассказывать-то легко...

И все же гораздо более одиноким и неприкаянным, чем Егор, был Заглотиш... Или уже не был? Ведь он теперь стоял рядом с Егором и надеялся... «*Spe fretus*», — хмуро усмехнулся Егор.

Заглотиш вдруг поднял подбородок, тронул розовое пятнышко языком и спросил:

— А куда пойдем?

— Пойдем!

Егор теперь знал — куда. И злился. На старшего сержанта Гаймуратова. Привез пацана, сунул мамаше, которой тот нужен, как футбольному мячу клизма, — и привет! А дальше что?

...До Венкиного дома было недалеко. И вот удача! — дверь открыл сам Венька. Удивился, но меньше, чем Егору думалось. Быстро оглядел Заглотиша, ничего не спросил, сказал сразу:

— Проходите.

— Ямщиков... **Слушай**, тут дурацкий случай. Совершенно непредвиденный. Мне надо этого... субъекта от-

везти в Среднекамск, к брату. А он видишь в чем... Если не окоченеет по дороге, то все равно задержат как бродягу. У вас не найдется каких-нибудь старых Ванькиных шмоток? На пару дней.

— Найдется, конечно. — Венька вроде бы совсем уже не удивлялся. — Ну, проходите... А что случилось-то?

Егор очень коротко изложил историю Заглотиша. Лишь об одном не сказал: почему он, Егор, решил везти мальчишку к Михаилу. Решил со смесью ожесточения и надежды.

Несчастный этот Заглотиш при расставании с Михаилом так цеплялся за шинель, так вопил: «Дядя Миша, не надо! Дядя Миша, не уходите!» Значит, привязался к товарищу старшему сержанту. Не к матери рвется, а к нему. Так что же вы, Михаил Юрьевич? Вот и возьмите пацана! Заботьтесь, воспитывайте...

Конечно, Михаил Гаймуратов скажет: «Ах, я не могу взять себе всех! Их вон сколько, несчастных беглецов, трудных и заброшенных». А всех и не надо! Все тяжкие вопросы на Земле один человек никогда не решит. А ты просто возьми вот этого Витькá, и одним неприкаянным будет меньше...

«Легко говорить!..»

Говорить и правда легко — рассуждать о долге, бескорыстии и других благородных вещах. А ты докажи на деле. Помнишь, ты сказал, что у меня есть дом в Среднекамске? Так вот, мне не надо, я отказываюсь, пусть вместо меня будет Заглотиш! Ну?..

Егор злорадно представил, как закрутится, заотговаривается Михаил, и... в глубине души отчаянно боялся этого. И надеялся, что такого не случится. Потому что пришлось бы тогда сказать: «Значит, все твои принципы — одни слова? Что же ты их пытался вбить в меня?» И хлопнуть дверью... И думалось об этом уже не со злорадством, а с горечью.

И отказаться от жестокого своего эксперимента он уже не мог. Жутковатый соблазн разом и полностью выяснить, что за человек Михаил Гаймуратов, был сильнее сомнений... Да и как откажешься? Заглотиша-то куда денешь?

Ничего этого Егор Веньке не сказал. Объяснил коротко:

— Раз домой не пускают, единственный выход — сдать его Михайлу. Он разберется, служба такая...

— Пожалуй...— согласился Венька.— Ну, вы проходите, в конце концов.

— Да зачем? Дай какую-нибудь одежду — и мы на вокзал.

— Куда так сразу-то? — Венька посмотрел на переступающего нелепыми сапогами Заглотыша.— Он же, наверно, лопать хочет... А еще ты, братец-кролик, хочешь в туалет.— Он ловко вытряхнул Заглотыша из ватника и подтолкнул: — Топай вон в ту дверь.

Егор смотрел на Редактора смущенно и с уважением. Вот что значит иметь младшего брата. Сам Егор о таких вещах и не подумал бы... Венька покачал ватник в руке.

— Ну и хламида... Сейчас я с мамой поговорю, может, Ванюшкино старое пальто еще не распорол.

— Она дома? — перепугался Егор. Встречаться с Венькиной матерью он никак не рассчитывал. После всего, что случилось в октябре! Отец — другое дело, он мужик хладнокровный, поговорили по-деловому. А матери в тот раз, к счастью, не было...

Но Венька, не слушая, исчез, и минуты две Егор с появившимся Заглотышем переминались у вешалки. Потом вышли Венька с матерью. Она была рослая, с крупным лицом и густыми мужскими бровями. Сказала, будто знала Егора Петрова давно:

— А! Здравствуй, здравствуй, Егор...— Глянула на Заглотыша.— А это и есть путешественник? Сейчас посмотрим, что тут можно сделать... Да заходите же в комнату, наконец!

Держалась она добродушно-решительно, не удивлялась, не расспрашивала. Значит, Венька успел ей все объяснить. И видно, была его мама человеком дела.

Они разделись, разулись и в комнате увидели елку. Она подымалась в углу — высокая, под потолок. На стремянке стоял бесенок и надевал на верхнюю ветку золотисто-малиновый шар.

Бесенком был Ваня. В узком черном свитере, в черных колготках и шортиках с разноцветными заплатами. С пришитым длинным хвостом. На конце хвоста — кисточка.

Он обернулся и тоже не удивился. Расплылся в улыбке.

— Привет...— Забавный такой чертенок, светлорусый

и круглолицый, с мохнатыми рожками на тонкой дужке от наушников.

Венька сказал:

— Ивану не терпится, вздумал уже сегодня елку ставить. И в костюме вырядился чуть не за неделю до спектакля.

— Это чтобы к роли лучше привыкнуть,— сообщил Ваня.

— Чего привыкать, и так бес натуральный,— сказал Венька.

— Не-а, я очень тихий ребенок.

— Ага, в тихом омуте...

Заглотыш молчал и мигал глазами-пуговицами. То ли подавлен был неясностью своей судьбы, то ли тихо завидовал чужой домашней радости. За окнами был уже лиловый вечер, горела над столом люстра, при ее свете сильно лоснилась затертая школьная курточка Заглотыша, под ней видна была грязная майка.

Венькина мама принесла стопку одежды и оглядела Заглотыша от дырявых носков до нечесаной макушки.

— Чадушко ты ненаглядное. Ты что, котельную чистил или уголь разгружал?.. Егор, как ты повезешь такого чумазого?

Егор только вздохнул. Венькина мама решительно сказала:

— Сейчас колонку зажгу. Отец недавно на кухне ванну оборудовал, благодать теперь...

Егор испугался:

— Мы же не успеем! В шесть двадцать последний поезд!

— Все успеете, еще полпятого, я его за три минуты отскоблю... Веник, надо еще картошки почистить, чтобы на всех хватило. А то чего же они голодные, в дороге-то... Егор, а дома у тебя знают про путешествие?

— Естественно,— соврал он как можно беззаботнее. А на самом деле решил, что позвонит домой из Среднекамска. Говорить с матерью сейчас — это будет сплошной крик...

Картошку чистили здесь же, в комнате, потому что на кухне Венькина мама Анна Григорьевна «отскребала» покорного Заглотыша. Сидели на полу. Егор — делать нечего — взялся помогать Веньке. Последний раз до этого он чистил картошку в «Электронике», на привале

у костра, и теперь уже через минуту сосал порезанный палец. Венька сказал:

— Вань, спустись, помоги. Успеешь с елкой до Нового года.

Бесенок скакнул со стремянки. Картошку он чистил, как фокусник. Егор сказал, чтобы скрыть стыд за свое неумение:

— До чего неохота почти пять часов трястись в поезде...

— Деньги-то есть на билет? — спросил Венька.

— Пятерка, к счастью, есть, хватит... Только бы поезд не опоздал, а то придется среди ночи бродить. Я ведь даже не знаю толком, где у Михаила дом, искать придется...

— Слушай, а ты говорил, что брат часто в командировках, — напомнил Венька. — Что, если его и сегодня дома нет?

— Ох... — Егор в запальных мыслях о своем эксперименте про такую грустную возможность и не вспомнил.

— Вень, можно я от вас позвоню? Я быстро, это не дороже полтинника, потом отдам...

— Звони, конечно!

Знакомый голос пожилой женщины (наверно, мать Михаила) суховато ответил, что Михаил Юрьевич на ночном дежурстве и будет утром. И вдруг совсем иначе, нерешительно и словно ожидая чего-то, женщина спросила:

— А это откуда говорят? Это... кто?

— Я... потом, — растерянно сказал Егор и положил трубку. Беспомощно оглянулся на Веньку. — Вот же невезуха, он дежурит... Не тащиться же к нему в приемник.

— А зачем вам переть в такую даль на ночь глядя? — спросил Венька. — Ехали бы завтра с утра. Витек твой после ванны да после еды знаешь как осоловеет! Его спать потянет...

— Да где ему спать-то!

— С нами. Наверх его положим, а сами вниз, ага, Вань?

— Нам не привыкать, — отозвался Ваня, разматывая с клубня длинную кожуру. — Позвоню три ночи у нас ночевал.

— По... звонок? — изумился Егор.

Венька нехотя объяснил:

— Ну, отец наш с его матерью решил побеседовать... про то дело. На всякий случай. Что, мол, ваш Колька задумал, с кем связался... А она такая, сразу за ремень. Он — драпать. Трое суток у нас и спасался.

— Кошак, а правда, что в «таверну» он больше не ходит? — спросил Ваня.

— Иван... — сказал Венька.

Егор скрутил в себе тошнотворную неловкость и ответил безразлично:

— Не знаю. Я и сам там не был с той поры. Говорят, вообще лавочка прикрылась.

— Вань, иди-ка лучше елку украшать, — сказал Венька.

Тот, покрасневший, сказал, сопя:

— То чисти, то украшай... Сам не знаешь... — И встал. Венька взял его за хвост и хвостом этим хлопнул по заплатам:

— Сгинь, нечистая сила.

«Нечистая сила» с облегчением показала язык.

— Я уже все игрушки повесил. А лампочки сам вешай. А я буду шиштемю разворачивать. Для лотереи.

Егор, глядя в кастрюлю с картошкой, сказал:

— Ночевка эта... А что... ваша мама скажет?

— То же и скажет. — Венька подхватил кастрюлю и уволок на кухню. Вернулся он с матерью и Заглотишем. Витек был с розовым лицом и мокрыми волосами, в джинсах и клетчатой рубашке. Посмотрел на Егора и виновато улыбнулся. Анна Григорьевна с порога проговорила:

— Правильно надумали, чтобы завтра ехать. А то куда в темень-то? И электрички опаздывают, заносы на дорогах. У нас на работе Анна Михайловна есть, так у нее свекровь три часа в поезде перед самым городом просидела... Скоро наш папа придет, поужинаем не спеша, я к чаю пирог купила в полуфабрикатах.

— А я лотерею сделаю, — опять пообещал Ваня. — Вроде новогоднего спортлото... Ко... Егор! Ты тоже не уходи, мне надо, чтобы побольше участников было, а то не интересно.

Егору как раз полагалось оставить Заглотиша и распрощаться до завтра. Чего еще тут глаза людям мозолить? Но не хотелось уходить из этой теплой комнаты с большой пахучей елкой, от тихого праздника... Ну,

придет он опять в свою большую, тщательно прибранную квартиру. С кем перемолвиться? Кому рассказать о Заглотыше, о своих тревогах? И елки дома нет. Мать считает, что от хвоя много мусора, иголки застревают в ковровом ворсе. Правда, она ставит на телевизор сентиментальную елочку из пластмассы, но какой от нее праздник? Елка, которую в прошлом году нарядили в «таверне», и то была не в пример лучше. Мать с отцом ушли встречать Новый год к знакомым, Егор наплев, что проведет полночи у хорошего товарища (при его маме и папе) по соседству, а потом ляжет спать. И до утра обитатели «таверны» то веселились у себя в подвале, то на площади у городской елки. Тем более что портвейна был изрядный запасец...

Но сейчас что об этом вспоминать? Предчувствие одиночества опять холодком дохнуло на Егора. Ох, не хочется домой.

Словно обо всем догадавшись, Венька сказал:

— Помоги лампочки повесить. У нас две гирлянды. Папа мигалку сделал...

Распутывали провода и растягивали на елке гирлянды долго. Столько лампочек, от верхушки до пола! Егор сказал про елку:

— Какая громадная...

— Мы ее из пяти штук смонтировали,— объяснил Венька.

Егор исколот в хвое руки, запястья чесались, но это было даже приятно. От новогоднего запаха весело кружилась голова. Он стоял на стремянке и видел, как Ваня и Заглотыш растягивают какие-то провода, ставят на полу и подоконниках непонятные железки и колеса. Ваня включил в работу Заглотыша решительно и просто, как давнего приятеля: «Ну-ка, помогай...» Заглотыш помогал послушно и молчаливо.

Пришел отец Ямщиковых. Сказал, что задержался на заводе: с планом, как всегда в конце года, запарка. С Егором поздоровался так, словно тот заходит к ним каждый день. Одобрил елку, поглядел, как Ваня и Заглотыш монтируют решетчатое колесо на подставках и спросил:

— А кормить работников будут?

— Будут,— сказала Анна Григорьевна.— Иди-ка, помоги мне на кухне.

Видно, там она объяснила мужу все про Заглотыша, потому что, вернувшись, Аркадий Иванович ни о чем не спрашивал. Будто этот пацаненок всегда обитал тут.

Раздвинули, накрыли клеенкой стол. Егор подумал, что пришло окончательное время «намыливаться» домой. Но Анна Григорьевна сказала:

— Егор-ор. Что за новости...

Она принесла громадную сковороду с жареной картошкой, тарелку с копчеными селедками. Сели. Картошка была такая, какую жарила когда-то бабушка Мария Ионовна. И селедка аппетитная. Всем понравился ужин, особенно Заглотышу. Он сидел все так же молчаливо, скромно, однако глотал жадно. И на шее опять напрягались и опадали жилки, будто шарики перекатывались...

После ужина Ваня объявил открытие своей лотереи. Зазвякала повсюду, замигала огоньками «шиштем». Зажглась елка, а люстру выключили. Под елкой завертелось решетчатое колесо с колокольчиками. Все по очереди должны были нажимать на рычаг, тогда с колеса падал скрученный в трубку билетик с номером.

Номера — дело случайное, и, наверно, были они лишь для виду. Иначе как объяснить, что каждому достался самый подходящий выигрыш? Отцу — пачка бритвенных лезвий, маме — зеркальце, Веньке — рубиново-прозрачный угольник для черчения... А себе Ваня вручил пистонный пистолет, который палил очередями.

Не забыли и гостей. Заглотыш получил модельку старинного автомобиля и взял ее в ладони, как живого цыпленка. Задышал над ней. А Егору Ваня дал зеркально-зеленый елочный шар. На шаре поблескивали нанесенные стеклянной пудрой редкие звездочки-снежинки. Скорее всего, этот приз был подобран на скорую руку, но Егор обрадовался шару какой-то чистой, младенческой радостью. Словно перенесся в дошкольное детство, когда елка и все новогодние чудеса волновали его до сладкой дрожи.

Огоньки отражались в шаре, как созвездия. Матовый налет от дыхания Егора лег на зеленое зеркало и тут же исчез.

— Спасибо, Вань... Только как же я его домой-то понесу? Раскокаю ведь...

— А я коробку дам, с ватой...

...Дома Егор положил шар в раструб медного индийского кувшина, который бабушка не захотела увезти с собой в Молдавию. Кувшин стоял на подоконнике, и когда Егор выключил лампу, в шаре собрался в точку рассеянный свет уличных фонарей.

Егор лег. Рано лег, еще до одиннадцати. Просто ничего не хотелось делать. Лежал и вспоминал, как сверкала елка и как разбаловались Ваня и Заглотыш. Сперва разыгрался один Ваня — ко всем подкрадывался, выскакивал из-за спины и подвывал, как настоящий бес. Наконец осмелел и Витек: стал подбираться к Ване и дергать за хвост. Они начали носиться по комнате — два чертенка: Ваня надел на Заглотыша дужку с рогами.

Наконец Анна Григорьевна цыкнула и сказала, что «мелким исчадиям ада» пора в постель. Витек пошел сразу и опять держал в ладонях, как цыпленка, автомобильчик. А Ваня заупрямился. С хохотом залез под стол. Венька выволок его.

— Егор, помоги...

Егор ухватил Ваню за ноги. Ноги дрыгались, тонкие щиколотки вертелись в чулочной ткани и выскальзывали у Егора из ладоней. Тряпичный хвост попал ему под ступню и чуть не оторвался. Непослушного бесенка бухнули на нижнюю койку. Он хотел вскочить, но Венька быстро сказал:

Раз-два-три —
Ванька-встанька, замри.

Ваня застыл в нелепой позе, с обиженной улыбкой. Быстро и умело Венька стянул с братишки «чертячью шкуру», засунул его, будто одеревенелого, под одеяло и тогда разрешил:

— Отомри... Но не дрыгайся, а то опять заморожу.

— У, Венище... Скажи спасибо, что я все свои замиралки израсходовал... — Ваня натянул одеяло до подбородка и показал розовый язык.

Венька сказал Егору:

— У нас игра такая: кто кому сколько «замиралок» проспорит. Иван свои тут же расходует, а я экономлю. Для воспитания.

— Ладно-ладно, припомню, Венечка, — пообещал Ваня. А Егору сказал: — Шарик не забудь.

Подсаженный на «второй этаж» Заглотиш тихо во-
зился там, пристраивал в углу постели автомобильчик.

...Все это Егор вспоминал сейчас и смотрел на искру в шаре. И затем искра выросла и распалась на множество цветных огоньков — стала сниться елка и Ваня с Заглотишем, которые катались на игрушечном автомобиле. После этого снилось что-то непонятное, но хорошее: не то плес, над которым белеет вдали колокольня, не то теплое море и берег с крупными цветными гальками, которые маленький Гошка собирает в подол майки...

Потом неизвестно с чего (Егор совсем о ней и не думал) приснилась Бутакова. Странно так: на доске под желто-синим парусом. Даже не на доске, а на лыже, потому что мчалась она не по воде, а среди увешанного блестящими шарами ельника, по сугробам и снежным застругам. Вьюжная пыль разлеталась из-под лыжи крыльями... Светка затормозила перед Егором — парус медленно лег на солнечный снег, на лиловые тени елок.

— Ну, что смотришь? — Светка смеялась, блестя мелкими ровными зубами. Зима была кругом, а она в одном купальнике, будто не на лыже, а на виндсерфере. Купальник — ярко-алый, с черными косыми полосами через грудь, тот, в котором она всегда на физкультуре...

— Ну, что смотришь? — спросила она опять. — Сам-то, небось, не умеешь так! Хочешь, научу!

«Застынешь ведь, дура», — хотел сказал Егор, но осип. Подумал: может, дать ей куртку? Но Светка ничуть не мерзла, смеялась. На загорелом ее плече таяли, превращались в капельки снежинки. Егору очень захотелось стереть их, и он снял уже варежку, потянул руку, но вздрогнул и проснулся с частым дыханием...

Тихо было, по-прежнему блестел шар. На кухне горел свет, мать с отцом о чем-то тихо говорили там. Егор на цыпочках сходил в туалет, напился из-под умывального крана очень холодной воды. Снова лег. Появились мысли, что, пожалуй, с Заглотишем — дело пустое и глупое. А впрочем, будь что будет. И, подумав об этом, Егор уснул.

КАНИКУЛЫ НА КОРАБЛЕ «НАДЕЖДА»

Хронометр стоял на старинной, красного дерева, тумбочке недалеко от раскрытой двери. Когда замолкали

голоса, он тикал особенно звонко — вщелкивал в тишину медные шпильки. Его хорошо было слышно в полутемной прихожей, у изразцовой печки.

В этом углу, у печки с раскрытой дверцей, Егор и Михаил сидели часами. Михаил маялся болями в спине, но нет худа без добра — получил на несколько дней больничный лист. Теперь у него тоже были как бы каникулы, только с «позвоночным уклоном» и ежедневным хождением в поликлинику на электромассаж.

Усаживался Михаил в развалистую, удобную для его спины качалку прошлого века, а Егор устраивался на полу или на дровах. Разжигали печь и говорили. О многом...

О Толике говорили и его аппаратах, о съемках в Севастополе, о Крузенштерне, Резанове и Головачеве, о рукописи Курганова. Несколько вечеров подряд. Переплетение времен и судеб казалось Егору похожим на сюжет многосерийного телефильма.

Один раз Егор спросил:

— А вдруг рукопись когда-нибудь все-таки найдется?

Михаил не стал доказывать, что это фантастика. Он сказал:

— Практически шансов никаких, но я тоже иногда об этом думаю. Даже снилось несколько раз... Будто беру листы, читаю. Все так хорошо, интересно. А проткнусь — и сразу забываю...

— А куда могла деваться тетрадь с эпилогом? Та, в которой Толик писал, по памяти?

— Не знаю, не нашли в бумагах у него... Если бы найти, можно было хотя бы этот эпилог напечатать. В каком-нибудь журнале. Как отдельный рассказ. В память о Курганове... И о Толике...

— А если бы нашлась вся рукопись? Можно было бы напечатать?

— Наверно... Только пришлось бы, скорее всего, название изменить. А то есть теперь такой роман Хемингуэя — «Острова в океане». Тоже после смерти автора выпущен...

— Можно было бы назвать «Путь в архипелаге», — вдруг сказал Егор.

Михаил посмотрел удивленно.

— Ну... — Егор почему-то смутился. — Конечно, Крузенштерн плыл не в каком-то одном архипелаге, он по

всем океанам... Но если повесть о людях... будто каждый как остров... Тогда ведь путь от острова к острову. От человека к человеку...

Он не стал рассказывать, что все эти дни не навязчиво, но постоянно звучат в нем, переплетаясь, две мелодии: песня из «Кораблей в Лиссе» и песня Камы. Не решился. Да и не сумел бы.

Но вообще-то они с Михаилом разговаривали вполне откровенно. Не то, что во время прошлых встреч. Михаил рассказал и о гранате... О том, как он, двенадцатилетний Гай, в Севастополе бросил, не подумавши, в руки Толику учебную лимонку с сорванным кольцом. А тот решил, что граната настоящая, и грохнулся на нее, чтобы спасти Гая. И как потом Гай ревел и просил прощения, а хмурый Толик вытирал ему платком лицо. И наверно, когда вынимал платок, вытряхнул билеты на Симферопольский автобус. И обратный тоже. И поэтому повез Гая в аэропорт на такси, а возвращаться в Севастополь решил на электричке. И на симферопольском вокзале наткнулся на двух бандюг, с которыми сталкивался и раньше... Если бы не было случая с гранатой и если бы Толик не потерял из-за этого обратные билеты, он не пошел бы на вокзал и, возможно, ничего не случилось бы... Впрочем, Гай не знает точно, были ли у Толика эти билеты. Кое-кто говорит, что их быть не могло и он с самого начала думал ехать назад на поезде. И что бандиты искали инженера Нечаева специально, следили всюду... Но кто теперь может сказать точно?..

Егор долго молчал, ворочая в печке дрова. Потом не вытерпел, спросил:

— И что, все эти годы так и маешься?

— Не маюсь. Живу,— сказал Михаил жестковато.— Но... нет-нет да и опять возьмет за душу.

— Но ведь ясно же, что ты здесь ни при чем! Не было билета, а бандиты все равно были!

— Никому это не ясно,— безнадежно сказал Михаил.

— Граната ничего не решала,— упрямо, хотя и без внутренней уверенности заявил Егор.

— Кто знает, решала или нет... Она все равно была, никуда не денешься. Причем краденая. Как ни крути, а я ведь стащил ее у тех, у севастопольских, ребят, хотя потом и признался. Вот так люди и расплачиваются за один подленький шаг... Судьба.

Егор осторожно сказал:

— Ты был пацан. Ты же не знал... Другие целую жизнь химичат и о совести не думают и вовсе даже не расплачиваются. При чем тут судьба?

Михаил шумно повозился в заскрипевшей качалке.

— Да судьба-то у каждого своя...

Замолчали. Только угли пошелкивали да хронометр: динь-так, динь-так...

В открытую дверь было видно, как в комнате на полу возится со старой железной дорогой (еще Гай играл когда-то) молчаливый, тихо прижившийся здесь Заглотыш...

Пять дней назад, когда они появились в доме, Михаил повел себя непредсказуемо. Радостно вытаращил синие глаза, всплеснул одной рукой (другой держался за спину) и захохотал:

— Вот это парочка! Сочетание! Какими судьбами?

Егор подумал, что запланированный эксперимент летит вверх тормашками. Чтобы спасти положение, он заговорил сердито и с напором, но напор получился беспомощный:

— Вот, получай!.. Привез тогда и думаешь — всё? А ему куда? Он опять... Он матери нужен меньше паршивого котенка. А ты его отцепил от шинели и нате... Так, да?

Михаил перестал смеяться, но глаза остались веселыми. Главное, что он ничуть не растерялся и не удивился.

— И значит, ты его обратно? Ай да братец!

— Ты не вертись,— безнадежно сказал Егор.— Ты отвечай за человека до конца. Это тебе не словами других воспитывать...

— По-нятно... Витюха, иди-ка вон туда, раздевайся... Братец Егорушка, ты, значит, мне испытание решил устроить? Усыновляй, мол, парня, если не болтун! Так?

Вот же черт! Он всегда все знает наперед!

— Не так! — раздосадованно рявкнул Егор.— Найди отговорку! Скажи: «Если я буду всех...»

— Ага! А ты скажешь: «Не надо всех, возьми одного...»

— Вот именно! — Егор понял, что сейчас постыдным образом разревется.

Но Михаил сказал уже без намека на смех, тихо и грустновато:

— Насчет одного у меня были другие планы. Есть на примете... Эх, Егор, Егор, а ты думаешь, это легко? У него же мать живая. Никакая комиссия не позволила бы, хоть лоб расшиби...

Егор оглянулся на Заглотыша, тот у вешалки медленно стаскивал с себя Ванино пальтишко.

— А никто про него и не вспомнит. И не спросит.

— А школа? А документы?.. Эх ты, святая простота... Кстати, мать знает, что ты его увез?

— Больно он ей нужен!

— Сегодня не нужен, а завтра крик подымет.

Венькина мама тоже говорила об этом Егору. Но он беззаботно соврал, что у матери Заглотыша был и ей, полупьяной, сообщил об отъезде.

— Надо отправить открытку,— решил Михаил.— Ибо чую, что эта личность оседет здесь на неопределенное время.

Егор шмыгнул носом и агрессивно предупредил:

— Только попробуй сдать в приемник!..

— Дурень,— вздохнул Михаил. И вдруг крикнул: — Мама! Егор приехал!..— А перепугавшемуся Егору шепотом пообещал:— Не бойся, нежностей не будет. Я уже все рассказал...

Однако нежности были, хотя и недолгие. Сухонькая женщина стремительно вошла в прихожую, секунду молча стояла перед Егором, потом обняла, прижалась к его плечу. Всклипнула, расцеловала его в щеки и в лоб. Отодвинулась, глядя влажными солнечными глазами. Сказала несколько раз:

— Господи боже мой, господи боже мой, хоть бы это был не сон... мальчик мой...— И опять прижала его к себе.

Затем почти то же самое повторилось с другой женщиной, молодой еще. Это была сестра Михаила Галина.

Михаил в это время помогал раздеваться Заглотышу и что-то его тихо спрашивал. Потом громко сообщил:

— Товарищи, это Витя. Он у нас... поживет. Будет спать в боковушке, а мы с Егором в моей комнате.

— Я не буду спать! Я сейчас домой...

— Да? — ехидно сказал Михаил.— Во! — И он показал полновесную дулю.— Ты приехал на каникулы.

Мать, вопреки ожиданиям, не спорила и не возмущалась, когда Егор позвонил из Среднекамска. Сказала только:

— Мог предупредить хотя бы, не срываться сломя голову... Ну, смотри сам, не маленький уже. Веди себя там по-человечески. И звони почаще... Дай номер телефона... Гаймуратовых...

«И не забывай надевать тапочки», — мелькнуло у Егора, и он впервые за долгое время подумал о матери с оттенком грустной нежности. Наверно, потому, что оказался от нее далеко...

Первые сутки прошли в разговорах с Михаилом, в знакомстве с домом и его жителями. Дом с улицы выглядел старым, осевшим, а внутри оказался просторен и светел. И комнаты высокие. В них потрескивали пересохшие полы, позванивали несовременные люстры, блестело синее стекло ручек на оконных рамах. Пахло березовыми дровами. И всюду книги, книги. Потертое золото на кожаных корешках старинных словарей. Фотографии на стенах между высокими шкафами с темной резьбой. Большой, маслом писанный портрет хирурга Гаймуратова, умершего десять лет назад, — он приходился Михаилу дедом. И значит, Егору — тоже.

Портрет висел в кабинете, где за письменным столом с львиными головами сидел седой грузный человек в очках-линзах. Из-за этих линз глаза его казались необыкновенно большими. Он отодвинул кресло, тяжело поднялся навстречу Егору. Руку дал, сказал без улыбки, но по-доброму:

— Здравствуй, Егор. Вот и прибавилось наше семейство. Бывает и у судьбы справедливость, а?.. Ну, освайся. А я тут еще посижу над своей писаниной, хотя и надоело...

— Папа учебник пишет, — объяснил Михаил. — Для химико-технологических вузов.

— Да. Надо успеть, — серьезно сказал Юрий Вячеславович.

— Папа, ты опять... — насупился Михаил.

— А я чего? Я к тому, что издательство торопит. Чтобы не нарушить договор...

В столетнем доме на Старореченской улице (которую то грозили снести, то обещали сохранить в заповедной зоне с деревянной архитектурой) жили восемь

человек. На одной половине — Михаил с родителями, на другой — его сестра Галина с мужем и дочерьми и брат ее мужа, холостой инженер с судовой верфи.

Дочери Галины — Шура и Катюша, веснушчатые девочки девяти и десяти лет — живо заинтересовались Заглотышем. Тот сперва помертвел от робости, потом слегка оттаял. Даже согласился пойти с девочками в ближний кинотеатр на мультики. Когда вернулись, Катюша громким шепотом спросила:

— Дядя Миша, а правда, Витя всегда будет жить у нас?

Заглотыша, к счастью, рядом не было. Михаил ответил:

— Всегда, наверно, не получится, вы его скоро замучите.

— Не-е... Мы с ним дружить будем.

Потом оказалось, что дружба не получается. Шура и Катюша целые дни свистали на улице — то на площади у городской елки, то на крутом речном берегу, с которого ребята катались на санках и фанерках. А Заглотыш тихо возился с железной дорогой, листал подшивки старого «Огонька» или помогал тете Гале на кухне. Она сказала:

— Мне бы такую девочку. Вместо тех сорвиголов...

Вечером тридцать первого в самой большой комнате, где стояла елка, раздвинули стол — тяжелый, с ножками, как у рояля. Около одиннадцати Виктор — веснушчатый, как дочери, муж Галины — сообщил «открытым текстом», что пора проводить уходящий восемьдесят второй. Хлопнула пробка. Ребятишкам дали газировки, а Егору Михаил налил в фужер шампанского, как всем. Переглянулся с матерью: «Ради такого случая можно...»

— Папа, — сказал он. — Давай тост. По старшинству.

Юрий Вячеславович поднялся за столом.

— А что придумывать тосты? Год этот, он всякий был. И все-таки для нас счастливый. Сами понимаете... — Он посмотрел на Егора. — Вот и давайте — за судьбу...

Шампанское защекотало небо, как лимонад, защищало в носу (совсем не похоже на «таверновский» портвейн). Егор весело «навалился» на горячие пельмени. В это

время в прихожей длинно-длинно затрезвонил телефон. Михаил кинулся из-за стола. И вернулся через пять минут. Улыбчивый.

— По просветленной физиономии Гая можно заключить, что благосклонно звонили с южных берегов, — заметила Галина.

— Галка, — сказал молчаливый брат ее мужа Борис Васильевич. — Была бы ты моей женой, за косы бы драл. Для излечения от болтливости...

Михаил молча поглощал пельмени. И кажется, забыл про больную спину.

После двенадцати началась веселая суэта — все вручали друг другу подарки. Заглотышу досталась коробка с «конструктором», а Егору — роскошная авторучка и блокнот в лаковом переплете. На корочке — фото: «Крузенштерн» под всеми парусами. Прямо как в кино. Это уж Михаил, конечно, постарался.

Егор сказал растерянно:

— А мне и подарить нечего. Никому...

— Ты сам подарок, — улыбнулась Варвара Сергеевна, мама Михаила. А Галина добавила без прежней хитроватости, серьезно:

— Вообще-то и ты можешь подарок сделать... Всем.

— Какой? — удивился Егор.

— Потом скажу.

Егора это заинтриговало. Он смотрел нетерпеливо.

— Ладно, пойдем, — позвала Галина.

Они отошли к елке. Ветка с картонным зайцем покалывала Егору щеку. Галина щекочущим шепотом сказала ему в ухо:

— Но если это очень трудно, то не надо, не обещай...

— А что обещать-то?

— Если можешь... брось курить.

Щеки Егора словно продрало теркой. Помолчал он, стыдливо проморгался и буркнул:

— Чё, заметно разве? Я три дня не дымил...

— Милый мой, я же химик. Всякие флюиды чую за версту... Ты очень привык?

— Да ну... я как когда. Могу целую неделю без этого...

— Ну, и как насчет подарка? — прошептала она.

— На всю жизнь? — осторожно спросил Егор.

— Нет, таких клятв не надо. Хотя бы ровно на год. А? Егор подумал, тряхнул головой.

— А... ладно!

— Правда?

Он засмеялся и прижал к груди растопыренную ладонь:

— Клянусь!

— Вот спасибо... Только имей в виду, скоро тебе очень захочется закурить. Так всегда бывает.

— Вот еще!

Курить захотелось через десять минут. Отчаянно. Чтобы задавить клятвопреступное желание, он украдкой допил из фужера шампанское и заел селедкой под майонезом. Борис Васильевич поставил на проигрыватель старинную «Рио-Риту»...

Дрова прогорели, разговор о потерянной рукописи угас. Егор встряхнулся и бросил в печь два березовых полена. В прихожую заглянула Галина.

— Братцы ненаглядные, ужинать пора... А если кто-то будет копать, не получит письмо из Севастополя. Только что соседка принесла, им по ошибке в ящик бросили...

Михаил вскочил, охнул, взялся за спину.

— Давай письмо немедленно.

— Ладно уж...

Михаил разорвал конверт, поднес развернутый лист к открытой печной дверце, стал читать при свете разгоревшейся бересты. Заулыбался. Достал из конверта фотоснимок.

— Вот он, Никитка, гляди...

Рядом с молодой белокурой женщиной в плаще стоял большеглазый, удивленный какой-то мальчик. Без шапки, в расстегнутой курточке, с октябрятской звездочкой на лацкане школьного пиджака. Светленький, коротко остриженный, с оттопыренными ушами. Двумя руками держал опущенный к ногам ранец.

— Хотели его к нам на зимние каникулы привезти, да простыл бедняга. На юге-то...— сказал Михаил.

— А это Ася?

...Егор все уже знал про Асю. Про ее обычную, как у многих, судьбу. Муж Аси был выпускником военноморского училища, после окончания учебы уехал с женой

на Камчатку, а через год Ася вернулась к матери с крошечным сыном. И больше об отце Никитки старалась не говорить. Знал Егор и то, что Михаил не раз бывал в Севастополе и не раз говорил Асе: «Давай поженимся». И та вроде бы не отвечала «нет». А все что-то не клеилось, задерживалось. И в чем загвоздка, Егору было непонятно.

— Да мне и самому непонятно,— сказал как-то Михаил.

Разговор был такой подходящий по настроению, откровенный, и Егор спросил в упор:

— Может, не любит?

— Если бы так просто... Сразу бы тогда и сказала, она девочка решительная.

— А может, потому, что у нее образование, а ты университет не кончил?

— Подумаешь. Через два года кончу, я уже восстанавливаюсь...

— Или с юга ехать к нам не хочет?

— На Камчатку же поехала... Нет, тут другое... Говорит: «Пусть Никитка подрастет, вместе с нами решит». А он при последней встрече и так за мной по пятам бегал: «Дядя Гай, дядя Гай..» Ей уж и Сергей говорил: «Ася, чего ты тянешь жилы и себе, и ему?» Мне то есть... Серега Снежко, наш друг в Севастополе... Я тебе его не показывал?

Охая, Михаил сходил в комнату и вернулся с потертой папкой. Стал перебирать листки, конверты, карточки, достал крупный снимок. У школьного крыльца стояли трое — длинноногий, с побитыми коленками Гай, девочка в школьном платье, тоненькая, с очень светлыми прямыми волосами, и мальчишка с веселыми прищуренными глазами. Он твердо расставил прямые, как карандаши, ноги и держал на одном плече короткий пиджачок.

— Вот это и есть Сержик Снежко. Сейчас врач на рыболовной плавбазе. А это Ася, вот такая она была. Кстати, именно в этой школе сейчас работает, в своей...

— А это кто? — Егор взял из папки другой снимок. На нем был скуластый мальчишка с капризным ежиком волос.

— Юрий... Заместитель директора Южно-Весельского заповедника... Недавно два месяца в больнице отлежал.

— Браконьеры?

— Нет, директор и всякое высокое начальство. Решили в заповеднике дачи разным чиnam строить, директор им спину лижет, а Юрка на дыбы... На него — анонимку: расхититель, покровитель браконьеров и взяточник. С большой головы... Довели человека... Но сейчас воюет опять. Хотя мог бы жить спокойно. Вот так, дружище...

— Не надо меня воспитывать, Гай,— сказал Егор. Впервые, как бы между делом и неожиданно легко, назвал он Михаила его давним именем. И тот не удивился.

— Я не воспитываю. Просто злость берет, сам бы этих гадов передавил... Сестрица говорит, что я экстремист.

— Вы пойдете ужинать или нет? — донесся голос сестрицы.

— Да подожди ты!.. А вот, Егор, смотри... Толик рисовал.

Михаил развернул желтый, свернутый вчетверо лист. С шероховатой бумаги смотрел ярко-голубыми глазами худой офицер. В старинном мундире, с якорями на большом стоячем воротнике. Портрет был нарисован цветными карандашами, явно мальчишечьей рукой, но хорошо, похоже на Крузенштерна из книжки.

— Тот самый портрет, для Курганова? А ты и не говорил, что он сохранился!

— Не успел...

— Ты вообще ничего этого мне раньше не показывал,— ревниво сказал Егор и кивнул на папку.

— Не всё сразу, Егорушка. Хотел перед твоим отъездом... Ну ладно, раз уж так получилось... Портрет возьмишь с собой. Как-никак ты наследник...

Егор переглотнул невольное смущение от «наследника».

— И стихи тут... Те, которые Курганов взял для эпитафии?

— Да. Только здесь они неполные. Толик их потом дописал. Вот...— Михаил развернул небольшой листок.

Егор начал читать напечатанные на машинке строчки:

Когда Земля еще вся тайнами дышала..

Он знал эти стихи и раньше, Михаил написал их

ему в подаренный блокнот. Уже при первом чтении строки эти перекликнулись у Егора с песнями: «Мы помним путь в архипелаге»... «На рассвете взойдут острова»... «...Остались тайны только в глубине. Они — как клад, на острове зарытый»...

Последнее четверостишие на старом листке было написано от руки: бледными лиловыми чернилами, стальным пером с «нажимом» (такие теперь только на почте увидишь). Коряво-старательным почерком четвероклассника. И подпись стояла: Т. Нечаев. И дата: 16/VII—48 г.

— Возьми себе и эту бумагу, — разрешил Михаил. — Это, можно сказать, автограф...

Егор замялся:

— Ты всё мне отдаешь... Самому-то что останется?

— Ну, у меня еще много чего! И прежде всего хронометр.

Да, хронометр... Егор не раз подходил к нему, слушал шелканье скрытого маятника, смотрел, как скачет по делениям живая стрелка секундомера. Трогал потертое дерево футляра...

Михаил рассказывал, что не раз хронометр чинили и регулировали. Приведут в порядок, и опять он отмеряет старательно и точно минуты, месяцы, годы. Те, что идут, идут равномерно и неумолимо.

Был хронометр словно посредник между разными временами. Соединял сороковые годы мальчишки Толика Нечаева, шестидесятые — юнги Гая и нынешние... Чьи? Его, Егора?

Однажды поздно вечером украдкой от всех Егор в блокноте с «Крузенштерном» нарисовал что-то вроде схемы. Это был чертеж событий разных лет — от выхода «Надежды» и «Невы» с Кронштадтского рейда до... признать, до того дня, когда Егор привел домой Михаила и нажал кнопку на «Плэйере»... Всех людей там обозначил Егор именами и звездочками: Крузенштерн, Резанов, Головачев, Толик, Курганов, Гай... Лишь для себя оставил на краю страницы пустое место и мысленно пометил его знаком вопроса: что он, Егор Петров (или Нечаев?), значит в этой странной и долгой истории? В неоконченной... Слово Курганов продолжает писать свою книгу и Егор — один из ее будущих героев.

Имена и разные значки прибавлялись. Вчера Егор, поразмыслив, вписал в схему Ревского и Наклонова.

А сейчас подумал, что надо бы сделать еще один значок — Севастопольские бастионы. Ведь хронометр связывает его, Егора, и со временем Крымской войны. Именно там кончается повесть «Острова в океане». И надо вписать этого капитан-лейтенанта... Как его фамилия-то? Ага, Алабышев!

— Гай, а с чего это Курганов сделал у книги такой конец? Про Севастополь?

— Ну, я же говорил. Наверно, хотел показать, что смерть бывает разная...

— Да, но откуда этот Алабышев-то взялся? Он же не плавал с Крузенштерном, там совсем другое время.

— У писателей это, кажется, называется «замкнутая композиция» Когда в начале и в конце книги появляется один и тот же герой, хотя в самой повести его нет.

— А... где он там в начале-то?

— Я разве не рассказывал? У Курганова было вступление. Там Крузенштерн, когда он уже директор Морского корпуса, заступает за маленького кадета резервной роты...

— За Егора?

— Вот именно.. А потом, в эпилоге, этот воспитанник Крузенштерна спасает от смерти ребят. Все закономерно ..

«Все кроме одного»,— сбивчиво подумал Егор и почему-то смутно, на миг, вспомнил Веньку.

Когда Егор в классе слушал Наклонова, фамилия кадетика скользнула мимо сознания. Но теперь беспокояно, колюче зашевелилась в памяти: «А ведь, кажется, и правда — Алабышев... Разве бывают такие совпадения?.. Если исторические повести, то, наверно, бывают. Писатели разные, а пишут-то про одних и тех же людей. Из одних архивов для себя факты выбирают... Но...»

— Гай! Но ты же говорил, что Алабышева Курганов придумал! Помнишь, ты сказал: «Это, кажется, единственный вымышленный персонаж в его повести, но тоже очень важный...»?

— Егорушка! Это не я говорил, а Толик. Четырнадцать лет назад, когда пересказывал рукопись... Я-то что могу знать? Я повести в глаза не видел, помню только по его словам... А какая разница, придумал или нет? Разве так важно?

— Сейчас...— пробормотал Егор, морща лоб. В блок-

нотной схеме он мысленно провел между именами Наклонова и Алабышева прямой пунктир и в середине его вписал жирный вопросительный знак. И когда старательно ставил под знаком точку, она как бы взорвалась тревожным зуммером — это здесь, в прихожей, длинно затрезвонил телефон.

Михаил, по-прежнему хватаясь за спину, заторопился к аппарату. Потом сказал разочарованно:

— Егор, это тебя...

Звонила мать. Она раздраженно спросила, до какой поры Егор будет болтаться неизвестно где. У отца такие неприятности, а сын веселится в гостях.

— Какие опять неприятности? — тоскливо сказал Егор. Думать о доме не хотелось.

— Большие. Таких еще не было... — Мать, кажется, всхлипнула.

— Ну, а я-то при чем? — огрызнулся Егор. — Я чем могу ему помочь?

— Хотя бы тем, что будешь дома и не надо трепать из-за тебя нервы... Завтра с утра выезжай! Слышишь, Горик? — она всхлипнула опять. — Я тебя очень прошу. Завтра с утра...

От телефона Егор отошел с упавшим настроением. Не из-за отцовских неприятностей, конечно. Эти дела были ему до лампочки, можно и не ехать. Мать покричит, поругается и отстанет. Но не завтра, так через пять дней возвращаться все равно придется. Все равно кончатся каникулы, которые провел Егор будто на круизно-штерновской «Надежде»...

Михаил, узнав, о чем был разговор, осторожно заметил, что надо бы ехать. Михаила можно понять: ему неловко перед матерью Егора. Алина Михаевна, небось, думает, что он переманивает ее сына к себе из родного дома!

А что делать в том доме, в том городе? Егор прикинул: ждет ли его там хоть что-то хорошее? И понял: одно только греет его — Венька.

У Веньки хорошо. Почти так же, как здесь. Та же доброта уютного, обжитого дома. Можно так же сидеть и говорить не спеша. Можно будет наконец рассказать о Гае и Толике, о фильме. И обо всем, что с этим связано... И повод, чтобы к Ямшиковым зайти, есть: Ванюшкину одежду-то надо отнести. Обещал, что вернет через два дня, а застрял в Среднекамске на неделю.

Заглотиш ходил уже в своей одежде: кое-что Михаил и Галина купили ему в «Детском мире», спортивный костюм для дома взяли у девчонок.

Сейчас Заглотиш в этом костюме строил на полу мост из «конструктора» над железной дорогой. Пускал по мосту автомобильчик, подаренный Ваней. Из прихожей было видно в открытую дверь, как он тихо и самозабвенно возится со своей техникой.

— Много ли человеку надо... — сказал Михаил.

— Ну и... как теперь с ним? — нерешительно спросил Егор.

— Пусть живет пока... Если мать не откликнется, поговорю с ближней школой, у меня там директор знакомый. Учебники у девчонок возьмем...

— Навязал я тебе камень на шею... Я же не знал про Никитку...

— Да ничего. Может, и к лучшему. А то свел бы его Мартышонок или кто другой в какой-нибудь бункер...

— Куда?

— Ну... в тайную кают-компанию, вроде вашей «таверны». А там всякое. Глядишь, и к наркотикам приохотился бы...

— У нас ничего подобного не было! — взвинтился Егор. — Один раз два дурака попробовали, да и то им морды раскрасовили и прогнали навсегда.

— А тебе... не предлагали попробовать?

— Предлагали, — сознался Егор. — Я и глотнул. Меня тут же всего наружу вывернуло. Я вообще таблетки не терплю.

Михаил с облегчением сказал:

— Вот и хорошо... Тебя отец спас, Толик...

— Почему?

— Наследственность, наверно. Он тоже никаких пилуль и порошков с детства не переносил. Бабушка рассказывала: как заболает — одно мучение...

— Видишь, где мучение, а где польза, — хмыкнул Егор.

— Ага... А кстати, Курбаши-то ваш все-таки за наркотики загремел. Сам не баловался, а сбытом занимался. Не в «таверне», конечно, он парень мозговитый...

— Откуда ты знаешь? — опешил Егор.

— Знаю... У меня в вашем городе кой-какие знакомства с оперативниками имеются, рассказали... Его

дружки аптеку «взяли» с кучей таблеток. «Колеса» они называются по их терминологии. И в «гараж», то есть в специальный тайник, спрятали... Но за тем «гаражом» уже глаз был...

«Вот оно что! — ахнул про себя Егор. — А я-то думал про машину. Теленок...»

— В общем, вовремя ты прекратил отношения с этими джентльменами. Твою репутацию они бы не скрасили...

— Знал — и молчал, — беспомощно упрекнул Михаила Егор.

— Ага. А начни я разговор, ты опять решил бы, что я тебя воспитываю. Хотел перед отъездом рассказать

Егор помолчал и, меняя разговор, хмуро попросил:

— Я позвоню Ямщикову, можно? Объясню, почему столько времени шмотки не возвращал...

Телефон Ямщиковых не отвечал. Даже гудков не было.

— Подожди немного. Может, просто линия загружена, — сказал Михаил. И вспомнил: — Кстати, наш номер с десятого января изменится. Запиши-ка сразу: пятьдесят семь, ноль два, двенадцать...

Егор вытащил дареную авторучку. Но блокнот был в комнате, а под рукой оказался только листок со стихами. Не отходя от телефона, Егор на обороте старого листа написал цифры. Уж эту-то бумагу он не потеряет...

Потом он опять позвонил Ямщиковым. Ответил Ваня. Скучным бесцветным голосом:

— Квартира Ямщиковых...

— Иван, это я, Егор.

— Ага...

— А Венька дома?

— Нет, конечно...

— А когда он придет?

Ваня молчал.

— Вань! Он когда придет домой?

— Ты разве ничего не знаешь? — слабо, сквозь электрический шорох, сказал Ваня. — Он в больнице. Его ножом ударили.

— Кто?!

— Копчик...

Третья часть

ДВА МЕЧА

ЗЕЛЕНый ШАР

Бывают вялые, тусклые фотографии, на которых даже свежий снег выглядит серым.

Такой вот пепельной фотографией виделось Егору все, что было вокруг. Целый месяц. Тоскливые и бесконечные четыре недели.

Хуже всего тогда было чувство непоправимости. Замораживающее, лишаящее сил. И Егору самому казалось странным, что он движется, ест, ходит в школу, порой даже учит уроки. Он опять словно раздвоился — как в тот день, при первом понимании, какую кару ему готовит отец. Один Егор автоматически жил теперь нормальной жизнью, а второй замер в глухом отчаянии. В ощущении своей неискупимой вины.

...Это ощущение пришло не сразу. Первые дни была просто ярость. Беспомощная и неугасающая. Если бы можно было добраться до Копчика, до Хныка, до Чижа, он голыми руками растерзал бы их. С радостными слезами облегчения. Но эти три гада, подонка, фашиста сидели за крепкими решетками. Ждали, сволочи, следствия и суда. А что суд? Ну, посадят эту гниду Копчика на несколько лет. А Хныка и Чижа, может, и не поса-

дят — они, мол, ничего не делали, только рядом стояли.. Как бы ни случилось, а все трое будут ходить по земле, дышать, жить... А Венька...

Что будет с Венькой, никто не знал. Ни врачи, ни родители, ни Ваня.

...Когда Егор с вокзала прибежал к Ямщиковым, Ваня был дома один. Похудевший, молчаливый. Сумрачно и коротко рассказал, что третьего января Венька шел через пустырь у цирка, спешил на утренник второклассников, которым помогал ставить спектакль. И повстречал тех троих. Известно, что Копчик опять у него требовал деньги, а Венька сказал: «Ну-ка, отойди ты наконец с дороги». И тогда Копчик припадочно заверещал, выхватил похожий на шило самодельный кинжал и ткнул Веньку в сердце. До сердца, к счастью, «пика» не достала, но порвала какой-то сосуд, Венька потерял много крови. А кроме того, он застудил легкие, потому что долго лежал в снегу. Те трое сразу убежали, а увидели Веньку случайные прохожие...

На ослабевшего, обескровленного Веньку навалилось жестокое воспаление легких. Он только два раза приходил в сознание. Сказал про Копчика и спрашивал, не сорвался ли спектакль...

При последних словах Ваня крупно глотнул, загоняя внутрь слезы, и стал смотреть за окно. И вот тогда Егор понял, что хочет убить Копчика, Хныка и Чижана...

И потянулись безнадежные, бесцветные часы и дни. Один раз Егор решился и позвонил Ямщиковым. Ваня тихо сказал, что состояние у Веньки прежнее и мама дежурит в больнице. Потом, в первый день после каникул, Егор отыскал Ваню в школе и спросил:

— Вань... ну что?

— Все то же пока,— глядя в сторону ответил полупшепотом Ваня. И вдруг попросил: — Ты меня пока не спрашивай. Если будет что-то новое, я сам скажу...

И вот тогда рухнуло на Егора тяжкое понимание: «Он же считает, что это я виноват!.. Все так считают!»

«А разве не так? Кто первый раз натравил на Веньку Копчика?»

«Я — не первый! Сперва они сцепились у цирковой кассы!»

«Там — случайно. А вязаться к Редактору Копчик стал после той драки, которая из-за тебя...»

Мысли эти стали неотступны. Даже во сне.

Впрочем, иногда сны приносили облегчение. Егор видел, что Венька приходит к нему здоровый, улыбающийся и объясняет, что ничего опасного с ним не было и что врачи держали его в больнице из-за глупой предосторожности. И что Егор во всем этом деле вот ни на столечко не виноват, потому что Венька стукнулся не с Копчиком, а с какой-то незнакомой шпаной. И Егор слушал с нарастающим ликованием, и кругом почему-то был незнакомый город — белый и летний. Наверно, Севастополь... А потом Егор просыпался...

В классе о случае с Редактором говорили мало. А при Егоре Петрове замолкали совсем. Смотрели на него серьезно, задумчиво даже как-то, но старались не встречаться глазами. Егор воспринимал это как должное. Все, конечно, понимали, какая доля его вины в несчастье с Ямшиковым. Егор не услышал ни полслова упрека, но все держались подальше... Да не все ли равно? Страшнее того, что сам Егор испытывал и понимал, ничего быть не могло...

Хотя нет, могло. И было. Страх за Веньку. Мысль о том, что Веньки Ямшикова, Редактора, вот-вот совсем не станет на свете. И что никогда нельзя будет с ним ни о чем поговорить и даже просто переглянуться. И никогда Венька не обернется с быстрой улыбкой, как тот горнист на крыльце...

Впрочем, все это — страх, предчувствие неотвратимой беды, свинцовая вина — перемешивалось в душе Егора. Не разобраться, не освободиться, не вздохнуть...

И ни одному человеку ни о чем не расскажешь. Некому.

Михаилу звонить он боялся. Тот сразу начнет спрашивать: как и что?.. А может, не начнет. Может, наоборот, станет молчать с пониманием и тяжким осуждением. Или спросит в упор: «А как ты будешь жить, если Венька Ямшиков умрет?»

«А я не буду!» — вдруг понял Егор.

В самом деле! Есть способы, когда это быстро и не больно. Еще Боба Шкип рассказывал. И если Веньки не станет, Егор такой способ вспомнит. Обидно, конечно, когда в жизни появилось что-то хорошее: паруса, Михаил, дом в Среднекамске... Обидно, что не будет найдена кургановская рукопись. Но если Венька умрет, остальное все равно не имеет значения. И тогда...

По крайней мере, это будет справедливо. Будет искупление.

Егор думал о таком выходе без страха, почти что с облегчением. Даже с оттенком тайной гордости. И несколько дней жил в состоянии грустной успокоенности.

Потом позвонил Михаил.

Оказалось, что он звонил и раньше, несколько раз, но не мог застать Егора. А мать про эти звонки ничего не говорила.

— Это и понятно,— вздохнул Михаил.— Ей теперь не до наших с тобой дел, все за отца переживает. У него-то что?

— У кого? — недоуменно сказал Егор.

— У отца... У Виктора Романовича?

— А что у него?

— Ну... неприятности крупные, говорят...

— Понятия не имею...— До отцовских ли неприятностей Егору было?

Михаил не пожалел его, сказал раздраженно:

— Я смотрю, ты и в несчастьях своих ухитряешься оставаться эгоистом.

У Егора не хватило сил разозлиться. Он ответил устало:

— Нет. Эгоисты думают о себе, а я о Веньке.

Тогда Михаил тихо спросил:

— Что?.. Так плохо?

— Я даже не знаю толком... Ванька, брат его, молчит...

Он вспомнил, как все эти дни Ваня при случайных (будто бы случайных!) встречах отводил глаза и пожимал плечами. Или чуть заметно покачивал головой. Он был сейчас подросток, тонкошей, как Венька, бессловесный. И с таким лицом, словно его только что умыли после горького плача.

...Михаил сказал:

— Я не про Веньку. Про него я все знаю. Я про тебя...

— Что?

— Так плохо?

Тогда у Егора вырвалось:

— Да... Да!

— Егорушка... Только не наделай каких-нибудь глупостей.

Всхлипнув, он огрызнулся:

— Каких?

— Ты знаешь каких... Головачев ничего не решил... своим поступком.

— Откуда ты все знаешь? — без досады, просто с отчаянной усталостью сказал Егор.

— Про Головачева? Или... про тебя?

— Про меня...

— Потому что сам пережил такое... Егор, смертью ничего не искупишь, это пустая затея. Что-то исправить можно, только если живешь.

— А если... нельзя?

— Это решить можно только тогда, когда жив и голова в порядке. А помирать надо не так...

— Ну-ну... — В Егоре шевельнулись остатки прежней готовности к спору. — Конечно, лучше, как Алабышев.

Михаил не отозвался на его беспомощную иронию. Сказал как про обыкновенное:

— Можно и проще. Как твой дед под Севастополем. Или твой отец... Анатолий Нечаев. Главное, чтобы не сдаваться.

«Значит... и как Венька!» — ахнул про себя Егор. И все вернулось на свои места. И отчаяние, и тоска.

Но Михаил словно протянул ему соломинку:

— В конце концов, почему ты решил, что Ямщиков безнадежен? Врачи же надеются. Я звонил, разговаривал...

— Да?!

...С той минуты он стал жить надеждой. Когда бесполезно мужество поступков, должно оставаться в человеке мужество надежды... Жить *spe fretus*. Опираясь на надежду... Так вроде бы писал в своей повести Наклонов... Или не в своей? Теперь все равно. Теперь ничего не важно, только бы Венька жил. Только бы сопротивлялся гибели...

По ночам, когда стихали на кухне тревожные, негромкие разговоры матери и отца, когда умолкал за окнами город, Егор лежал с открытыми глазами. Смотрел на светлую точку в зеркально-зеленом шаре. И моллился.

Егор никогда не задумывался о боге и никогда в него не верил. И все его познания о религии сводились к двум

фразам из Библии: одну он слышал от Курбаши, а о второй шел спор в классе, когда Венька сцепился с Розой. Но Венька тоже, конечно, не верил в бога. Ему главное всего была истина. Бог тут был ни при чем, и он, разумеется, не мог сейчас помочь Веньке, потому что не существовал. И лучшим доказательством, что его нет, было то, что Копчик ранил Веньку. Какое божество это допустило бы? За что?

И Егор молился не богу, а елочному шару, который по-прежнему лежал в раструбе медного кувшина на подоконнике.

Егор молился без слов. Упершись глазами в блестящую точку, он все усилия души пытался свить в тугую нить и протянуть эту нить между собой и Венькой. Чтобы помочь ему... Может, есть на свете какие-то не открытые еще силовые поля, передача на расстояние энергии и жизненных сил. Пусть эти силы от Егора уйдут к Веньке! Вот через эту звездочку — незримой и сильной радиоволной... Зеленый шар, помоги... Переломи судьбу...

Но зеленый шар оказался более хрупким, чем судьба. .

Сперва тот февральский (уже февральский!) день был не самым плохим. На перемене Егор стоял у окна и тупо смотрел на тополя в сером снегу, и вдруг подошла Буткова. Спросила:

— Ты не знаешь, как состояние у Ямщикова?

Недоуменно и глухо, не оглянувшись, Егор сказал:

— Почему ты у меня спрашиваешь?..

— Ну, а у кого еще? Брат его молчит... Я думала, что ты должен знать. Все-таки вы же друзья...

Егор окаменел. Что это? Насмешка? Или она... всерьез?

— Ты не был в больнице? — спросила Светка.

— К нему не пускают, — тихо сказал Егор. Это была правда.

— Ну, а... — с мягкой настойчивостью начала Буткова, и он с усилием проговорил:

— Да отцепись ты.

— Грубиян ты все-таки, Петенька...

И тогда вмешался Юрка Громов. Незаметно оказался рядом. Он сказал Светке высоким, чистым голосом пятиклассника:

— Бутакова, зануда ты окаянная, отвяжись от человека! — И она (странное дело!) послушалась. А маленький Юрка положил Егору ладонь между лопаток и сказал уже тише, ласково так:

— Егор, да ты не изводись. Медицина сейчас знаешь какая. Даже совсем безнадежных оживляют...

Егор не оглянулся на Юрку. Замер, боясь стряхнуть со спины его ладонь. И боясь еще, что Юрка увидит его стремительно намокшие глаза (последнее время слаб он, Егор, стал на это дело). Но Юрка, видимо, все понимал. Постоял еще две секунды, посильнее надавил ладонью — держись, мол, — и отошел.

А Егор остался у окна, и появилась у него догадка, что, может быть, не все его считают виноватым. Что ниточка странной симпатии между ним и Венькой, которая вдруг наметилась в декабре, не осталась в классе не замеченной. И может быть, правда кто-то считает, что они подружились. И теперь в молчании ребят — не отчуждение, а сочувствие... А то, что не подходят, — понятно. К Кошаку подходить не привыкли...

Ощущение Юркиной ладони (теплой даже сквозь пиджак и рубашку) было непривычным и словно лечущим. И надежда выросла, появилась в ней даже искорка радости...

А когда Егор пришел домой, он увидел, что шара нет.

Медное горлышко кувшина было пустым, а на ковре Егор заметил блестящую зеленую чешуйку.

Он не хотел поверить. Закричал:

— Мама! Где шар?

Алина Михеевна сказала из кухни:

— Что ты так кричишь? Я вытирала пыль, разбила нечаянно.

— Что ты наделала!!

Алина Михеевна появилась в комнате:

— Что с тобой? Копеечный шарик... Что за истерика?

— Для тебя копеечный! Для тебя все копеечное, что не на чеки в «Березке» куплено!!

Мать повысила голос:

— Что ты орешь! — И вдруг сморщила лицо: — Ты... человек без души. Скоро может все на осколки полететь, а ты... шарик... У отца такое на работе, а тебя будто ничего не касается. Если бы ты знал, в чем его обви-

няют... Он такой им цех отгрохал, а теперь из него преступника делают!

— За что? — машинально буркнул Егор.

— За все! За то, что хотел, чтобы людям лучше было! За то, что добрый очень! Вот...

«Слабо верится», — подумал Егор.

— Я-то при чем? Я в его печалях не виноват.

— Но тебе на все наплевать!

Это была истинная правда. Разговоры о происках отцовских недругов Егор слышал постоянно, однако никак они его не задевали. И теперь несчастье с зеленым шаром казалось не в пример страшнее всех отцовских бед. Потому что это была примета. Предвестие Венькиной судьбы.

Пытаясь умиловить судьбу, Егор выцарапал из коврового ворса блестящую чешуйку и положил на край медного горлышка. Но легонькое стекло сорвалось и кануло в черноту кувшина. Егор лег на тахту и накрыл голову твердой подушкой.

Он не удивился и даже не испугался, когда раздался телефонный звонок и мать сказала из прихожей.

— Горик, тебя... Какой-то мальчик...

Мальчик несомненно был Ваня. И Егор понимал, что он сообщит. Будто во сне пошел к телефону. Сказал обреченно:

— Я слушаю...

Звонил действительно Ваня.

— Егор! Веник спрашивал про того мальчика. Что с ним теперь?

Первой была радостная, как вспышка, мысль: «Значит, неправда! Значит — жив!» Потом страх:

— Спрашивал... когда?

— Сегодня. Мы с мамой у него были.

— Ванька! А он... как?

— Да ничего уже... Врач сказал, что это позади... Ну, опасность всякая. Слабый только, придется еще лежать...

— Ванька, правда?!

— Ну, так врач сказал. Мне и маме...

Господи, неужели это возможно? Неужели конец мукам?

— Ванька, а...

Хотя что спрашивать! Если Венька сам задает вопросы, значит, и правда ожил. Каким-то мальчиком интересуется...

— Вань, а какой мальчик? Про кого он спрашивает?

— Ну, тот, которого ты отвез в Среднекамск...

Надо же! Все эти дни Егор и не думал о Заглottyше. Даже не спросил о нем у Михаила.

— Вань... Ну, ты скажи, что все в порядке! Он живет у моего брата, у Михаила. Нормально...

Если даже это не так, то пусть. Потом Егор разберется. Главное, чтобы Венька нисколько не волновался.

— Вань! А что еще Венька говорил?

— Он много говорил. Про всякое... Ты приходи, я вспомню и расскажу.

— Куда... приходить?

— К нам. Куда еще?

Тогда Егор сказал... точнее, выдавил, будто проламываясь сквозь стену:

— Ваня... как мне приходить-то... Я ведь... Ну, я же когда-то... с Копчиком был... тоже...

Ваня сказал сразу и очень серьезно:

— Конечно. Копчик этого и не мог Венику простить.

— Чего?

— Что ты от них ушел... Он тогда ведь не только из-за денег полез. Он сказал: «Мы тебе никогда не забудем, что ты Кошака отколол»... Егор, ты приходи. Недавно папа про тебя вспоминал...

— Как? — выдохнул Егор.

— Говорит: «Предупреждал ведь нас Егор, что за гад этот Копчик, а мы недооценили...» Веник хотел тебе записку написать, а медсестра сказала, что пока вредно... Приходи...

Егор зажмурился и кивнул. Потом сообразил, что Ваня этого не видит, и хрипло сказал в трубку:

— Ага...

Оказалось, что Егор не соврал, когда сказал Ване про Заглottyша. Тот в самом деле по-прежнему обитал у Михаила. Именно он ответил на звонок Егора. Негромким, но уверенным голосом:

- Квартира Гаймуратовых.
- Это ты, За... Витек это ты?
- Ага.
- А где Михаил?
- Он на медкомиссии.
- А что такое? Опять спина?
- Ну... Он вообще... Он хочет увольняться из милиции и в школу идти работать. Или в газету...
- Вот так финт...
- Он говорит, что так лучше будет.
- Ему виднее... А ты-то как живешь?
- Хорошо.
- В школу ходишь?
- Хожу... У меня две пятерки по труду.
- Герой... Михаилу скажи, что с Венькой Ямшиковым все в порядке.
- Ага... Он уже знает.
- Все он всегда знает! — весело ругнулся Егор.
- Появилась в прихожей Алина Михаевна.
- Опять ты по междугородному болтаешь!
- Тебе жалко?
- Между прочим, это денег стоит.
- Обеднеем из-за трех рублей?
- А ты знаешь цену этим рублям? Скоро сядем без гроша, тогда поймешь...
- Витек, пока. Потом перезвоню... — Егор положил трубку. Настроение у него не испортилось. Разговоры матери о грядущих несчастьях он всерьез не принимал.

Но оказалось, что слова Алины Михаевны — не пустые. Отца исключили из партии и сняли с должности. Его обвиняли в том, что при строительстве экспериментального цеха он заполнял какие-то дутые отчеты и сметы, рапортовал о готовности, которой не было, приписками добывал премии для монтажников и для себя. Разбор тянулся долго и привел к такому вот концу.

Отец после собрания вернулся молчаливый, усохший какой-то, с почерневшим лицом. Алина Михаевна встретила его, вопреки своему характеру, спокойно. Даже мужественно:

— Ну и что? Не такое в жизни бывает. Переживем. Хорошо, что до суда не дошло.

— Еще не хватало! — вскинулся отец. Он сидел посреди кухни в пальто, с портфелем на коленях. Будто в автобусе. — До суда! Они хотели... А за что? Один я, что ли, такой? У каждого рыло в пуху. Пока меня доить можно было, для всех был хорош! А теперь — кто в кусты, а кто правдолюбца из себя строит. Рады, нашли козла отпущения... А цех-то все равно стоит! Кто его поставил? Пестухов?

— Ты успокойся, — сказала Алина Михаевна. — Хочешь коньяку?

— А?.. Хочу.

Егор в тот вечер только что вернулся от Ямщиковых. Со спокойной душой. Потому что Венька прислал ему записку, что чувствует себя нормально, только врачи заставляют лежать и говорят, что после больницы загонят еще в лесную школу долечивать легкие. И жаль, что в больнице опять карантин из-за гриппа и Егора не пустят. Но это ничего. Потом все равно увидятся...

Не было в записке ни слова о Копчике, ни слова о том, что он, Венька, знает о мыслях Егора. Но между строк читалось: «Егор, ты живи и ни о чем таком не думай». И Егор почувствовал себя почти как в тот предновогодний вечер.

Он долго сидел у Ямщиковых, играл с Ваней в шахматы, рассматривал глобус планеты «Находки» и слушал ее историю... Но, когда вернулась с работы Венькина мама, торопливо поднялся. От виноватости все равно никуда не денешься... И все же ему было хорошо, и домой он пришел почти что с улыбкой.

И тут — отец со своей бедой.

Нет, Егор не чувствовал жалости к отцу. В конце концов, тот сам виноват, что опять вляпался. И тревоги, что «останутся без хлеба», тоже у Егора не было. От голода в нашей стране еще никто не помер, а на шмотки Егору давно уже наплевать.

Но все же он испытывал какую-то неловкость перед отцом. Наверно, как раз из-за того, что не может сочувствовать ему. Он стоял в кухне у дверного косяка и стесненно смотрел, как отец суетливо опрокидывает в себя рюмку за рюмкой. Три подряд. И как потом жадно заедает коньяк цветной капустой.

Вдруг отец отложил вилку и прямо посмотрел на Егора. Тяжким, измученным взглядом. Сказал медленно и отчетливо:

— Ну вот, братец. Теперь можешь менять фамилию. Самое время.

Егор не отвел взгляда. Только подобрался весь. И тихо ответил:

— Нет. Не время.

— Почему же?

— Поздно. Скажут, что дезертир.

ВОСЕМЬ СТРОК

Егор ответил отцу с полным убеждением. В самом деле — поздно. Что скажут в школе, как возликует Классная Роза, если он однажды придет в школу не Петровым, а Нечаевым! «Что, когда папочка стал не нужен, ты решил отмежеваться? Нет, дорогой, фамилию свою можно изменить, а характер и сущность свою...»

А что она знает о его сущности?

И другие — что знают?

С этими мыслями Егор улегся спать, и вдруг его, уже дремлющего, толкнула новая тревога. Если он оставит прежнюю фамилию, не будет ли это изменой тому отцу? Толику Нечаеву?

Но тревога увязла в навалившемся сне, и Егор лишь успел подумать, что надо бы про все это поговорить с Михаилом.

Спал он хорошо. И видел многомачтовый, мчащийся над сизой выпуклой поверхностью океана парусник. Верхушки мачт разрывали облака, летели у самого зенита.

Проснулся Егор с улыбкой, но сразу ошетинился, когда мать громким шепотом сказала в дверь:

— Горик, опоздаешь в школу.

Да не опоздает он в школу! Потому что на первые два урока вообще не пойдет. Это физкультура, надо на лыжах бегать, а он что, нанимался? У него горло болит... Не надо никакого врача, и ни в какую поликлинику не пойдет, пусть его оставят в покое!.. И ничего ему в школе не будет, не надо паники...

На самом деле первыми уроками будут физика и русский. И Роза, конечно, заведется. Особенно теперь: «Кончилась, Петров, пора, когда тебе многое сходило с рук, сейчас ни за чью спину не спрячешься...» А возможно,

и другую пластинку запустит: «Вы слышали, конечно, что готовится новая реформа школы! Йимейте в виду, когда ее примут, всякому разгильдяйству придет полный конец...»

Впрочем, такие мысли скользнули и ушли. Егор опять стал думать о недавнем сне. Потянулся, улыбаясь. Хорошо-то как. Судьба смиростивилась, после месяца угрызений и тоскливого страха можно полежать вот так, спокойно.

Алина Михаевна сказала в дверь:

— Но к третьему уроку ты пойдешь?

— Пойду, пойду,— отозвался он с нарочитой сипловатостью.

— Я ухожу за продуктами. Завтрак на плите... Папу не тревожь, он спит.

«Пускай спит...» — Егор опять потянулся. Посмотрел в темный потолок, как в небо. Вспомнил мачты в зените.

«И вижу мачты я, летящие в зените...»

«И вижу паруса белей, чем белый снег...»

Откуда это? Стихи, что ли? Чьи? «Когда Земля еще вся тайнами дышала...» Может быть, эти?

Но в стихах Толика про мачты нет! Значит, Егор сам сочинил? Вот потеха!.. А может, это у него наследственное? От Анатолия Нечаева? Может, в нем, в Егоре, поэт прячется?

Хотя Толик вовсе не был поэтом...

А две строчки — никакие не стихи...

Было слышно, как осторожно закрылась дверь,— мать ушла. И почти сразу закурлыкал телефон. Кому там с утра что-то надо?

Егор сердито протопал в прихожую. В трубке вкрадчиво осведомились:

— Простите, Виктора Романовича можно?

— Он спит! — бухнул Егор. Подумал и спросил: — Что-то срочное?

«А что у него сейчас может быть срочное?»

— Нет-нет, я попозже, извините... — Трубку положили.

Егор вернулся в постель. «Если можно попозже, чего звонит спозаранок, дубина?...»

«Звонит... зенит»... При чем тут зенит? Ах, да... «И вижу мачты я, летящие в зените»...

«И колокол над палубой звонит там... звенит там...»
Для кого? Для меня?

«И рында для меня над палубой звенит там...»

Это что же? Значит, поэтическое дело — не такое уж трудное? Вот и четвертая строчка! Будто сама собой сказалась:

— И это мой корабль пришел ко мне во сне!

Уходя в школу, Егор заглянул в отцовский кабинет — дверь была приоткрыта. Отец спал на диване одетый, под пледом. Прижимался щекой к жесткой, обтянутой рельефной тканью подушке. Была видна его лысина, беспомощно торчали на виске клочки волос. Короткая жалость вдруг толкнула Егора. И тут же — воспоминание: вот подушка, в которую он, Гошка, утыкался лицом, когда отец укладывал его ничком на диван. Вспомнился запах и вкус пыльной материи, которую Гошка пропитывал слезами и слюной, грыз и мусолил в предчувствии нестерпимой боли.

К черту! Он будто захлопнул в себе дверь — и перед жалостью, и перед памятью! И стал повторять строки о парусах.

Эти строки и в школе не отпускали Егора. И потому он остался равнодушным к настороженно-сочувствующим взглядам (знали, наверно, уже про отца; даже Классная Роза не прицепилась из-за прогула, чуткость проявляет). Тишина и отрешенность ограждали Егора от всего на свете. И в этой тишине... ага, в ней словно стучали иногда медные шестеренки хронометра!

— Петров, ты мечтать будешь или решать задачу? У кого еще последняя задача не решена?

«Еще не решена последняя задача... Хронометр мой стучит... как сердце... в тишине...»

Загадка еще не решена...

На перемене подлетел Ваня.

— Принес?

— Что? — растерялся Егор.

— Книгу, «Спартак». Помнишь, я говорил, что Венник его перечитать хочет, а ты сказал, что у тебя есть...

— Ой, Ванька... Какая же я скотина. Вылетело из головы.

— Ну, ничего. Мама ему послезавтра передачу понесет. Не забудь.

— Не забуду. Я ему письмо напишу... А в палату все еще не пускают?

— Ага. Карантин... А Венику уже ходить разрешили... А ты можешь сегодня к нам прийти? Книгу бы принес и так... Мама спрашивала, чего не заходишь...

«Мама спрашивала»... Они жалеют его или правда не понимают его вины?

И вина эта снова подступила к сердцу. Как холод, когда по пологому днуходишь в непрогретую воду...

Конечно, это было уже не то, что в первые дни. Потому что Венька жив! Но холод еще не раз будет вот так подыматься в груди, никуда не денешься. Теперь Егор это понимал.

— Алло!.. Гай, это ты?

— Я, Егорушка, я...

— А ты чего... кислый такой?

— Да так. Заботы всякие...

— Ася? — прямо спросил Егор.

— Да нет, там все в порядке,— отозвался Михаил, но как-то вяло.

Егору хотелось ясности. И он знал, что излишняя деликатность иногда не на пользу делу. К тому же ощущение собственной вины толкало его мысли в одном направлении.

— Она тынет резину, потому что чувствует себя виноватой. Вот...

— Чего-чего? — сказал Михаил мягко, но зловеще.

— А я не боюсь, не стукнешь... Она думает, что виновата, потому что тогда, первый раз, вышла не за тебя. И теперь мается...

Михаил сказал просто, без досады, только устало:

— Чепуха, никто там не виноват. Или оба одинаково... И вообще не в том дело. У меня другие заботы, здесь.

— Ты правда уволился?

— Увольняюсь.

— Допекли?

— Нет. Просто на старости лет пришел к простому выводу.

— К какому это еще?

— Сколько можно перевоспитывать пацанов? Может, все-таки лучше с самого начала заниматься нормальным

воспитанием? Так, чтобы потом переделывать их не надо было...

— В школу пойдешь?

— Может быть... Хотя, по правде говоря, страшно. Дамский коллектив, и в нем все вроде ваших классных роз...

— Если не в школу, то куда?

— В газету зовут. Если на журфак перейду в университете... Буду потрясать основы педагогики публицистической кувалдой.

— Тебе не привыкать.

— Ага... Директриса Зеленолужского детского дома грозила на меня в суд подать. За «клевету».

— Ну... и что?

— Не успела. Против самой начали следствие. За воровство и рукоприкладство. В местном районе истерика...

— Кстати, о педагогике,— сказал Егор.— Витек-то как?

— Да ничего... существует. Мать в письме попросила, чтобы еще у нас пожил. Ну и живет.

— Нормально?

— Да ничего,— опять сказал Михаил.— Только ворует помаленьку...

— Как? — опешил Егор.

— А ты чего хотел? Он этим с грудного возраста грешил. Думаешь, легко отвыкнуть?.. Ну, да учительница у него понимающая, не чета некоторым. Мало-помалу перевоспитываем с двух сторон...

Егор подавленно молчал.

— Не расстраивайся,— усмехнулся Михаил.— Вообще-то он хороший парнишка. По дому помогает, со мной нянчится, если захандрю. С сестрицей моей Галиной Юрьевной весьма подружился... Кстати, упомянутая Галина Юрьевна с интригующим видом задает тебе вопрос: держишь ли слово?.. Что у вас за тайна?

— А?... — растерялся Егор. Потом сообразил: — Ой, про это... Да я и забыл. Скажи — держу.

Он и в самом деле не курил с того новогоднего вечера. В Среднекамске держался, а потом и вообще не вспоминал о сигаретах. Беда с Венькой словно отшибла все желания.

— Ч-черт,— с досадой сказал Егор.— Лучше бы она не напоминала. Опять захочется.

— О чем речь-то?

Егор не стал напускать туману, честно сказал, о чем речь.

— И не прикидывайся, будто ничего не знал. Ты всегда все про меня знаешь. Как в досье...— вредным голосом добавил он.

— Ты меня переоцениваешь, все я знать не могу... Так, кое-что. Потому что я за тебя беспокоюсь, балда ты...

— Сам... Значит, и про отца уже знаешь? — морщась, спросил Егор.

— Про... Виктора Романовича? Нет... Что с ним?

Егор сумрачно рассказал. Михаил, кажется, смутился.

— Откуда же я мог это знать... Хотя, честно говоря, ожидать следовало. Ты сам-то разве этого не понимал?

— Может, и понимал... А что я мог сделать?

— Не знаю... Главное, что ты будешь делать теперь.

— Не понял. Ты о чем?

— Я к тому, что труднее жить будет.

— А может, легче? — зло сказал Егор. И кажется, попал в точку. Впервые переиграл в споре Михаила. Тот отозвался растерянно:

— Да... в чем-то ты прав.

Егор насупленно признался:

— Вчера отец сказал: «Можешь теперь менять фамилию».

— А ты?

Егор сказал и о своем ответе. И о своих сомнениях. И спросил напрямик, что об этом думает Гай.

Но тот ответил, что советы давать легко, а решать такие вопросы человек должен сам. И главное — не рубить с плеча.

— Мудр ты, как сто Сократов,— проворчал Егор.— А толку от твоей мудрости...

— От чужой мудрости всегда толку мало... если своей дефицит.

— Гран мерси за комплимент.

— Не обижайся... Егор, я вот про что. Тебе бы хватит терзаться всякими сомнениями, пора бы дело найти. Ну, посуди сам: чем ты сейчас занят? Нельзя же так... растительно существовать. Смысл-то надо какой-то приобретать в жизни. Ищи давай... самого себя.

— Ай-яй-яй. Сборник проповедей о смысле жизни. Том двадцать второй, глава семьдесят третья...

— Я знаю, что казенно выражаюсь... Но черт возьми, ты же понимаешь, о чем я!

— А я нашел... смысл, интерес и стержень,— вдруг брякнул Егор. Вдохновенно.

— М-м?

— Ага!

— Подробнее можешь?

— Могу... Завтра я иду на занятия литературной студии, руководимой писателем Наклоновым. Во мне прорезался талант.

— Че-во? — откровенно усомнился двоюродный братец.

— А что? Я, по-твоему, совсем бездарен?

— Стихи, что ли, сочинил? А ну, прочитай!

— Фиг! — испуганно сказал Егор. Потом приободрился: — Вот окрепнет талант, тогда... И заодно проблемы решатся...

— Какие?

— С фамилией. Стану печататься, можно будет двойную фамилию взять. Писателям разрешается. Петров-Нечаев...

Михаил не уловил ни горькой нотки, ни юмора. Ответил серьезно:

— Дитя ты еще...

— Ага... Миш! Капитан-лейтенант Егор Алабышев — правда выдуманный персонаж?

— Егор... В чем дело?

— Какое... дело?

— Ты зачем идешь в литературную студию?

— Надо.

— Егор...

— Пока,— с ноткой веселого злорадства сказал Егор.— Потом позвоню еще.— И положил трубку. Пошел в комнату и достал блокнот с «Крузенштерном» на корочке.

Те мысли, что перебил в Среднекамске телефонный звонок, те, что были забыты после несчастья с Венькой, теперь все чаще всплывали снова. Беспокойные. С предчувствием тайны и боя.

Еще не решена последняя загадка.

Тревожный счет ведет хронометр судовой.

Кремневый пистолет... На старой карте складка

Легла меж островов отчетливой чертой...

Егор торопливо записал придуманные сегодня восемь строк под тем стихотворением: «Когда Земля еще вся тайнами дышала...» Его стихи были как продолжение стихов Толика.

Продолжение, но не конец...

Строчки звучали в сознании Егора под привычный уже мотив — слившихся из двух песен: одна из фильма, другая про архипелаг.

Егор перекинул в блокноте лист. На второй странице была схема. Со значками, именами и линиями. Егор взял карандаш.

Бастион. Капитан-лейтенант... От этого значка Егор провел наконец к имени Наклонова резкую черту.

Олег Валентинович! Крузенштерн — это Крузенштерн, лицо историческое. А откуда в вашей повести Егор Алабышев?

«КОГДА ЗЕМЛЯ ЕЩЕ ВСЯ ТАЙНАМИ ДЫШАЛА...»

— Вот так,— скорбно произнесла Алина Михаевна.— Сделали подарочек к Восьмому марта...— Она посмотрела на Егора.

— В чем опять я виноват? — скучным голосом спросил он.

— Телефон отключили!

— Я, что ли, его отключил?

— Из-за твоих разговоров со Среднекамском! Потому что вовремя не оплатили счета!

— Здравствуй! Я, что ли, должен их оплачивать? Какими шишами?

— А я какими? Нынешними грошами? Ты хоть понимаешь, что скоро есть будет нечего?

Отца перевели в другой цех, на должность рядового инженера. Зарплата, конечно, стала не та. Но и не гроши же! Да и на сберкнижке у матери наверняка имелось кое-что. Но Алина Михаевна жила теперь в постоянном страхе перед нищенством. Говорила об этом каждый день, считала копейки. Егор подозревал, что и телефонные счета она не оплатила из-за непреодолимой боязни лишних трат. Сумма-то была пять или шесть рублей!

Егор сказал, что не разорились бы.

— Тебе легко рассуждать! Ты эти рубли не зарабатываешь и не экономишь!

— Зато ты экономишь! Так, что хоть из дому беги!

Алина Михаевна слезливо закричала о неблагодарности. В это время вернулся с завода отец. Спокойный, неразговорчивый, осунувшийся. Послушал перебранку, сказал, что телефон все равно отобрали бы, потому что номер «выбивал» на АТС завод. Теперь эту телефонную точку отдадут другому начальству.

Мать принялась ругаться пуще прежнего, и получилось, что опять почему-то виноват во всем Егор.

— Оставь ты парня в покое,— сказал отец. И ушел к себе. А через пять минут позвал из кабинета: — Егор загляни-ка, если время есть.

Егор вошел.

За окнами было еще светло — день прибавился. Лампа не горела. Отец сидел на диване, откинувшись, глядя перед собой. Потом улыбнулся, будто сквозь боль. Но спросил бодро:

— Как дела-то? Давно мы с тобой не беседовали.

— Какие дела? — Егор прислонился к косяку.

— Ну, вообще... жизнь?

— По-всякому...

— За девочками еще не ухаживаешь? — с натушной шутивостью спросил Виктор Романович. Егор видел, как он пытается придумать тему для беседы.

— Обхожусь пока без этого,— сказал Егор и почему-то вспомнил Бутакову. — Наверно, не созрел еще.

— М-да... Прямолинейные вы люди, нынешнее поколение.

— Эпоха... — сказал Егор.

— А... в школе как?

— В школе — как у Гоголя.

— То есть?

— Не знаешь, что ли? «Эх, тройка, птица-тройка...»

— Птица-то птица... На ней нынче далеко не уле-
тишь.

— Это как повезет...

— Везенье везеньем, а еще и работать нужно...

— «Сделать учебу сознательным, внутренне организованным процессом», — кивнул Егор. — Любимая фраза нашей обожаемой Классной Розы.

— Кого-кого?

— Да ты разве не помнишь ее? Правда, позолота с нее уже слезла. Как ты и говорил...

— Постой-ка, о чем это ты?

— Ты объяснял ей, что культура — это слабенький слой позолоты, который быстро облетает... Четыре года назад, когда она приходила... заступаться за меня.

Отец помолчал. За окнами густел вечер. Виктор Романович спросил в полутьме:

— Гошик... А неужели ты больше ничего не помнишь? Кроме... такого.

Он сказал «Гошик», как иногда говорил в давние давние времена, еще до всего плохого. И сердце у Егора дрогнуло. Это обычные слова — «дрогнуло сердце». Но оно и вправду тюкнуло невпопад, и Егор сам удивился этому. И ответил неловко:

— Ну, почему...

Отец молчал тоскливо и с ожиданием.

— Я помню, как у нас сломалась машина, — сказал Егор. — Не эта, а старая, «Москвич». Я тогда еще в школе не учился... Ты ее оставил на обочине, и мы пошли пешком. Это где-то за городом было.

— А! Да... Это мы на дачу к Пестухову ездили, — оживился отец. И тут же угас: — Ах ты, Пестухов, Пестухов...

— Я тогда устал, а ты меня на плечи посадил... А мамы с нами не было.

Отец кивнул. Все с той же неловкостью, но стараясь улыбнуться, Егор проговорил:

— Я еще помню, как ты меня несешь и поешь: «С горки на горку я несу Егорку... Оба мы голодные, дайте хлеба корку»...

В полумраке можно было различить, что отцовское лицо неподвижно, только уголок рта, кажется, дрогнул.

— Да... Егорка... Это верно. Я ведь тебя... — Отец резко замолчал. Будто захлопнулся.

— Что? — подождая, спросил Егор.

— Ч-черт, — тяжело проговорил отец. — Никогда не было времени. Чтобы разобраться... Смешно: даже любить не было времени. А сейчас поздно...

Егор не понимал, почему сейчас что-то поздно. Неужели отец считает, что жизнь у него кончена? Ну, плохо сейчас, исключили, с должности полетел, но, в кон-

це концов,— живой же! И не старый. Все еще можно исправить, наверно...

«Все можно, пока человек жив...» Эта мысль тут же отозвалась радостным сознанием, что жив и другой человек — Венька! Правда, недавно опять сильно подскочила температура, врачи забеспокоились, но обострение миновало. Скоро Веньку выпишут, а потом отправят в лесную школу. Может, даже восьмой класс сумеет закончить, год не потеряет...

Егор сказал отцу грубовато, но по-хорошему:

— Ты уж так-то не раскисай. Бывает хуже, и то все потом поправляется.

— Угу...— отозвался Виктор Романович.— Учту пожелание... Ты куда-то спешишь?

— В школу. На занятия литстудии...

Наклонов руководил и клубом «Факел», и студией. Клуб собирался раз в месяц, туда приходили все, кто хотел. Читали сообщения о всяких литературных датах, спорили о книжках, о новых стихах и рассказах в журналах. На таких заседаниях всегда торчала Классная Роза... А студия — это был узкий круг, люди творческие. Те, кто сами что-то сочиняли. Приходили несколько школьных поэтов, авторы фантастических рассказов. А один семиклассник даже роман принес. Про карибских флибустеров, незаконченный...

Наклонов со всеми держался просто и по-доброму. Это не были нарочитые попытки показать: «Видите, какой я доступный и понимающий, веду себя с вами на равных». Он был искренен. Видимо, ему в самом деле было интересно среди школьников. Может, и правда хотел писать повесть о ребятах?

«Вот и писал бы,— иногда сумрачно думал Егор.— Вместо того чтобы...»

Но порой подозрения уходили, таяли. Трудно было поверить, что этот человек с мягкими серыми глазами за стеклами очков, добродушный такой и внимательный, несет в себе обман. Не хотелось этого. Потому что обманом тогда было бы все остальное: уютные вечера в школьной гостиной; смех, когда Наклонов необходимо разбирает чью-то неудачную стихотворную строчку; дрожащий от вдохновения голосок семиклассника Пучкина (чуть

ли не Пушкин!), когда он читает очередную главу про флибустьеров; теплое ощущение общности, которое постепенно появлялось у двух десятков студийцев...

Взорвать все это? А если догадки Егора — чушь? Ведь доказательств-то пока никаких...

О своей повести «Паруса «Надежды» Олег Валентинович больше не заговаривал. А Егор наводит его на эту тему не решался даже в те минуты, когда обманчивая успокоенность отступала, и он чувствовал себя разведчиком. Нельзя спешить. Нельзя подавать вида...

Если бы с кем-то посоветоваться!

Но телефон отключили насовсем, с Михаилом не поговоришь. Егор написал: не может ли Гай приехать? Михаил ответил коротко: возможно, что скоро придет. Но когда это «скоро»? А объяснять все в письмах — это долго и неубедительно...

Хорошо было бы поговорить обо всем с Венькой. Он человек рассудительный. И понимающий... Но и здесь не повезло. В середине марта Егор на неделю свалился с жестоким весенним гриппом. Именно в эти дни Веньку выписали. К Егору его, конечно, не пустили. Всякий случайный вирус для Веньки мог оказаться страшнее чумы: опять осложнения, больница и неизвестно что. А когда Егор поднялся, Венька был уже в лесной школе. Передал через Ваню записку: привет, мол, у меня все в порядке, поправляйся и ты, спасибо за «Спартак», жаль, что не повидались, но ничего, к Первомаю вернуться... Вот так.

Эх, если бы Венька был в городе, ему самое дело заниматься в студии. С его-то талантами. Не то что Егору, который, кроме восьми строчек, ничего больше не «сотворил». Есть кое-какие наброски, но все ерунда... Венька помог бы разобраться и в Наклонове. В конце концов, именно он, Редактор, заронил в Егора первое зернышко сомнения: «Будто не свою рукопись читает...»

На очередное занятие студия собралась в первый вечер весенних каникул. Сначала снисходительно слушали Пучкина — главу о храбром Бартоломео Алонсо де лас Квадригасе, который, спасаясь от инквизиторов, бежал к флибустьерам и стал заправским пиратом. Потом девятиклассник Скворцов прочитал сказку о кофеварке. Как она возомнила себя атомным реактором, как ей не вери-

ли и как она, чтобы доказать окружающим свою правоту, пошла на крайность — взорвалась. А старый (давно ушедший на пенсию) самовар сказал из пыльного угла: «Для кофеварки совсем неплохо. Но для реактора жидковато...» Однако этого кофеварка уже не слышала. А в свой последний миг она была счастлива. Потому что сама поверила в свое атомное могущество...

Про сказку говорили долго. Сперва смеялись, потом стали разбирать всерьез и отметили, что идея совсем не смешная. Человеческая, и даже трагическая. Хвалили. И Наклонов похвалил. Сказал, что ощущается влияние Андерсена, но есть интересный современный поворот...

Егора эта сказка почему-то тревожно царапнула. Он стал копаться в себе: почему? Но тут стала читать свое стихотворение Светка Бутакова.

Да, она тоже ходила в студию. И если говорить честно, Егора манила на занятия и эта причина. Никаких глубоких симпатий к Светке он не чувствовал, так, любопытство какое-то. Но все же хотелось доказать ей, что он, Петенька, тоже не лыком шит и кой-чего смыслит в изящной словесности...

Стихи у Светки были бузовые, про весну и ручейки. И про первую проснувшуюся бабочку, которая ей, поэтессе Бутаковой, села на портфель. «Портфель», видимо, был для рифмы, потому что Бутакова ходила с сумкой «Адидас».

Осторожно несу я портфель,
Словно милую детскую зыбку,
Чтобы первый весенний трофей
Принести к себе в дом, как улыбку...

Нинка Рассыпина из восьмого «В» сказала, что стихи хорошие, потому что «передают солнечное настроение».

Егор съезжился. Набычился. Воспоминание о коричневой бабочке, которую он раздавил подошвой, солнечного настроения не принесло. Наоборот. Он разозлился на Бутакову. А еще больше разозлился, когда встал веснушчатый и глупый на вид девятиклассник Скворцов и тоже стал хвалить стихи. И было ясно Егору (и, конечно, не только Егору), что конопатому оратору нравятся не стихи, а сама Бутакова.

И Егор попросил слова. Он сказал, что военное выражение «трофей» не вяжется с весенней темой. Оно здесь «пришей кобыле хвост». И что, несмотря на приши-

тый армейский термин, стихи сентиментальны (ах «милая детская зыбка!»). И что глупо тащить с улицы бабочку домой, в квартире она подойдет.

— Это же просто образ! — воскликнула Рассыпина. А Светка уткнулась носом чуть ли не в колени, и две девчонки, сидевшие рядом, начали ее успокаивать громким шепотом.

Егор сел, задавив в себе легкие намеки на раскаяние.

Наклонов стал смущенно говорить, что в данных стихах есть плюсы и минусы и что нельзя подходить односторонне. В суждениях должна быть диалектика, которая позволяет более объективно анализировать... и так далее. Что-то в его нынешних словах напоминало речи Классной Розы, и Егор отключился...

Мягко горели настенные светильники, но за окнами еще не стемнело. Минуло уже весеннее равноденствие, дни стали длиннее, и закаты подолгу светились над тополями. И сейчас был закат. А в нем над черными крышами и деревьями висел яркий месяц.

...Месяц звонкий и рогатый...

Что-то опять тревожно толкнуло Егора. Предчувствие какое-то. Или напоминание. О парусах? О детской фотографии сорок восьмого года? О схеме в блокноте?

Блокнот лежал на коленях. Егор погладил блестящую корку с «Крузенштерном». Она была почему-то холодная до озноба...

А может, озноб от предчувствия? Или... вот от этих нахальных слов, которые высказал рыжий Светкин адвокат Скворцов:

— ...И вообще я считаю, что критиковать имеет моральное право только тот, кто пишет сам. А от Петрова мы еще ничего не слышали...

— В самом деле... — Олег Валентинович направил на Егора очки. В них отражались тройные светильники. — Нет, я, конечно, не тороплю и не настаиваю, но... помните, мы договаривались, что каждый со временем прочитает что-то свое...

Это правильно, договаривались. И все уже, кажется, читали и обсуждали свои творения, кроме Егора.

Наклонов сказал мягко:

— Может быть, и вы, Петров, чем-то порадуете нас?

Что он так смотрит? И что все так молчат? Ждут?

Что же, он «порадует». Видимо, время.

И поддавшись стремительному вдохновению, которое не раз помогало ему, Егор встал. Откинул крышку блокнота.

— Ладно!..

Когда Земля еще вся тайнами дышала
И было много неизведанной земли,
Два русских корабля вокруг земного шара
Сквозь бури и шторма на поиски пошли.

Высоких островов вдали вставали скалы,
И тайною была морская глубина.
И Крузенштерн стоял отважно у штурвала,
И билась о корабль могучая волна.

И долго буду я завидовать, наверно,
Тем морякам, которые ушли в далекий путь.
На карте начерчу дорогу Крузенштерна
И, может, поплыву по ней когда-нибудь...

Егор не знал, читает он с выражением или без. Но, видимо, читал неплохо. По крайней мере, стояла тишина. Зябко сводило на щеках кожу, один раз перехватило голос. Но Егор помолчал секунду и продолжал:

Теперь Земля почти что вся уже открыта.
Остались тайны только в синей глубине.
Они — как старый клад, на острове зарытый.
Но, может быть, одна откроется и мне...

И вижу мачты я, летящие в зените,
И вижу паруса белей, чем белый снег,
И рында для меня над палубой звенит там,
И это мой корабль пришел ко мне во сне.

Еще не решена последняя загадка,
Тревожный счет ведет хронометр судовой.
Кремневый пистолет... На старой карте складка
Легла меж островов отчетливой чертой...

Он прочитал строки, написанные Толиком, и свои как одно стихотворение. Оно и было одним, целым... И кончив, он поднял наконец глаза от блокнота.

Наклонов был бледен. Он стоял у окна (месяц висел над его плечом). Прошла совершенно безмолвная минута. Олег Валентинович быстро снял, почти сорвал очки, стал протирать их скомканным платком. Не поднимая лица, сказал:

— Да, сюрприз...

— А что, неплохо,— подал голос рыжий Скворцов, решивший быть объективным.

— Да...— Наклонов все тер очки.— А скажите, Петров... вы уверены, что это... ваши стихи?

— Вполне...— У Егора все натянулось внутри. И в ушах звонко застучал хронометр. Тот, кургановский. Толика. Гая...

— А я... можно откровенно?.. — Наконец он надел очки.— У меня есть сомнения... Простите, но... может быть, вы где-то слышали или читали такие стихи раньше?

— Где? — тихо, но резко спросил Егор.

— Я... только спрашиваю.

Теперь Олег Валентинович смотрел Егору в лицо. Без уверенности, но и без всякого добродушия. Отражения плафонов казались злыми огоньками. Егор кашлянул, чтобы не осипнуть от волнения. Сказал, аккуратно подбирая слова:

— Вы думаете, что я эти стихи у кого-то украл? Это, кажется, называется «плагиат»?

Очки дрогнули.

— Егор... я не хотел бы таких слов... Я не подозреваю вас в злом умысле... Но эти стихи я знаю много лет.

«Еще бы!» — подумал Егор.

— Да,— кивнул он.— Только не все. Я их дописал.

— Ну... может быть.— Олег Валентинович, кажется, стал спокойнее.— Но все-таки...

Егор перебил с еле заметной насмешкой:

— Вот у вас есть книжка с очерками про нефтяников. Вы ее вместе с другим человеком писали, с Борисовым. Никто же вам не говорит, что это не ваша книжка.

— Да!.. Но и я не говорю, что она только моя! К тому же мы с Борисовым работали вместе. А вы... с тем человеком... стихи эти писать вместе не могли. Я это знаю точно... Кстати, интересно: как эти стихи попали к вам? — В голосе Наклонова скользнула просительная нотка.

Егор не сдержался:

— Я понимаю, что вам это очень интересно.

— Петров! Как ты разговариваешь! — вмешалась Бутакова.

— Помолчи, Весенний трофей...— Егора хлестнуло неожиданной злостью. Они здесь все заодно!

— А ты... тебе здесь не «таверна»!

Он резко обернулся, чтобы сказать...

— Товарищи! Товарищи...— Наклонов раскинул руки, словно загораживал всех от опасности.— Друзья мои! Что с вами?... Давайте творческие споры не превращать... в склоку. Любой конфликт можно уладить, если понять друг друга... Егор!

— Что? — он посмотрел в очки.

— Я ведь не хотел вас обидеть. Но мне действительно важно знать, где вы взяли эти стихи. У меня с ними... кое-что связано в жизни. Давайте по-мужски: карты на стол. И тогда решим, имеете ли вы право быть соавтором этого человека.

Егор не отвел взгляда, сказал отчетливо:

— Имею. Я дописал стихи своего отца.

Опять стало тихо. Будто крышку захлопнули над ящиком, обитым ватой. Наклонов снова снял очки и начал терзать их платком. Сказал с усилием:

— Извините, это неправда... Я никогда не имел чести лично знать Виктора Романовича Петрова. А стихи эти написал в мальчишеские годы друг моего детства. Он читал их на самодеятельном концерте...

Черт! Черт и черт! Как Егор не сообразил? Не вспомнил про концерт! Помнил только, что стихи — это эпиграф! А ведь Наклонов мог действительно знать их с детства, независимо от рукописи Курганова... Теперь ничего не докажешь!

А что, собственно, Егор хотел доказать? Суетливость и бледность Наклонова — разве улика? Дурак ты, Егор...

Сейчас приходилось воевать уже просто за самолюбие.

— Вы не имели чести знать Виктора Романовича,— с опасным звоном в голосе сказал Егор.— Вы знали моего настоящего отца. Толика Нечаева. Того самого «друга», которому в лагере готовили волчью яму!

Егор вышел из гостиной и крепко закрыл за собой дверь.

Ну, и чего он добился, псих несчастный? «Герой»! Щит в сторону, два меча в руки — и на врага! И сра-

зу — пузом на копье... Нервы сдали? Или захотелось ошарашить Наклонова? Или... перед Светочкой покрасоваться? У, бестолочь...

Егор ненавидел себя так, что готов был взять свою башку за космы и физиономией протащить по всей решетке городского парка, мимо которого шел.

Б-б-балда... Выложил все карты. Теперь, если Наклонов и правда добыл где-то рукопись Курганова и скатывает с нее свои «Паруса «Надежды», ничего уже не сделаешь. Олег Валентиныч — они не дураки-с. Затаятся. Остороженькими станут. А у Егора какие доказательства против него?

Надо было подъехать хитро, узнать, где Наклонов взял своего Егора Алабышева. Не могут же два писателя придумать одного и того же героя, чтобы имя и фамилия и события одинаковые... Правда и тогда сразу ничего не докажешь: от Курганова-то никаких бумаг, от Толика — тоже... Но можно было увериться хотя бы для себя. И копать дальше...

Егор замедлил шаги. Куда спешить-то? В дом с вечной рассерженной матерью и похоронно-тихим отцом?.. В газонах под фонарями лежали остатки грязного снега. К вечеру подморозило, Егор поскользнулся на льдистом асфальте. По-дурацки замахал руками. Сердито оглянулся: не видел ли кто его нелепого танца? Прохожих не было. Только месяц висел над улицей. Молодой. С левой стороны. Это, говорят, к неудачам...

Но месяц — «звонкий и рогатый» — смотрел с высоты дружелюбно. Словно что-то понимал и мог посоветовать... Что?

Вот если бы в самом деле с кем-то посоветоваться! С Михаилом... Он, конечно, сперва отругал бы Егора (и правильно), а потом они вдвоем что-нибудь и придумали бы...

Но Михаил как в воду канул. Не появляется и не пишет. Небось, в своих проблемах увяз. Поехать к нему? А что! Каникулы же!.. Трешку на билет можно у кого-нибудь занять. У Ревского, например. Но... ехать в Среднекамск без предупреждения, наверно, не стоит. Кто знает, какие там дела у Михаила? Может, Никитка прикатил из Севастополя на каникулы. И вдруг не один, а с Асей? Да еще Заглотыш там (его, Егора, стараниями!). И теперь — здрасте! — двоюродный братец является.

Есть, конечно, вариант: приехать, поговорить и сразу укатить обратно... Однако сначала все-таки лучше позвонить.

С автомата без денег не позвонишь, но можно от того же Ревского... А еще лучше — от Ямщиковых! Все равно он обещал зайти, принести «Книгу джунглей» Киплинга, чтобы Анна Григорьевна отвезла Веньке в лесную школу...

«Книгу джунглей» Егор взял с полки украдкой. А то сразу будет шум: «Это редкое издание, дореволюционное, знаменитого Сытина, кому ты ее хочешь дать?!» Он сунул книгу в пластиковый пакет, присел на тахту, глянул на часы. Половина девятого. Не поздно ли идти к Ямщиковым? И усталость навалилась, голова гудит... Может, опять грипп? Недолеченный. Бывает, говорят, такое. Или это «от нервов»? «Послестрессовое состояние»... Ох, нахватались мы терминов в наш просвещенный век. Дать бы тебе, шизу, по шее, было бы «состояние»...

Зазвякало в прихожей. Егор не шевельнулся. Все равно это не к нему. Некому приходиться к Егору Петрову... Но мать сказала в дверь:

— Горик! К тебе мальчик...

Кого угодно ожидал увидеть Егор, но такого гостя... Это был Денис Наклонов. Без шапки, в расстегнутой курточке, он неловко стоял у порога. Глянул из-под волос.

— Здравствуй... Отец спрашивает, не можешь ли ты приехать к нам. Поговорить хочет о чем-то...

Егор задавил в себе растерянность и смущение. Ответ прозвучал грубовато:

— Когда ехать-то? Сейчас?

— Если можешь... У нас внизу машина.

У подъезда стоял старенький «Москвич». Наклонов сидел за рулем, дверца была приоткрыта. Олег Валентинович сказал:

— Егор, садись рядом. А Денис сзади устроится. Будто ничего не случилось...

Егор молча сел. Поморщился: пахло бензином. Не то что в отцовских «Жигулях». Впрочем, наплевать...

— Поедем? — спросил Наклонов.

— Как хотите...

Наклонов осторожно вывел машину из-под арки на улицу. И вдруг негромко проговорил:

— Ты меня извини, Егор, я вел себя глупо. Это от растерянности... Такая неожиданность. Я погорячился.

— Ну, уж если кто горячился, так это я, — возразил Егор. С прохладцей, но искренне. И в то же время думал: «Что ему надо? Зачем приехал? Так срочно!» Однако мысли эти с их тревогой и нервностью были сами по себе. Вне настроения Егора. А он чувствовал себя удивительно спокойно, сонливо даже.

— Заедем ко мне домой, поговорим? Согласен?

— Уже едем, — сказал Егор.

Дверь им открыла красивая, похожая на актрису Любовь Орлову женщина в домашнем брючном костюме.

— Иннушка, это Егор, сын моего давнего... приятеля. С детских лет, с Новотуринска... Сделаешь нам чаек с чем-нибудь таким, своим? А мы пока побеседуем. Денис, дай Егору свои тапочки...

«Везде одно и то же», — усмехнулся про себя Егор.

Неловкости он не чувствовал. Но и большого любопытства — тоже. Это было странно. Ведь, можно сказать, очутился он в «логове противника». И наверно, при некоторой хитрости мог Егор что-то выведать. Откуда эта вялость? Он заставил себя внутренне встряхнуться. Но помогло не очень.

Кабинет Наклонова состоял из книжных стеллажей, громадного, будто для пинг-понга, письменного стола и нескольких кресел, похожих на присевших бегемотов. Стол, как, видимо, и положено у писателей, был завален папками, листами с машинописным текстом. Бронзовая фигурная лампа с желтым абажуром возвышалась как маяк над этим бумажным морем. А плоская пишущая машинка была, будто островок...

— Егор, садись... Это ничего, что я на «ты»? Мы не официально, не в студии. Угу?

— Угу... — сказал Егор и отдался объятиям кресла-гипопотама.

Молчаливый Денис устроился в другом кресле, в стороне. Сел и Наклонов. Против Егора.

— Я... для начала вот что хотел спросить... Это

правда насчет отца? Ты уж извини, но это так неожиданно...

— Это правда. Я родился уже после его гибели. А мать почти сразу вышла за Петрова. Я узнал об этом недавно.

— Да... история...

— Ничего,— сказал Егор.— Бывают истории позапутанней.

— Ты что имеешь в виду?

А он ничего не имел в виду, честное слово! И о рукописи в данный момент не думал. Просто так болтнул, чтобы не молчать.

Наклонов улыбнулся слегка натянуто:

— Я думал, ты про наши детские раздоры. С Толиком... Да, действительно, в последние дни перед его отъездом мы не ладили. Подрались даже на прощанье... И с ямой история имела, как говорится, место. Мальчишки же мы были... Но я не думаю, чтобы Толик навсегда сохранил про меня только злые воспоминания...

— Я тоже не думаю,— вежливо сказал Егор.

— А ты...— Кажется, он хотел спросить: «А ты почему же тогда упрекаешь меня»? Но сказал другое: — Ты сам-то откуда эту историю знаешь?

— От двоюродного брата. Он сын сестры Толика.. Отца. Тот ему много про детство рассказывал. А мне... А еще от Александра Яковлевича, от Ревска

— А! Так ты и с ним знаком!

— Знаком... Но он больше про «Крузенштерн» любит говорить, про съемки, когда они с отцом последний раз встретились.

— Я понимаю... Да, к слову. О Крузенштерне. И о дестве... Наша дружба с Толиком была, конечно, сложная. Но я думаю, Егор, она все же была. По крайней мере, теперь все вспоминается по-доброму. Обиды уходят, хорошее остается. Детство — оно любое хорошо. Со всем, что в нем было. Это начинаешь понимать только со временем...

— Вы говорили о Крузенштерне,— осторожно напомнил Егор.

— А он — тоже часть детства. Толик нам о нем рассказывал. Или книга у него какая-то была, или сам он про него сочинял... Сидим мы у нас на веранде, а То-

лик — историю за историей. О разных случаях во время плавания, о Резанове, о Головачеве... Много, конечно, забылось, но ощущение осталось. Понимаете, такое желание тайн и путешествий... И вот, ребята, — отговорил — же теперь Егору и Денису, — когда на старости лет януло памятью к детству, сделалось это воспоминание очень важным. А тут еще книги кое-какие попались старинные, статьи, документы в архивах. Ну и появилась мысль о повести... А начало положил, можно сказать, Толик Нечаев... Нет, ну надо же, встреча-то какая! Кто бы мог подумать. Егор, сын Толика...

Он говорил искренне. Он улыбался открыто. И слова, что начало повести положено Толиком, были... ну, честные такие и теплые. И Егор вдруг подумал — успокоенно и облегченно, — что вот и не надо никаких разведок, никаких распутываний.

Все справедливо. Давний житель Новотуринска Арсений Викторович Курганов написал повесть. Она потерялась, но не совсем. Толик Нечаев пересказал ее, кому смог. Один из слушателей запомнил эти детские рассказы и благодаря им сам пишет книгу. Пускай свою, но все равно в ней будет доля труда Курганова и Толика. Ничего не прошло бесследно. И схему в блокноте можно дочертить до конца и стереть вопросительные знаки. А рядом с именем Наклонова нарисовать книжку «Память» «Надежды» и к ней прочертить от Курганова и Толика две прямые черты.

И всё.

Всё? А линия Наклонов — Алабышев?

И снова разведчик ожил в Егоре. А ему уже не хотелось этого. Гораздо лучше, если не будет в этой истории никакой драки. Пускай случится наоборот. Пускай он, Егор, приходит в этот дом по-дружески. Много ли у него друзей-то...

— ...Я вот что думаю, — словно откликнулся на эту мысль Наклонов. — Летом, после ваших экзаменов, не махнуть ли нам в Новотуринск? Прямо на нашей колымаге! Втроем! Городок сохранился почти в неприкосновенности. Я поводит бы вас по старым местам, порассказывал...

Егор и Денис встретились взглядами и быстро опустили глаза. Олег Валентинович продолжал:

— Я понимаю, что в друзья никого не сватают, но,

может, у вас с Денисом нашлось бы что-то общее... Чем плохо, когда от стариков дружба передается сыновьям по наследству...

И опять они быстро глянули друг на друга. Лицо Дениса было близко от лампы, и Егор вдруг увидел, что глаза у него совсем не темные. Серые, как у отца. Раньше они казались темными, потому что прятались обычно в тени.

Денис как-то по-детсадовски шмыгнул носом и пробурчал:

— Одно общее у нас уже точно есть: мы оба голодные.

— Иннушка! — обрадованно заголосил Наклонов. — Мы хотим есть и пить!

Мать Дениса заглянула в кабинет.

— Мужчины! У меня все готово. Но куда я здесь поставлю посуду? Может быть, пойдете в столовую?

— Нет, здесь! — весело заупрямился Олег Валентинович. — Здесь уютнее! Денис, освобождай полигон!

Денис начал привычно хватать стопки бумаги и сгружать на пол, к стеллажам. Один раз оглянувшись на Егора — быстро и... так похоже на Игорька-горниста. И на Веньку. И тогда Егор, словно шагая в холод, спросил:

— Олег Валентинович, а тот кадет в вашей повести, Егор Алабышев — он вымышленный герой? Или был на самом деле?

Наклонов следил за Денисом, а сейчас быстро обернулся.

— А почему ты про это спрашиваешь?

— Ну... он Егор и я Егор. Интересно.

— Ах вот что!.. Не знаю. В списках выпускников Морского корпуса я его не нашел. Есть такие списки в книге профессора Веселаго... Но Толик об этом Егоре рассказывал. И о том, как он был кадетом, и о том, как стал офицером и погиб на Севастопольских бастионах. Я не стал менять имя. Если жил такой человек — хорошо. Если нет, я думаю, Толик бы не обиделся, что я позаимствовал это имя из его рассказов...

Ну теперь — в самом деле всё. Егор обмяк в недрах глубокого кресла. Хорошо все-таки, когда подозрения уходят, а загадки объясняются вот так, без боли...

...И дальше в самом деле было хорошо. Пили чай с

каким-то необыкновенным, невесомым, как облако, пирогом. Говорили про Новотуринск, про студию, про школу. Денис перестал глядеть исподлобья и со смехом рассказывал про недавнее классное собрание, на которое вызвали мать двоюродника Эдуарда Редьковского для объяснения, а оказалось, что это не она, а знатная ткачиха: ее пригласили в соседний класс на торжественную встречу, а она перепутала...

— А наша классная на нее с ходу давай нести: «Я на ваше производство напишу, как вы детей воспитываете!» А потом извинялась, ахала: «Это все опять из-за тебя, Редьковский! Почему ты не сказал, что это не твоя мама?» А он: «Но вы же всегда говорите, что учителю виднее»...

— Мне ты этого не рассказывал, — ревниво заметил Олег Валентинович. И пожаловался Егору: — Обычно из него двух слов подряд не вытянешь, а сегодня разговорился.

Денис сказал, что он развлекает светской беседой гостя.

Потом Наклонов на пари вызвался разгромить Егора и Дениса в сеансе одновременной шахматной игры. И разгромил за пять минут. И с сожалением посмотрел на часы.

— Наверно, Егору пора домой. А то влетит ему и нам.

— Не влетит, но пора...

Наклонов отвез Егора на машине, хотя тот повторил, что здесь и так недалеко. Теперь Денис и Егор сидели сзади, рядом. Молчали, но без натянутости. Когда прощались, Денис протянул руку — пальцы были очень тонкие, но крепкие. Сказал:

— Пока... Заходи.

— Ага. Может быть, загляну...

Наклонов спросил:

— Егор, а ты не знаешь, не осталось в бумагах Толика что-нибудь связанное с Крузенштерном? Вдруг он записывал что-то? Черновики какие-нибудь... Нет?

— Только те стихи. И еще портрет Крузенштерна. Он его рисовал, чтобы подарить... одному человеку.

У Егора не было теперь и тени подозрения, но называть Курганова он все же не стал.

...Уже в постели Егор подумал: как хорошо, что он сегодня не помчался сломя голову в Среднекамск. Трясся бы сейчас в вагоне, один со своими сомнениями и

глупыми шпионскими версиями. И неизвестно, чем бы все это кончилось. А теперь действительно есть что рассказать Михаилу...

И надо Михаила еще кое о чем расспросить. И тетю Варю — что она знает о характере брата... Неужели он в детстве так боялся грозы? Может, была еще какая-то причина, из-за которой он ушел от ребят в походе и поссорился с Наклоновым?

Так давно это было... И об этом давнем Егор мог судить только по рассказам людей, которые помнили, конечно, не всё... И тем не менее многое он уже знал. Он мысленно приблизил к себе фотографию ребят, снятых у сломанной эстрады в старом саду, превратил ее в киноэкран. И постарался представить лето сорок восьмого года как цветной фильм. Все по порядку... Вот бежит, спасаясь от погони, Шурка Ревский. Вот попадает в плен к робингудам Толик... Вот игры. Поход. Разбитый самолет... Потом один из мальчишек приносит Толику сломанный меч (знает Егор и про это!). И затем — одиночество. Про это Егор тоже знает... Одно утешение у Толика — рукопись Курганова. Мать печатает — он читает... А потом печатает и сам. Эпилог...

Э-пи-лог...

Что?.. Егор стряхнул одеяло и сел.

Толик Нечаев мог рассказывать ребятам о кадете Егоре Алабышеве. Но о капитан-лейтенанте Алабышеве рассказывать не мог. Он узнал о его взрослой жизни и гибели уже после ссоры с робингудами!

Егор вдруг вспомнил, как Наклонов быстро снимает и протирает большие блестящие очки...

ПИШУЩАЯ МАШИНКА «УНДЕРВУДЪ»

Егор хотел пойти к Ямшиковым утром. Самое время: Аркадий Иванович и Анна Григорьевна на работе, стесняться некого, а Ванька наверняка в первые дни каникул дрыхнет допоздна. Значит, дома... Но Алина Михеевна плачущим голосом сказала:

— Хотя бы в каникулы ты можешь помочь матери? Сколько я буду крутиться одна, как белка в колесе? За картошкой некому сходить...

Раньше матери помогала живущая неподалеку бабка,

крепкая и деловитая. Носила с рынка тяжелые сумки, делала уборку, стиркой занималась. Мать ей сколько-то там платила. Но теперь, когда «скоро останемся без единого гроша», от бабкиных услуг Алина Михаевна отказалась.

Егору не хотелось крика, жалоб и споров. Молча он взял сумку, деньги («сдачу проверь и не потеряй») и пошел на рынок. В квартале от рынка наткнулся Егор на Валета.

В этом году они встретились впервые. Валет вытянул губы дудочкой, приподнял брови и светски сказал:

— О! Какая приятность... Рад вас видеть, сеньор...

— Взаимно...— Егор остановился.

— Как поживаешь, Кошачок? Нигде не болит? Мурлыкаешь?

— А чего нам... Не каплет и не дует.

— И совесть чиста, верно?

Егор прищурил правый глаз и наклонил набок голову.

— Гибкое ты существо, Кошак,— с ноткой зависти сказал Валет.— Умеешь вовремя уйти в шелку.

Егор прищурил левый глаз и перекинул голову к другому плечу. Спросил:

— В смысле?..

— В смысле, что вовремя слинял из «таверны».

— А при чем «таверна»? Курбаши колесики катал на стороне.

— Катал на стороне, а зацепило и нас кой-кого...

— Ну ты, по-моему, вполне на свободе, и вид цветущий.

— Оно так... Но потаскали и меня. Знал бы, что они, гады, мне клеили...

Егор зевнул:

— Догадываюсь, что они тебе клеили.

— Да только фиг им! Доказательств-то фью... А тебя, значит, не трогали совсем?

— С каких бы это шей меня кто-то трогал?

— Ну... я подумал: вдруг узнали про кассету. Лишний козырь против Курбаши.

Егор начал смотреть на Валета долгим насмешливо-сожалеющим взглядом.

— Не было кассеты,— наконец дошло до Валета.

— Ты умный мальчик.

— Я вообще-то с самого начала предполагал. А Курбаши трясся и бледнел: «Есть она, есть, я чувствую...»

— Дотрясся он и без кассеты,— вздохнул Егор.

Валет сказал опять:

— А ты гибкое существо.

— Хочешь жить, умей вертеться,— подыграл Егор.

— А жить ты хочешь,— полувопросительно заметил Валет.

Егор моментально подобрался:

— Это как понимать?

— А так, Кошачок. Хочу намекнуть по-дружески. Кто-то оч-чень недоволен горькой судьбой Копчика. Слышал я это стороной... Считают, что ты здесь во многом виноват.

— Я?! — рывкнул Егор.— Значит, это я на Веньку с шилом полез?! А сволочь Копчик ни при чем?

Валет улыбнулся с оттенком превосходства:

— Не надо так примитивно... Выражаясь по-научному, ты был источником первоначального конфликта. Сперва стравил Копчика с Редактором, потом на Копчика же накапал Венькиным предкам...

— Это кто же пришел к такому... научному выводу? — ехидно прищурился Егор. Но душа у него заглохла.

— Любой придет, если поразмыслит. И ты сам...

— Я не стравливал Веньку и Копчика...— Егор постарался твердостью тона скрыть внутреннюю беспомощность.— У них было это еще до меня. И на Копчика я не капал. Я хотел уберечь Ямшиковых от поджога, а на Копчика, как такового, мне было начхать. К тому же я его предупредил честно, при всех...

«Чего я оправдываюсь?» — подумал Егор.

Валет примирительно сказал:

— Да мне-то что? Я тебе только намекнул, чтоб ходил с оглядкой, особенно после захода солнца. Если Копчику срок отвалит, Салтан это так не спустит...

Егор знал, что суда еще не было. Тянулось неспешное следствие. Чижа и Хныка выпустили, потому что Венька сам рассказал, что они к нему не лезли. Когда Копчик выхватил «пику», Хнык отскочил и зажмурился, а Чиж чуть ли не пытался схватить Копчика за рукав. Значит, они не «соучастники»... А самого Копчика уже второй раз обследовали в психбольнице. Мамаша его и адвокат пытались доказать, что «у мальчика есть отклонения».

Шизик, мол, Копчик и за себя не отвечает... Чего доброго, еще и выкрутится, гад... Нет, едва ли.

— Кольчугу под камзол советуешь надевать? — спросил Егор у Валета. — Ну ладно, благодарю за информацию...

Егор давно уже заметил, что есть в жизни такой закон — «одно к одному». И он ничуть не удивился, когда пришел с рынка и обнаружил в почтовом ящике записку — рваный клетчатый листок с печатными буквами: «Кошак, шкура продажная, учти, попомнишь Копчика». «Учти» было написано с мягким знаком после «ч», а «попомнишь» без мягкого знака в конце. И нарисован был жирной шариковой ручкой зловещий кривой финяк.

Егор хмуро посмеялся. Записка наверняка была самодельностью «мышат» из компании Салтана. Это не страшно.

Это вообще было не страшно. Если бы знали приятели Копчика и сам царь Салтан, как в январские дни мечтал Егор, чтобы прихватили его в темном углу! Он иступленно дрался бы до последнего дыхания! И пусть измордовали бы до полусмерти! А еще лучше — всадили бы железо, как Веньке! Чтобы лежал он с Венькой в одной больнице и чтобы все поняли, что пострадали они оба от одних врагов. И что нет на Егоре вины...

Не так уж много вероятности, что в такой свалке забьют насмерть. Ну, а если и случится, то что ж...

Егор перечитал корявые строчки. Дурачье... Умом он понимал, что опасность есть. В самом деле могут подкараулить, и никакая милиция, которая «меня бережет», здесь не поможет. Она оказывается на месте происшествия уже потом. Как в случае с Венькой... Но страх так и не появился, даже легкого холодка не было. Егор подумал, что при желании не так уж трудно разыскать, кто писал и кто подбросил. Если заняться всерьез. Но сейчас его в сто раз больше тревожила другая загадка: Алабышев — Наклонов. И нужен был Гай...

Днем дома у Ямшиковых никого не оказалось, и Егор пришел второй раз — уже в пятом часу.*

Открыл Ваня. Губы у него были перемазаны, он сладко водил по ним языком.

— Варенье лопал, — сказал Егор.

— Ага... Там все равно банка почти пустая, я ее выскреб, чтобы вымыть.

— Видать, не маленькая банка-то...

— Ага, трехлитровая... А у нас еще полная есть. Хочешь варенья с чаем?

Егор сказал, что он вышел из возраста, когда любят варенье с чаем. Чай с вареньем — еще туда-сюда.

— Можно и так,— согласился Ваня. Видно, ему нужен был законный повод, чтобы распечатать новые запасы варенья. Но Егор объяснил, что хочет сначала дозвониться до Среднекамска.

— Разрешаешь?

— Чего спрашивать-то,— сказал Ваня.

Егор потянулся к телефону и помянул черта. Он все время забывал сменившийся в январе номер Гаймуратовых. То ли «ноль два — двенадцать», то ли «двенадцать — ноль два»... Он вытащил из кармана листок со стихами Толика, на котором в тот январский вечер записал телефон. Листок в кармане был всегда — это стало для Егора уже привычкой и чем-то вроде доброй приметы.

«Пятьдесят семь — ноль два — двенадцать»...

Ответила Галина. Удивилась:

— А разве вы не встретились? Гай вчера поехал к вам...

— Ко мне?

— Вообще-то по своим делам. Но хотел и тебя увидеть.

«Может, и заходил, да мать не сказала,— подумал Егор.— А может, ее самой дома не было...»

— Я тогда помчусь домой! Может, еще зайдет!

— Едва ли. Он хотел вернуться нынче к вечеру. Наверно, сейчас уже в дороге...

— А что случилось-то? Зачем он поехал? — встревожился Егор. Голос у Галины был расстроенный.

— Неприятности там крупные. Беда с одним мальчиком...

— С Витьком? — испуганно и глупо спросил Егор.

— Да при чем здесь Витек... Вот он, рядом, цветет, как ясный одуванчик... По службе у Гая это.

— Но он же уволился!

— Да, но это старое дело...

— А какое?

— Егор, он сам расскажет. Позвонит...

Егор положил трубку и только тогда сообразил: куда Михаил позвонит-то?

Он расстроено сел возле столика с телефоном. Обшлагом зацепил, смахнул на половик лист с номером. Ваня, который крутился рядом, быстро поднял бумагу, пригляделся к стихам.

— Ой... на нашей машинке напечатано. Да?

— Что?..— Егор думал о своем. Какие там беды у Гая и стоит ли сейчас ехать в Среднекамск?

— Это на нашей машинке напечатано,— повторил Ваня.

— Что напечатано?.. Почему на вашей?

— Ну, сразу же видно! Вот у буквы «фэ» колечко разорвано. А у «рэ» ножка скособочена... Это что за стихи?

Какие порой случаются в жизни повороты! И соепадения!.. А может, не просто совпадения? Может, счастливые находки идут в руки тем, кто ищет? Может, в этом справедливость судьбы?

...Ваня даже оробел от натиска Егора: что за машинка, откуда?

Ну, обыкновенная старая машинка, она у Ямшиковых с незапамятных времен. Папа еще мальчишкой был, когда выменял ее у своего приятеля... Откуда она у приятеля взялась? Надо у папы спросить, Ваня не помнит... Помнит только, что, кажется, этот приятель папин машинку из Среднекамска привез, когда в наш город переехал. Вроде бы на какой-то школьной свалке он ее нашел, сломанную совсем, а потом кто-то помог починить... Ее и теперь чинить приходится все время.

— А где она, Вань?!

— Я же говорю! Папа ремонтировать унес, я попросил... Одному знакомому. Тот на все руки мастер, хоть какую технику может наладить... Папа тоже может, но говорит, что тот лучше...

— Черт, не вовремя... Вань, а машинка называется «Ундервуд»? И с твердым знаком на конце?

— Ага...

— И деревянная подставка у нее есть?

— Есть...

— А какая?

— Ну... подставка как подставка. Из доски...

— А не из фанеры?

— Я не помню... Нет, она толстая. И покрашенная.

— Ваня, дело вот в чем...— У Егора от волнения сел голос.— Это может быть не доска, а... как бы плоская фанерная коробка. Пустая внутри. И там тайник... Ты не знаешь?

Ваня помотал головой. И вдруг насупился. Потребовал:

— Ну-ка расскажи.

Рассказ о листах старой рукописи, спрятанных в подставке «Ундервуда», Ваня выслушал, раскрыв перемазанный рот. Впервые коснулась второклассника Ваниюшки Ямщикова настоящая тайна. Эхо приключений прозвучало в углах привычной квартиры...

Сначала Егор поведал эту историю очень коротко, самую суть. Но Ваня утащил его в их с Венькой комнату, усадил на нижнюю койку и начал обстрел вопросами. И глаза у него были умоляющие. И Егор выкладывал ему, Венькиному братишке, все новые и новые подробности. И про Толика Нечаева, и про Гая, и про съемки на «Крузенштерне». Только о подозрениях насчет Наклонова не сказал. Ни к чему это знать девятилетнему пацану. Пусть считает, что Егор просто ищет следы кургановской повести... Скоро Егор уже сам увлекся и рассказывал, не дожидаясь вопросов. А когда он замолкал, слышал частое Ванино дыхание, который, замерев, притерся к нему... А кроме этого дыхания будто слышалось в тишине щелканье хронометра...

— Егор,— наконец шепотом сказал Ваня.— Машинку-то папа сегодня принесет, он обещал. Все узнаем...

— А ты уверен, что машинка — та самая?

Ваня прыгнул, стукнул об пол коленками и локтями, выволок из-под койки пачку плотных листов. Откинул верхний.

— Смотри!

Это была газета «Новости Находки» с текстом, отпечатанным на машинке. И с первого взгляда стало ясно, что шрифт у записок и у стихов Толика один и тот же. Загнутая ножка буквы «р», порванное очко у «ф». И полустертая нижняя точка в двоеточии. И косо поджатый хвостик у «щ»...

Все это было так очевидно, что не требовало даже долгого разглядывания. И, сравнив буквы, Егор заинтересовался самими газетами. Было чем заинтересоваться!

Пестрые, удивительно разноцветные листы, картинки с пейзажами незнакомых планет, столбцы рассказов со словами «продолжение следует»...

— Вань, это что?

Ваня объяснил. Про планету Находку, про игру такую, Егор слышал от него и раньше и глобус не раз крутил, но про газеты не знал. И хотя все мысли были о тайнике в подставке «Ундервуда», Егор не удержался — начал листать номера «НН»...

Да, что и говорить, Венька — талант. И в рисунках талант, и в рассказах своих... Егор зачитался приключениями школьника Ноль-с-Плюсом на планете Земля. Классной Розе почитать бы! Вот бы укусное лицо сделала: «Йи опять одно и то же! Совершенно не та йидея!»

— Вань, это как же? Так все эти газеты и лежат под кроватью?

— Ага... Новый номер сперва висит, а потом — в пачку. А где еще хранить-то?

— Это все люди должны видеть! Это же интересно!

«И чтобы убедились, какой он на самом деле, Венька Ямщиков! Он действительно — Редактор. Без насмешки...»

Ваня сказал:

— Стрельцов приходил. И еще ребята. Тоже смотрели.

— Да много ли их, ребят-то? Вот если бы в школе повесить!

— Разве можно?

— А что такого? Сделать выставку... А?

Ваня быстро облизал засохшее на губах варенье.

— Это бы здорово...

— А Венька не рассердится? Скажет вдруг: зачем без разрешения...

— Не-е! Он сам жалел, что мало читателей, я знаю... А почему без разрешения? Я ведь тоже... Это наша вместе газета.

Егор подошел к телефону...

— Бутакова? Привет, это Петров... Стоп, не бросай трубку, я по делу... Знаю, что не хочешь со мной разговаривать. И кто я такой, знаю... Подожди, разговор не о твоих поэтических талантах. Не ты одна у нас литературное светило... Да постой ты! Ну хорошо, хорошо, я приношу свои искренние извинения... Ты можешь при-

ехать сейчас к Ямшикову? Нет, он в санатории, зато я здесь. У него. И брат... Приезжай, узнаешь... Не фокусы, а серьезное дело! Ну, можешь ты хоть раз выслушать меня по-человечески, ду... думать надо... Не хотел я сказать «дура», не выдумывай, это у тебя комплекс... Не тайна, а долго объяснять. Приезжай, увидишь здесь такое!.. Давно бы так...

Надо отдать должное Бутаковой. Когда она появилась, о скандале в студии больше не упоминала, газетам восхитилась, идею выставки нашла гениальной. Так и сказала:

— Петенька, ты гений. Даже не ожидала...

Всех газет было слишком много. Втроем они отобрали два десятка самых интересных номеров. Потом Ваня вскипятил чайник и уже без колебаний открыл трехлитровую банку с вареньем.

Светка сказала, что газеты заберет с собой сразу. Пока идут каникулы, она договорится с вожатой, чтобы найти в школе место и устроить выставку как полагается. И пусть все видят, какие у людей бывают способности, а то теперь все такие невнимательные друг к другу. Попал человек в беду, поговорили об этом пару дней, а сейчас почти никто не вспоминает. Может быть, эта выставка всколыхнет коллектив...

— Ты только смотри не посеяй газеты по дороге,— прервал Егор активистские речи Бутаковой.

— А ты мог бы помочь мне отнести их!

Егор заколебался и почему-то даже смутился. Но Ваня решительно сказал:

— Газеты не тяжелые. А Егор не может тебя провозить, мы папу ждем, у нас еще одно важное дело.

Когда Бутакова ушла, Егор опять сел на Ванину койку и начал смотреть оставшиеся номера «НН». Ваня позвякал на кухне посудой (видимо, вымыл) и приткнулся рядом. Совсем прильнул. Дышал тихонечко...

«По Веньке скучает»,— вдруг понял Егор.

Обычно Егор или сторонился «мышат», или разговаривал с ними тоном насмешливо-жесткого приказа. А если нельзя было сделать ни того, ни другого, он ощущал тягостную скованность. Даже на Заглотыша он смотрел со смесью пренебрежительной жалости и брезгливости и

вздыхнул с облегчением, когда сплавил его Михаилу и Галине...

А с Ванюшкой было Егору легко. То ли потому, что не похож был младший Ямшиков на обычного «мышонка», то ли потому, что в самом Егоре что-то менялось... «А может, потому, что Венькин брат?» — спросил он себя. И вдруг вспомнил разговор с матерью, что нет у него, у Гошки, младшего брата.

И Ревский вспомнился: «Ты никогда не сможешь быть братом».

Нет, товарищ Ревский, режиссер вы, наверно, неплохой, а пророк так себе...

Кстати, надо позвонить Ревскому. Возможно, Михаил заходил к нему и Александр Яковлевич знает, что там у Гая случилось... Егор осторожно освободил левую руку из-под прижавшегося Ванюшки, взглянул на часы. Ваня быстро сказал:

— Ты не уходи, папа скоро придет.

— Мама придет, наверно, еще скорее, — опасливо заметил Егор.

— Не, она дежурит сегодня... А папа машинку принесет. Сразу все узнаем.

Конечно! И во время возни с газетами, и во время разговора с Бутаковой, и во время размышлений о «мышатах» и братьях прочно сидело в Егоре это главное ожидание: «Машинка. Тайник. Эпилог...» Все сделается ясным, все встанет на свои места!.. А Михаил будет просто ошарашен! Забудет о всех своих горестях... Но все же что там у него?

Егор опять шевельнулся. И опять Ваня попросил:

— Не уходи.

Наверно, ему очень не хотелось оставаться одному.

— Вань, я только позвоню...

Но тут затрезвонил колокольчик в коридоре.

— Папа!

Это действительно пришел Аркадий Иванович. Ваня, выгибаясь от тяжести, радостно приволок в комнату брезентовую сумку. Изнутри ее распирали твердые углы.

— Давай! — выдохнул Ваня. Дернул на сумке молнию. — Берись...

Аркадий Иванович что-то весело рассказывал в коридоре, но Егор и Ваня не слышали... Черт, как цепляются за парусину всякие рукоятки и рычажки... Вот

она, машинка! Тусклые золотые буквы на каретке — «Ундервудъ», дребезжащие клавиши, желтое лаковое дерево подставки...

Почему лаковое? Ваня же говорил, что краска...

Машинка со звяканьем встала, почти упала на половицы. Ваня смотрел на Егора перепуганными глазами. Потом закричал:

— Па-па!!

Аркадий Иванович буквально влетел в комнату.

— Па-па! Где старая подставка?!

— Да ты что? Эта же лучше! Сергей специально сделал, та совсем облезлая была, щепастая...

— Но она... где?— уже шепотом спросил Ваня. Он еще надеялся. А Егор понял сразу, что надежды нет, и обмяк, будто от большой усталости. Гóря он даже не чувствовал. Так, безразличие какое-то и скука...

— Она где?— тонко повторил Ваня.

— Да где ж... Выкинул Сергей. На огороде мусор жгли, ну и вот...

— Она точно сгорела?— тихо спросил Егор.

— У меня на глазах... А в чем дело-то?

Ваня вдруг беззвучно заплакал, выдернул подол майки, начал сердито вытирать лицо. Первая в жизни встреча с тайной обернулась обманом.

— Ребята, да что случилось-то? Ваня...

Тот сквозь слезы посмотрел на Егора.

— Ты, Вань, расскажи сам...— хмуро попросил Егор.— А я пойду позвоню. Можно?..

Телефон Ревского долго отзывался равнодушным пиканьем — занято. И Егор был даже рад. Не хотелось возвращаться в комнату, пока у Вани слезы, пока он объясняется с отцом. И Ваньку жалко, и самому неловко — как неудачливому игроку, который раньше срока объявил о своей победе. И вообще... говорить надо будет что-то, объяснять, а к чему теперь слова?

Телефон ответил наконец. Сам Ревский.

— Егор? Вот хорошо... Гай приезжал, искал тебя, ругался: где тебя носит?

— А что с ним?

— Да с ним-то ничего...

— Александр Яковлевич, можно мне зайти к вам? Столько всего, надо посоветоваться. У меня мозги перепутались...

- Приходи обязательно.
- А можно сейчас?
- Давай!

ГОЛОС

— Ну, что там у него случилось-то?— спросил Егор, едва они с Ревским вошли в комнату.

Ревский кутался в пижамную куртку, похожую на обрезанный махровый халат. Он сел на диванчик старинного вида, с гнутой спинкой и завитушками. Кивком показал Егору на кресло.

— Тяжелая история... Осенью Гай привез сюда из приемника одного беглого мальчонку, Димкой звали... Димка этот не жулик, не бродяга, а сбежал, потому что мать спланировала его в интернат... Не рассказывал тебе Гай про это?

Егор нетерпеливо покачал головой. Ревский кивнул.

— Понятно. Случай-то не такой уж трудный на первый взгляд... Гай поговорил с матерью Димки, убедил ее вроде бы, что мальчику в интернате не жизнь. Бывают такие, что не могут без дома, чахнут от тоски. Мать сперва: «Ладно, ладно, я понимаю...» А потом опять его туда же. Ты, мол, Димочка, должен понять: дома братик или сестренка маленькая скоро будет, тесно, трудно... А Димка в интернате совсем извелся, написал Гаю письмо: «Михаил Юрьевич, пожалуйста, ну пожалуйста, приезжайте, поговорите опять с мамой, я так больше не могу...»— Ревский вдруг закашлялся, потом сжал губы. Сказал, глядя мимо Егора.— Я это письмо видел...

— И... что?— шепотом спросил Егор.

— Гай понял, сорвался сюда... А Димки уже нет. Вечером в раздевалке — веревку на крюк и в петлю головой...

Ревский замолчал, забарабанил пальцами по тугому диванному сиденью. В соседней комнате, где обитали его сыновья-студенты, под равномерное уханье музыки пел женский магнитофонный голос:

Нам не вернуться до срока,
В ритме тяжелого рока
Будешь опять одиноко
С тенью судьбы танцевать...

«Чушь какая», — машинально подумал Егор. Тяжело сказал:

— И теперь Гай казнится, что опоздал...

— Он не виноват, что опоздал. Письмо написано в начале марта, а на штампе на конверте — двадцатое число. Гай в момент разобрался, в чем дело. Специалист все-таки...

— А в чем... дело?

— Письма-то ребята для отправки воспитателям сдают. А те, конечно, любопытствуют. Какие-то письма совсем не посылают, если там жалобы, какие-то задерживают: чтобы вскрыть, прочитать, заклеить, отослать, тоже время надо. Ну вот, Димкин воспитатель и проволынил. Может, сперва совсем отправлять не хотел, а потом все же решил. А пока письмо шло...

— А что за воспитатель? — спросил Егор. И почему-то вспомнил Поп-физика. Такой же, наверно...

— Гай говорит, молодой, уверенный. С вузовским значком... Умный, говорит.

— Умный?

— Да... Сказал Гаю: «Вы юридически ко мне не подкапаетесь».

— А Гай что?

— Гай... он и есть Гай. Сказал: «Вы ко мне тоже. Свидетелей нет...»

— И дал по морде?!

— Несколько раз... А потом пришел ко мне, просто черный весь... Я его какими-то каплями отпаивал, жена дала. А он все твердит: «Что же теперь делать?»

— Да ничего ему не будет! — горячо сказал Егор. — Свидетелей же не было! А если бы даже и были... Ну что, тот тип в суд, что ли, пойдет? Да его самого надо... — Он словно споткнулся о взгляд Ревского.

— Егор... Гай разве об этом? Он о мальчике...

Егору захотелось зажмуриться от стыда. Но он только отвернулся. Сказал коряво и с запинкой:

— Теперь... с этим-то что сделаешь... Раз нет его... Магнитофон пел:

Как по велению рока,
Без остановок и срока
В ритме тяжелого рока
Танец твой не-у-мо-лим. .

— Молодежь!— громко сказал Ревский.— Сбавьте вы на полтона ваш рок, ей-богу...

Молодежь сбавила. Ревский откинул голову и, глядя в потолок, проговорил:

— В человеческом мышлении господствует закон оптики...

Егор посмотрел на него с сумрачным вопросом.

— Очень просто,— объяснил Ревский.— Свои мелкие заботы и несчастья кажутся важнее больших, но далеких. Не своих... Муха, которая летает у твоего носа, выглядит крупнее самолета. И так во всем... Человечество давно уже по сути дела живет на сундуке с динамитом и гасит окурки о его щелястую крышку. Но этот факт занимает нас в общем-то меньше, чем ежедневные проблемы: скажем, неуды в зачетках, как у моих балбесов, или загубленный в Госкино сценарий, как у меня самого... Возможно, такой подход к явлениям бытия и разумен, иначе жизнь была бы невыносима... Но есть в этом что-то подлое...

Егор, не глядя на Ревского, спросил:

— А сколько лет было этому Димке?

— Не знаю... Видишь, даже не знаю, не поинтересовался... Вот мы с тобой пожалеем его, содрогнемся даже, а вскоре перестанем о нем думать — у каждого свои дела.

— Ну так что же,— неловко сказал Егор.— Так у всех...

— Кроме Гая! Он так не может, у него на каждую человеческую болячку свой нерв. А болячки не лечатся, а нервы горят... Мать и Галка за его позвоночник страдают, но это чушь, с такой спиной до ста лет скрипят. А сердце он сожжет ко всем чертям, жениться не успеет... Кстати, ты знаешь, что ночью он летит в Севастополь?

— Откуда мне знать? Мы же не виделись.

— Он ходил к тебе вчера вечером, когда немного успокоился... Не застал тебя... А сегодня утром он ездил на кладбище. На Димкину могилу.

— В хорошеньком настроении он полетит в Севастополь...— отозвался Егор.— А когда он вернется? Мне его надо до зарезу.

— Через неделю. С первого апреля он должен пойти на работу в газету. По договору... Если, конечно, не будет скандала из-за пощечины.

— Жалко, что мы не увиделись. Черт принес за мной вчера вечером Наклонова...

— А! Так он отыскал тебя?

— А вы откуда знаете? Что он меня искал?

— Вчера около восьми часов он звонил мне. Спросил, не знаю ли я твоего адреса. Объяснил, что ты ему нужен по каким-то делам литературного клуба. Я, признаться, и не подозревал, что ему известно... твое происхождение... Но он спешил, объясняться было некогда. Адрес я дал.

Егор подумал. Вспомнил. Сопоставил. Медленно сказал:

— Д-да... дипломат. А мне потом говорит: «Ты разве с ним знаком?» С вами то есть.

— Странная история. Если не секрет, зачем ты ему столь срочно понадобился?

— Почуял, что хвост прищемило,— зло сказал Егор.

— Выразительно, но непонятно...

— Я объясню. По порядку, ладно?

Ревский не перебил ни разу.

— ...Я так и сяк вертел в голове эту историю,— закончил Егор.— Ну, не мог Толик рассказывать о гибели Алабышева. Верно ведь?

Ревский сидел, откинувшись к спинке дивана и наклонив курчавую голову. Он похож был на Пушкина, который изрядно постарел и сбрил бакенбарды.

— Насколько мне помнится,— медленно сказал Ревский,— Толик совсем ничего не говорил про Алабышева. Я отлично помню то лето и наши разговоры. Толик вообще лишь однажды упомянул о рукописи, когда мы говорили об острове Святой Елены. И никогда он повесть Курганова нам не пересказывал... А про Алабышева я впервые услышал в шестьдесят седьмом году, на «Крузенштерне»...

— Вот видите! Значит, Наклонов мог узнать про него только из рукописи! Правильно?

Все так же медленно и слегка отрешенно Ревский проговорил:

— Детективная история в стивенсоновском духе... и с грустным оттенком.

Егор не стал уточнять, откуда грустный оттенок.

Он и сам его ощущал, но не это было главное.

— Александр Яковлевич, как вы думаете? Могла рукопись как-то оказаться у Наклонова?

— Теоретически это не исключено...— Ревский рассеянно прошелся пятерней по шевелюре.— Можно предположить... например, так. Мы той осенью да и следующим летом увлекались сбором утиля. По городу ходили старьевщики — агенты «Вторсырья» с тележками, мы им сдавали всякое барахло. И бумагу старую тоже. Не так, как сейчас макулатуру, а вместе с рваными калошами, тряпьем, всякой рухлядью. А взамен получали копейки или игрушки — пистолетики, свистульки... Ну, а утиль-то надо было добывать, вот и бросил Олег наш отряд на поиски. По дворам, по свалкам, по чужим чердакам... Чердаки — это было особенно заманчиво. По вечерам, с фонариками, масса страхов и приключений. И находки самые неожиданные: то лампа старинная, то подшивка «Нивы»... Ну, и папки с бумагами всякие... Вечером свалим трофеи у Олега на веранде, а утром разбираем.. Не исключено, что копался в добыче он и без нас, заранее. И мог наткнуться на рукопись. Если она как-то попала из комнаты Курганова на чердак...

— А могла попасть?

— Ну, об этом я так же, как и ты, могу лишь догадываться... Скажем, дочь Курганова не обратила внимания, выкинула с другими бумагами, а соседи убрали наверх. Или еще как-нибудь... К тому же это лишь одна версия. А могло быть иначе. Например, взрослый уже Наклонов обнаружил рукопись в каком-нибудь Новотуринском архиве. В архивах, как и на чердаках, порой попадают самые неожиданные вещи... А как было на самом деле, мы теперь скорее всего никогда не узнаем. Да и не это главное.

— Главное — узнать бы: правда ли, что он списал повесть у Курганова?— возбужденно сказал Егор.

И, словно желая погасить его азарт, Александр Яковлевич грустно ответил:

— Главное, что не хочется верить... будто Олег способен на такое.

— «Способен, не способен»...— Егор досадливо съелся.— Теперь-то все равно ничего не доказать... Ой, Александр Яковлевич! А машинка-то ведь есть! Руко-

пись-то на ней напечатана! Если она у Наклонова, можно сверить шрифт!

— И что же ты хочешь? «Внедриться» в квартиру Олега Валентиновича, обшарить ящики, найти нужные листы и провести экспертизу?

— Ну а хотя бы!— вскинулся Егор. Но под грустно-внимательным взглядом Ревского его запал почему-то угас.

— Возможно, той рукописи уже и нет,— помолчав, сказал Ревский.— Даже если она была, Наклонов мог ее перепечатать, а оригинал уничтожить. От греха. А если и не уничтожил, то сожжет сейчас или запрятет подальше. Поскольку что-то почуял...

— Александр Яковлевич! Вот вы говорите «не хочется верить». А сами, значит, думаете так... что он может?

Ревский толчком поднялся с дивана и заходил, почти забегал из угла в угол. Остановился. Сказал:

— Никуда не денешься... Судьба, что ли?

— В чем судьба-то?— неловко спросил Егор. Ревский схватил стул, сел перед Егором.

— В том, что такой разговор. И вообще все это... Я с тобой говорю сейчас не как с мальчиком-восьмиклассником, а как... ну, как с Толиком, что ли. Ты его сын. Поэтому честно. Мне кажется, что... в какой-то момент Олег это мог...

— В какой момент?

— Ну, не сразу же... Возможно, рукопись попала к нему в робингудовские времена. Он читал, знал, что она связана с Толиком. Была она как память о детстве. Привык к ней, считал, может быть, почти своей... А потом узнал, что Толика нет уже на свете и других экземпляров рукописи тоже нет...

— А откуда он мог узнать, что нет экземпляров?

— Увы, от меня... Осенью шестьдесят седьмого, после гибели Толика, мы встречались с Олегом в Ленинграде, я рассказал все, что случилось. Мы долго тогда говорили. Под настроение я поведал и всю историю кургановской рукописи. Как ее Толик на «Крузенштерне» рассказывал. И про то, как сжег Курганов первые два экземпляра, тоже упомянул...

— Да,— жестко сказал Егор.— Теперь понятно... Автора нет, Толика нет, доказательств нет. А единствен-

ный экземпляр — у Наклонова. Ставь свою фамилию и печатай... Странно только, что он не сделал это сразу. После разговора с вами.

— Если считать Олега действительно виноватым... то не странно, Егор. Тогда жива была еще Людмила Трофимовна, мама Толика. И наверно, редактор был жив, который читал рукопись в издательстве...

— А может быть, и сейчас жив.

— Не знаю... Я ведь только предполагаю все это. Но тридцать пять лет прошло... А скорее всего, есть еще одна причина, по которой Олег не сразу...

— Какая же? — со злой ноткой спросил Егор. Потому что почуял в голосе Ревского сочувствие Наклонову.

— Самая главная... Чтобы решиться на т а к о е, надо переступить через себя... Олег, прямо скажем, писатель не блестящий. Книжки у него средненькие. Пишет о том, о другом, хватается за разное, а главной темы, стержня для себя найти не может. Это уж кому сколько таланта отпущено... А человек он умный и все это понимает. Годы меж тем идут, и ясно уже, что в классики не выбиться... А в то же время все эти годы лежит рядышком готовая рукопись, которая совсем ничья. И видимо, талантливая. Вот и начинает точить мысль: «Она же все равно пропадает. Не все ли равно, чья там будет фамилия? Главное, чтобы ее прочитали...» Ну, и остается сделать два шага, Егор...

— Какие?

— Первый — переступить через самолюбие. Признать полностью, что сам по себе автор ты неудавшийся и без этой чужой повести имя свое известным не сделаешь... А второй шаг — через совесть. Надо ее как-то успокоить. Убедить, что в поступке этом ничего особенного нет. Мол, и раньше бывали в литературе заимствования. И еще такая мысль: «Я ведь не все подряд возьму, кое-что изменю...» Возможно, и в самом деле изменил кое-какие страницы...

— Вы все так рассказываете, будто...

— Что?

— Будто все точно знаете.

— Ты, Егор, по-моему, не это хотел сказать.

— Ну... будто с вами самим когда-то такое же было, — сердито бухнул Егор и почувствовал, как горят уши.

Ревский не обиделся, не вспылil. Сказал грустно:
— Наверно, у многих такое бывает. Хоть раз в жизни. Только один человек делает шаг, а другой... поболтает ногой в воздухе и поставит обратно. Тут граница хрупкая... Егор, Наклонов человек сложный, но... не подонки же он. Скорее, он неудачливый человек, несчастливый... В нем много хорошего. И когда он говорил с тобой о Толике, о том, что во многом благодарен ему, он был наверняка искренен. Детство — это то, что предать труднее всего.

— А яма? В том же самом детстве, — тихо, но упрямо сказал Егор.

— Ну, яма... В мальчишечью пору кто не делает глупостей. Тут и самолюбие, и обида чрезмерная, и недомыслие... У какого мальчишки совесть без пятнышек, а?

Егору захотелось уткнуться носом в колени. «Дофилософствовал, дурак?» — мстительно сказал он себе.

— А к тому же, — продолжал Ревский, — я рассуждаю отвлеченно. Может, никакой истории с рукописью не было. И, честное слово, я буду счастлив, если смогу это узнать.

— Ничего вы не узнаете, — уныло сказал Егор. — И никто не узнает. Последняя надежда была — эпилог в тайнике машинки. Можно было бы сравнить с наклоновским эпилогом и доказать. А теперь что, раз подставка сгорела...

Ревский растопыренной ладонью потер лоб и глаза. Мотнул курчавой головой, словно прогоняя дремоту. Или сомнения?

— Да... Оказывается, ничего в этой жизни не случается зря... Егор, один знаменитый персонаж в одном знаменитом романе сказал: «Рукописи не горят»...

Егор быстро поднял глаза. Ревский встал.

— Это справедливо, по крайней мере, по отношению к вышеупомянутому эпилогу...

— У вас есть копия?! — Егор рванулся из кресла.

— Копии нет. Но когда Толик на «Крузенштерне» читал эпилог наизусть, мы с Изой включили студийный магнитофон... Микрофон был на штанге, в стороне, Толик и не заметил. Но записалось отчетливо.

Ревский шагнул к стеллажу, стал двигать на полке книги, папки, плоские коробки. Егор почувствовал, как слабеет от волнения. Тьфу ты, нервная дама... Он опять

сел. С приколотых к стеллажу крупных фотографий на Егора смотрели знакомые и незнакомые артисты и режиссеры. Каждый по-своему: кто насмешливо, кто ободряюще. А за дверью звучало приглушенно:

Что наша жизнь за морока —
В ритме тяжелого рока...

Вот холера! Теперь этот мотив засядет в мозгах! Чтобы перебить его, Егор «включил» в памяти другое:

Мы помнить будем путь в архипелаге...

И еще:

После тысячи миль в ураганах и тьме
На рассвете взойдут острова...

Песня, которую пели на «Крузенштерне». В те дни, когда Анатолий Нечаев читал там последнюю часть кургановской повести.

...Ну что столько времени возится Ревский? Сейчас скажет: «Не знаю, куда подевалась пленка...»

Ревский достал плоскую коробку. Шагнул к двери.

— Юноши! Кончайте ваше «роковое томление», мне нужен магнитофон... Что? Потерпите. Тащите живо...

Рослые, совершенно одинаковые Илья и Яша принесли тяжелый, как сейф, «Юпитер». Сказали Егору «привет» и удалились, демонстрируя возмущение отцовским произволом.

Ревский поставил на «Юпитер» большую бобину.

— А Гай разве не знает про эту запись?— спохватился Егор.— Он ничего не говорил...

— Гай не знает...

— Почему?

Не оборачиваясь, Ревский объяснил неохотно:

— Сперва я просто боялся об этом говорить, напоминать про все. Гай и так был не в себе. А потом... Знаешь, у каждого бывает что-то очень свое. Вот так и эта пленка для меня. А Гая не хотелось мне лишний раз бередить, да и виделись мы не часто. Ну, слушай... Егор Нечаев...

Сначала был слабый электрический шелест, потом за этим шелестом возникло ощущение широкого пространства, в котором тихо дышали десятки людей. И нако-

нец негромкий, но отчетливый молодой голос произнес:
— Конец тысяча восемьсот пятьдесят четвертого года в Крыму был необычным...

Егор закрыл глаза.

Он слушал и ловил себя на том, что порой не вникает в содержание, а пытается представить, как это было. Ночь над бухтой, курсантов на палубе, трапах, шлюпках. И Толика... который вот он, будто живой, будто сейчас говорит перед притихшими людьми. Руку протяни — и дотронешься до его локтя...

Егор давно уже не думал о Толике как о чужом. Наоборот. Был Толик самый свой, что ли... Но думать о нем как об отце Егор все равно не мог. Он ощущал его скорее как старшего брата. Вроде Гая. Впрочем, так ли это важно? Толик — и всё. Иногда казалось, что он жив и где-то неподалеку. Но сейчас горькое сознание, что его нет — хотя голос вот он, звучит рядом, — резануло Егора. Так, что под закрытыми веками шевельнулись едкие песчинки. Егор зажмурился сильнее и заставил себя слушать внимательней.

И, не шевелясь, высидел сорок минут, пока Толик не сказал:

— ...Он не успел принять участия ни в одном сражении и не убил ни одного врага... Он сделал не в пример больше: отнял у этой войны, у смерти десять ребятишек. Тех, кому жить да жить...

Егор сердито проморгался, выпрямился в кресле. И такую повесть Наклонов хочет сделать своей! А человек, который над ней мучился, сгинет в неизвестности? А Толик, что ли, зря страдал за всех, про кого там написано?

...Ревский дождался, когда закончится обратная перемотка, снял бобину, протянул Егору. Тот нерешительно сказал:

— А вы как же? У вас ничего не останется...

— Ну, что поделаешь. Это — твое...

— А куда я с ней с такой?.. Александр Яковлевич, давайте я лучше завтра «Плэйер» принесу, перепишу на кассету. Получится чисто, один к одному!

— Это мысль. Давай... Только лучше послезавтра. Завтрашний день у меня на студии будет подобен аду крошечному.

Егор сразу испугался. А вдруг за два дня с пленкой

что-нибудь случится? Как с подставкой от машинки. Ревский понял:

— Никуда она не денется... Я другого боюсь...

— Чего?

— Егор... А что ты собираешься делать дальше?

— Я... не знаю,— честно сказал Егор.— Я не буду торопиться. Надо подумать.

— Вот именно. Подумать тебе надо крепко. Дело-то не простое, тут человеческая судьба. И она в твои руки попадает... Ты это понимаешь?

Егор знал, что глаза у него не совсем просохли, но глянул на Ревского прямо и дерзко:

— Если вы боитесь, можете не давать пленку.

— В том-то и дело, что не могу. Не имею права. Ты — наследник... Я не пленку имею в виду, а все, что было.

— И все-таки вы жалеете, что сказали про запись. Да?

— Егор! Я никогда не жалею о принятых решениях,— резко ответил Александр Яковлевич. Незнакомо. Но тут же перешел на прежний тон.— Однако ты меня пойми. Как бы там ни было, а Олег — друг детства...

— А Толик?

— В том-то и дело... Черт! Всю жизнь я мечусь между ними. Даже теперь, когда Толика давно нет. Опять надо делать выбор.

— Разве дело в Толике?— осторожно сказал Егор.— Дело, наверно, в справедливости.

— Да... Но и справедливости мы с тобой хотим разной. Я буду счастлив, если окажется, что Олег не виноват. А ты этим обстоятельством был бы весьма огорчен. Не так ли?

Егор ответил не сразу. Ревский, наверно, и не ждал ответа. Егор наконец сказал:

— У вас с Гаем есть одна одинаковая черта. Дурацкая. Извините...

— Ничего. Какая же?

— Вы любите угадывать мысли других. Будто мозги потрошить. И наперед все предсказываете...

— Да? Не знал такого за Гаем... А что я предсказал?

— Что я буду рад, если Наклонов виноват... А я не буду.

Еще вчера утром Егор мог торжествовать, если бы Наклонова удалось уличить в обмане. А сейчас... После того как вечером он побывал у Наклоновых дома, после того как дом этот показался добрым таким и дру-

жеским... Но объяснять это было долго. Да и зачем вывертывать себя наизнанку? Егор только повторил:

— Не буду. Но я должен узнать...

— Ну что ж...

— Вы думаете, я как охотник? Или мне приключений хочется? А я... Вы же сами сказали, что я... наследник.

— Ладно, Егор,— неловко отозвался Ревский.— Я ведь только вот что говорю: не наделать бы глупостей.

Егор покладисто сказал:

— Я понимаю... Знаете что, с Гаем бы посоветоваться.

— Это мысль. Но, наверно, он уже в аэропорту или по дороге туда... Да и боюсь, что сейчас ему не до того.

— Наоборот. Может быть, это его отвлекло бы...— Егор запнулся. Ревский смотрел с грустной усмешкой.

— Вот видишь. А нас у же отвлекло. Я же говорил... Уже и забыли о Димке.

— Я не забыл,— сказал Егор. И это было правда. Он не забыл, потому что думал о рукописи и лейтенанте Головачеве.— Александр Яковлевич, Димка разве виноват? Ну, что не вытерпел и вот так...

— Что ты, Егор... Как можно обвинить ребенка? Он не выдержал одиночества. Взрослые и те не всегда выдерживают.

— Вот и я говорю. Лейтенант Головачев застрелился тоже из-за этого. Разве он виноват?

— Трудно судить. Что мы знаем о Головачеве? Даже повесть не читали, а слышали в пересказах, в отрывках... А вот мальчика жаль отчаянно.

— И еще Гая,— сказал Егор.— Мы-то этого Димку все-таки не знали, а он знал. Поэтому ему хуже всех.

— Хуже всех Димкиной матери.

— Ну, она-то сама виновата!

— Это и есть самое страшное. Как жить с такой виной?

«А ведь правда!»— ахнул про себя Егор. И подумал о Веньке. «А что, если бы... Зеленый шар, спаси и сохрани...»

Вспомнив про Веньку, он тут же вспомнил и Ваню. Как тот всхлипывал и сердито вытирал глаза подолом майки. А потом, когда прощались, уже не всхлипывал, только смотрел в пол. А отец виновато говорил, что вот надо же, кто мог подумать про такое дело и что машинка-то в самом деле из Среднекамска. И смущенно объяснял,

от кого и как она попала к Ямщиковым, словно это могло помочь делу. Егор, чтобы хоть как-то загладить тягостную неловкость, сказал, что, скорее всего, в подставке никаких бумаг давно уже не было, нечего и горевать. Ваня понуро молчал.

— Александр Яковлевич, можно я позвоню от вас?! Ревский кивнул на телефон.

— Алло... Анна Григорьевна? Здравствуйте, это Егор. Извините, что поздно, Иван еще не спит?! Да, на минутку... Вань!.. Слушай, а листы не сгорели! То есть сгорели, да не совсем... А вот так! Завтра приду и объясню. Спи...

КАПИТАН-ЛЕЙТЕНАНТ ЕГОР АЛАБЫШЕВ

«Не наделать бы глупостей», — сказал в тот вечер Александр Яковлевич. Но было ясно, что смысл у этих слов не сколько иной: «Не надейся глупостей, Егор».

Егор был уверен, что не наделает. Он решил действовать не спеша и расчетливо.

Через день он побывал у Ревского и переписал рассказ Толика с «Юпитера» на «Плэйер». И потом целый вечер слушал голос Толика. И снова как бы видел перед собой просторную палубу и мачты, которые теряются в звездном крымском небе...

Наутро он прихватил «Плэйер» и пошел к Ямщиковым. Ваня встретил его сердито:

— Обещал все рассказать, а сам пропал...

— Не мог я, Вань, раньше, запись надо было сделать...

Узнав подробности, Ваня дуться перестал. Всю кассету прослушал внимательно. А пока он сидел с наушниками, Егор с интересом шелкал на «Ундервуде» — просто так, разные слова: «Крузенштерн... архипелаг... кассета... Среднекамск... Ваня». И почему-то: «Денис»...

Ваня стянул наушники и вздохнул:

— Интересно... Только машинка-то здесь ни при чем. Значит, никакой тайны не было.

— Как это ни при чем? Подумай! Если бы ты про машинку не сказал, я бы о тайнике не вспомнил. И Ревскому ничего не стал бы говорить. А он бы еще сто лет молчал о пленке!.. Нет, Вань, все благодаря машинке случилось. И благодаря тебе.

Ваня скромно расцвел. Погладил обшарпанный «Ундервуд».

— Вот она какая хорошая у нас... Егор! А папа знаешь что говорит? Он говорит: «Если правда эта машинка была бабушки Егора, то надо ее подарить ему». То есть тебе... Он говорит, что это как бы наследство... Правда ведь?

Радости в этих словах Егор не уловил. Расставаться с машинкой Ване явно не хотелось. Он добавил:

— Но надо еще Веника спросить, верно?

Егор засмеялся:

— Никого не надо спрашивать, ты что! Все равно я машинку не возьму, она ведь и ваше наследство тоже. Столько лет у вас! Венька вон какую кучу газет на ней отпечатал!

— Ой, а газеты! — подпрыгнул Ваня. Он был рад изменить разговор. — Ты не знаешь, их еще не повесили?

— Сейчас узнаем.

Егор позвонил Бутаковой, и она обрадовалась и сказала, что у них не класс, а сплошные лодыри: кого ни попросит помочь устроить выставку, всем некогда, у всех какие-то важные дела в каникулы. Один Громов согласился. И пусть Егор тоже обязательно приходит. Сегодня к двенадцати.

С Егором пошел, конечно, и Ваня.

Вчетвером они приклеивали к стене «Новости Находки» на втором этаже, где была пионерская комната. Номер за номером. Сверху прикрепили ватманскую ленту, на которой Бутакова заранее сделала надпись: «Газеты страны Фантазии. Работы ученика 8 «А» класса Вениамина Ямщикова».

Подошла завуч Тамара Павловна.

— Чем это вы заняты, молодые люди?

Бутакова объяснила. Тамара Павловна сказала, что все это странно.

— А кто разрешил их здесь вывешивать?

— Марина разрешила, мы с ней все обсудили, — сказала Светка. Мариной звали старшую вожатую.

— Странно... Такими делами распоряжается не старшая вожатая, а организатор внеклассной работы... А какой это гадостью вы их приклеиваете?

— Это же герметик! — весело объяснил маленький быстроглазый Юрка Громов. — Он него на масляной краске никаких следов! Плюнул, потер, вот и все...

— Вам бы на все только плюнуть и растереть...— Постукивая каблуками, Тамара Павловна принялась ходить от листа к листу.— Странно... Что за содержание...

Егор с Ваниной помощью развешивал последние номера. Он молчал, но уже закипал.

— Все-таки я не понимаю,— раздраженно произнесла Тамара Павловна.— С директором это согласовали?

— Марина говорит, что согласовала...

— Странно... Какие-то планеты. Зачем это? Сплошной отрыв от действительности.

— Не такой уж, видимо, отрыв, если вы испугались,— не выдержал Егор.

— Что? Чего я испугалась? Ты, Петров, отдаешь отчет, что говоришь?

— Отдаю...— Егор приклеил к стене последний угол газеты, отошел и полюбовался.— Конечно, отдаю... в том, что оторванные от действительности сказки Ямщикова не первый раз кого-то вздрагивать заставляют...

— А... Зато ты, я смотрю, вздрагивать не научился! А зря, голубчик! Пора бы уже понять, что теперь иная ситуация...

— «И что твой папа уже не прежний чин и спрятаться за его спину не удастся»,— ровным голосом закончил Егор.— Знаю. Слышал уже много раз.

— Но не сделал выводов!

— Сделал... Вывод, что в школе не важно, какой с а м человек, а важно, кто его папа...

— Какой человек ты сам, мы обсудим на педсовете,— сообщила Тамара Павловна.— И тогда ты сделаешь выводы, какие нужно... Господи, скоро ли наконец реформа? Может, хоть тогда призовут вас к порядку...

Она ушла не столько возмущенная, сколько угнетенная хамством и неблагодарностью нынешних лоботрясов, которым отдаешь столько сил, а они...

— Ну что ты с ней связался?— упрекнула Светка.

— Неконтролируемые эмоции,— объяснил Егор.

— Не сорвали бы только газеты,— серьезно сказал Громов.

— Мы на переменах будем охранять,— пообещал Ваня.— Пусть только полезут! Хоть из какого класса!

— Да я не про перемены. И не про тех, кто «из класса»,— вздохнул Юрик.— Ну, поглядим... Вань, а что Венька пишет?

— Ну, он пишет...— Ваня заулыбался.— К Первому мая придет, наверно...

— Ты соскучился?

— Ага,— сказал Ваня. И почему-то взял за рукав Егора.

Нет, Егор не хотел делать глупостей. Он понимал, чего может стоить неосторожный шаг. В тот вечер, когда он делал перезапись, Ревский сказал:

— Все о Димке думаю. И о причинах... Страшная штука — необратимые последствия. Из-за того что на несколько суток задержалось письмо — такая беда. Один глупый поступок этого мерзавца воспитателя — и вот...

— Не глупый, а подлый,— возразил Егор.— И не один. Тут много причин...

Однако мысль о необратимых последствиях запала в голову.

...Прежде всего надо убедиться, что эпилог у Курганова и у Наклонова — один и тот же. Как? Напроситься в гости к Олегу Валентиновичу, сказать: «Можно почитать вашу повесть?» Нет... Вроде бы ничего особенного в таком плане не было, обычная разведывательная работа. На войне как на войне. Но что-то удерживало Егора. Был он уверен, что Ревский не одобрит его. И Гай тоже. Ну ладно, с ними можно и поспорить. Но... не одобрил бы, наверно, и Толик. И еще: когда Егор представлял, как приходит к Наклонову, как берет рукопись, он словно наталкивался на вопросительный взгляд Дениса...

Нет, надо, чтобы Наклонов прочитал эпилог сам! Вслух!

Может, на занятиях студии намекнуть Наклонову: интересно, мол, чем кончаются ваши «Паруса «Надежды»? Но сам Егор это делать не должен, будет подозрительно... Эх, до чего же скверно, когда ты один! Не к кому ткнуться за помощью. Ванюшка еще мал. Не Бутакову же посвящать в эти дела...

А может... Юрку?

В самом деле, Громов никогда не смотрел на Егора Петрова косо. А последнее время даже как-то... ну, в общем оказывался рядом чаще других. Скорее всего, случайно это, но... все же Громов лучше, чем кто-то другой.

С автомата Егор звякнул Бутаковой, узнал номер Юрки, позвонил ему:

— Громов?.. Это Петров. Слушай, Юрка, можно сейчас с тобой встретиться? Нет, не просто так, важное дело... К тебе? Ладно, иду. Давай адрес...

У Юрки они не засиделись. В тесной квартирке радостно вопили, носились и дрались брат и сестра Громова двух и трех лет. Егор предложил пройтись.

Они ходили по оттаявшим улицам, и Егор обстоятельно рассказывал о повести Курганова и обо всем, что вокруг нее. Юрка, обычно веселый и насмешливо разговорчивый, слушал внимательно. Только один раз, в середине истории, он Егора перебил. Тихо и прямо спросил:

— А почему ты это рассказываешь мне?

И так же прямо Егор ответил:

— Мне больше некому, Юрик.

— Тогда ладно,— сказал маленький Громов.

— Поможешь?— спросил Егор, когда кончил рассказ.

— Да.

— Понимаешь, это не игра, не приключение. Это...

— Я понимаю.

Они пошли к Егору, и Юрка прослушал запись. Предложил:

— Надо бы сделать текст на бумаге. Надежнее будет.

— Я сделал...

Два вечера Егор сидел с наушниками, переписывал рассказ Толика в общую тетрадку. Послушает фразу, установит пленку, запишет и опять... Получилось тридцать страниц.

— Вот...— он протянул тетрадку. Юрка полистал.

— Это хорошо... Но лучше бы на машинке. На той самой...

Егор подумал, что и правда лучше. Была бы в этом какая-то справедливость: словно сгоревший эпилог возродился из пепла!

И кроме того, можно сделать две-три копии...

— Юрка, а кто перепечатает? Я в этом деле ни бум...

— Я вообще-то могу. Мама у меня машинистка, я маленько учился... Конечно, на старой машинке многое устроено по-другому, но можно привыкнуть.

Оттого что у Громова мать машинистка — так же, как была у Толика,— Юрка стал Егору еще симпатичнее.

Они пошли к Ване и попросили машинку на несколько дней, объяснили зачем. Притащили «Ундервуд» к Его-

ру. Егор диктовал, Юрка стучал по клавишам. Сперва медленно, потом приспособился. Отремонтированная машинка дребезжала, лязгала, но работала.

Печатали до темноты. Заходила Алина Михеевна, интересовалась, чем это мальчишки заняты. Егор сообщил, что мальчишки готовят реферат по истории.

— Хорошо, хорошо. Только стучите потише, отцу нездоровится. Шум его утомляет.

Но отец громко сказал из своей комнаты, что никто его не утомляет, пусть люди работают. И машинка застучала снова. Стальные буквы «Ундервуда» опять выдавливали на бумаге рассказ о судьбе капитан-лейтенанта Алабышева.

Печатали и на следующий день. Дело все-таки шло не очень споро. К тому же было первое апреля, кончились каникулы, работать пришлось после школы. Однако и в этот день не управились. Заканчивали второго числа, в субботу...

— Веньку бы сюда,— вздыхал Юрка.— Он-то умеет обращаться с этим экспонатом, вон сколько газет на нем отстучал...

— А какая толпа была у газет!— вспомнил Егор.— И вчера, и сегодня!

И еще вспомнил он, как молчаливой цепочкой стояли у стены мальчишки-второклассники. Охрана...

...А в понедельник газет в коридоре не оказалось. Их перевесили в пионерскую комнату.

— Клавдия Геннадьевна велела,— объяснила вожатая Марина.— Говорит, скоро комиссия из гороно, а тут вместо наглядной агитации какая-то научная фантастика... Да ладно, здесь тоже зрителей хватает...

Но очень скоро сняли газеты и в пионерской. Ваня сказал Егору:

— Я к Марине подошел, говорю: «Тогда давайте их обратно». А она: «Подожди, мне некогда». Егор, ты скажи, чтобы отдали.

— Обязательно! Ты не бойся, никуда они не денутся...

Но поговорить с Мариной Егор не сумел. В этот день не нашел ее, а назавтра стало не до того: на четыре часа назначено было занятие литературной студии.

Олег Валентинович пришел бодрый, улыбчивый. Хлопнул на подоконник тяжелый портфель. Поинтересовался,

как весна влияет на юные таланты. Есть ли вдохновение? Созданы ли за время каникул произведения, которые обогатят мировую литературу? Или хотя бы такие, о которых можно поговорить здесь, в студии?.. Что? Не созданы? Весеннее настроение более способствовало прогулкам и прочим приятным занятиям? Ай-яй-яй, товарищи! Отдых — дело прекрасное, но творчество не терпит праздности. Впрочем, ладно, дело молодое.... Но может быть, хоть кто-то порадует аудиторию свежими строками? А?

Вот он, Олег Валентинович, видит среди старых знакомых новое лицо. Наверно, этот молодой человек тоже решил приобщиться к нелегким литературным трудам? Не хочет ли он взять слово?

Юрка Громов, который сидел в стороне от Егора (на-рочно далеко в стороне!), встал и скромно сказал, что он тут случайно. То есть не совсем случайно, только сам он ничего не сочиняет, таланта нету, а есть у него вопрос. К Олегу Валентиновичу Наклонову. Осенью и зимой на встречах с ребятами Олег Валентинович рассказывал про свою повесть «Паруса «Надежды». И отрывки читал. И вот ему, Громову, интересно, чем эта повесть закончилась. Он, Громов, тоже любит книги про плавание, поэтому все вспоминает и вспоминает «Паруса «Надежды». Может, Олег Валентинович прочитает конец повести, когда будет общее заседание литературного клуба?

Видимо, Олегу Валентиновичу слова восьмиклассника Громова пришились по душе.

— Вообще-то... по правде говоря, я мог бы даже и сейчас. Рукопись у меня с собой, я как раз взял ее у машинистки после окончательной перепечатки... Не сочтите, что напрашиваюсь, но все равно, кажется, заниматься больше нечем. А?.. С другой стороны, мнение юных талантов мне весьма интересно. И если нет возражений. .

Прогулявшие все каникулы «таланты» радостно загладели, что возражений нет.

— Только потом не отмалчиваться! У кого какие замечания — выкладывать честно... Я вам прочту эпилог повести. Он по сути дела представляет собой почти отдельный рассказ.

Народ завозился, устраиваясь на диванах поудобнее. Лишь Егор сидел, замерев. Он не ждал такого поворота! Думал, сегодня Юрка только забросит удочку. Но судьбе, видимо, надоело томить Егора ожиданием, и она открыла шлюзы. События хлынули...

Наклонов достал из портфеля папку, из папки — листы. Близко поднес к очкам и слегка отодвинул. Обвел взглядом два десятка внимательных студийцев. Кивнул и сказал:

— Конец тысяча восемьсот пятьдесят четвертого года в Крыму был необычным...

Егор помнил эпилог почти слово в слово. Но все же он бесшумно достал из сумки и положил на колени копию текста. («Ты не ожидал, Егор, таких событий, но эпилог все-таки взял, а? И даже «Плэйер». И даже малявки-динамики... Значит, все-таки что-то предчувствовал?»).

Наклонов не видел бумаг на коленях Егора. Тот расположился во втором ряду, за спинами. Но читал Наклонов словно с тех страниц, которые были перед Егором. В первые две минуты не совпало лишь несколько слов.

Егор поймал на себе быстрый и непонятно смущенный взгляд Громова. Опустил ресницы: вот так, мол, Юрий, сам видишь... Он сидел совершенно спокойный внешне. Но только внешне. Смесь горького торжества и обиды подымалась в Егоре, и голос Наклонова доносился уже словно сквозь ровный шум. Шум, похожий на гудение ветра в полотне и тросах надвигающегося парусника...

Егор обещал Ревскому не делать глупостей. Он знал об опасности необдуманных шагов. Но все сместилось теперь, и не было времени для расчета. Именно в такие моменты человек отбрасывает щит и сжимает в ладонях два меча. Свой и... чей?

Толика?

Гая?

Курганова?

Неважно. Главное, что два... Егор вдруг заметил, что у него сжаты кулаки.

— ...«Они докурили и распрощались, подавши друг другу руки, причем Лесли ухитрился на утоптанном снегу шелкнуть каблуками,— прочитал Наклонов и слегка закашлялся. Закончил с натугой:— Далее каждый пошел своей дорогой»... Извините, друзья, что-то в горле першит. Видно, связки перетрудил...

И тогда Егор встал. И сказал негромко, но ясно:

— А давайте, сейчас почитаю я.

Он как-то сразу успокоился. То есть обида, волнение, страх даже — они остались, но теперь словно были отдельно от Егора. А он, прямой, невозмутимый, смотрел на удивленного Наклонова.

— Вы?.. Ну, извольте. А я передохну.— Наклонов протянул руку с листами, ожидая, что Егор пойдет к столу. Егор сказал:

— Я отсюда... Не надо ваших бумаг, я так.

И, ощутив неожиданный озноб, слегка сбиваясь, но громко он прочитал в недоуменной, даже боязливой тишине:

— «Вскоре лейтенант Лесли отправил с очередной почтой письмо старшей сестре Надежде и в письме этом описывал прошедший день. В том числе визит на третий бастион, пленного сержанта, снежную погоду и ребячью игру в Корабельной слободе. Лишь о встрече с Алабышевым не упомянул, потому что не видел в ней примечательного»...— Егор поднял от страницы глаза, глянул в блестящие очки Наклонова.— Все правильно? Совпадает?

Серые глаза метнулись за стеклами, остановились и вонзились в глаза Егора. Зрачки в зрачки. И они сразу поняли друг друга — восьмиклассник Егор Петров (Егор Нечаев!) и писатель Олег Валентинович Наклонов. Между ними уже не было секретов. И ясно стало Егору, что сейчас у писателя Наклонова одна отчаянная цель: как-то выиграть время и «сохранить лицо». Так получивший смертельную пробоину корабль стремится к одному: выйти из-под огня и где-нибудь в тихой заводи выкинуться на берег, по возможности не спуская флага.

Но, чтобы дойти до тихого места, надо сперва отстреливаться из уцелевших орудий.

Наклонов неприятно сказал:

— Как это понимать? Откуда у вас эта рукопись?— Он увидел в руке Егора листы.

— Издалека,— сказал Егор.

— А не с моего стола? Я не думал, что вы так воспользуетесь моим гостеприимством!

Да, это был коварный удар! Но растерянность Егора длилась не больше двух секунд.

— Вы хотите сказать, что я украл вашу рукопись? Я могу вернуть, пожалуйста. У меня есть копии. И к тому же...— Егора осенило!— к тому же напечатаны они

на той самой машинке, на которой та... повесть Курганова «Острова в океане». И которую вы так старательно переписали и приклеили новое название...

Рука Наклонова метнулась к очкам, чтобы сорвать их и начать протирать. Пальцы Наклонова прошлись по лацкану пиджака с редакционным значком местной газеты. Олег Валентинович сказал при общем тяжелом молчании:

— Что это... Петров? Зачем?.. Вы представляете, в чем обвиняете меня?

— В том же, в чем вы обвиняли меня. Дописать стихи отца — это литературное воровство, да? А списать чужую повесть?

Наклонов шагнул к окну, схватил портфель и стал за-
талкивать в него рукопись. Эти несколько секунд его, видимо, немного успокоили. Он глянул через плечо, сказал небрежно:

— Я вас даже не осуждаю. Вы решили таким образом расквитаться со мной за отца, с которым у меня в детстве были мальчишечьи стычки... Но есть же какие-то пределы...

— Оставим отца, — сказал Егор. К нему опять пришли хладнокровие и ясность. И теперь сразу находились нужные слова. — Отец расквитался с вами сам, на Черной речке... Но Арсений Викторович Курганов расквитаться не может, он умер в сорок восьмом году. Вы на это и надеялись, да?

— Какая чушь!

— Чушь? Тогда продолжим чтение! И сравним!

— Сравним с чем? С копией моей рукописи, которую вы как-то раздобыли?

— Егор! — взлетел голосок Юрки Громова. — А кассета!

Головы разом повернулись к Юрке, потом все взгляды опять обратились на Егора и Наклонова.

Егор ощутил, как сердце нехорошо вышло из ритма, притихло, потом толкнулось где-то у горла. Он переглотнул.

— Да... Вам не хочется, чтобы я читал. Тогда пусть почитает он...

— Кто? — испуганно спросил чей-то голос.

— Инженер Анатолий Нечаев. Друг детства Олега Валентиновича Наклонова! — Егор из сумки рывком до-

стал «Плейер», воткнул штекеры, один динамик бросил на колени сидевшему рядом семикласснику Пучкину, другой поднял к груди.

Голос Толика был негромкий, но в общем безмолвию звучал отчетливо:

— Конец тысяча восемьсот пятьдесят четвертого года...

Перекрывая этот голос, Егор сказал:

— Шестьдесят седьмой год, палуба парусника «Крузенштерн»! Нечаев читает эпилог повести Курганова «Острова в океане»!..

Наклонов рванул с подоконника портфель. Подхватил и крепко посадил очки. Крикнул с яростью, с какой-то мальчишечьей обидой:

— Вот оно что! Спектакль затеяли!.. Я-то думал... А вы! Я больше не руководитель студии!— И широкими шагами, почти скачками кинулся за дверь.

И было полминуты тишины, в которой из крымского вечера шестьдесят седьмого года доносился рассказ о суровой зиме на севастопольских бастионах... А потом началось: шум, толпа вокруг, возмущенные крики, вопросы.

Что-то гневно верещала Бутакова.

Кто-то тряс Егора за плечо.

Кто-то требовал все объяснить по порядку, а какая-то девчонка слезливо долдонила: «Гнать из студии, вот и все. Гнать из студии, вот и все...»

Юрка Громов звонко кричал:

— Да подождите! Вы же ничего не знаете!

Потом снова стало тихо. Студийцы, окружившие восьмиклассника Петрова, медленно расступились.

— Пусть мне объяснят, что здесь произошло. Йи немедленно!

ОТЦЫ

За окном давно стемнело, но Егору не хотелось включать лампу. Он лежал и смотрел в затянутый пепельным сумраком потолок. И тихо себя ненавидел. Бурная злость уже перекипела, едкая досада рассосалась. Осталась вот эта презрительная спокойная ненависть к идиоту Егору Петрову, который наделал столько глупостей.

Все ходы рассчитывал, планы строил, а что получилось!

И был еще страх — никуда не денешься. Вспоминался визгливо-металлический голос Классной Розы: «Ты знаешь, что Олегу Валентиновичу в учительской стало плохо?! Ему вызвали «скорую»! Если что-то случится, виноват будешь ты! Именно ты!»

Что за проклятая участь у Егора Петрова? Почему из-за него люди оказываются на границе жизни и смерти? Вдруг у Наклонова в самом деле инфаркт или еще что-нибудь такое?

Разве Егор хотел для Наклонова какой-то беды? Он хотел только, чтобы повесть снова стала повестью Курганова! Но если... если случится с Наклоновым самое страшное, кому какое дело будет до повести? «Мертвые сраму не имут». Кто станет слушать восьмиклассника Петрова? И как он спасется от вечной вины?

«Да не трепыхайся ты, ничего не случится! — крикнул себе Егор — Мало ли к кому вызывают «скорую» и дают валерьянку? Смотри, как бы самого не пришлось каплями отпаивать! Псих...»

Ну, а если никакой беды с Наклоновым и не будет, чего же добился Егор? Наклонов перепишет эпилог другими словами и потом крути магнитофон, доказывай! А повесть с названием «Паруса «Надежды» и с фамилией О. Наклонов пойдет в печать...

«Нет, не пойдет, — подумал Егор. — Он же не знает, что у меня только эпилог. Он думает, наверно, что у меня вся повесть. Экземпляр, про который никто раньше не знал... А всю повесть не перепишешь по-своему, таланта не хватит...»

Егор вдруг представил, как Наклонов лежит в своем кабинете на диване, тоже в темноте, и тоже думает о повести: что теперь делать?.. А может быть, не до того ему? И может быть, он не дома, а в больничной палате и неслышно суетятся у кровати врачи и сестры, тихо звякают шприцами...

А вдруг уже и не суетятся?..

А в пустой отцовской комнате мается от долгой, неуходящей тревоги Денис Наклонов, глядит на телефон, который может вот-вот взорваться зловещим звонком... Глядит, мучится страхом за отца и ненавидит Егора... Он-то, Денис, ненавидит его справедливо. Потому что — сын.

...А если Олег Валентинович жив-здоров и даже сми-

рился с потерей повести, что дальше? Для читателей-то повесть Курганова тоже потеряна! Наклонов сожжет все экземпляры, чтобы раз и навсегда спасти себя от обвинений..

А как надо было поступить? Подойти и один на один сказать: «Олег Валентинович, верните рукопись»? Ага, так бы он и разбежался возвращать!.. Или дожидаться, когда у Наклонова выйдет книга, и поднять шум? Да, но сколько ждать-то... Да и не думал об этом Егор, кинулся в бой очертя голову...

В доме было тихо. Мать куда-то ушла, отец, наверно, лежал у себя. Он жил теперь неслышно, молчаливый, угасший. Придет с работы и сразу ложится. Мать боялась за него

...Раздались медленные шаги, открылась дверь. В освещенном прямоугольнике показалась фигура отца. Он держался за косяки. По краям сухой длинной головы, на висках просвечивали клочковатые волосы.

— Егор, ты дома? — Он спросил это вполголоса.

— Дома...

— Что лежишь в темноте?

— Зачем он, свет-то?

— Думаешь?

— Ага...

— Что-нибудь случилось?

— Да так... всякое...

— Неприятности какие-то?

— Ну, какие у меня могут быть неприятности? Мелочи жизни... Суета сует, как сказано в Библии...

— Ну-ну... размышляй. — Отец ушел. И была секунда, когда Егор едва не сказал: «Папа, постой...» Потому что сил нет переваривать в себе все, что случилось. Хоть с кем-то поговорить бы... Может, отец поймет? Ведь сам он, Виктор Романович, вон сколько пережил недавно, должен и чужие несчастья чувствовать...

А должен ли? Может, за своей бедой другие беды ему кажутся пустяками? Закон оптики, перенесенный на мышление...

Ну, а сам-то Егор лучше? Когда отец пришел после того собрания, разве пытался Егор сказать ему хоть что-то хорошее? И в мыслях не было. И не могло быть, раз жили они как чужие.

А сейчас можно ли рассказывать отцу про то, что

связано с тем, с первым отцом? Лишний раз по нервам бить. Он и так живет, будто не знает, зачем ему жить... Может, правда не знает! Все потерял, что было: высокую должность, громкое имя, партбилет, любимую работу... Пусть хоть что говорят, пусть он химичил, приписывал, о личной выгоде думал, но цех свой все равно любил. Это даже и Егор видел. Может, ничего другого отец и не любил по-настоящему... В том-то и беда.

...Дверь осталась открыта, Егор видел в ней угол зеркала в прихожей и тумбочку с навсегда замолчавшим телефоном.

Если бы работал телефон, первое дело — позвонить Михаилу: «Гай, я такого тут нагородил! Гай, послушай... А может, приедешь? Мне совсем невмоготу одному...»

Но сейчас как позвонишь? Опять идти к Ямшиковым? Сколько можно! Еще за прежний разговор деньги не отдал... Кинуться к Ревскому? Но тогда придется все ему рассказать. И скажет Александр Яковлевич: «Мы же говорили о необратимых последствиях, помнишь?» А Егору и так тошно...

Попросить у отца три рубля и пойти на почтамт? Но туда надо тащиться через полгорода, а тело ноет, как после побоев...

Плохо, когда человек один, недоброе это дело и суета сует... Так, кажется, Курбаши говорил? Где он сейчас, Курбаши?.. Недоброе дело...

Есть еще Юрка Громов. Но чем он поможет, что посоветует? Сегодня шли они домой вместе, и Юрка бесстрашно доказывал Егору, что все равно они правы и завтра на собрании правоту эту с боем отстоят. И Егор дурачки так, бодрячески на прощание хлопнул Юрку по плечу: «О'кэй. Завтра наша возьмет...»

Это Классная Роза, накричавшись, заявила, что завтра назначает собрание. И пусть все члены студии тоже приходят. И тогда в полной красе предстанет перед всеми личность Егора Петрова, по милости которого студия лишилась руководителя — прекрасного писателя и человека. Пусть Петров, если есть у него хоть капля смелости и порядочности, держит ответ.

Он согласен держать ответ. Он даже попытается что-то доказать. Не Классной Розе, конечно, — это никогда никому еще не удавалось, — а ребятам... Хотя что им Егор Петров со своими доказательствами? Для одних

он — Петенька и Кошак. Для других — злодей, лишивший студию руководителя.

И все же о завтрашнем собрании думал Егор с облегчением. Всякий бой, даже безнадежный, лучше тоскливого томления.

Что угодно ожидал Егор, но чтобы на собрании оказался Денис Наклонов — такого в голову не приходило! А он был здесь. И сидел там же, где и в первый раз, — на крайнем диванчике у двери. Насупленный. С Егором они зацепились взглядами и отвели глаза. С отчуждением и тяжелой стыдливостью...

Собравшиеся в клубной гостиной четко делились на две половины — и по размещению, и по настроению. Два десятка студийцев — от ершистого пятиклассника Борьки Глебова до царственной десятиклассницы Алевтины Докуниной — как бы излучали единое энергетическое поле. В нем было сдержанное негодование и болезненный интерес к событиям. А представители восьмого «А» демонстрировали смесь жидкого раздражения и флегмы. Им хотелось домой. Но еще на первом уроке Классная Роза намекнула, что отношение восьмиклассников к собраниям — показатель их общественной активности. Отсутствие этой активности, естественно, будет отражено в характеристиках, а характеристика — первый документ, по которому смотрят: брать человека в девятый класс или рекомендовать ему одно из ближайших ПТУ. И сейчас можно было сразу вычислить, кто из одноклассников Егора стремится в будущем году продолжать образование в родимой школе. Пришло из восьмого «А» чуть больше половины.

Им было почти все равно, что там натворил Кошак и правда ли, будто у писателя Наклонова с Гошкой-Петенькой какие-то счеты. Рукопись какую-то не поделили? Оно любопытно, конечно, однако не настолько, чтобы торчать в школе лишних два часа.

На перемене лишь невозмутимый Максим Шитиков небрежно поинтересовался у Егора:

— Что же это за «дикий йи безнравственный поступок» совершил ты, Петров? Из-за чего намечено собрание?

— Останешься — узнаешь, — буркнул Егор.

— Интригуешь?

— Само собой...

Громова Егор спросил:

— Никому не рассказывал, в чем дело?

— Никто и не спрашивал... Бутакова что-то трепала девчонкам, а со мной не говорила...

«Никто и не спрашивал». Что же, это понятно. Много ли сам Петенька спрашивал, если у кого-то что-то случилось? Восьмой «А» давно уже вырос из наивных рамок пионерско-октябрятского коллективизма. Люди взрослые, каждому свое. Кому-то билеты зубрить для экзаменов, кому-то прошвырнуться по весенним улицам: погодка-то — закачаешься...

Юрка смущенно сказал:

— А Розушка вчера отцу на работу звонила. Причем хитро так: «Ваш Юра еще маленький, доверчивый, как пятиклассник, а этот Петров его втянул в неприятности. Вы повлияйте на Юру...»

— Да, влип ты из-за меня,— виновато отозвался Егор.

— А чего я влип? Батя у меня мужик прямой. Сразу ей и врубил: «Его,— говорит,— втянуть нельзя, если сам не захочет, он как Иванушка перед печкой Бабы Яги — руки-ноги растопырит и не лезет. А если втянулся, значит, считает, что справедливо...» Роза, конечно, в крик. И конечно, про девятый класс. А отец ей: «Вы его шкурничеству раньше срока не учите, его и без вас этому жизнь учить будет. Пусть хотя бы, пока не вырос, человеком поживет...»

Егор подумал, что такие, как Юрка, «человеками» живут до конца.

— Повезло тебе с отцом.

— Да ведь и тебе... повезло,— тихо сказал Громов.— С Нечаевым...— И виновато засопел. Ну, в самом деле, как пятиклассник.

Несмотря на эту виноватость и сопение, слова Громова Егору помогли. Тверже его сделали. И собрания ждал он почти спокойно.

Окна гостиной смотрели на запад и на юг. За ними плавился апрельский день. На солнечной стороне пришлось задернуть тонкие, салатного цвета шторы. Воздух стал зеленоватым, лица травянистыми. А у Классной Розы острое ромбовидное лицо было землисто-болотным, когда она вышла к столу.

Роза Анатольевна сразу взяла быка за рога:

— Пусть Петров выйдет сюда и объяснит свой вчерашний чудовищный поступок.

Егор с радостью и благодарностью ощутил в себе хорошую злость. Ту, которая не дает трусить и сбиваться в слова.

— Если заранее решили, что он чудовищный, чего объяснять?

— Ты иди сюда! Перед всеми! И тогда говори!

— Может, еще скамью поставить? Как в суде?— сказал Егор.— И двоих с пистолетами?

— Это от тебя не уйдет. А пока обойдешься без скамьи.

— Мне здесь удобнее.— В самом деле Егору не хотелось нести к столу «Плэйер» с динамиками, а он мог пригодиться.

— Боишься,— с удовольствием сказала Классная Роза.— Разумеется! Придется смотреть всем в глаза. Своим товарищам...

«Если бы товарищам...»

— Йи вот ему!— Роза Анатольевна выкинула руку в сторону Дениса.— После всего, что ты сделал с его отцом! Как ты будешь смотреть ему в глаза? Ну, посмотри, посмотри!

— И посмотрю!— рявкнул Егор. И встал. И глянул на Дениса прямо и яростно.— Я что, украл у него что-то? Я сказал, что было!

Взгляды сошлись. И стало тихо. Секунды три Денис не отводил сумрачные глаза, потом перевел их на Классную Розу. И тоже встал.

— Ничего Петров у меня и у отца не украл,— сказал он медленно и негромко.— Наоборот, он отца в краже обвиняет... И наверно, Петров в самом деле считает, что он прав. Тут не кричать надо, а разобраться...

Теперь не только студии, но и одноклассники Егора слушали с интересом. («Значит, это сын писателя!»)

— Петров говорит про какую-то старую рукопись...— покусывая губы, продолжал Денис. Он смотрел теперь мимо Классной Розы, на светлую штору. Быстро шевелил пальцами опущенных рук.— Ну, наверно, рукопись когда-то была на свете... И совпадения могли быть. Если два человека пишут на одну тему, они берут материал из одних источников. У отца полным-полно старых книг про Крузенштерна и про Севастополь... И у того чело-

века, который ту рукопись писал, они, наверно, тоже были. Конечно, могут быть совпадения...

— Из слова в слово...— сказал Егор. Он не сядил.

— Помолчи, дурак!— взвизгнула Бутакова.

— Сама не визжи!— громко сказал Громов.

Денис посмотрел по очереди на всех троих и опять стал смотреть на штору. И объяснил тем же ровным тоном:

— Бывает, что из слова в слово. Если один источник... Про Севастопольскую оборону есть роман у писателя Сергеева-Ценского, а раньше, до революции еще, вышел роман про то же самое писателя Лавинцева. Там есть страницы, которые тоже совпадают, мне отец вчера показывал. Ну так что же? Сергеев-Ценский украл рукопись, что ли? Они просто одни материалы изучали...

«Вчера показывал»,— отметил про себя Егор. С радостью. Значит, сердечный приступ у Наклонова был не такой уж сильный. Стараясь говорить ровно, в тон Денису, Егор заметил:

— Можно изучать материал, который есть на свете. А где Олег Валентинович взял Алабышева?

— Он же объяснил: слышал от Нечаева...

— Не мог он слышать! Я выяснил точно!

Денис опять повернул к нему лицо. Сказал без всякой злости, будто уговаривал:

— Но как можно выяснить точно то, что было тридцать пять лет назад?

— А как могут точь-в-точь написать два одинаковых эпилога двое разных людей? Про человека, которого на свете не было...

Денис глянул спокойно и непримиримо.

— А ты уверен, что все точь-в-точь?

— На, сравни!— Егор выхватил из сумки листы. Передайте Денису Наклонову.

Услужливо протянулись ладони, бумаги пошли по рукам.

Роза Анатольевна со стуком уперлась в стол деревянными кулачками.

— Мы здесь не затем, чтобы проводить расследование! Никому и в голову не приходит в чем-то подозревать Олега Валентиновича! Замечательного писателя и человека, который отдает столько сил... Кстати, Денис, как он себя сегодня чувствует?

— Спасибо, лучше,— нехотя сказал Денис.— У него такое и раньше бывало, это ничего...

— Передай Олегу Валентиновичу, что мы все... все ему сочувствуем и очень сожалеем... Ии все мы надеемся...

Денис уже сидел, глядя в листы. Он поднял голову.

— Я ему ничего передать не смогу. Он ведь не знает, что я сюда пошел. Я сам...

Роза Анатольевна помолчала и печально кивнула. И обвела собравшихся медленным взглядом.

— Вот видите. Человек лежит... Сын, ваш ровесник, пришел защищать его. А вы... что же вы-то молчите? Почему не спросите Петрова?

Студийная половина ровно загудела. Как угрожающе перегретый трансформатор. Но первым высказался невозмутимый Максим Шитиков:

— А о чем следует спрашивать? О деталях этой детективной истории?

— Нет!— Роза Анатольевна выпрямилась.— Мы здесь не для того. Мы просто должны спросить Петрова: по какому праву он бросил в лицо заслуженному человеку, нашему общему другу, оскорбление и беспочвенное обвинение?

— Беспочвенное? — сказал Егор.

— Ответ: по какому праву?

Она всегда любила повторять эти слова. С четвертого класса. «По какому праву ты считаешь возможным не учить уроки?.. По какому праву ты как бешеный носишься на перемене?» Это воспринималось просто как поговорка. Но сейчас Егор понял: в словах о праве есть конкретный смысл. И не ответить — значит отступить. И он сказал, что чувствовал:

— По праву наследства.

— Что-о?

— Да! Мой отец был другом Курганова, автора этой повести! Он ему помогал. Он даже спас однажды эту повесть! А потом Курганов умер...

— Тогда почему не отец, а ты суешься в это дело?

— А как может отец? Если он тоже умер?

— Что-о? — опять сказала она.

Одноклассники смотрели на Егора изумленно. Ведь никто, кроме Громова, толком ничего не знал. Если раньше и слышали что-то, не принимали всерьез.

— Я говорю про родного отца, про инженера Не-

чаева. Он погиб в шестьдесят седьмом году. Он был конструктор подводных аппаратов.

— Чушь какая,— убежденно произнесла Роза Анатольевна.— Постыдился бы...

— Чего?

— Ясно чего... Когда нельзя стало прятаться за одного отца, придумал себе другого...

Да, была секунда, когда ему хотелось заорать на нее по-сумасшедшему. Швырнуть в нее чем-нибудь, зареветь в голос. Хлопнуть дверью... Но это как горячая волна — прихлынуло и отошло. И стало зябко и спокойно. Показалось даже, что рядом тикает старый хронометр: держись, мол. И Егор нашел для ответа подходящие слова:

— Отцов, Роза Анатольевна, не придумывают. Они какие есть, такие и есть. Это вы придумали, будто я за отца прячусь. А я хоть раз прятался? Вы сами его боялись... а теперь злорадствуете.

— Ты соображаешь, что мелешь?

— Когда это я за него прятался и когда он за меня заступался? И зачем тогда вы сами приходили заступаться за меня перед ним? В четвертом классе?

— Вижу, что зря приходила! Мало он тебя, негодяя, порол!

Егор совершенно отчетливо ощутил в ладони шероховатость деревянной ручки и тяжесть длинной стамески. Но он словно разжал пальцы. И стамеска будто выскользнула из руки и воткнулась в половицу рядом с ногой. Все было абсолютно бесполезно. Что тут спорить? Егор засмеялся и устало сказал:

— Вам ведь всем здесь наплевать, чья правда. Вам главное, что он — писатель, а я — никто. Значит, я виноват...

— Ты виноват не поэтому,— начала Роза Анатольевна, но приоткрылась дверь. Классная Роза посмотрела на нее с раздражением. Потом пошла — видно, кто-то поманил ее.

Сорок с лишним человек проводили Розу Анатольевну глазами и молча ждали возвращения. И в тишине стали слышны за приоткрытой дверью негромкие слова:

— Чей отец?.. Не может быть... Скоропостижно? Ужас какой... Нет, лучше вы сами, я только что... нет...

Егор быстро взглянул на Дениса. Тот сидел с окаме-

нелым лицом. Вошла директорша Клавдия Геннадьевна. Классная Роза пряталась за ней, как виноватая школьница. Тишина стремительно заполнилась тугим звоном. Денис комкал на коленях листы с эпилогом. Но Клавдия Геннадьевна не посмотрела на Дениса. Она сказала, глядя мимо Егора:

— Петров... ты иди сейчас домой, Егор. У вас дома несчастье...

АПРЕЛЬ

Хоронить отца на «престижном» Березовском кладбище не разрешили. Оно считалось закрытым. Исключения делались только для высоких чинов, по особым письмам. Вот если бы инженер Петров успел умереть начальником экспериментального цеха, тогда конечно. А теперь чего же...

В похоронном бюро матери предложили «компромиссный» вариант. Крашенная девица-агентша бодро сказала:

— Если у вас на Березовском найдется родственная могилка, усопшего можно кремировать, а урну захоронить в этой могилке.

«Родственная могилка» была. Дяди Сережи, маминого брата. Мать вздохнула и согласилась. Потому что «открытое» кладбище располагалось бог знает где, в болотистом лесу.

Егор стоял рядом с матерью и смотрел, как девица бойко давит кнопки калькулятора — подсчитывает погребальные расходы, — и думал, что в этой конторе не чувствуется ничего похоронного. Наоборот, солнечно, цветочки на подоконниках, разговорчивые тетушки за столами. На стене плакат с Аллой Пугачевой и кинолентами, такой же, что висел в «таверне»...

Крематорий тоже не вызвал скорбных ощущений. В зале с неяркими светильниками в виде факелов и тяжелыми бронзовыми решетками на дверях пахло чистым холодным камнем, как в вестибюле большого музея. Голоса звучали сдержанно и деловито. Молодая красивая женщина-распорядитель в черном костюме похожа была на экскурсовода.

Егор не испытывал никакого горя. Грустное сожаление, даже сочувствие к отцу, пожалуй, было. Потому что умер Виктор Романович в несчастье, с сознанием

потерь и поражения... Впрочем, умер спокойно, без приступов и врачей. Не проснулся утром, вот и все.

Жаль, конечно, было Егору плачущую мать. Но Алина Михаевна плакала не сильно, держалась твердо, и это нравилось Егору.

Людей на похороны собралось немного. Произнесла несколько суховато-печальных слов женщина-распорядитель. Выступил Пестухов. Сказал, что Виктор Романович был вечным тружеником и что бы там ни говорили, а цех построил он. Жизнь сложна и часто ставит людей в такие обстоятельства, в которых не всегда и не каждый может найти правильный выход. Жертвой таких обстоятельств стал и Виктор Романович. Но эта же самая жизнь в конце концов расставляет все по местам. Со временем воздастся и памяти товарища Петрова. А лучший памятник — это все тот же цех.

Больше никто не говорил, молча прошли по кругу у постаментов с гробом. У Егора так ни разу и не намокли глаза. И даже когда женщина-распорядитель нажала похаживающий на автомобильный переключатель скоростей рычаг и гроб с заострившимся профилем отца плавно ушел в гранитный колодезь, Егор смотрел спокойно...

Поминок не было. Пестухов отвез Алину Михаевну и Егора домой. Мать принялась разбирать отцовские бумаги, Егор томился. Хотелось уйти куда-нибудь, но оставлять мать одну было неловко. Тогда он сел за билеты для экзаменов по русскому. До них, до экзаменов, не так уж далеко, а Красная Роза постарается свести с Петровым все счета. Грудью встанет на его пути в девятый класс. Ну, поглядим...

На следующее утро Егор с облегчением пошел в школу. В классе посматривали на него с молчаливым сочувствием. Даже Роза. О разборе истории с рукописью никто не напоминал. И Егор подумал, что первый раз отец действительно защитил его по-настоящему. Своей смертью. Это была нехорошая мысль, он понимал, но мыслям-то не прикажешь.

Юрка Громов на первой перемене подошел и просто сказал:

— Егор, может, помочь в чем-то надо? Когда такое случается, всякие дела бывают...

— Да нет, все уже... — вздохнул Егор. — Спасибо... — И вдруг спросил: — У тебя есть велосипед?

— Конечно!

— Дашь прокатиться? Голова такая... хочется, чтобы проветрило на скорости. Чтобы от всего уехать...

— Бери на сколько хочешь... А у тебя разве нет?— удивился Юрка.

— Мать боится... У нее брат разбился на мотоцикле, она колеса видеть не может...

Бутакова издаലെка поглядывала на Егора, словно хотела подойти и что-то сказать, но не решалась. Он не отвечал на ее взгляды. Ее предательство на недавнем собрании высветило Светочкину натуру полностью... Впрочем, какое предательство? Она что, в друзья записывалась к нему? Подумаешь, газеты вместе развешивали... Да и ничего плохого она не говорила на собрании. Один раз только на Юрку вякнула, а так все молчала. Хотя молчание иногда — тоже предательство... Ну, а чего Егор хотел от нее? Прирожденная активистская деятельность, вечная адъютантша Класной Розы. Сейчас, небось, трясется, не повредило бы ей, что связалась с Венькиными газетами...

Одно у Светки хорошее — фамилия. Был такой герой в Первой Севастопольской обороне. Даже два. Егор читал о них недавно в журнале «Вокруг света». Он теперь все внимательно читал, что попадалось о Севастополе. И о Крузенштерне...

Когда Егор подходил к дому, его догнал Михаил.

Ох как Егор обрадовался! Пожалуй, впервые при встрече с Михаилом заулыбался так счастливо и открыто.

— Что же ты... не позвонил даже?— тихо сказал Михаил.— Я от Ревского узнал... о смерти Виктора Романовича.

Егор насупил:

— А Ревский откуда знает? В газете даже объявления не было.

— Знает откуда-то... Егор, это как? Из-за сердца? Егор кивнул.

— Мать очень убивается?

— Да знаешь, держится...

— Вот такая она, жизнь...— сказал Михаил.

Они шли вдоль дома, по сухому асфальту, и от нагретой бетонной стены ощутимо веяло теплом. Апрель...

- Пошли к нам,— позвал Егор.
- Неудобно.
- Ну, ты что? Так и будешь всю жизнь от матери прятаться? Смешно же...
- Не буду. Но сейчас не время... Давай погуляем.
- И пошли они по солнцу. Серые крошки снега еще лежали в тени заборов, а ветерок, шумевший в голых тополях, был совсем теплый. Михаил был без шапки. Егор тоже сунул свою вязаную шапку в карман. Спросил:
- Ты специально ко мне приехал?
- Да... То есть я бы и так приехал, но тут еще совпало: Витька́ домой привез. Мать потребовала.
- Ну вот... Опять все пойдет у них кувырком. .
- Кто знает... Она вдруг начала такие письма слать: «Соскучилась по Витеньке, пусть едет скорее, все будет по-другому...»
- А он?
- В том-то и дело, что он тоже: «К маме хочу»... Может, наладится у них...
- Ох, не верится.
- Ну, поглядим. Захочет обратно — заберу. А спорить, когда мальчишка к матери просится... Особенно после случая с Димкой... Ревский рассказывал?
- Еще бы!.. Как этот тип, которому ты вмазал,живает?
- Жаловался. Сперва даже судом грозил...
- Какой суд? Ты же его без свидетелей!
- Если бы... Это я Ревскому сказал, чтобы его не расстраивать. А вмазал я тому гаду при ребятах. И очень звонко... Но в суд он не пойдет, я ему пригрозил ответным иском: о нарушении тайны переписки, которое привело к тяжким последствиям..
- А куда же он жалобы писал?
- В приемник, моему прежнему начальству. Но Старик ехидно ответил, что старший сержант Гаймуратов по состоянию здоровья из органов уволен и потому никаких санкций руководство приемника-распределителя применить к нему не может... Тогда он разнюхал, что я устраиваюсь в «Комсомолец», написал в редакцию...
- И что?
- Ничего... Работаю поэтому в многотиражке Среднекамского пароходства. Товарищ Витя Короткий в

«Комсомольце» развел руками: «Я всей душой, но понимаешь...» Впрочем, это и к лучшему...

— Почему? — не поверил Егор.

— Правда, к лучшему. Пришлось бы в университете переходить на журфак, а я не хочу.

— По-прежнему в педагоги тянет?

— Ты знаешь, по-прежнему. Или пусть с ребятами работают такие, как тот... битый?

«А он все равно работает», — подумал Егор, но не сказал, чтобы не огорчать Гая. Сказал другое:

— Многотиражка — это ведь все равно газета. Журналистика. Там не потребуют перехода на журфак?

— Там проще. К тому же при пароходстве организуется детская флотилия, что-то вроде клуба юных моряков. Меня берут на полставки инструктором. Вполне педагогическая должность.

— А что ты смыслишь в этих... во флотских делах?

— Ну, все-таки... Читал когда-то, интересовался... — Он усмехнулся. — И в детстве как-никак две недели на «Крузенштерне» провел. Чем не морская практика?

— Да, кстати, о Крузенштерне... — вздохнул Егор. И сказал наконец о главном: — Я тут такого нагородил. Если по шее надаешь, правильно сделаешь...

И, шагая с опущенной головой, пиная на асфальте окурки и щепки, он рассказал все, что было с ним и с Наклоновым...

Михаил слушал и несколько раз даже присвистнул. Сказал наконец:

— Знаешь, у меня такая мысль тоже мелькнула один раз. Насчет Наклонова. Зимой, когда ты о его повести упоминал... Но сразу улетучилась как чисто фантастическая... Смотри-ка, жизнь бывает похлеще фантастики. Финал, как в романе Дюма...

— Паршивый финал-то, — сказал Егор. — Дурак я.

— Ну, что уж ты так себя казнишь...

— Конечно, дурак. Надо было подождать, когда напечатают, а потом шум поднимать.

Михаил поморщился:

— Знать и специально готовить ловушку? Это вроде той волчьей ямы...

— А теперь повесть вообще пропала. И у нас нет, и он печатать не станет.

— Думаешь, не станет? А вдруг переделает эпилог — и в издательство...

Егор улыбнулся горько, но с победной ноткой:

— Он же не знает, что у меня только эпилог. Он думает, что вся повесть Курганова.

— Дитя ты мое наивное,— грустно сказал Михаил.— Ничего такого он не думает.

— Почему?

— Ну, он же неглупый мужик. Если бы у тебя была вся повесть, шум бы ты поднял гораздо раньше... Он, конечно, догадался, что у тебя только звукозапись с «Крузенштерна» и списанный с нее текст...

— На той же машинке!

— Ну и что? Печать-то свежая... Впрочем, ты прав, на публикацию он не решится, побоится скандала ..

— Вот я и говорю: дурак я... Надо сперва думать, а потом уж...

— Милый ты мой...— Гай оперся о плечо Егора (может, опять спина болит?).— На то мы и люди, а не роботы. Сперва шашки наголо и в бой, а потом уже соображать начинаем... Я вот тоже... Мне бы про того «воспитателя» статью в газету, чтобы его к ребятам больше не подпускали. Спокойную такую, деловую. А я — по морде... Хотя, честно говоря, не очень и жалею.

— Но он-то до сих пор там работает,— не выдержал сейчас Егор.

— Нет, в интернате уже не работает. Ребята выжили... А дальше . Ну, поглядим. Я его из виду не выпущу. Беда только, что не один он такой... А у тебя-то в школе как дела? Помимо последнего скандала...

— Ничего. Билеты долблю. Мне теперь, кроме как в девятый, некуда. В первое попавшееся училище я не пойду, а подходящего нету... А уезжать нельзя, мать одна останется... Правда, в мае бабушка из Молдавии хотела приехать, но это ненадолго.

— Если приедет, появишься в Среднекамске. Хоть на пару дней.

Егор кивнул:

— Гай, мне этого пуще всего на свете хочется. Все время зимние каникулы вспоминаю... Иногда знаешь что? Когда тихо в комнате, кажется, будто хронометр стучит. Тот самый...

Михаил оперся на плечо Егора посильнее.

— Вот и ладно. Приедешь — заберешь хронометр с собой.

— Как... с собой? Почему?

— По простой причине, Егорушка. Он твой. По наследству...

— С какой стати-то?— пробормотал Егор. Но от радости затеплели щеки.

— С такой вот стати. Хронометр твоего отца... К тому же именно ты распутал историю рукописи Курганова.

— Ох уж «распутал»!

— Ну, все-таки... Кстати, я, может быть, скоро приеду снова, еще до праздников. Сам тогда и привезу...

На девятый день выдали в крематории урну. Никого из посторонних при этом не было. Егор и Алина Михаевна поехали на Березовское кладбище на такси. Урну везли в хозяйственной сумке, Егор держал ее на коленях.

В деревянном домике на кладбище стали они спрашивать, кто из рабочих должен пойти с ними закопать могилу. Как положено по выписанному наряду. Нужного человека не оказалось, ушел на перерыв. Небритый парень сказал Егору:

— Возьми лопату да сам зарой, чем ждать. Там и делов-то...

Егор молча взял. И с лопатой на плече, с сумкой в левой руке пошел по аллеям и дорожкам впереди Алины Михаевны.

Было тепло. Между могилами лежал еще кое-где снег, похожий на крупную серую соль, а глинистые холмики уже все были открыты, из них лезли травинки. Желтела мать-и-мачеха. Тихо было, солнечно, только гранитные и чугунные академики и артисты смотрели с постаментов строго и отрешенно...

Могила Сергея Михаевича Садомира, маминого брата, была выложена по краям гранитными брусками. Посреди ее в рыжей глине чернела вертикальная круглая нора. Очень ровная и узкая. Видно, рыли не лопатой, а специальным буром.

Егор открыл сумку, развернул оберточную бумагу. Урна была белая, фаянсовая, буквы написаны серебром. Как на чашке, которую дарят на день рождения...

Егор оглянулся на мать, она тихо, сама того не замечая, плакала. С тяжестью на душе и с желанием, чтобы все скорей кончилось, Егор примерил выпуклую урну к

отверстия. Гладкие бока ее оказались одной ширины с круглым каналом. Как у снаряда, сделанного по калибру ствола. Руки уже не проходили.

Егор снова посмотрел на мать.

— Опускай...— шевельнула она губами.

Егор ослабил ладони. Урна выскользнула и пошла вниз, толкая собой воздух, как поршнем. Он с шелестом рванулся из-под этого поршня, бросил Егору в лицо запах глубинной холодной земли.

Егор встал, засыпал круглую нору сухой, рассыпчатой глиной. Заровнял. К серому камню — памятнику Сергею Садомиру — прислонил он латунную табличку с именем Виктора Романовича Петрова. Мать положила два привезенных из крематория венка. Погладила камень, шепотом сказала:

— Идем.

Когда Егор отдал лопату и они шли к воротам, Алина Михеевна вдруг заговорила:

— Папа за несколько дней до смерти оформил завешание... Машину он оставил тебе. Лично...

— Зачем она мне?— помолчав, спросил Егор.

— Я тоже думаю: зачем? Может быть, продать?

— Можно... По крайней мере, будет на что кормиться, пока школу окончу. Если понемногу, на два года хватит.

Мать быстро посмотрела на него. Егор сказал:

— Летом, наверно, работать пойду, если где возьмут. А в училище или техникум я не собираюсь. Мне нужна десятилетка... Или думаешь, что не проживем? Мне много не надо...

— Ничего я такого не думаю, бог с тобой... Я с мая на работу выхожу.

— Куда?

— В отдел кадров, на «Электрон» устроили... Не думай, что у отца на заводе были только враги.

Егор пожал плечами: он так не думал.

Мать вдруг тихо спросила, глядя перед собой:

— Егор, а ты простил папу?

Он сжался.

— За что?

— Ну... за все. Вы так иногда... немирно жили...

— Теперь-то не все ли равно...— с усилием сказал Егор.

— Может, не все равно... Может, он сейчас нас слышит и ждет... ответа.

Егор вспомнил фаянсовую выпуклую урну и черную нору.

— Не верю я в это...

— Ну и не верь... А вдруг? И это ведь не только ему надо, но и нам. Тебе...

«У меня еще есть время подумать»,— мелькнула у Егора мысль. Но мать с каким-то жалобным молчанием ждала, что он скажет. И Егор сказал неловко:

— Чего уж теперь-то... Простил.

Мать быстро закивала и отвернулась.

Недалеко от ворот кладбища стояла розовая, как пряник, нарядная церковь. Не по-кладбищенски радостно сияли кресты. Алина Михаевна остановилась.

— Горик... Я, наверно, зайду... Так, по традиции. А ты домой, ладно? Что тебе здесь со мной? Я скоро...

Он понял, что мать не хочет звать его с собой в церковь. Наверно, будет его стесняться там. А может быть, просто хочет побыть одна... Он сказал спокойно и понимающе:

— Ладно, я на автобус... И в магазин еще зайду за картошкой.

Сумка, в которой везли урну, была большая, килограммов десять войдет... Но когда мать поднялась на крыльцо и ушла в темную полукруглую дверь, за которой искрились свечки, Егор не пошел на автобусную остановку.

Он постоял, хлопая сумкой по колену, и зашагал назад, к только что засыпанной могиле.

Рядом с могилой была скамейка — серая от старости доска. Один конец на столбике, другой на перекладине, прибитой к сосновому стволу. Егор сел, привалился к дереву плечом. Сосна была корабельная, поднебесная. Высоко-высоко ходила под ветерком ее верхушка. Внизу ствол казался неподвижным, но Егор ощущал его чуть заметное живое шевеление.

Грело солнце, в кустах галдели воробьи. Сварливо кричала ворона. Сверху иногда сыпались желтые иголки, по веткам ближнего молодого сосняка проскакала белка с глазами-бусинами.

Сейчас на душе у Егора не было тяжести. Он просто сидел и думал. Об отце и о других людях, которых тоже теперь нет. Почему же так — были и нет? И зачем они — были? Чтобы передать другим по наследству все, что сделали, и все, что не сумели?.. Дети наследуют не только славу и подвиги отцов. Ошибки и слабости — тоже...

А должен ли он, Егор, что-то наследовать от инженера Петрова, если тот не родной отец?

«А куда ты денешься?» — спросил себя Егор. В самом деле — от того, что было, куда не деваться.

«А то как же? — с усмешкой сказал он себе. — В наследство — машину, а все остальное — забыть?»

Да провались она, машина! И если бы можно было забыть всю боль... Но ведь было и другое:

С горки на горку
Я несу Егорку..

Хоть немного, но было...

Чем же задавил в себе отец вот это хорошее? Страхом за себя? Боялся, что не сделают начальником цеха? Подставят ногу на пути к высокой должности? Или страх был другой: оторвут от любимой работы? Или все вместе? Сейчас уже никак не узнать...

Да, цех он все-таки построил. Но это ли самое главное в жизни?

А что главное?

У Крузенштерна главным были открытия... У Курганова — повесть... У Анатолия Нечаева — хитрые аппараты, чтобы проникать в морскую глубину. У Гая. У Гая, наверно, боль за неприкаянных, обиженных судьбой пацанов...

Но ведь и Крузенштерн воевал с гадами, которые тиранили в корпусе мальчишек. И Курганов пригрозил Толика, у которого не было отца. И Толик возился с Гаем и кинулся грудью на гранату... Учебная? Он же не знал... А капитан-лейтенант Алабышев кинулся не на учебную... Не было Алабышева? А сколько было таких, как он... Был о. И ротный политрук Нечаев, дед Гая и Егора, — тоже был. И может быть, тоже в последний миг закрыл кого-то от осколков...

Тогда, может быть, главное — не плавание, не открытия, не книги, а люди? Те, которые растут? Чтобы у них было меньше боли и одиночества?.. Чтобы не ухо-

дили они от нас, как лейтенант Головачев и пятиклассник Димка?

Но ведь без плаваний, без открытий, без книг тоже нельзя. Если без них — то зачем жить?

«Это ты бережешь свои паруса...»

«Ну и берегу! И паруса, и книги...»

Вот дурак, еще прошлой осенью думал, что книги — бесполезны. Потому что они о чужих, не имеющих отношения к нему, к Егору, людях... А люди все имеют отношения друг к другу. Даже те, которые жили в разные века. Вон как в жизни Егора сплелись судьбы Крузенштерна и Толика Нечаева, Головачева и Курганова, Резанова и Алабышева... Не было его? Да нет же, был, раз столько мыслей о нем и столько из-за него событий!

Так что же все-таки в жизни главное? У всех людей? И у него, у Егора? И зачем люди живут? Чтобы каждый делал что-то свое? Оставил след и передал другим наследство? А если человек не оставит следа?.. Если жил просто так и ничего не успел?.. Зачем, например, жил Кама, загубивший себя наркотиками в шестнадцать лет?

Гитарные переборы и высокий голос Камы настолько отчетливо слышались Егору, что он даже оглянулся. Но нет Камы, сколько ни оглядывайся. Только и осталось, что эта песня:

Мы помнить будем путь в архипелаге

Но ведь песня-то осталась! Это хоть что-то. Она кому-то поможет на свете. Пускай даже одному Егору. Все-таки она цепочка между людьми, все-таки наследство. Маленькое? Значит, надо что-то делать в жизни и за Каму...

А зачем живут такие, как Копчик? Как Курбаши?

«...А ты сам-то, Кошак, зачем жил до недавней поры? Если бы не Венка, если бы не Гай, где бы ты был сейчас? Может, с Копчиком...»

«Но я же не сужу. Я только хочу понять. И про себя тоже...»

«Ты не судишь Копчика? Да ты убить его был готов!»

«Я и себя готов был убить...»

«Ладно,— снисходительно сказал Егору второй Егор, спорщик и собеседник.— Все в прошлом...»

«А что в будущем?»

...А вообще, что такое б у д у щ е е? То, чего еще нет, или оно где-то уже есть? Может, это просто прошлое с обратным знаком? Может, найдут люди способ докопаться до самой большой тайны: что такое время? Чтобы и нынешние дни, и те, которые давно прошли, и те, которые еще только будут, связать воедино? И соединить всех людей... Чтобы Егор мог ворваться в каюту Головачева и выбить из его рук пистолет...

Конечно, это фантастика, но иногда (как сейчас вот!) кажется, что еще немного, и тайна времени раскроется. Словно можно ее постичь без формул и математики, а вот так, напряжением чувств. Вот еще совсем немного... Кажется, это не труднее, чем вспомнить забытое слово. Уже и буквы, из которых оно состоит, известны... Последнее усилие нервов — и буквы эти выстроятся, и слово будет прочтено... Нет, опять рассыпались, прыгают, мельтешат, как воробы...

...Сверху снова упали сухие иголки. Егор запрокинул лицо. Верхушка сосны медленно плавала под облаками. Облака протыкал белый игольчатый след. Там, в десяти километрах от земли, внутри громадной дюралевой сигары лайнера полторы сотни разных пассажиров мчались к своим заботам, к своему счастью и бедам. И конечно, не знали, что под ними, на далекой земле, на кладбищенской скамейке у сосны, пытается разобраться в смысле жизни восьмиклассник Петров. И о других людях не знали. Даже о тех, кто рядом, в самолете, в большинстве своем не знали тоже.

Печальная мысль о великом разобщении людей затопила на короткое время все другие. В самом деле, люди — острова в океане. Миллиарды островов, громадный архипелаг. А пути меж островов — много ли их? Что на одном острове знают о других? О ближних знают, а о дальних?..

Дальние острова — чужие?

Не потому ли в самолете, летящем на большой высоте, человек с легким сердцем нажимает кнопку бомбосбрасывателя?

Да разве дело в высоте? Ведь бывает и вплотную друг к другу, а в кулаке нож...

А может, загадка времени и загадка разобщенности — одна и та же?

А ключ — где?

...Опять проскочила белка. Черными бусинкамиглянула удивленно: ты что здесь сидишь так долго?

В самом деле, сиди не сиди, а все тайны жизни тут не раскроешь. Но Егор встал без досады и тревоги. И печаль его была без тяжести, со светлым зайчиком. словно какую-то ниточку клубка тайн он все-таки ухватил...

За памятниками и соснами, за недалеким дощатым забором проносились грузовики. Там, за тыльным краем кладбища, был Восточный тракт. По нему ходили автобусы до центра. И Егор не пошел к главным воротам, пошел к забору, понимая, что должна быть в нем калитка или щель.

Когда оставалось до забора шагов двадцать — бурая прошлогодняя трава, лужицы и остатки снега в рытвинах, — Егор увидел в ряду крайних могил синий решетчатый обелиск со звездочкой. И с белой, очень яркой на солнце табличкой:

Дима Еремин

$\frac{16}{IV}$ 1971 — $\frac{19}{III}$ 1983

Егор остановился, будто остановилось сердце. Уронил руки. Димкину фамилию он знал от Гая.

...Значит, нашелся все-таки для несчастного Димки уголок на ближнем кладбище. Спасибо людям хоть на этом. Что здесь помогло? Хлопоты интернатского начальства, слезы матери?.. Димка, Димка, если каждый человек появляется на свете не зря, то зачем жил ты свои одиннадцать лет и одиннадцать месяцев? Может, для того, чтобы твоя судьба стала горьким упреком, предостережением для других?

Станет?

Поблекший жестяной венок с мятой черной лентой был прислонен к обелиску. На ленте меловые буквы: «Дорогому сыночку от ма... ночек, прости ме...»

Егор сдернул шапку и жгутом скрутил ее в кулаках. То, чего не было на похоронах отца, случилось здесь. Тяжелый ком подошел к горлу. Егор быстро оглянулся. Он был один...

...Потом у забора, в лужице среди вялой травы и мусора, Егор набрал в пригоршню ледяной воды, ополоснул лицо. Вытер мятым платком. Постоял. Коричневая бабоч-

ка, живая, веселая, закружилась перед ним. Егор уронил платок и следил за ней, пока она не улетела в щель забора. Это было как глубокий вздох. Как прощение...

ДВА МЕЧА

Михаил приехал через неделю и в самом деле привез хронометр. На этот раз он зашел к Егору домой. И с облегчением узнал, что Алины Михаевны нет дома: она ушла на завод что-то уточнять насчет будущей работы.

И все же Михаилу было неуютно. Выпил он чаю с Егором на кухне, а потом сказал:

— Пойдем погуляем. Как-то привычнее на ходу разговаривать.

Разговаривали обо всем понемногу, но, конечно, не обошли в беседе и рукопись. И Наклонова.

— Как он?— спросил Михаил.

— Да ничего. Недавно по телику выступал.

— Да? Небось, о новых задачах писателей в свете последних решений?

— Не знаю. Я выключил... От руководства студией он отказался, но объяснил, что не из-за меня, а потому что в какую-то долгую командировку собирается... А про меня сказал, чтобы оставили в покое. Не надо никаких разборов.

— Откуда ты знаешь?

— Бутакова сообщила...

Светка действительно недавно подошла и назидательно произнесла:

— Скажи спасибо Олегу Валентиновичу. Он звонил в школу и просил, чтобы не устраивали никаких собраний и разбирательств. И что у него нет к тебе претензий.

— Рыло в пуху, вот и нет претензий...

— Ох и наглец же ты, Петров...

Даже не «Петенька», а «Петров».

— Зато ты образец. Гордость всей системы народного просвещения... Свежий бутончик на веточке Классной Розы... Не забудь передать ей эти мои слова.

— Не бойся, не забуду.

— Подумать только,— вздохнул Егор.— Было время, когда я на тебя даже заглядывался маленько...

Она дурашливо закатила глаза.
— С ума сойти! Но надеюсь, это прошло?
— Без следа.

Егор проводил Михаила на вокзал и там сказал:
— Все хочу спросить... С Асей-то что?
— С Асей все в порядке,— вздохнул Михаил.—
Слава богу хоть с этим-то все в порядке... Никитка
предъявил ультиматум. Или, говорит, вы поженитесь на-
конец, или я уйду жить на теплоход к дяде Сереже
Снежко. Куда теперь нам деваться?
— Ну и... когда?
— Ну и скоро... Не бойся, сообщу.

Возвращаясь домой, Егор с удовольствием думал,
как в тишине квартиры звонко тикает хронометр. На-
полняет ее живой неутомимой жизнью. И он правда
тикал — слышно было даже в прихожей. И Егор весело
заспешил в комнату.

Но когда он вошел, увидел, что над хронометром
наклонилась мать. Она обернулась:

— Это откуда у тебя?
— Гаймуратов приезжал, привез...— нехотя сказал
Егор.

— Что, в подарок?
— Да, вроде...
— Что значит «вроде»?
— В общем, мне. Насовсем.
— Но это же очень дорогая вещь. Корабельный
хронометр, я знаю...

— Конечно, дорогая,— не удержался Егор.— Это
хронометр Анатолия Нечаева.

— Я так и думала,— тихо сказала Алина Михаевна.
— А что такого?

— Да нет, ничего...— Она ушла и уже из другой
комнаты громко сообщила:— Егор, я договорилась о
продаже машины.

— Ну и прекрасно.
— Нужно твое согласие...
— Сколько угодно.— Он почувствовал в своем тоне
лишнюю ошетиненность, сказал помягче:— Чем скорей,
тем лучше. А кому?

— Не знаю пока... Андрей Данилович сказал, что нашел покупателя.

— Кто сказал?

— Ну... Пестухов.

— А ему-то что надо?

— Помогает... Он был другом отца

— Неужели?— не выдержал Егор.

— Да! И не забывай, что теперь это наш единственный друг.

— Ну-ну...— сказал Егор.

Встреча с «единственным другом» произошла через пять дней.

У восьмиклассников в тот день было всего три урока, потому что школа готовилась к демонстрации. Погода стояла совершенно летняя, уже проклевывались почки. Великанский термометр на теневой стороне многоэтажного Института связи показывал двадцать три градуса. И настроение было празднично-каникулярное — послезавтра Первомай.

В таком настроении пришел Егор домой, без куртки и шапки, в расстегнутом пиджаке. Открыл бесшумный замок своим ключом и услышал в комнате голоса.

Алина Михаевна и Пестухов сидели у накрытого стола. Мать что-то с быстрым, нервным смехом говорила Пестухову, а он часто кивал и ладонью мягко похлопывал по ее открытой до локтя руке.

— Здравствуйте, Андрей Данилович,— отчетливо сказал Егор.— Я не помешал?

Пестухов дернулся, убрал руку под скатерть, сел прямо. Заулыбался:

— О, Егор... Викторович. Какой ты рослый стал.

Ничего глупее сказать он не мог.

Мать суетливо спросила:

— Горик, ты откуда? Так незаметно вошел...

— Из школы, вестимо.. Замок хорошо смазанный. Пестухов торопливо распрощался.

Алина Михаевна вошла в комнату к Егору. Он сидел на тахте и слушал, как тикает хронометр

— Андрей Данилович уже совсем договорился с покупателем,— напряженно сказала мать.

— Андрей Данилович мужик быстрый.

— Горик... Не понимаю, почему он тебе так не нравился.

Не поднимая лица, Егор проговорил:

— Мне не нравится другое..

— И . что именно?

Понимая, что нельзя это говорить, и зная, что все равно молчать не сможет, Егор тяжело сказал:

— Как ты быстро забываешь... Сперва Нечаева, потом...

Мать ударила его по щеке, по другой. И еще... У Егора мотнулась голова, но он не закрылся, продолжал сидеть так же. И лишь когда мать заплакала, медленно встал.

— Вот так. Сразу решили все вопросы...

Мать сквозь слезы выговорила:

— Ты думаешь... мне легко? Ты хоть раз меня спросил?.. А ты понимаешь, что мы совсем одни? Что так, как раньше, мы жить не сможем?

— А ты хочешь жить, как раньше?— искренне удивился Егор.

Мать перестала плакать. Несколько секунд они, словно очнувшись, смотрели друг на друга. Егор переступил на ковре.

— Я пойду... Мне к Юрке Громову надо, насчет билетов по русскому...

На самом деле он хотел попросить у Юрки велосипед и погонять по улицам. Просто так, проветрить голову. Или пойти с Юркой в кино, если есть на афишах что-нибудь подходящее. Но когда Егор вышел из-под арки на улицу, он увидел, что ему навстречу шагает по солнечному асфальту Ваня Ямщиков.

Ваня заметил Егора издалека, заулыбался и двинулся вприпрыжку. Он был одет уже по-летнему, в новых зеленых шортах, в рубашке с короткими рукавами — ярко-желтой, вроде одуванчиков, что вовсю цвели у заборов и фундаментов. Тоненький такой и жизнерадостный... Правда, в улыбке мелькало смущение, а в прыжках была чуть заметная скованность. Егор понял Ванюшку: вспомнил себя такого же, когда согрешившимся весенним днем, словно желая поторопить приход настоящего лета, скидываешь осточертевшую шерстяную форму и выскакиваешь на улицу вот такой голорукий, голоногий — первый раз

в году, раньше других. И сердце колотится от смеси чувств: радостной легкости, какой-то стыдливой беззащитности и в то же время дружеской доверчивости, с которой отдаешь себя солнцу и долгожданному теплу ..

— Лето празднуешь?— сказал Егор.— Молодец. А что от Веньки слышно?

Танцуя рядом с Егором, Ваня сообщил:

— Завтра приезжает. Я к тебе и шел, чтобы сказать.

Егор обрадовался, хотя и так знал почти точно — завтра. Анна Григорьевна уехала за Венькой еще накануне.

— Ты куда идешь?— спросил Ваня.

— Куда глаза глядят.

— Пойдем тогда к нам!

— Зачем?

— Ну... так «Спартак» тебе отдам, я уже опять перечитал всего.

— Ты хитрый. Ты мне его отдашь, а я с ним таскаюсь потом по городу, да? Нет уж, сам принесешь.

— Ну, ладно.. А с тобой можно? «Потаскаться по городу»?— Он глянул хитровато и просительно.

— Пошли,— кивнул Егор. Он был рад. Не хотелось уже ни на велосипед, ни в кино с Юркой. Хорошо было идти просто так, смотреть на зеленые клювы лопнувших кленовых почек, на танцующего то справа, то слева, то впереди Ванюшку. На брата Веньки. И хорошо было помнить, что Венька приезжает завтра ..

А как они встретятся, Егор и Венька? Вдруг вместо радости возникнет между ними тяжелая неловкость, когда не знаешь, о чем говорить, как себя вести? В конце концов, откуда Егор взял, что он зачем-то Веньке нужен? С какой стати? Ну, несколько писем было между ними, ну, книги Егор посылал в больницу. Ну, к Ванюшке заходил... Это что, дружба?

Но не хотелось тревоги. Ничего плохого не хотелось. Даже обида на мать растаяла, хотя кожу на щеках до сих пор покалывало от недавних хлестких ударов. Пусть... Зато вон какой день, просто июнь.

Конечно, Егор понимал, что будут еще холода. В мае случается и слякоть, и даже снегопады. Но именно потому день этот с его непрочным теплом, с первой зеленью и жизнерадостным «летним» Ванюшкой был таким хорошим.

Ваня перестал пританцовывать, пошел рядом и серьезно сказал:

— Я читал вчера опять, как Спартак дрался последний раз. Он здорово дрался, только там не написано, что он бросил щит и сражался двумя мечами. Веник говорит, что это в другой книге. Не знаешь, в какой?

— Не знаю... Но, наверно, так и было.

— Наверно. Значит, два меча лучше, чем меч и щит, да?

— Смотря какой бой. Бывает, что и лучше... Вань, хочешь в сад имени Пушкина? Там, говорят, игральные автоматы поставили. У меня три пятнадцатика есть...

— Ага!— Ваня подпрыгнул.— И у меня два, вот!— Он выхватил денежки из кармана, подбросил на ладони.— А если не работают автоматы, то мороженое.

Дорога к саду Пушкина вела мимо школы, и в полквартале от школьных ворот встретили они Ванину учительницу.

— Здравствуйте!— сказал Ваня, хотя, конечно, видел ее совсем недавно, на уроках. И Егор буркнул «здрате». Один-то он не стал бы с ней здороваться, но раз с Ванюшкой идет...

Она рассеянно кивнула. Но когда уже разминулись, вдруг окликнула:

— Ямщиков!

Ваня и Егор обернулись. Анастасия Леонидовна шагнула назад и раздраженно сказала:

— А почему ты не на репетиции? Шастаешь по улицам неизвестно с кем, когда весь класс работает.— Она сделала еще шаг к Ване и возвышалась над ним — рослая, красивая, рассерженная.

Ваня поднял лицо. Сказал без боязни:

— А какая репетиция? Вы же сами всех отпустили.

— Я? Отпустила? Я сказала Лене, чтобы она проверила все ваши номера для утренника! Ты хочешь мне наврать, что она вас не оставляла?

— Она оставляла. Только не всех, а у кого стихи и танцы. А я только в хоре...

— А хор не должен, по-твоему, репетировать? Будете голосить на концерте, как мартовские коты? Кто это придумал вас отпустить? Стрельцов? Кто в классе хозяин — я или Стрельцов?

— Стрельцов вовсе ни при чем,— сказал Ваня.—

Лена говорила, что хора сегодня не будет, потому что баянист занят.

— Баянист не твоя забота! Надо быть там, где коллектив, а не болтаться!

Ваня чуть заметно пожал плечами, глянул на Егора: что, мол, поделаешь.

— Ну, ладно. Пойду на репетицию.

Независимо-покладистый Ванин тон окончательно взвинтил Анастасию Леонидовну.

— Да? Пойдешь? В таком виде, без формы? Там тебе не парк культуры и не цирк. Там школа! Ясно? Шко-ла!

— Не уроки же... — тихо сказал Ваня.

— Школа — это всегда уроки! Заруби себе на носу!

Егор мгновенно вспомнил, как запрокидывал Ваня лицо с разбитым носом, а Венька смывал кровь. И Егор сказал:

— Чего вы на него кричите? Привыкли?

Она мгновенно перенесла свой гнев на Егора:

— А ты!.. Ты!.. Шпана! Ты что суешься? Мало что один брат из-за тебя в больнице, хочешь довести до беды и второго?! Ямщиков, чтобы я тебя больше не видела с этим!..

У Егора, как от недавних оплеух, заломило щеки. Ваня шагнул назад, взял его за рукав, потом отпустил. Егор, сжимая губы, смотрел Анастасии Леонидовне в лицо. У нее красота облетела с лица, как пудра, оно было красно-пятнистым.

— Замолчите. Если ничего не знаете... — глухо сказал Егор.

— Он говорит «замолчите»! Учительнице! Это ты у меня заткнешься! На педсовете! Загубил одного брата и гуляет с другим, как ни в чем не виноватый! Сидел бы лучше, как мышь!

— А пока я буду сидеть, как мышь, вы будете издеваться над ними. Да?.. Тыкать мордой о парту, орать, гонять, доводить до слез. Вы все... И доводить их, чтобы бегали из дома, да?.. И до могилы, как Димку Еремина... Да?!

Она хлопнула губами. Замигала. Может, что-то слышала раньше о Димке. А может, просто потеряла дар речи. Егор повернулся, чтобы взять Ваню за руку и уйти.

Вани не было...

То ли испугался Ваня Настасьино крика, то ли про-

сто решил, что лучше всего — с глаз долой. Что с него возьмешь, совсем еще малёк...

Ладно, если просто испугался... А если подействовали Настасьины слова, что Егор виноват в несчастьях Веньки? И ушел Ваня не со страха, а от неожиданного и тяжкого открытия, что Егор — враг?

Потерянно шагая по улице, убеждал себя Егор, что все это чушь. Не может Ваня так стремительно стать к нему, к Егору, другим. Он ведь и раньше все знал и понимал.

Но тоскливая тревога была сильнее логики, и наконец Егор отдался этой тревоге полностью. Безнадежной, изматывающей. И день уже был не день, и солнце — не солнце...

На остановке вскочил Егор на автобус и через пять минут оказался дома. Он машинально, без удивления, отметил, что на лестничной площадке, против лифта, прислонен к стене пыльный велосипед (вот кому-то досталось тащить его на седьмой этаж). Отпер дверь. Мать встретила его в прихожей. Смотрела виновато. Торопливо сказала:

— Горик, к тебе мальчик пришел. У тебя в комнате сидит, ждет. Я дала ему твои тапочки, надень папины...

Егор, не сняв кроссовок, шагнул в комнату.

На тахте сидел, неловко выпрямившись, с толстой папкой на коленях Денис Наклонов.

Денис встал. Глядя мимо Егора, произнес отчетливо:

— Отец велел передать. Вот... — он протянул папку. — Он говорит: «Раз Петров считает, что это его, то пусть...»

Егор с недоумением и с тяжелой неловкостью, и в то же время с толчком радости, принял в ладони увесистую папку из пыльного шероховатого картона. Что он мог сказать? Можно было ожидать какой угодно развязки у истории с рукописью, но чтобы вот так...

Денис поглядел наконец Егору в лицо. Сказал уже тише, спокойнее:

— Отец говорит, что нашел это давным-давно, когда разбирал какой-то архив в Новотуринске. Он думал, что это просто чьи-то заметки, выдержки из разных журналов. Как документы... Он понятия не имел, что это чья-то законченная книга... Там, кстати, нет нескольких страниц, в начале и в середине...

Беспомощность этого объяснения была так очевидна, что Егор отвел глаза. Денис упрямо проговорил:

— Ты думаешь, в его повести много совпадало с этими бумагами? Только некоторые места... Но он теперь вообще не будет писать про это, он порвал и сжег на даче свою повесть. Говорит: «Не хочу, раз так получилось... А это,— говорит,— отдай»...

«Если совпадали только некоторые места, зачем сжигать свою повесть? Не проще ли переделать?..— подумал Егор. И еще подумал:— А почему не сжег всё? И кургановскую рукопись тоже? Тогда бы — ни следов, ни обвинений...» Однако мысли эти проскочили скомканно, сумбурно — на фоне странной виноватости, которую Егор испытывал перед Денисом.

Но одна мысль повторилась. Четко:

«Почему он все-таки вернул рукопись?.. Денис, ты его заставил?»

Он спросил это Дениса Наклонова глазами, и тот понял. Порозовели щеки. Сжались губы. Но взгляда Денис не опустил. Повторил:

— Не думай, будто он списывал. Больно ему надо...

«Я не думаю, Денис. То есть думаю, но этого тебе не скажу никогда. Я тебя понимаю...»

Отцов не выдумывают, они такие, какие есть. Но... если вдруг оказывается, что не такой он, каким был в твоих глазах, наступает, наверно, отчаяние. И тогда — или со слезами, или, наоборот, со стальным упрямством — ты говоришь: «Зачем ты так? Ты же сам учил меня честности...» И, наверно, отец — если он отец — понимает, что больше нельзя шагать назад. Сзади — черта. И тогда он готов отдать все на свете, не то что чужую рукопись... В конце концов, что дороже: рукопись или сын?

Но это уже были не мысли, а скорее, ощущение, полудогадка.

И еще одно почувствовал Егор. Что не даст Денис отца в обиду, какой бы тот ни был. Будет отстаивать его перед Егором, перед собой и перед самым отцом — Олегом Валентиновичем Наклоновым. И перед всем белым светом.

И это было справедливо.

«Я понимаю»,— чуть не сказал Егор. Но не решил. Да и все ли он понимал?.. А что еще сказать? «Спа-

сибо за рукопись»? Глупо и неловко. А может, подробнее «Я вижу, как тебе трудно, только пойми и меня, я не мог не ввязаться в это дело, я обязан был, потому что за мной и Курганов, и Толик Нечаев — тоже отец! Это было неизбежно, всё вело ко мне. Все линии! У меня даже нарисовано это, хочешь, покажу?»

Но это был бы уже долгий разговор. А с какой стати Денис должен выслушивать излияния Егора Петрова? Он, Денис Наклонов, сделал все, что был должен. И за себя, и за отца. И теперь с чистой совестью может уйти...

Но ведь надо же что-то сказать!

Может, просто: «Не злись на меня...» Ох ты, чушь какая!..

И в этот миг отчаянно взорвался, заколотился, сбив привычную плавную мелодию, сигнал у входной двери.

Егор прынул в прихожую, рванул замок. Встрепанный, в сбившейся рубашке, задохнувшийся встал на пороге Ваня.

— Егор!.. Они там... Наши газеты в макулатуру, в машину... Давай, может, успеем...

Как много может подумать человек за несколько секунд: сообразить, вспомнить, прийти в отчаяние, скрутить это отчаяние, прикинуть план действий... И все это, пока мгновенно оглядываешь взмыленного Ванюшку (цел ли?), виновато оборачиваешься к Денису (извини, но видишь — не до беседы!), толкаешь Ваню перед собой и вместе с ним летишь к лифту (дверь после Вани даже еще и не закрылась)...

Вот дубина Егор Петров! Сколько раз собирался потребовать у вожатой «Новости Находки» и отнести Ямщиковым! А потом — то одно, то другое. Конечно, грустные были дела, тяжкие, но Веньке-то от этого будет не легче, когда завтра узнает, что лучшие номера «НН» отправились в утиль.. Кто посмел? Ошибка? Или нарочно?.. Могли и нарочно, потому как газеты «ййдейно не выдержанные и подрывают педагогические принципы»...

Только бы успеть!

Неделю назад восьмиклассники работали на субботнике, убрали двор, и Егор видел, как ребята из младших классов складывают в углу у школьной мастерской кипы старых газет, бумаги и картона. Получилась целая

куча, до крыши мастерской. Потом эта куча лежала и лежала, не было машины... Сегодня тоже субботник — для тех, кто не работал в прошлый раз, не смог или прогулял. И видимо, как раз пришел грузовик. И наверно, Ваня как-то заметил свои газеты в куче бумаг... Все это можно уточнить потом. Сейчас главное — не опоздать...

...— Постой!— звонко сказал в спину Егору Денис.— Возьми велосипед! На нем быстрее!

Рассуждать некогда, на велике действительно быстрее. Егор поставил ногу на порог лифта — чтобы дверь не закрылась.

— Давайте!

Денис и Ваня воткнули в кабину вскинутый на заднее колесо велосипед. Втиснулся Ваня.

— Я прибегу в школу,— крикнул Денис, и дверь задвинулась с нетерпеливым лязгом.

..Весу в Ванюшке — как в охапке соломы. Если бы не держал Егора за ремень, даже и не почувешь, что он на багажнике. И Егор мчался, давил на педали, срезая углы на перекрестках, пересекая пустыри, где были уже просохшие твердые тропинки.

Один раз Ваня вскрикнул.

— Вань, ты что?!

— Репейником врезало! Ничего, жми!

— Как ты узнал про газеты?!

— Когда Настюшка с тобой заругалась, ко мне Вовка Шарков подбежал! Сказал, что видел! Как в машину кинули!

— И что?!

— Я сразу туда, а там этот... который Физик. И ребята большие! Я говорю: «Отдайте!» А они: «Не мешай, там ничего нет!» Я опять, а они: «Пошел прочь!» Я долго просил, а они...

— И Поп-Физик?

— Он: «Отойди, мальчик...» Я тогда Вовку за нашими ребятами послал, а сам к тебе!

— Почему ты сразу меня не позвал?! Я же рядом был!

— Я не думал... что они так! Сперва думал — отдадут! .

«Лишь бы не ушла машина...»

...Она еще не ушла. Егор увидел это почти за квартал. Переулок вел к школьному забору, к боковой калитке. Под уклон. За низкой бетонной изгородью виден был стоявший во дворе грузовик. Над бортами поднимались пухлые вороха макулатуры. На них топтались двое мальчишек, ловили пачки, которые им бросали снизу. Но вот перестали ловить. Прыгнули с кузова... Машина гуднула и медленно пошла на асфальтовую дорогу, ведущую к школьным воротам.

— Ванька, с коня!

Егор крикнул это без всякого пижонства, без всякой романтики. Просто короче это было, чем «с велосипеда» и даже «с велика». И Ваня — вот молодец! — без малейшего спора и промедления скатился с багажника. На миг Егор оглянулся, заметил, что Ванюшка поднялся с земли, трет коленки. Ладно, жив...

Нельзя было выпустить машину со двора. На улице — не догнать, не задержать. Егор влетел в боковую калитку и по тропинке среди ломкого прошлогоднего бурьяна, у самой изгороди, гнал велосипед к распахнутым решетчатым воротам. Наперерез грузовику. А тот уже катил по асфальту бодро, деловито, хотя и не очень быстро.

Не было страха! Хоть под колеса! Хоть на таран!..

Он успел. Звоном и скрежетом отозвался велосипед на мгновенный тормоз. Слева у самого плеча увидел Егор дышащий теплом и бензином, словно вздыбленный, радиатор...

— Ты что, сволочь такая! Себя не жалеешь — меня пожалей! — орал усатый шофер, наполовину высунувшись из кабины. Усы казались очень черными на совершенно белом лице.

Но не было у Егора страха.

— Марш назад! — гаркнул он шоферу. — Куда Венькины газеты повезли! Воры!

Он скинул с плеча ладонь Поп-физика:

— Руки!.. Куда повезли газеты Ямщикова?! Все равно не пушу!

Два незнакомых старшеклассника сдернули Егора с велосипеда, хотели отшвырнуть, но умело и стремительно Егор дал ребром ладони одному по губам, а другого посадил на асфальт ударом в поддых...

Вот где случился неравный бой. Думал — будет это с приятелями Копчика и Курбаши, а оказывается вот

что!.. Значит, они такие же, раз против Веньки! Две стороны одной медали! Вон и завуч Тамара Павловна бежит сюда, размахивая руками.

— Что происходит?! Да он с ума сошел! Звоните в милицию!

Пусть хоть всю милицию города созовут! Он умрет здесь на дороге!

Егор отскочил назад, встал в воротах. Потянул к себе одну решетчатую створку, другую. Их заело... Не закрыть собой широкий проезд!..

Но со звоном грянулся под колеса машины второй велосипед, и рядом встал Громов. Вцепился в руку Егора.

Счастливый, чуть не со слезами, Егор крикнул:

— Откуда?!

— Ванькины пацаны позвали!

Справа тоже кто-то вцепился в руку Егора — ладонь в ладонь. Егор не видел кто. Потому что с яростным восторгом следил, как между ним и рычащим радиатором встает плечом к плечу десяток маленьких и абсолютно бесстрашных второклассников. Тех, кого не разучили еще быть людьми ни грозная Анастасия Леонидовна, ни здравомыслящие родители, ни вся жизнь...

Шофер уже не кричал. Смотрел молча. Поп-физик что-то лихорадочно говорил Тамаре Павловне. Старшеклассники из бригады Поп-физика растерянно сопели.

Всем им Егор сказал уже не громко, с последней надеждой, с последним убеждением:

— Ну, вы что?! Ну, разве вы не люди хоть немного? Там же газеты Ямщикова! Он их делал целый год!

— Нет там никаких газет!— крикнул Поп-физик.— Что за чушь! Это старая макулатура!

— Газеты тоже старые! Их туда нарочно кинули!— отчаянно сказал Ваня, и еще несколько голосов крикнули: «Мы видели!»

— Да это черт знает что!— проговорил Поп-физик.— Вы в школе или где? Освободите дорогу!

— Еще чего!— рассмеялся Егор. Не было страха.

— А в чем дело-то?— вдруг спросил с подножки шофер.— По какой причине такой базар?— Он уже успокоился.

— Там стенгазеты моего брата!— звонко сказал Ваня.— Они их нарочно в макулатуру!

— Ямщиков! Как ты смеешь!— Тамара Павловна

махнула руками, как курица крыльями.— Ты что врешь! Теперь что прикажешь, всю машину разгружать?

— Хоть десять машин,— сказал Егор. Он держал крепкие ладони — Юркину и еще чью-то, но казалось, что это два меча. Один — свой, другой — всех, кто не может быть здесь, но за кого Егор обязан воевать. И знал уже Егор, что, в отличие от Спартака, он победил.

— Товарищ водитель, вы можете ехать,— решительно произнесла Тамара Павловна.— Мальчики отойдут.

— Фиг,— сказал в шеренге второклассников грубиян Стрельцов. А шофер сошел с подножки и стал закуривать. И сообщил:

— Вы уж извините, я пединститут не кончал. Давить детей меня не учили...

Егор увидел, как с дальнего конца двора идут несколько рослых десятиклассников. И среди них Костецкий. По тому, как ловко и без разговоров принялись они за дело, ясно стало: они все знают. Видно, кто-то успел сбегать за ними и все объяснить. Костецкий гибко и красиво взметнул себя в кузов и начал кидать бумажные пачки остальным. Его друзья ловко укладывали их на асфальт.

— Костецкий, это вам так не пройдет,— сказал Попфизик.

Но больше никто ничего не сказал, и все в тишине смотрели, как работают десятиклассники и растет груда макулатуры на асфальте.

Наконец Костецкий поднял пачку ватманских листов с разлохмаченными краями.

— Ванюшка, эта?

— Да!!

— Держите, хлопцы!

Второклассники поймали пачку в протянутые руки, и Ваня прижал ее к перемазанной ярко-желтой рубашке.

Вот и все. Можно было расцепить руки и уйти с дороги. Можно было даже помочь загрузить снова машину.

Егор отпустил руку Громова и посмотрел наконец направо. Рядом стоял Денис. Серьезный, с привычно насупленным взглядом из-под волос.

Они разжали руки не сразу. Только через долгую-долгую секунду.

Послесловие

ВИЗИТ УЧЕБНОГО КОРАБЛЯ

Среди пасмурных и зябких дней ленинградского мая выдался вдруг один ясный и очень теплый. Такой безоблачный, что Нева из желто-серой превратилась в голубую, будто Черное море. И редактор, выйдя из дома, решил, что пойдет на работу пешком.

Это был пожилой редактор, хотя и ведал журналом, у которого главным читателем была молодежь. Высокий, сухощавый, с внешностью потомственного ленинградского интеллигента. С тем еле заметным следом-тенью на лице, по которому знающие люди определяют человека, перенесшего в детстве блокаду...

Редактор шел через Литейный мост, и солнце грело ему плечи сквозь плащ. И он думал, что внук Сашка был прав, когда скандалил с матерью: не хотел идти в школу в теплой куртке. Правда, это было утром, а сейчас полдень. Редактор всегда начинал работу перед обедом, чтобы закончить поздно вечером...

Выйдя на Литейный проспект, редактор слегка помрачнел. Он представил, что в редакции его наверняка встретит заведующий отделом прозы и скажет что-то скучно-неприятное. Он, этот заведующий, был, без сомнения,

прекрасный работник, опытный литератор, автор нескольких книжек, но повадкою напоминал редактору осторожного пожилого кота. Сходство увеличивали прямые усы на полном лице и некоторое мурлыканье в голосе. Пряча за этим мурлыканьем досаду и беспокойство, заведующий и сказал при встрече:

— Евгений Дмитриевич, Ираида Львовна справедливо утверждает, что эту бесхозную рукопись уместить в трех номерах невозможно. Может быть, все-таки поставим вместо нее «Девушку с буровой»? Испытанный автор, актуальная тема... Зачем нам какая-то самотечная повесть сомнительного происхождения?

— Борис Борисович... Мы же всё решили на редколлегии.

— Решить-то решили, но как-то все-таки...

Чувствуя неприязнь и зная, что заведующий отделом об этой неприязни догадывается, редактор скрыл ее в полушутливом тоне:

— Но, любезнейший Борис Борисович, вы же ведаете отделом прозы, а не отделом «как-то все-таки...» Будем готовить к печати, как договорились...

— Ну что ж... Тогда я могу так и передать тому... «кадету»?

— Кому?

— Молодому человеку, который осчастливил нас этой архивной находкой. Он звонил сегодня, хочет прийти. Говорит, что в Ленинград попал всего на сутки, зайдет после обеда.

— Вот и хорошо. Попросите его заглянуть ко мне.

В кабинете редактор сел в привычное кресло, с привычным неудовольствием посмотрел на кипу непрочитанных рукописей и привычно прикинул план сегодняшних дел. Их было «от пупа и до маковки», как выражается Сашка. И все же настроение не испортилось.

Комната сегодня казалась на редкость просторной и даже незнакомой — от щедрого солнца. Редактор глянул на май за окном, приласкал глазами стоявшую на подоконнике модель двухмачтовой брамсельной шхуны — подарок внука. Улыбнулся и сказал секретарше в открытую дверь:

— Галина Викторовна! После обеда зайдет молодой моряк по фамилии Петров. Умоляю вас, не изображайте Сциллу и Харибду, пустите его сразу ко мне.

Как многие люди, в юности мечтавшие о море, но моряками не ставшие, редактор испытывал слабость к кораблям и к представителям всяких флотских профессий. Слабость эта была почти детская, редактор ее стеснялся, ибо знал: о ней догадываются и над ней подшучивают. Потому он так сурово и обратился к милейшей Галине Викторовне.

Петров появился в четверть третьего. Был он без фуражки, штатская курточка скрывала морфлотовскую форменку, но суконные брюки и казенные ботинки выдавали принадлежность Петрова к курсантской братии торговых и рыболовных мореходок.

— Здравсте... Борис Борисович сказал, чтобы я к вам зашел...

Курсант Петров явно стеснялся главного редактора. Пригладил пшеничную шевелюру, растянул в полумесяц широкие губы, но глаза были беспокойные. И с надеждой.

Редактор вышел из-за стола, протянул руку.

— Товарищ Петров? Я вас видел мельком прошлый раз в отделе прозы... Садитесь, прошу, — он показал на кресло. Но курсант Петров сел рядом с креслом на скрипучий канцелярский стул (тот, который обычно служит стремянкой для уборщицы). Поставил у громадных своих ботинок аэрофлотовскую сумку. Терял ее ремень и смотрел на модель шхуны.

А редактор смотрел на Петрова.

— Какими судьбами в Ленинграде? Или специально к нам?

Петров, сидевший боком, обернулся.

— Нет, мы перегоняли сюда из Гданьска новый парусник. Он будет участвовать в празднике «День города».

— А! Это из серии учебных фрегатов, которые поляки строят по нашему заказу?

Петров кивнул. Редактор сказал с ноткой ревности:

— Если парусник шел к нам, а не в Калининград, не могли разве набрать экипаж из наших, ленинградских ребят?

— Оговсюду брали. Тех, кто уже знаком с парусами.

— Ах да! Вы, кажется, в прошлом году ходили на «Крузенштерне»?

— Да, в регате...

— Ну и как?

Петров опять улыбнулся и стал смотреть на шхуну.

— Ну как... Хорошо. Чего хотел, то и было.

— Я почему спросил... Не все курсанты любят паруса.

— Нет, я хотел... Я потому и в Калининградское поступил, чтобы поближе к «Крузенштерну». Оттуда всегда набирают практикантов на него...

— Ну что же, тогда поговорим о Крузенштерне. Не о барке, а об Иване Федоровиче... Точнее, о повести, которую вы нам предложили.

Курсант Петров неловко зашевелился на скрипучем стуле, выпустил ремень сумки. Глянул с откровенной боязнью.

«На рей он лазит наверняка более смело», — подумал редактор. И ободряюще сказал:

— Надо уточнить некоторые детали... Редакторской доработки повесть почти не требует, но необходимо, чтобы специалисты сделали комментарии. Впрочем, это работа редакции. А поговорить я хочу о вашем предисловии. Есть кое-какие замечания.

Курсант Петров снова завозился на стуле.

— Да, прозаик из меня никакой... Как и поэт, конечно...

— Прозаик из вас... Впрочем, об этом после. Меня пока беспокоит фактическая сторона. Вы подробно описываете начало всей истории с рукописью, а затем — всё как-то глухо. Вот... — редактор притянул к себе раскрытую папку. — «...Потом оказалось, что рукопись все-таки не погибла. Кочуя по чердакам и архивам, попала она в руки одного человека и долго лежала у него никому не известная. А несколько лет назад снова сплелись вокруг нее загадки и разгадки, события и встречи... Нашлась даже древняя машинка. Прозвучал со старой пленки голос инженера Нечаева, который наизусть читал эпилог повести. Августовским вечером в Севастополе, на палубе «Крузенштерна», он рассказал курсантам о гибели капитан-лейтенанта Алабышева, а через несколько дней сам погиб от руки убийц. Судьбу рукописи он так и не узнал... Но время, которое до сих пор стучит в старом корабельном хронометре Арсения Викторовича Курганова, все расставляет на свои места. За-

кончились и приключения потрепанной картонной папки с повестью «Острова в океане». Она попала к автору этих строк. И он — последний в ряду тех, через чьи руки она прошла,— предлагает ее читателям. Пусть ребята и взрослые хотя бы через сорок лет узнают писателя Курганова. И может быть, его герои — люди давних дней — заставят лишний раз кого-то задуматься: так ли мы живем? И зачем? И не виноваты ли в чьих-то несчастьях? И как быть, если виноваты?

...А кому-то напомнят они, что есть еще на свете паруса и дальние острова в бескрайнем океане.

И пусть читатель не будет на автора в обиде за это название, одинаковое с романом Хемингуэя. Повесть была написана раньше...»

Редактор кончил читать. Курсант Петров смотрел в пол, и щеки у него были темно-розовыми. Он выдавил:

— Ну, я же говорю... Скверно, конечно...

— Да нет, я не упрекаю вас за стиль. Написано несколько патетично, однако в данном случае это уместно... Но почему у вас скомкана в конце история рукописи? У кого рукопись была?

Курсант Петров потер щеки и стал смотреть в окно.

— Не хотелось писать подробнее. Сложно это...

— Но у читателей возникнут вопросы.

Курсант Петров чуть заметно, однако упрямо пожал плечами.

— Ну, тогда вопрос у меня,— сказал редактор.— Деликатный. Если не считаете возможным его касаться, то и не отвечайте. Но... несколько лет назад случай свел меня с одним литератором. Назовем его товарищем Эн... И он говорил мне о повести с похожим сюжетом. Закончит, мол, и предложит нашему журналу. Это... никак не связано?

— Это... наверно, связано,— сказал курсант Петров и посмотрел прямо на редактора.— Но «товарищ Эн» сам вернул мне рукопись... после наших объяснений. Чего же еще...

— Чего же еще...— откликнулся редактор.— Что ж, вам виднее.

— Он вернул рукопись,— насупленно повторил Петров.— К тому же он в детстве с моим отцом играл. Сложно все это... И у него есть сын. Такой же, как я...

— Он... ваш друг?

— Нет... То есть не знаю...— Курсант Петров опять взглянул в лицо редактору. Лицо было располагающим, редактор нравился Петрову. Несмотря на непростые вопросы.— Нельзя сказать, что друг. Мы и видимся редко... Но... что-то есть, наверно. Случалось, выручали друг друга.

— Понятно.

— Но дело даже не в этом. Я не хочу писать о его отце, потому что это... будто стреляешь, когда противник уже сдался.

— Да, пожалуй... Хотя товарищ Эн, если и сдался, то лишь в случае с вами. А вообще-то он весьма деятелен и бодр. Набирает силу. Пьеса «Яблони президента» идет в десятках театров.

— Ну и что?— сказал Петров.— Это совсем другое дело. Эту пьесу написал он сам, я знаю точно.

— Да, вы правы, я отвлекся. Просто пьеса мне не понравилась, хотя критики хвалят взахлеб.

— Мне она тоже не понравилась,— вздохнул Петров.— Но это уже особая тема...

— Вы правы еще раз. Вернемся к нашей теме... Оставим предисловие как есть, не будем трогать товарища Эн... Поговорим лучше о вас. Ваша специальность — штурман?

— Будущий...

— И, судя по всему, будущий литератор,— без улыбки сказал редактор.

Щеки курсанта Петрова опять зацвели. Он пробормотал:

— Это уж как получится...

— Я прочитал ваши стихи.

— Да?...— И стало длинному, большому курсанту Петрову совсем неуютно на этом подло скрипящем стуле.— Я даже и не думал, что вы... что сам главный редактор будет... Думал, так просто кто-нибудь поглядит, если будет время...

— Я прочитал, когда просматривал портфель отдела поэзии. Неплохие стихи. Не очень оригинальные, но есть сделанные крепко. Можно было бы даже некоторые напечатать, если бы не такая перегрузка в журнале.

— Да ну их совсем...— сдавленно сказал курсант Петров.

— Дело не в том, что «ну их совсем», а в том, что,

по-моему, это для вас просто начальный этап. Вы со временем наверняка перейдете на прозу... Нет пока таких мыслей?

— Вообще-то есть... — курсант Петров несолидно шмыгнул носом и завозил по полу могучим ботинком.

— Не поделитесь?

— Я... у вас, наверно, и так времени нет...

— Есть, — сказал редактор.

— Ну... Я набрасывал что-то вроде плана повести. Называется «Визит учебного корабля».

— А! Это по впечатлениям недавних плаваний?

— Нет... Тут по всяким другим впечатлениям. — Курсант Петров слегка оживился. — Может, даже немного фантастика. Сначала про одну картину... На выставке...

— Интересно...

— Выставка художников в небольшом городе... Ну, там, как обычно, портреты передовиков, местные пейзажи, натюрморты... И вдруг — большое полотно. Такое синее с желтым. Море, небо, желтый берег. И городок на берегу — белый, одноэтажный, степной. И так написано, что даже зной чувствуется... А у причала, за домами, — парусник. Ну, паруса, конечно, скатаны на реях, только рангоут и такелаж в небе... И он такой громадный, этот корабль, по сравнению с городком! Даже борта над крышами поднимаются, а весь корпус растянулся на два квартала. И мачты совсем в поднебесье, в четыре раза выше водонапорной башни и колокольни... Это ведь и в самом деле так. Придвиньте «Крузенштерна» к такому городку, сами увидите...

— Придвинул, — серьезно сказал редактор. — Впечатляет.

— Ну вот... А по улице, по кривой такой, среди камней и полыни, бегут к берегу мальчишки... А один мальчишка, это уже не на картине, а в городе, где выставка, сбежал из школы и на эту выставку заглянул. Случайно... Сбежал там из-за всяких причин, не виноват он даже... Ну, и замер перед полотном. И ходит потом каждый день, смотрит... На улице слякоть, осень, а на картине солнце, море и корабль этот... И вот такая тоска у мальчишки, что... ну, как это сказать... она раздвигает границы реального...

— И мальчик оказывается на корабле?

— Не-е...— Петров помотал головой совсем по-детски.— Тут другое. Просто лето приходит удивительно быстро. А может, мальчишке так показалось, потому что все время помнил картину, как бы жил в ней... И тоска у него по парусам. А моря нет рядом, только река. И вот он с друзьями делает корабль: плот связывает или старую лодку они чинят, я еще не придумал... В общем, это повесть о плавании по реке. Но плавание там — не главное, там много всего... Главное, что они однажды пристают к небольшому поселку, а в нем тоже мальчишка, лет девяти. И для него этот случайный самодельный кораблик — как для того, для главного героя корабль на картине. Но сейчас-то ведь уже не картина, а по правде. И куда теперь этого мальчишку девать, который на берегу?.. Ну, я заговорился.

— Вы рассказываете очень... емко, что ли. И убедительно. А вот эта картина... с кораблем... Вы ее где-то видели?

— Нет... придумал. Но ведь может быть такая?

— Собственно, она уже есть. В вашей повести.

— Да повести-то еще нет,— стесненно усмехнулся Петров.

— А скажите... Вот это плавание на плоту, оно тоже только воображаемое? Или что-то было?

— Плавание было. Не на плоту, на шлюпке... Я девятый и десятый классы заканчивал в Среднекамске, это у реки город. У родственников жил. Ну, и летом отремонтировали дырявую посудину, поставили прямой парус и отправились. Целый экипаж...

— Значит, есть и герои будущей повести?

— Ну... я не хочу в точности списывать. Но вообще-то есть. Такие пираты собрались: Никитка, Витек, Ванюшка, Генка Стрельцов...

— И вы один ими командовали? Как капитан?

— Нет, были ребята постарше, одноклассники из моей прежней школы: Венька, Юрий... И мой двоюродный брат, взрослый совсем. Тот, у которого я жил. Хорошая компания...

— А... простите, если не секрет, почему вы у брата жили? Вы... без родителей?

— Без отца. А мать вышла снова замуж... Да нет, мы не ссорились, но... В общем, жизнь.

— Егор,— сказал редактор.— Вас ведь Егором

зовут? Егор, вот что я хочу сказать. В вашей жизни, наверно, будет много сложностей, трудностей, пертурбаций. Как у всякого. И повесть ваша, возможно, будет писаться с трудом. И покажется не раз, что надо бросить... Обещайте, что не сделаете этого. А?

— Постараюсь,— пробормотал Егор Петров.— Конечно... Хотелось бы...

— А когда закончите, пришлите ее мне... Скажем, через год. Большого срока я вам не даю... А в зачет будущего я обещаю вам вот что: одно ваше стихотворение мы напечатаем. В ближайшем номере.

Егор Петров глянул недоверчиво и радостно. Хотел сдерживать улыбку, но губы расползлись полумесяцем.

— Совсем даже не ожидал...

— Напечатаем. «Балладу о хронометре». Она, кстати, как-то перекликается с повестью Курганова... Вот...— он вытянул из-под бумаг знакомые Петрову листы.— Я отложил... Только скажите, чем вам не нравится ваша фамилия? Прекрасная, самая русская... И чем лучше псевдоним «Нечаев»? Или... это как-то связано с тем Нечаевым?

— Связано. Я его сын.

— Бог ты мой. Вот в чем дело-то... Ну, я уже не отваживаюсь на дальнейшие вопросы...

— Рос-то я с отчимом. Потом он тоже умер... Ну, а фамилию отца я узнал только в восьмом классе.

— Ясно... Выходит, вам в наследство досталась вся эта история.

— И хронометр Курганова,— улыбнулся Егор.

— Кстати, о наследстве... Нам надо коснуться еще одного вопроса, чисто юридического. Повесть будет считаться вашей публикацией, положен соответствующий гонорар... А не получится так, что у Курганова отыщутся прямые наследники и предъявят свои права? Тем более что сам он родом из Ленинграда...

— А я уже отыскал наследников,— сказал Егор.

— Ого! Как вам удалось?

— Ну, это рассказывать — еще одна повесть. Многие помогали. В том числе и Денис... Сын товарища Эн. Он сейчас здесь, в Ленинграде. В кораблестроительном. Но в конце концов помог счастливый случай. В письмах моей бабушки, матери Толика... Анатолия Нечаева, нашли бумажку с ленинградским адресом... Тетя Варя,

моя тетушка, догадалась, что, наверно, это адрес, по которому бабушка сообщала дочери Курганова о его смерти... Ну и точно. В том же доме на Петроградской стороне и живут.

— И кто же наследники?

— Дочь Курганова умерла два года назад. У нее был сын, офицер. Внук Курганова. Он прошлым летом погиб в Афганистане... Сейчас в той квартире живет его вдова...

— Да... но вдова внука, это, увы, не прямая наследница...

— Но у нее есть сын. Правнук Курганова, пятиклассник. Я вам оставляю их адрес.

Выражение «у него выросли крылья» было вполне применимо к второкурснику Калининградского высшего морского училища Егору Петрову. С этим ощущением радостной невесомости он отмахал своими ботинками расстояние от редакции до одного из дальних кварталов Петроградской стороны. И шел теперь к старому, уцелевшему в войну четырехэтажному дому.

Тротуар вывел к бетонной изгороди школьного двора. Изгородь и сама школа были очень похожи на ту, в которой Егор заканчивал восьмой класс. Что поделаешь, типовая постройка...

Но на школьном дворе не было типовой унылости. Был праздник. Рядом с изгородью репетировали барабанщики: отбивали шаг на месте и ловко лупили палочками по синтетической коже красных лаковых барабанов. Это был тот же марш, который когда-то показывал Егору Никитка, приемный сын Михаила: в школе, где после университета работал Михаил, готовили торжественный сбор, и вот Никитка старался...

Сейчас мальчишки тоже готовились к пионерскому празднику — через несколько дней 19 мая. Над школьным двором, растянутый между столбом спортплощадки и тополем, выгибался, как парус, под теплым ветром широкий кумач:

1987

70 лет Великого Октября
65 лет советской пионерии
Дружина! Крепче шаг на марше!

А потом Егор увидел и настоящие паруса. Почти настоящие. Пунцовые, небесно-синие, пламенно-оранжевые, зеленые, лимонные. Они трепетали над макетом старинного фрегата. Макет был размером с автобус. Корпус фрегата, украшенный узорами, фигурами озорных морских коньков и масляной росписью, стоял на четырех парах велосипедных колес. Десятка полтора мальчишек возились у корабля: подтягивали тросы, накачивали шины, прибивали к корме щит с номером школы.

Это был, без сомнения, тот корабль, о котором в нескольких письмах рассказывал Костик Бессонов.

Значит, и сам Костик должен был находиться где-то здесь.

Егор прошел во двор и спросил у ребят, где Бессонов из пятого «В». Но мальчишки пожали плечами.

— Разве он не в экипаже вашего корабля?

Старший паренек, по виду класса из девятого, недовольно сказал:

— Много, кто в экипаже. А как работать — не соберешь.

Егор двинулся со двора, и его опять догнала дробь барабанного марша. Сто двадцать шагов в минуту, удар в полсекунды. Ритм корабельного хронометра... И вспомнив про «Балладу о хронометре», Егор снова ощутил радостную невесомость.

Костик Бессонов оказался дома. Он сам открыл Егору. Узнал, заулыбался:

— Ой... а ничего не писал, что приедешь...

— Так получилось. Мы привели сюда фрегат... Наши ребята сразу уехали в Калининград, а я отпросился на сегодня. Поеду ночью... Мама, наверно, на работе?

— Да... Проходи. У меня котлеты нажарены с картошкой...

Полутемный коридор дохнул на Егора запахом старой коммунальной квартиры. Но просторная комната встретила его солнцем и чистотой. Пахло старым деревом свежeweымытого пола, стояло ведро с висевшей на краю тряпкой. Костик радостно сказал:

— Ты садись, я сейчас кончу по хозяйству...

Егор скинул у порога свою казенную обувь («Да зачем ты,— сказал Костик.— Вытер бы, да и ладно...»), про-

шел, сел на край тахты. Как и в прошлый раз, глянул на Егора с настенной фотографии капитан ВВС Вячеслав Бессонов. Командир вертолета, потерявшего управление после выстрелов с земли и врубившегося в склон горы севернее Герата. У капитана Бессонова были спутаны ветром светлые волосы и смешливо искрились глаза. И уже не первый раз в жизни подумал Егор Петров, как хранят фотографии живые взгляды людей, которых нет на свете...

Звякая ведром, Костик деловито сказал:

— Сейчас я буду тебя кормить.

— Да я пообедал в столовой... Слушай, я мимо вашей школы шел, видел ваш корабль. Ничего себе отгрохали! Ребята с ним возятся, я думал, ты тоже там...

— Да не... — сказал Костик. Он стоял спиной к Егору и выжимал тряпку. Потом пошел к двери. Егор смотрел вслед. Он думал, что имя Костик очень подходит сыну капитана Бессонова. Мальчишка был как сухая коричневая косточка — шуплый, смуглый, с темным ежиком волос. И с родимым пятном на мочке уха, похожим на твердое семечко... Только глаза не были твердыми. И не коричневые они, а желтовато-серые. Порой не помальчишечьи серьезные глаза, с тенью недоуменно-печального вопроса. Впрочем, понятно...

Вот этими глазами, уже без улыбки, глянул Костик на Егора, когда вернулся. Босой, в подвернутых трикотажных штанах, в забрызганной майке, с мокрыми руками. Молчаливый.

Глуша в себе невольное беспокойство, Егор сказал:

— А я тебе голландку привез. В которой Гай снимался, помнишь?

Костик быстро кивнул. Помнил, конечно, что Егор обещал прислать алую атласную блузу, которая за двадцать лет не потеряла красоты и блеска и очень годилась для матроса сказочного фрегата. На том корабле, который двинется на стадион впереди праздничной колонны...

В письмах столько было про этот корабль! И как его строили в кружке юных моряков, и как выбирали экипаж. И какие пестрые костюмы нужны для этого экипажа.

Егор достал из сумки газетный сверток (выкатилась заодно и курсантская фуражка). Развернул газету.

Розовые отблески разлетелись по обоям, по стеклу фотографии.

— Ух ты,— сказал Костик. Но опять без улыбки.— Спасибо.

Он взял блузу за плечи, прикинул к груди.

— Длинновата,— заметил Егор.— Ну, ничего, мама подошьет.

— Да... Она уже и брюки для нее сшила, белые, тоже с блеском,— вполголоса отозвался Костик.— Давно еще...

— Примерь как следует, Костик.

Он кивнул и так, с опущенной головой, отошел, но не к зеркалу, а к окну. И, увидев замершую спину Костика, Егор быстро встал.

Подошел.

Тихо повернул Костика за плечи. Тот плакал молча, без всхлипов. Капли бежали по щекам, срывались, оставляли на алом атласе влажные длинные следы.

— Что? Не берут в экипаж?

Костик опять кивнул. Точнее, еще ниже наклонилась голова. Егор осторожно повесил блузу на спинку стула, так же осторожно усадил Костика с собой на тахту.

— Расскажи. Может, что-то придумаем.

Сперва он помолчал, конечно, поотворачивался, сердито размазывая кулаком остатки слез. Пробормотал что-то вроде «да ну их всех...». А потом рассказал (правда, тихо и с перерывами). О том, как неделю назад Дора Борисовна сказала, что седьмым уроком будет внеочередной классный час и на него придет уволенный в запас десантник, будет говорить про Афганистан. И одни обрадовались, а другие заныли, что опоздают в музыкальную школу, в кино и по всяким важным делам. Костику тоже не хотелось оставаться. Понятно почему. Но Дора Борисовна сообщила, что, если кто сбежит, «пойдут письма на работу родителям». Костик разозлился было и решил, что «ну и пусть пойдут». Но тут (уже не при Доре Борисовне, а только при ребятах) начал стонать и жаловаться на жизнь некий Глеб Самойлов, любимец Доры. Наверно, чтобы показать, что он вовсе не любимец, он сказал:

— Придумала тоже: на седьмом уроке киснуть из-за

какого-то... Они там воюют за ордена да за валюту, а ты сиди и слушай...

Он, конечно, не помнил про отца Костика Бессонова. И самого Костика, наверно, даже не видел среди других. Но другие-то помнили и видели. И замолчали, и на Костика посмотрели. И тому что оставалось делать? («Ну правда, Егор, что?») Он сказал Глебу:

— Ох и гад же ты проклятый... Тебя бы самого туда...

Глеб (длинный такой и ехидный) сделал глаза щелочками и спросил:

— Че-го-о?

— А вот «того», — сказал Костик и, хотя вовсе не был драчливым человеком, вмазал сейчас от души Глебу по губам. И раскровянил.

И был тут сразу крик, растащили их, Дора кинулась звонить матери Костика (это ее любимое дело — звонить родителям), потому что «кто бы какие слова ни говорил, а решать в школе вопросы кулаками никто не имеет права, здесь не Америка».

А Костик, заплакав злыми слезами и почти не помня себя, сказал ей, что, значит, она «сама такая, если заступается за этого гада»...

Короче, много чего было потом, и в конце концов Костика вытурили из корабельного экипажа, потому что «там во главе колонны пойдут самые достойные, а не те, кто позволяет себе дикie выходки». Глебу, конечно, тоже попало за те слова, но ему-то что? Он в экипаже все равно не был...

Наум Львович, бывший штурман, а теперь руководитель кружка судомоделистов и юных моряков, которые строили фрегат, трижды ходил к Доре, уговаривал, рассказывал, как работал Костик на строительстве. Но без толку. Дора Борисовна сказала, что у них в классе самоуправление, и раз ребята решили не допускать Бессонова, так и будет. А никакого самоуправления нет, потому что все ребята за Костика, только привыкли голосовать, как велит Дора...

— А мама что же? — поинтересовался Егор.

— А что мама... От нее тоже попало. Говорит: «Может, и правильно дал этому Самойлову, но зачем грубить учительнице»... А еще говорит: «Если будешь хвастаться отцом, сниму портрет, так и знай...» А я когда хвастался?

Они разом посмотрели на фотографию.

Егор тихо спросил:

— А при чем портрет-то?

— Да так... Не знаю...— Костик сосредоточенно выдергивал нитки из продырявленной на колене трикотажной штанины.— Она еще и раньше говорила: «Может, лучше повесить папину фотографию у тебя над столом?» Это там, в другой комнате...

— Почему?— помолчав, спросил Егор.

Костик намотал длинную нитку на палец.

— Ну... наверно, чтобы каждый раз не спрашивали, кто это... Те, кто приходит.

«Значит, есть уже «те, кто приходит»,— подумал Егор.

Что ж, матери Костика всего тридцать один год... Тем, кто приходит, конечно, неловко встречать живой, искрящийся взгляд капитана Бессонова...

— А ты что сказал?— нерешительно спросил Егор.

— А я сказал: не дам. Пусть висит.

«Вот так,— подумал Егор.— Ни распутать, ни помочь». Но помочь можно было в другом.

— Давай-ка одевайся. Пойдем.

— Куда?

— В школу...— Егор почувствовал на щеках привычный холодок — тот, который ощущал каждый раз перед тем, как «влезть в очередную историю».

Костик вскинул мокрые глаза:

— Зачем?

— Затем, что рано ты сдался. Драться надо.

— Как?— он печально улыбнулся.

— А вот так! В конце концов, при чем здесь ваша Дора Борисовна? Это пионерский праздник, а не классный час. Все газеты пишут про самостоятельность отрядов...

— Ха, газеты...— сказал Костик.— Что они ей...— Но глаза быстро высыхали.

— Одевайся, тебе говорят.

Костик исчез в другой комнате и тут же вернулся в школьной форме.

— Если надо, к директору пойдем,— сказал Егор.

— А он спросит тебя: «Вы кто такой?»

— А я скажу: брат.

— А врать нехорошо,— с дурашливо-нравоучительной ноткой ответил Костик. И улыбнулся.

Улыбнулся — это уже здорово!

Егор деловито объяснил:

— Никакого вранья. Мой отец, Анатолий Нечаев, был таким другом твоего прадедушки, что покрепче всякого родства. Так что на должность двоюродного брата я вполне гожусь...

Костик перестал улыбаться.

— По правде?

— Да.

— Тогда пошли... Пусть ничего не получится, все равно...

Когда шагали к школе, Костик вдруг сказал:

— Я никогда отцом не хвастался... А мама все равно говорит: «Гордиться можно, а хвастаться незачем». Говорит: «Неважно, чей ты сын, а важно, какой ты сам...»

— Все важно. И чей ты сын — тоже. И чей внук и правнук... Костик, а повесть Арсения Викторовича будут печатать в журнале. Сегодня сам главный редактор сказал.

— Правда?— Костик опять заулыбался и даже запрыгал рядом.

— Значит, сейчас ты правнук писателя... Хвастаться не надо, а гордиться можно.

— Егор...— Костик поглядел сбоку смущенно и хитровато.— А твои стихи... может, тоже когда-нибудь напечатают?

— Может быть...— не удержался Егор.— Редактор обещал, что возьмет «Балладу о хронометре». В ближайший номер даже...

— Ой... значит...— Костик прикусил улыбку и сбил шаг.

— Что?

— Да так.

— Ну что, все-таки?

Костик шепотом и вроде бы шутя, но смущенно сказал:

— Выходит, я и брат поэта?

— Ну, поэт из меня... как весло из кочерги... А каким журналистским приемам Гай меня научил. Так что пошли смелее...— Школа была рядом, и Егор взял Костика за руку.

Но в школе никого из нужных людей не оказалось. Ни вожатой, ни директора, ни Доры Борисовны, ни Наума Львовича. И во дворе уже было пусто. Цветные паруса с фрегата были сняты, мачты и реи голо торчали над крышей мастерской.

— Ну и ладно,— вздохнул Костик.

— Да нет, не «ладно»,— хмуро возразил Егор.

— Все равно ничего не выйдет... Я ведь не поэтому с тобой пошел...

— А почему же?— недовольно сказал Егор.

— Ну, так... Потому что с тобой...

Они медленно зашагали обратно. Костик озабоченно поглядывал на Егора. Тот сердито насвистывал: «Мы помнить будем путь в архипелаге...» Посвистел, сказал:

— Наверно, это и завтра не поздно решить.

— Ты же ночью уезжаешь!

— Ну, застряну на сутки.

— А не влетит?

— Влетит.

— Ой... Не надо, Егор.

— Ты лучше скажи: говорил с мамой насчет Среднекамска? Чтобы приехать летом?

— Говорил, конечно.

— И что?

— Ну, как полагается... «Если не будет троек...» «Если будут деньги...» Да отпустит! Ей же лучше, отдохнет от меня.

— Вот и ладно. Поплывем от Среднекамска аж до Решетникова... Там такие места!

— Ты же писал, что шлюпка рассохлась!

— Хлопцы плот вяжут из автомобильных камер. Чуть не сотню их уже набрали...

— Ура... А ты будешь капитаном?

— Адмиралом...

— Егор... А что за «Баллада о хронометре»? Я не читал.

— Ну, ты много чего у меня не читал. Вот приедешь...

— Это о том самом хронометре? О прадедушкином?

— О нем.

— И он все еще тикает?

— Вполне точно тикает. Он и у тебя еще тикать будет.

— Почему... у меня?— Костик опять сбил шаг.

— Потому что приедешь и заберешь. Твое наследство.

— Да ну...— сказал Костик, пряча удивление и нерешительную радость.— Как это...

— Очень просто. Я же говорю — наследство.

— Но он же сейчас твой. Ты же...

— Что?

— Ну...— Костик виновато задышал.— Ты же ведь не помер...

— А это и не надо,— засмеялся Егор.— С хронометром по-другому. Как находится новый наследник — тот сразу ему в руки.

— А тебе... не жалко?

— При чем тут «жалко»? Это закон.

Редактор в это время, окончив ряд срочных дел, взялся за листы с «Балладой». Он знал, что предстоит выдержать бой с экспансивным заведующим отделом поэзии. Тот станет кричать, что «Баллада» растянута, сыра, написана явно ученически и далека от канонов современной поэзии. И будет прав. Действительно, стихи многословны, немало неуклюжих строчек и рифм...

Но чем-то же цепляет «Баллада» сознание и душу! Есть же у этого Егора Петрова какая-то струнка. Вроде бы и рассуждения о природе времени наивны, и слишком длинен стихотворный рассказ, как попал к мальчишке старый корабельный хронометр; и конечно, вызовут возражение «технические» строки об устройстве механизма с горизонтальным балансиром.

И вроде бы совсем лишнее воспоминание о Севастополе, где на крутой ракушечной лестнице встречается автору похожий на младшего брата мальчишка...

Не баллада, а целая поэма. Подсократить бы...

Но что сокращать? Все сцеплено, черт возьми. Мальчишка не выкинешь. Горизонтальный балансир тоже...

Может, убрать вот эти строки?

Он говорил негромко и доверчиво,
Что жизнь, она, конечно, непроста,
Но в то же время Время бесконечное
Со временем все ставит на места...

Или вот эти?

И вдруг приходит мысль-освобождение,
Счастливая, как бегство из тюрьмы,—
Что нету во Вселенной просто времени.
Что время — в нас. Что время — это мы .

«Жонглирование дилетантскими сентенциями», — примерно так выразится заведующий отделом поэзии.

А все-таки здесь что-то есть...

Нас прихватил норд-вест, и море древнее
Швыряло пену желтую в лицо,
И горизонт за выросшими гребнями
Качался, как карданное кольцо.

Но пусть шторма ревут и не кончаются,
Пускай швыряют судно вверх и вниз —
В кольце хронометра,

которое качается,
Горизонтален медный механизм. .

Или вот эта мысль — об оси времени, которая проходит через вселенную, через каждого из нас и через старенький, но исправно тикающий хронометр. Ось — прямая, как чистый характер, как честная судьба...

Егор шел рядом с Костиком и думал, сколько всего надо успеть за вечер. Сменить на вокзале билет. Найти Дениса и договориться о ночлеге в общежитии (Костик будет звать к себе, но неудобно перед матерью) Потом — позвонить с автомата в Калининград, заведующему учебной частью Ауниньшу и объяснить насчет задержки.

Лучше всего рассказать все честно. Может быть, тогда Станислав Янович — строжайший и добрейший одновременно — ответит просто и коротко: «Хорошо, задержитесь на сутки». Но может, и наоборот: «Никаких задержек, завтра быть в училище».

И тогда курсант Петров (он подумал об этом с холодком) нарушит прямое и категорическое распоряжение. Потому что дисциплина дисциплиной, но есть другие не менее важные и строгие понятия.

«И не выгонят же в конце концов...»

«А если и выгонят... Человека можно выгнать откуда угодно, только не из Капитанов», — усмехнулся Егор. Мысль была совершенно детская, наивно-тщеславная и далеко не бесспорная, он сам это прекрасно понимал. И все-таки она слегка успокоила курсанта Петрова.

Они дошли до угла, Егор сказал:

— Беги домой, а я на вокзал и по разным делам. Вечером загляну.

— Приходи пораньше!— И Костик убежал, несколько раз оглянувшись.

Редактор почесал тупым концом карандаша подбородок. Он думал, что между этой достаточно неуклюжей, но все-таки нужной журналу «Балладой» и будущей повестью «Визит учебного корабля» есть неуловимая, но прочная связь.

. Поскольку каждого из нас насквозь
Невидимо пронзает эта ось

И под стеклом орехового ящика,
На непреклонной, как судьба, оси
В неутомимом ритме барабанщика
Стучит горизонтальный балансир

И этот стук — сандалий звонких шелканье
По трапу из ракушечных камней
Спешит наверх братишка в алой форменке —
По времени

По вечности
Ко мне

...Костик скрылся за поворотом, а Егор смотрел вслед. Когда расстанешься с тем, за кого отвечаешь, всегда бывает тревога. Даже если нет причин и если расставание — совсем ненадолго. Все равно.

В переулке взвизгнули тормоза, и Егор кинулся за угол. Но это просто резко тормознул у поворота бестолковый «жигуленок».

А Костик бежал к дому. Потом опять оглянулся. Встал. Увидел Егора. И пошел обратно. Пошли они навстречу друг другу.

— Егор...— сказал Костик.— А что мне дома-то? Мама поздно придет... Давай, я лучше с тобой. Ты будешь делать свои дела, а я так... вместе. Можно?

И Егор сказал:

— Идем.

СОДЕРЖАНИЕ

Первая часть. Кассета	5
Утро восьмиклассника Петрова	5
Эвакуатор	29
Планета Находка	43
Личное дело	58
Визиты	70
Вечерняя электричка	78
Вечерняя электричка. Продолжение	94
Черный футляр	101
Кошак	116
 Вторая часть. Порог	 135
Кино с продолжением	135
Порог	145
Счет	156
Засов	170
Декабрь	189
Глаз тайфуна	206
Новогодняя лотерея	226
Каникулы на корабле «Надежда»	238
 Третья часть. Два меча	 255
Зеленый шар	255
Восемь строк	267
«Когда земля еще все тайнами дышала...»	274
Пишущая машинка «Ундервуд»	292
Голос	303
Капитан-лейтенант Егор Алабышев	315
Отцы	325
Апрель	335
Два меча	349
Послесловие. Визит учебного корабля	364

Крапивин Владислав Петрович

Острова и капитаны

Редактор *С. В. Марченко*. Художник *Е. И. Стерлигова*. Художественный редактор *М. М. Кошелева*. Технический редактор *Л. М. Голобокова*. Корректор *М. Ф. Худякова*.

ИБ № 1893 Сдано в набор 11.05.89. Подписано в печать 24.10.89. НС 12190. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага кн.-журнальная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 20,2. Усл. кр.-отт. 20,4. Уч.-изд. л. 20,54. Тираж 100 000. Заказ 293. Цена 1 р. 20 к. Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24. Типография изд.-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

